

ЖЕНЩИНЫ - ЛЕГЕНДЫ

ЖЕНЩИНЫ- ЛЕГЕНДЫ

ЖЕНЩИНЫ- ЛЕГЕНДЫ

Хатшепсут

Нефертити

Ариадна

Федра

Медея

Сапфо

Аспазия

Олимпиада

Роксана

Динамия

Клеопатра

Агриппина

Мессалина

Боудикка

Ипатия

Феодора

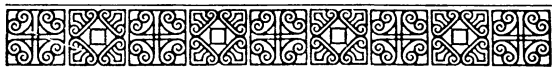
Евфросинья Полоцкая

Маргарита Наваррская

Елизавета Английская

Мария Стюарт

ЖЕНЩИНЫ- ЛЕГЕНДЫ

Минск
«Беларусь»
1993

ББК 63.3(0)

Ж 56

УДК316.346.2-055.2(100) (091)

Составитель, научный редактор
и автор предисловия
доктор исторических наук
В. А. ФЕДОСИК

**Женщины-легенды/Сост., науч. ред. и авт.
Ж56 предисл. В. А. Федосик.— Мн.: Беларусь, 1993.—
336 с.**

ISBN 5-338-00937-4.

Имена этих женщин у всех на слуху, любой культурный человек что-то о них знает. Но это что-то — скорее всего слухи, домыслы и даже сплетни. Авторы же этой книги — ученые-историки — опираются, как и положено ученым, только на проверенные факты. Рассказы и очерки, составляющие сборник, — разные по языку и стилю, но их объединяет стремление к исторической правде. Это — главное достоинство книги. Читателю нужно лишь иметь в виду, что легендарными могут быть не только добродетели, но и пороки. Поэтому в книге соседствуют Нефертити и Мессалина, Евфросинья Полоцкая и Клеопатра, Маргарита Наваррская и Юлия...

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3(0)

0503010000—035

Ж _____ 007—93

М 301(03)—93

ISBN 5-338-00937-4

- © Коллектив авторов, 1993
- © Составление, предисловие.
В. А. Федосик, 1993
- © Оформление
А. А. Кулаженко

Открывшему эту книгу...

Книга, которую держит в руках читатель, состоит из двадцати биографических очерков, посвященных знаменитым женщинам древности и средневековья. Героини этой книги — женщины незаурядной судьбы, они оставили свой след в истории, их имена стали поистине легендарными. Впрочем, среди реальных исторических фигур встречаются и женские образы античной мифологии.

Женщины, о которых пойдет речь в этом сборнике, из разных эпох, у них разные характеры, устремления, по-разному сложились их судьбы. Здесь и те, кто сыграл важную роль в политике, и те, чьим призванием стали наука и литература. В книге есть образцы женской добродетели, материнской любви, супружеской верности, но история сложилась так, что рядом с добродетелью нередко соседствовал порок, и поэтому в сборнике представлены жизнеописания и тех женщин, чьи имена стали олицетворением худших сторон человеческой натуры и многие века произносились людьми с содроганием и ненавистью.

Авторы книги не ставили целью добиться сенсационности путем публикации сомнительных, скандальных фактов, многие из которых в действительности были лишь порочащими слухами, далекими от реальности. И уж тем более не хотелось за счет голой фантазии придумывать какие-то новые «факты», которых на самом деле не было. В отличие от ряда изданий коммерческого характера, повествующих о выдающихся женщинах прошлого, где историческая правда нередко приносится

в жертву занимательности сюжета и авторскому домыслу, содержание этой книги опирается только на данные исторических источников. Очерки написаны историками-профессионалами, специалистами в области истории Древнего Востока, античности и средневековья. Конечно, авторы старались сделать книгу занимательной, но отнюдь не за счет отступления от источников, дошедших до нас. Было бы соблазнительно, например, увлечь читателя расхожей версией о сексуальных наклонностях великой древнегреческой поэтессы Сапфо Лесбосской, однако исторические факты доказывают, что эта редкого таланта женщина не имела никакого отношения к тому, что ныне называют лесбийской любовью. Так что читатели, вероятно, найдут немало нового для себя в жизнеописаниях известных женщин прошлого — и тех, чьи имена у всех на слуху, и тех, кого мы пока мало знаем.

Бесспорно, многим будет интересно впервые прочитать о судьбе женщины-фараона Хатшепсут — явления уникального для истории Древнего Египта. Зато имя Нефертити всем хорошо известно и ассоциируется с идеалом женской красоты. И действительно, египетская царица, само имя которой означало «Прекрасная пришла», восхищала своей красотой и обаянием. Но мало кто знает, что Нефертити была заботливой матерью шестерых дочерей и супругой знаменитого, фараона-реформатора Эханатона. В своей жизни она испытала и пламенную любовь, и горькие муки ревности, сначала была горячей сторонницей реформ своего мужа, а затем — их противницей. По скудным сведениям сохранившихся источников в книге восстанавливаются судьбы этих двух выдающихся женщин Древнего Египта.

Европа, Ариадна, Федра, Медея — эти персонажи древнегреческой мифологии многие века вдохновляли поэтов, драматургов, художников на создание шедевров мировой культуры. Не случайно в сознании людей эти образы стали классическими. Они так и запечатлелись — испуганная красавица Европа на спине плывущего по морю Зевса-быка; критская царевна Ариадна, дарящая путеводную нить своему возлюбленному Тесею, а затем брошенная им на пустынном острове; мучимая любовным недугом Федра; жестоко мстящая за свою отвергнутую любовь Медея... Но не только эти классические сюжеты в книге. В причудливых переплетениях мифологических линий авторы старались найти и воссоздать реалии жизни людей на начальном этапе европейской цивилизации,

и, прежде всего, такую важнейшую сторону человеческой жизни, как взаимоотношения мужчины и женщины.

В древнегреческой мифологии встречается множество женских образов и имен. По-видимому, эта ситуация отражает то положение, которое женщина занимала в тогдашнем обществе. Но вот появляются труды историков, литераторов, описывающих реальную жизнь более близкого к нам времени, и мы обнаруживаем, что в них женщинам отведено мало места — они чаще всего безлики, женские имена называются редко, гражданские дела вершатся сильной половиной человечества, удел же гречанки — семья, дом; даже на людях она появляется нечасто. Исключения редки, но тем ярче они выглядят, как, например, Аспазия, подруга и соратница выдающегося афинского деятеля Перикла, восхищавшая своим поэтическим талантом Сапфо.

Эллинистическая эпоха, открывающаяся походами Александра Македонского, сохранила нам значительно больше сведений о женщинах, которые оставили заметный след как в делах государственных, так и в истории человеческих чувств. Перед читателем предстанут: гордая, коварная и жестокая Олимпиада — мать Александра Македонского; несчастная в своей судьбе, первая красавица огромной Персидской державы Роксана, жена великого полководца, покорившего эту державу; боспорская царица Динамия, вынужденная постоянно жертвовать своими чувствами в интересах государственных дел; обольстительная царица Египта Клеопатра, перед чарами которой не могли устоять великие люди великого Рима...

В Древнем Риме положение женщины было более заметным, чем в Древней Греции. Римлянка редко была домашней затворницей, хотя в правовом отношении она значительно уступала мужчинам. Наибольших прав для себя римлянки добились в первые века Империи. Но что любопытно — если в источниках, относящихся к эпохе Римской республики, безраздельно господствуют примеры женской добродетели, то в письменных свидетельствах эпохи Империи все чаще встречаются факты иного рода: супружеская неверность, слабость брачных союзов, моральная распушенность, стремление любой ценой добиться власти и богатства. Олицетворением этих пороков стали две беспутные Юлии (дочь и внучка Октавиана Августа), всевластная искательница наслаждений Мессалина, злокозненная и неразборчивая в сред-

ствах мать императора Нерона Агриппина Младшая. Недолгим было их величие — порочные средства не смогли гарантировать безопасности, а после их смерти было сделано все, чтобы стереть память об этих злосчастных женщинах. Притягательным же для римлян был образ женщины, твердо хранившей древние добродетели великого народа. Именно такой осталась в их памяти Агриппина Старшая — верная и любящая супруга, делившая с мужем все тяготы его военных походов и оставшаяся преданной ему даже после его гибели. Римляне умели ценить и своих противников — гордой и вольнолюбивой предстает в изображении римского историка Тацита королева британского племени иценов Боудикка, возглавившая борьбу своего народа против римских завоевателей.

Эпоха поздней античности сопровождалась снижением статуса женщины в римском обществе. Еще хуже стало ее положение в средние века. Но и там встречаются женские имена среди выдающихся деятелей науки и культуры. Навечно в людской памяти осталась трагическая судьба языческой мученицы Ипатии, известной женщины-математика и философа, всегда будут преклоняться потомки перед светлой памятью христианской святой, белорусской просветительницы Евфросиньи Полоцкой.

Нельзя дать однозначной оценки жизни византийской императрицы Феодоры — ее характеризовали и как великую государственную деятельницу, и как распутницу. Вероятно, читателю будет интересно подробнее ознакомиться с жизнью актрисы (не чуждавшейся, как сказали бы сейчас, эротического жанра), сумевшей стать влиятельной супругой императора огромной державы. Вряд ли можно остаться равнодушным и к судьбе Маргариты Наваррской, одной из венценосных покровительниц деятелей Возрождения, автора ряда литературных произведений, с переводами которых мы получили возможность ознакомиться совсем недавно. Драматичное столкновение двух сильных женских личностей, все же остававшихся женщинами со всеми их слабостями и привязанностями, несмотря на венчающие их короны, — сюжет последнего рассказа об английской королеве Елизавете и королеве Шотландии Марии Стюарт...

Конечно, главным в сюжетах книги был жизненный путь их героинь. Однако авторы попытались правдоподобно описать ту обстановку, в которой жили, любили,

ненавидели и творили женщины разных эпох. Хотелось бы, чтобы и читатель окунулся в реалии тех далеких дней, ощутил атмосферу господствовавших тогда нравов, особенно тех, которые характеризовали отношение к женщине. Среди героинь этой книги есть и светлые, и отрицательные образы. И те, и другие — порождение своего времени. Будем же помнить, что отношение к женщине — один из важнейших критериев в оценке той или иной цивилизации, ибо дарующая нам всем жизнь — Женщина...

В. Федосик

Женщина-фараон

Великими властителями Древнего Египта стали первые фараоны XVIII династии (1580—1314 годы до н. э.), при которых страна превратилась в мировую державу. Ее границы охватили огромные пространства от верховьев Нила на юге до Армянского нагорья на севере. Территория одной из первых держав в истории мира практически поглотила местоположения таких современных стран, как Палестина, Ливан, Сирия и даже часть Судана. Никогда более Египет не включал в свои границы столь обширных пространств. Наступил «золотой век» в истории египетской державы.

Правление второго по счету фараона XVIII династии Аменхотепа I было долгим и безоблачно счастливым. Однако передать процветание во внешних и внутренних делах преемникам на престоле оказалось делом совсем не простым. Кризис, связанный с преемственностью власти, растянулся на три поколения последующих правителей великой державы.

Законными преемниками трона могли быть только

представители царского рода, родственники предшествующих фараонов как по отцовской, так и по материнской линии. Вместе с тем сам Аменхотеп I имел от законного брака только дочерей. Единственного сына Тутмоса ему родила наложница. Последний, для получения законных прав на власть, вынужден был вступить в брак со своей сводной сестрой по имени Ахмес.

По воле судьбы эта же ситуация повторилась и в следующем поколении фараонов: Тутмос I имел только двух законнорожденных дочерей. И вновь единственный сын, с тем же именем Тутмос, родился от наложницы. И ему пришлось вступить в законный брак со сводной сестрой Хатшепсут.

А рок продолжал осложнять положение правящей династии: у Тутмоса II и Хатшепсут родились две дочери (!) и последующий фараон Тутмос III вновь был царским сыном от возлюбленной-простолюдинки!

Такие поистине фатальные события предшествовали появлению на престоле Египта первой и единственной в истории страны женщины-фараона.

Напомним, что она законная дочь Тутмоса I, супруга (и одновременно сестра по отцу) Тутмоса II, теща (и одновременно — тетья) Тутмоса III! Последний, чтобы получить законное право на престол, вынужден жениться на дочери Хатшепсут! Поистине можно заблудиться в столь необычных семейно-родственных связях XVIII династии фараонов, предшествовавших приходу к власти столь необычной женщины, какой предстает Хатшепсут.

Она рано овдовела после всего восьмилетнего правления ее супруга Тутмоса II и сразу стала регентшей семилетнего пасынка и будущего зятя Тутмоса III. Это обстоятельство позволило ей получить реальную власть над всей страной.

В известном пещерном храме в Дейр эль-Бахри возле Фив сохранились настенные надписи о ходе ее коронационной церемонии в Гелиополе, близ древнейшей столицы страны Мемфиса, где на головы будущих фараонов торжественно возлагались короны Верхнего и Нижнего Египтов.

В надписи, посвященной этому акту, читаем, что на торжество собрались боги и приветствовали Хатшепсут такими словами: «Здравствуй, дочь Амона-Ре! Будешь справедливо править, восстановишь то, что разрушилось, воздвигнешь собственные сооружения и наполнишь

жертвенные столы для того, кто тебя породил. Умиротворишь всю страну и приведешь к повиновению многие враждебные страны. Приостановишь ливийцев, отрубишь головы наступающим и усмиришь правителей Сирии!»

В соответствии с древнеегипетскими религиозными представлениями официальный коронационный акт открыл ее давно умерший и обоготворенный отец Тутмос I. Как свидетельствует другая надпись, он обратился к собранию богов и присутствующим придворным так: «Всякий, кто произнесет твое имя с почтением, войдет в царский дворец, как это творило мое имя, потому что ты божественна, о дочь бога!»

В ответ присутствующие приветствовали Хатшепсут, народ целовал землю у ее стоп, ликуя и восторгаясь. Фараон-царица приняла полный титул властителей Египта, откинула от своего имени окончание женского рода, стала носить мужское одеяние и накладную бороду. В ходе коронации она приняла традиционные знаки царской власти и стала живым воплощением бога Гора. В ее имя было внесено добавление, что она дочь Амона-Ре, олицетворение гармонии и миропорядка. Так начиналось ее двадцатилетнее правление.

Первоначально в официальных государственных документах еще упоминалось имя малолетнего Тутмоса III, но, разумеется, всегда после Хатшепсут с ее необычными для женщины титулами. Затем о нем вообще умалчивалось. Вероятно, он стал своего рода узником, пребывая в одном из дворцов столицы под домашним арестом. Впоследствии он переживет Хатшепсут и станет одним из влиятельнейших фараонов Египта за всю его историю. За блестящие военные победы специалисты уже в наше время назовут Тутмоса III «Наполеоном древности».

В интересах сохранения своего величия и упрочения власти Хатшепсут окружила себя выдающимися личностями своего времени. Первым в их числе стал Хапусенеб, великий зодчий с незыблемым авторитетом. По всей вероятности, при воцарении женщины-фараона он был уже в достаточно почтенном возрасте. Хапусенеб являлся представителем знатного жреческого рода, Хатшепсут же еще больше его возвеличила, назначив верховным жрецом бога Амона и главным архитектором.

Свое царствование Хатшепсут начала с отказа от завоевательной политики, организовав вместо нее интен-

сивную эксплуатацию каменоломен для последовавшего затем грандиозного строительства по всей стране.

Для человека, малознакомого с идеологией и религией Древнего Египта, может показаться странным, что одним из первых ее деяний стало строительство собственной гробницы. Но это было в обычаях фараонского Египта. Так поступали и все ее предшественники на троне.

В религии этой древней страны было тщательно разработано учение о загробной жизни после земной смерти. Кроме мумификации для умерших представителей высших слоев общества строили просторные гробницы, куда при похоронах помещали изысканные и дорогие предметы быта, произведения искусства, драгоценности.

Все это вызвало в начальный период египетской державности строительство громадных пирамид — усыпальниц фараонов. Они требовали, судя по колоссальным размерам, огромных материальных затрат. В последующие эпохи их значительно уменьшили в размерах, погребения фараонов приобрели более скромные формы, их стали строить под землей, тщательно пряча окружавшие мумию сокровища от грабителей, недостатка в которых не ощущалось на протяжении всей истории древнеегипетской цивилизации.

Хатшепсут честолюбиво решила вернуться к грандиозности и величию древних захоронений фараонов в новой форме, не считаясь с предстоящими затратами. Как этот дерзкий шаг претворялся в жизнь?

Место для ее вечного покоя было избрано в горной долине к западу от столицы, в местности Дейр эль-Бахри, где предстояло соорудить погребальную святыню, не уступавшую по грандиозности великим пирамидам.

Отныне становится понятным стремление Хатшепсут выдвинуть на ключевые посты в управлении державой талантливых архитекторов, поставив их даже выше чиновников высших рангов и жречества.

Став по воле царицы «начальником всех работ», Хатшепсут приступил к строительству самого ответственного официального памятника, каким стала скальная гробница Хатшепсут. Но, не выдержав масштабных интенсивных работ, он вскоре скончался.

С этого времени начинается стремительный рост карьеры одного из талантливейших и интереснейших сов-

ременников Хатшепсут, способного организатора и гениального зодчего Сенмута, который на протяжении многих лет неизменно оставался первым фаворитом царицы. Не обладая знатностью, он максимально воспользовался благосклонностью царицы, что засвидетельствовано в его предсмертной автобиографии: «Я был величайшим из великих во всей стране. Я был хранителем тайн царя* во всех его дворцах, частным советником по правую руку владыки; постоянный в милости и один имеющий аудиенции, любящий правду, беспристрастный, тот, кого слушали судьи и чье молчание было красноречиво. Я был тот, на чьи речения полагался его господин, чьим советом удовлетворялась госпожа Обеих Земель, и сердце супруги бога было полно. Я был вельможа, которому внимали, ибо я передавал слово царя свите. Я был тот, чьи шаги знали во дворце, истинный советник правителя, входящий в любви и выходящий в милости, радующий сердце владыки ежедневно. Я был полезен царю, верен богу и беспорочен перед народом. Я был тот, кому был поручен разлив, чтобы я мог руководить Нилом, кому были доверены дела Обеих Земель. Все, что приносили Юг и Север, было под моей печатью, труд всех стран был в моем ведении. Я имел доступ ко всем писаниям пророков, не было ничего от начала времени, чего бы я не знал» (Перевод с древнеегипетского М. Э. Матье).

Пользуясь безграничным покровительством царицы, Сенмут имел богатые возможности для претворения в жизнь своих замыслов, он много строил, правда, сохранилось только главное творение его жизни — заупокойный храм царицы в Дейр эль-Бахри.

Его возведение по общей затрате интеллектуального и физического труда, вероятно, превосходит строительство самых больших из пирамид. Расстояние от входа во внешний двор до главной святыни по прямой составляло 240 метров, ширина внутреннего двора превышала 100 метров. Высота основной конструкции этого величественного сооружения превышала 15 метров. К храму была проложена аллея, окаймленная множеством сфинксов, общей длиной около километра! Вдоль этой торжественной дороги и на внешнем дворе, непосредственно перед храмом, было поставлено около 120 грандиозных сфинк-

* Называя Хатшепсут «царем», Сенмут строго следовал воле своей повелительницы.

сов. В самом святилище стояло более 200 скульптур, изображавших богов, и в их числе 22 сфинкса и 68 статуй, представлявших Хатшепсут сидящей или в колено-преклоненной позе.

Вся композиция была вмонтирована в высокую, почти отвесную скалу, игравшую роль естественного общего фона. Ныне о грандиозности сооружения впечатляюще свидетельствуют его внушительные руины, сохраненные временем до наших дней.

Неудивительно, что творец этого архитектурного чуда был столь обласкан и поощрен фараоном-женщиной. Об интимных отношениях Хатшепсут и Сенмута стало известно уже в наше время. Археологи обнаружили в недрах заупокойного храма Хатшепсут большую гробницу зодчего, которая по великолепию мало отличается от царских усыпальниц. Она имела залы и коридоры, потолки которых, как и в гробницах фараонов, покрыты астрономическими изображениями. Вход в гробницу Сенмута был тщательно замаскирован.

Все земные блага, полученные им за его талантливые свершения, Сенмут пожелал сохранить и в своей загробной жизни. Очевидно, он имел страстное желание и после смерти пребывать вблизи своей возлюбленной властительницы. Ради этого Сенмут, в понимании своих современников, совершил великое святотатство. Ведь по существовавшим религиозным и политическим представлениям все египетские фараоны, а в их числе и Хатшепсут, при жизни признавались живыми богами. Социальный статус всех земных людей сохранялся и в загробной жизни. Сенмут, сын простого судьи, был лишен всякой божественности, и его претензии на пребывание рядом с богиней на том свете оценили как кощунственный грех.

Это преступление великого зодчего раскрылось, судя по всему, только в последние годы жизни Хатшепсут. Его лишили всех государственных должностей, и ему не оставалось ничего лучшего, как построить себе новую гробницу в некрополе для обычных смертных...

Хатшепсут приблизила к своей особе и талантливых живописцев, и творцов монументальных рельефов. Ее заупокойный храм великолепно расписан, покрыт рельефами и пространными настенными надписями, в которых убедительно доказывалась законность того факта, что женщина стала полновластной властительницей могучей державы. Была создана убедительная концепция

божественности ее личности, впервые решенная средствами изобразительного искусства.

В первой надписи на эту тему говорится, что однажды верховный бог Амон-Ре повелел Тоту, богу мудрости и письма, творцу первых на земле людей, присмотреть ему молодую женщину, с которой он породит достойного обладателя египетского трона. Об этом уведомили собрание богов, и, по предложению Тота, выбор пал на супругу фараона Тутмоса I, законную царицу Яхмос.

Боги узрели Яхмос в ее великолепном дворце. Могучий Амон-Ре принял вид земного супруга избранницы. И его явление преобразило дворец, царицу переполнили неземные чувства, ее пленили совершенства бога, оба пребывали в блаженстве...

Далее на рельефе видим беременную мать Хатшепсут, ведомую за руки Амоном-Ре и Тотом, затем следует сцена рождения девочки — ей суждено «стать царицей, которой бог отдает в управление все земли и страны».

И после рождения верховный бог заботится о своей дочке, о чем говорит его обращение к Хатшепсут: «Взращу твою дочь Хатшепсут, да будет здоровой и счастливой. Ее внешность будет божественным совершенством, самым достойным для престола Верхнего и Нижнего Египта».

История политических учений и религий знает много примеров, когда земные женщины якобы вступали в интимные отношения с богами, и всегда рожденные мальчики становились или выдающимися героями и царями, или основателями новых религий. В этом смысле пример Иисуса Христа далеко не первый.

Случай, связанный с обстоятельствами рождения Хатшепсут, уникален в том плане, что она первая известная в истории богорожденная женщина. Усилиями приближенных к ней архитекторов, ваятелей и живописцев эта идея божественного происхождения получила убедительное образное раскрытие и сыграла значительную роль в последующей истории идеологий.

Строительная деятельность в правление Хатшепсут приобрела грандиозные масштабы. При ней были восстановлены пришедшие в ветхость громадные сооружения, возведенные задолго до ее времени. Реставрировались в основном храмовые постройки. Это было своего рода уважение и дань касте жрецов верховного бога

Амона-Ре, ее официального неземного отца. В реальной жизни Хатшепсут воспользовалась мощной поддержкой жречества, что способствовало ее столь долгому единоличному правлению.

В сохранившихся документальных источниках Хатшепсут предстает не только женщиной с высоким интеллектом, но и особой увлекающейся, стремящейся, к примеру, как можно больше узнать об удаленных от Египта экзотических странах. Она стала инициатором большой, хорошо организованной заморской экспедиции в отдаленную африканскую страну Пунт (вероятнее всего — современное Южное Сомали).

Это морское путешествие основательно готовилось. Предварительно были построены большие морские корабли, которые после снаряжения и оснастки отправились в южном направлении вдоль берегов Красного моря. Затем, преодолев Аденский пролив, эта морская экспедиция проникла в доселе неведомый мир. Как свидетельствует посвященный этому рискованному путешествию текст с подробными сопроводительными иллюстрациями-рельефами, она завершилась успешно.

Ее участники счастливо достигли родных берегов, привезя на родину множество дорогих экзотических товаров и не менее богатые впечатления. В последних, кстати, отразилась и такая любопытная деталь: туземные вожди страны Пунт восприняли египтян почти как инопланетян, обитателей поднебесной. Пораженные ранее невиданным зрелищем, они упали ниц перед путешественниками. Затем, как далее следует из текста, они «преподнесли божественной Хатшепсут, дочери Амона-Ре, груды благовоний, драгоценной древесины мирры, эбенового дерева, слоновую кость, корицу, сурьму, живых павианов и мартышек, леопардовые шкуры».

Эта уникальная, по тем временам, экспедиция имела, как говорят ныне, и практическое значение. Со времени Хатшепсут у египтян появилась идея о соединении судоходным каналом Средиземного и Красного морей. Правда, в те древние времена намеревались соединить Нил в его низовьях с южным морем. Трижды на протяжении полутора тысяч лет приступали к работам по осуществлению этого проекта, но прерывали их. Вызывалось это опасением, что уровень Красного моря намного выше долины Нила и после завершения постройки канала страну могло затопить морскими водами.

Однако все имеет свои пределы. Владычество первой

женщины-фараона подошло к концу. Причины упадка ее безграничной власти пока полностью не выяснены.

Очевидно, главным обстоятельством ее отхода от власти следует признать то, что Хатшепсут как женщина не смогла продолжить успешную завоевательную политику предшествовавших ей фараонов. Она не могла предводительствовать в военных предприятиях, а возникавшие внешнеполитические конфликты стремилась решать путем переговоров и иными дипломатическими средствами.

Перемену во внешней политике не могли не заметить потенциальные соперники Египта в Передней Азии, они видели военную беспомощность мировой державы, стремительное падение ее международного авторитета.

В то же время быстро усилилось в пределах Северной Сирии и Верхней Месопотамии мощное военнопаразитическое государство Митанни, верховная власть в котором принадлежала знати индоарийского происхождения. Обладая в достатке боевыми колесницами, основной боевой ударной силой того времени, митаннийцы отвоевали у египтян завоеванные еще дедом Хатшепсут Палестину и Сирию. Не только Митанни, но и многочисленные воинственные племена стали угрожать вторжением на исконную территорию страны.

Угроза иноземного нашествия всколыхнула древнеегипетское общество, и прежде всего его интеллектуальные силы, в основном представленные средними и низшими слоями жречества. В стране стали распространяться слухи, что после смерти отца Хатшепсут, Тутмоса I, бог определил законным наследником престола не царицу, а только малолетнего Тутмоса III. Хатшепсут стали негласно обвинять в незаконной узурпации власти. В таких сложных условиях вполне допустимо возникновение тайной придворной политической партии, которая стремилась посадить на престол уже взрослого Тутмоса III.

Что же произошло на самом деле? Подробности случившегося неизвестны. Вероятно, сама Хатшепсут, упреждая возможный неблагоприятный ход событий, передала власть Тутмосу III. Или царица просто умерла естественной смертью? Ведь на престол Хатшепсут вступила в возрасте 36 лет, еще два десятка лет правила, дожив до возраста, который в наше время именуется пожилым. Так или иначе, но Хатшепсут уступила место законному преемнику Тутмосу III, которому она приходилась тещей.

Все же после смерти Хатшепсут была официально признана узурпаторшей. По воле и от имени Тутмоса III ревностно уничтожались почти все следы деятельности Хатшепсут. Тщательно выскабливалось ее имя на всех памятниках, а освободившиеся места заполнялись именами Тутмоса I и Тутмоса II.

Ее имя было удалено из официального царского списка, уничтожались ее изображения и даже надписи на лично ей принадлежавших предметах. Ее преемник и зять начал официальный отсчет годам своего правления с даты смерти своего отца Тутмоса II. Все делалось для создания иллюзии, что первая в истории женщина-фараон вообще не существовала.

Ее останкам не суждено было покоиться в великолепном заупокойном храме. Уничтожение праха, в соответствии с общепринятыми тогда взглядами, превращало ее в ничто в прошлой и будущей истории Земли и Неба.

Но полностью уничтожить все свидетельства о жизни и деятельности великой женщины прошлого ее недоброжелателям не удалось. Она оставила после себя многочисленные памятники в свою честь, огромные размеры которых не позволили исчезнуть бесследно ее имени.

После кончины Хатшепсут политические противники явно спешили вычеркнуть ее имя из истории страны. И, как нередко бывает, получилось все наоборот. Содеянное в правление Хатшепсут трудно замолчать, тем более искоренить раз и навсегда.

О том, что великая правительница предвидела насильственное искоренение памяти о ней после кончины, косвенно свидетельствует великолепно сохранившаяся надпись на величественном гранитном обелиске, воздвигнутом в главной столичной святыне — храме Карнаке: «Воздвигла этот обелиск и для тех, кто будет после меня, для всякого, сердце которого замрет только от созерцания этого памятника...»

Прошли тысячелетия, истерлись из памяти победоносные походы фараонов, создавших великую державу древности, от которой остались только величественные руины, отчасти засыпанные песком. Но то, что сохранилось, свидетельствует о высочайшем интеллекте не только непосредственных исполнителей выдающихся каменных шедевров, но и тех личностей, которые содействовали их возведению.

Хатшепсут способствовала деятельности зодчих и строителей, старания которых увековечили образ их великой повелительницы в непревзойденном храме в Дейр эль-Бахри. Уже наши современники отдали должное Хатшепсут, частично реставрировав этот шедевр архитектуры. Она была первой и осталась последней женщиной-фараоном в истории своей страны.

Современные исследователи восстановили некогда выскобленный пробел в списке фараонов XVIII династии — пятая позиция заслуженно возвращена Хатшепсут, успешно исполнившей роль властительницы самой мощной державы дохристианской поры.

«Прекрасная пришла»

Происхождение Нефертити в точности не известно. Бытовало мнение, что она — иноземная царевна, посланная в жены фараону из могучего государства Митанни на среднем Евфрате. При этом обращали внимание на ее имя, поскольку по-египетски «Нефертити» означает «Прекрасная пришла».

Действительно, при фараоне Аменхотепе III, на 30-м году его правления, митаннийский правитель Тушратта отправил в Египет свою очень молоденькую и чрезвычайно красивую дочь. Полагали, что она очаровала не только престарелого фараона, но и его юного сына, наследника трона, впоследствии царя-реформатора Аменхотепа IV (Эханатона).

Первоначально эта версия признавалась правдивой, но затем нашлись убедительные контраргументы. Во-первых, законной царицей Египта могла стать только особа царской крови местного происхождения. Во-вторых, имя «Нефертити» носили многие коренные египтянки той поры.

Но решающую роль в этом споре сыграли антропологические исследования, которые неопровержимо показали, что Нефертити и ее супруг Эханатон были родственниками. Как отметил известный советский египтолог Ю. Я. Перепелкин, «удивляться тому, впрочем, не приходится, так как сходство, действительно, велико. У обоих утонченные худощавые лица с тяжелыми веками и нежно очерченными носами, черепа с выступающими затылками, длинные тонкие шеи. То, что отличает голову царя от головы царицы, это узость лица, пухлые губы, отвислый подбородок и выгнутая назад шея. Но эти отличия ни в коей мере не нарушали общего сходства. Вглядевшись в изображения... трудно не признать их родственниками, и притом близкими».

Кроме того, известна кормилица царицы по имени Тейе. Она была супругой одного из первых царедворцев Эйе, который после упадка и нисхождения XVIII династии на короткое время стал законным фараоном. Эта супружеская чета была весьма чтима царской семьей, получая, о чем сохранилось много свидетельств, невиданные привилегии и материальные блага.

И, наконец, Нефертити имела родных сестер, оставивших заметные следы своего пребывания в высших сферах общества. Они имели чисто египетские имена. Из них особенно выделялась Бакетатон, которая, судя по всему, была любимицей царской семьи и большой затейницей, позволявшей себе невиданные дерзости.

В связи с последним Ю. Я. Перепелкин привел такой курьезнейший факт: «Видимо, баловень царской четы и большая шутница, эта молодая особа чувствовала себя при дворе, как дома, и позволяла себе неслыханные вещи. Во время царских явлений двору и даже служений Солнцу за нею нередко следовало двое колченогих карликов, изображавших — о дерзость! — верховных сановников страны, верхнеегипетского и нижнеегипетского. Карлики были наряжены в служебное облачение двух высших чинов государства и величались соответственно «правителями»! Подобная сестра царицы — живое опровержение построений, превращавших Нефертити в иноземную царевну».

Ныне свое представление об образе Нефертити имеют миллионы людей. Но в большинстве случаев оно ограничивается тем, что Нефертити очень красивая царица Древнего Египта, о чем впечатляюще свидетельствуют ее

скульптурные изображения и многочисленные рельефы и рисунки.

Менее узкий круг наших современников осведомлен о том, что она супруга человека, сыгравшего заметную роль в истории мировых религий. Именно муж Нефертити — фараон XVIII династии Аменхотеп IV, который в ходе своей религиозно-политической реформы принял новое тронное имя Эханатон, — предпринял первую в истории человечества попытку законодательно перейти от веры во многих богов к единобожию.

Эта реформа имела благотворные последствия для развития изобразительного искусства в заключительный период правления XVIII династии. Во всеобщей истории искусств этот период получил наименование Амарнского.

Последнее название происходит от имени современного египетского населенного пункта Амарны (около 310 км к югу от Каира на правом берегу Нила). В его окрестностях в 1887 году местная жительница случайно нашла большой дипломатический архив, основную часть которого составляла переписка Эханатона и его отца, Аменхотепа III, с главами многих государств Переднего Востока. Практически во всех трудах по истории дипломатии, изданных в различных странах мира, документы этого архива рассматриваются буквально на самых первых страницах.

Трудно найти в истории культуры человечества такую эпоху, которая, продлившись всего полвека, сыграла бы столь заметную роль в истории мировых религий, изобразительного искусства и дипломатии. Время сохранило множество интереснейших памятников материальной культуры, прежде всего архитектурных сооружений и памятников искусства различных жанров, огромное число надписей, исследуя которые современные ученые подробно восстановили многие интимные подробности времен Нефертити.

О Нефертити, прежде всего о ее тонкой изысканной красоте, стало широко известно немногим более 90 лет тому назад. В декабре 1912 года на правом берегу Нила близ Амарны, где около 3300 лет тому назад супруг Нефертити, Эханатон, построил новую столицу Египта — Ахетатон, немецкая археологическая экспедиция под руководством Л. Борхардта нашла помещение скульптурной мастерской. Здесь вначале самой значительной находкой стал ныне широко известный, благодаря частым воспроизведениям, бюст Нефертити из свет-

лого песчаника, увенчанный высоким головным убором.

Впоследствии были обнаружены и иные объемные изображения царицы, но, как правило, в незавершенном виде, хотя и они великолепны.

Не менее часто ее изображения можно видеть на рельефах и настенных росписях дворцов, храмов и гробниц, где обычно отражены сюжеты официального и бытового содержания. В числе последних выделяются удивительно теплые по композиции картины семейной жизни. В них Нефертити и ее царственный супруг в окружении дочерей показаны в самых естественных, без царской чопорности и помпезности, жизненных условиях.

От таких картин веет необычайным спокойствием и дружелюбием, они ненавязчиво передают любовь и нежные взаимоотношения между родителями и многочисленным потомством. Эти композиции искусно скомпонованы, ни одна фигура, даже самая крошечная дочурка Нефертити, не выпадает из общего ансамбля, все проникнуто объединяющей идеей любви и жизнеутверждающего согласия.

Сохранились изображения Нефертити и ее дочерей в культовых сценах, в часы официальных приемов, где награждались и одаривались придворные чины и знать. В одном месте мы ее видим на колеснице, которой она управляет самолично. Чаше, во время официальных выездов, ей сопутствует ее царственный супруг Эханатон.

Можно долго описывать изображения Нефертити, их сохранилось много. Специалисты уже давно отметили, что взятые в совокупности все образы Нефертити являются уникальным явлением в истории всемирной культуры.

Что же явилось причиной столь частого воплощения Нефертити в многочисленных произведениях изобразительного искусства? Ведь среди цариц всегда было много красивых женщин.

Долгое время даже выдающимся специалистам представлялось загадкой то благоговение, каким была окружена Нефертити с ранней юности. Ведь таких почестей не удостоивалась ни одна другая царица за предшествующие две тысячи лет существования египетского государства. Ничего подобного не наблюдалось и в иных древневосточных странах. Почему случилось так, что Нефертити стала одной из самых известных женщин в истории цивилизации?

К счастью, кроме множества ее великолепных изображений время сохранило и интересные письменные свидетельства о ее личности, о том, какой она была в повседневной жизни. И только тщательное изучение всего разнообразного материала, которое далеко еще не закончено, даст полный ответ на этот интересный вопрос.

Но и то, что уже открыли современные исследователи, чрезвычайно интересно. Оказалось, что ее личная жизнь супруги, матери и даже бабушки не была столь спокойной и безмятежно красивой, какой она предстает на лучших изображениях.

Ученые давно предполагают, что кроме приятнейшей внешности Нефертити, возможно, обладала свойствами незаурядной государственной деятельницы и была не просто блеклой тенью своего царственного супруга при решении важных державных дел.

Действительно, Эханатон и Нефертити часто изображены рядом в светских сценах государственного значения. Рядом они изображены и в многочисленных культовых сценах, во времена торжественных выездов к святилищам накануне богослужений.

На рельефах показано, что супруги вместе даруют государственные привилегии, из окна дворца награждают драгоценностями жрецов высокого сана, наместников, иных особ, приближенных к царской фамилии.

В одной из сцен Нефертити вместе с супругом на золотых носилках несут к месту, куда прибыла дань из подвластных стран. Вслед за этим изображено, как они, восседая на возвышении, обозревают доставленные богатства. Сохранилось рельефное изображение того, как царственные супруги в сопровождении сановников, под приветствия городской стражи, объезжают столичные заставы.

Все это — на рельефных изображениях. Не так часто супруги присутствуют рядом на объемных изваяниях, вырубленных в скалах возле иных памятников государственного значения в пределах столицы.

В одном случае они стоят рядом, левая рука Нефертити покоится в правой руке супруга. В другом случае они изображены сидя, царица правой рукой обвивает достаточно грузный стан мужа. Иногда они стоят рядом, держа в руках плитки с высеченными именами главного бога Атона и их самих.

Описанные выше картины сами по себе не говорят о том, что в свое время Нефертити была заметной

государственной деятельницей. Ведь как на многих плоскостных, так и на объемных изображениях державного значения рядом с царской парой увековечены и их совсем маленькие дочери. Например, их можно видеть в сценах получения иноземной дани, назначения вельмож на важные государственные посты, награждения и одаривания верховных жрецов и чиновников высокого ранга. Вполне понятно, что малолетние дети не могли влиять на ход важных государственных дел.

Вместе с тем имеются сюжеты, в которых Нефертити играет деятельную и самостоятельную роль, хотя таким изображениям свойствен условный, а вернее — официозно парадный характер. Так, на росписях, покрывавших надпалубные сооружения царских кораблей, она одна, без супруга, заносит боевую булаву над головами иноземных врагов страны. В такой же позе запечатлен и ее супруг. Нефертити, с ее нежной грациозной красотой, явно не смотрится в роли жестокой воительницы, кстати, как и сам Эханатон, с его узкими плечами, по-женски широким тазом, болезненно выпученным большим животом.

Не меньшей условностью характерны ее эпитеты в официальных надписях, где она, к примеру, названа «владычицей обеих земель», «госпожой Верхнего и Нижнего Египта» (т. е. частей, на которые вся страна распадалась с древнейших времен). Один раз она даже названа «госпожой земли до ее края». Более близки к реальному положению дел характеристики типа «владычица дворца», «великая в царском дворце» и «госпожа всех женщин страны».

В молитвах вельмож, кроме естественных, заслуженных красотой Нефертити похвал в ее адрес, присутствует немало общепринятых любезностей и низменной лести.

Но все это заметно бледнеет перед вполне искренними признаниями самого Эханатона. В особо важных случаях как самым дорогим в жизни он клянется своей любовью к Нефертити и детям. Такие клятвы увековечены в многочисленных надписях, высеченных в скалах вокруг новой столицы страны. Еще более естественными и живыми свидетельствами любви фараона к Нефертити, необыкновенной задушевности их отношений служат многочисленные изображения.

Только одна наружность Нефертити могла очаровать

фараона, знавшего ее, по всей вероятности, с раннего детства.

Многое заставляет полагать, что эта любовь возростала. С годами увеличивается число изображений Нефертити. На этих изображениях она предстает в высокой, небесно-голубого цвета короне. Имя Нефертити постоянно упоминается в самых важных документах общегосударственного значения.

Иногда она сама делает жертвоприношения главному богу реформированной ее супругом религии. Нельзя не обратить внимания на одну довольно необычную сцену: Нефертити запечатлена сидящей на царском троне, в то время когда ее супруг покоится на обычном сиденье.

Многие изображения этой поры свидетельствуют о благополучной семейной жизни Нефертити и Эханатона, их взаимной любви и полной гармонии в личных взаимоотношениях.

Супруги сумели создать идеальную атмосферу в семье, были заботливыми родителями своего многочисленного потомства. Судя по неповторимой теплоте и сердечности общесемейных картин, дочери в равной мере любили как мать, так и отца.

Удивляет поразительная гармония, мягкий ненавязчивый тон и теплота многочисленных для этого времени изображений групповых композиций царственных родителей и их детей, где всех соединяла всеобщая любовь, нежность и трогательное уважение. Непосредственность и естественность, живость чувств детей и взрослых до краев наполняют почти все сохранившиеся семейные изображения.

Не могут не трогать такие детали семейных сцен, когда, например, Нефертити нежно и любовно касается головок дочерей, как дочь по-детски непосредственно радуется подаренным отцом серьгам, Эханатон баюкает маленькую дочь.

В свое время М. Э. Матье обратила внимание на великолепное внутреннее содержание рельефа, на котором «Эханатон, держа старшую царевну на руках, любовно подносит ее к своему лицу; вторая царевна, сидя на коленях Нефертити и повернувшись к ней, показывает рукой на отца и старшую сестру; третья царевна стоит на руке матери и, держась за ее плечо, гладит ей щеку».

Счастье и семейное благополучие зримы и в изображениях сцен обедов и ужинов во дворце. Один из

обедов, по всей вероятности, был посвящен приему матери Эханатона, царице Тийе. Перед гостьей, как и возле Нефертити и Эханатона, стоят отдельные столики с плодами, овощами, печеньем. Рядом на особых подставках — сосуды с вином. Нефертити ест жареную птицу, а Эханатон — кусок мяса. На детских стульчиках сидят две дочери Нефертити. Вокруг почтительно стоят придворные, суетится прислуга. Присутствующих развлекает иноземный оркестр и женский хор.

Более интимна сцена семейного ужина. Уже зажжены светильники, на столиках только фрукты и пирожки. Фараон и обе царицы держат в руках чаши с высокими ножками. Три дочери Нефертити взяли в руки фрукты, едят их стоя; вероятно, вскоре они покинут взрослых и разойдутся по своим спальням.

Но сказанное выше совсем не означает, что вся семейная жизнь Нефертити была безоблачно счастливой сказкой. Это благополучие длилось сравнительно недолго, потом наступили суровые години.

Началось с тяжелой семейной трагедии: почти в детском возрасте умерла одна из шести дочерей — Макетатон. Она была второй дочерью Нефертити. Эту трагедию запечатлели выразительнейшие картины семейного горя.

По словам М. Э. Матъе, «издревле на стенах египетских усыпальниц можно встретить изображение горя, постигавшего людей при утрате родных... Однако сцена смерти Макетатон по силе переданных чувств превосходит все, что было и до нее и после; таких образов страдающих родителей мы не найдем нигде».

Это траурное событие запечатлено на нескольких рельефах. На первом из них показаны события первого горестного дня. Маленькое тельце покоится еще дома на деревянном ложе. У ее изголовья замерли родители. Нефертити, еще не верящая своей утрате, прижала ладонь к лицу. Пальцы ее левой руки зажаты левой кистью супруга. Эханатон в горестном исступлении вознес правую руку к небу. Впечатляет группа женщин-плакальщиц, в которой выделяется, вероятнее всего, няня умершей, женщина достаточно почтенного возраста. На пути к почившей любимице ее удерживает молодая девушка-служанка.

Вторая сцена передает другой сюжет. Уже прошло первое бурное отчаяние, мать и отец, сестры умершей в молитвенно-почтительных позах преклонены перед по-

смертной скульптурой Макетатон.

Начало семейного разлада теряется в потемках «смутного времени», в которое погрузился придворный мир буквально на несколько десятков лет. И эта пора оставила множество письменных и вещественных свидетельств, но они во многих ключевых местах, особенно важных для понимания всего происшедшего, дошли до нашего времени в преднамеренно фальсифицированном виде.

Чи-то угодливые руки тщательно выскабливали имена одних действующих лиц и вписывали новые. Таких переделок очень много не только в официальных настенных надписях и архитектурных сооружениях, но и в текстах на саркофагах. Современных исследователей не мог не удивить, к примеру, случай, когда в саркофаге, изготовленном для женщины, нашли мумию молодого мужчины.

В придворной среде вершились дела, о которых, вероятнее всего, не имели представления даже высокопоставленные служилые люди. Значительных политических перемен в столице не наблюдалось. Здравствовали Нефертити и Эханатон, подрастали и выросли дочери. В семье появились первые зятья. Продолжали служить приближенные ранее царедворцы. Правда, в придворной среде стали появляться новые люди.

По мнению одного из египтологов, распутать весь клубок взаимосвязанных, но часто тщательно замаскированных и скрываемых, действий и происшествий можно только способами, приближенными к современным детективным расследованиям. Хотя, разумеется, это можно проделать отнюдь не по «горячим следам», ведь речь идет о подробностях событий, отстоящих от нашего времени более чем на тридцать три века.

И если продолжить сравнение современных египтологов со своего рода сыщиками, занимающимися раскрытием государственных преступлений в столь отдаленном прошлом, то далеко не во всех случаях им удастся с начала «расследования» пойти по «верному следу». Здесь неизбежны «следственные ошибки», так как сейчас практически невозможно проделать все то, что входит в понятие «следственный эксперимент».

Часто случалось, что сам высокий авторитет исследователей способствовал не только возникновению весьма правдоподобных гипотез, но и их распространению и утверждению. Впоследствии, чаще всего с открытием но-

вого материала, обнаруживалась несостоятельность таких предположений.

К примеру, когда в числе царских принцесс, помимо третьей дочери Эханатона и Нефертити, Анхесенпаатон, появилась и ее тезка, которую стали официально именовать «Анхесенпаатон-младшая», не мог не возникнуть следующий вопрос: почему в одной семье дочерям различного возраста давались одинаковые имена?

В данном случае ограничились весьма правдоподобной гипотезой, исходя только из особенностей семейно-брачных отношений в высшем социальном слое древнеегипетского общества, где были частыми браки между близкими родственниками. К примеру, общеизвестно, что в птолемеевском Египте такие браки, когда женой фараона становилась его родная сестра, заключались в течение почти трех веков. При этом фараоны всегда именовались Птолемеями, а их сестры-жены — Клеопатрами. И они — родственники и потомки Александра Македонского — вынуждены были считаться с многовековыми обычаями фараоновского Египта, освященными религиозной традицией.

Такие браки искусственно ограничивали число законных претендентов на царский престол. К примеру, один из самых известных фараонов Рамзес II, достигнув преклонного возраста, женился на родной дочери. Он опасался, что возможный зять, взятый со стороны, станет реальным претендентом на престол.

Поэтому предположили, что и Эханатон вступил в брак с родной дочерью, в итоге которого и родилась Анхесенпаатон-младшая. Она вскоре умерла, но точка зрения, что ее родным отцом и был Эханатон, продолжала бытовать. Как мы увидим ниже, это действительно так, но ее матерью была не Анхесенпаатон.

Впоследствии стало известно о существовании еще одной тезки — у второй дочери Меритатон. После этого утвердилось мнение, что Эханатон взял в жены родных дочерей Анхесенпаатон и Меритатон. Но на самом деле все обстояло значительно сложнее.

Специалисты сходятся в том, что осуществление религиозно-политической реформы, сопровождаемое массовым террором и преследованиями «инакомыслящих», в какой-то момент надломило душевные и физические силы Эханатона.

Полагают, что он разуверился в успехе начатого им грандиозного предприятия, впал в депрессию, его охвати-

ли мистические настроения, что отразилось и на его не очень крепком здоровье.

Он тяжело заболел, и это видно на его портретах. Изображения в профиль создают убеждение, что он страдал от головной водянки, а также от хронических расстройств желудка или пищеварительного аппарата. Об этом свидетельствуют неестественно выпученный живот и очень широкий таз при узких плечах и костлявых ногах. На грудной клетке, бедрах и голених заметны отеки.

С этого времени, около 12-го года правления Эханатона, исчезают его совместные с Нефертити изображения. Что привело к столь резкой перемене? Только ли ухудшение состояния здоровья фараона положило конец почти идеальному семейному счастью? Но, возможно, имели место иные, более значимые причины?

Существующие по этому поводу точки зрения заметно отличаются и даже исключают друг друга. И поскольку они предложены крупными специалистами, эти мнения нельзя просто перечеркнуть.

Так, существует гипотеза, что инициатором последовавших перемен стала сама Нефертити. Она пришла к выводу, что реформа ее супруга приносит все больше и больше вреда стране, что она не принимается большинством египтян, и в первую очередь сохранившим свое влияние и могущество жречеством. Такая позиция Нефертити и стала, по мнению ряда ученых, поводом для ее отстранения от участия в делах государства и дворца. Получается, что Эханатон счел ее государственной преступницей и удалил от себя.

Больше сторонников имеет контргипотеза: Эханатона сломили неудачи в начатом деле и, признав несбыточность своих начинаний, он сам прервал осуществление реформ и вернулся к традиционной религии и политике Египта. Тогда выходит, что восстала сама Нефертити, царица новой столицы Ахетатона, порвав с супругом и затворившись в своем дворце. Возможно, это случилось на том же 12-м году правления Эханатона, то есть около 1365 года до н. э.

Противоречивость этих гипотез настораживает, и, чтобы понять, что же все-таки произошло, нелишне будет сказать несколько дополнительных слов об особе самого Эханатона.

Несмотря на болезненность и тщедушное телосложение, он был деятельным и целеустремленным правителем. В короткий срок совершенно на новом месте

Эханатон построил грандиозную столицу с досель невиданными по своему совершенству планировкой и архитектурой, монументальным изобразительным искусством.

В столице было воздвигнуто более ста колоссальных скульптур самого Эханатона. Их, правда, безжалостно разбили политические противники фараона-еретика после его кончины. О необычайно больших размерах этих колоссов свидетельствуют их громаднейшие обломки.

Эханатон сумел окружить себя способными и энергичными исполнителями его желаний. Сохранились разнообразные свидетельства о высокой одаренности многих из этого круга лиц.

Кроме архитекторов, живописцев и скульпторов в их числе были и талантливые поэты. Последнее отметила М. Э. Матье, заметив, что амарнские гимны «убедительно показывают высокую поэтическую одаренность их творцов. Эханатона сравнивают с могучим Нилом, просят Атона даровать царю столько любви, сколько есть песчинок на берегу, чешуек у рыбы, волос у скота, такую долгую жизнь, чтобы ее годы равнялись длине берегов Нила, размерам моря, количеству гор, перьев у птиц, листьев у деревьев».

Сказанное не значит, что самого Эханатона следует рассматривать провозвестником гуманистических идеалов нового времени, благодушным почитателем красоты во всех возможных ее проявлениях.

Он был одним из самых нетерпимых и жестоких фараонов, беспощадно каравшим не только политических противников, но даже незначительно провинившихся царедворцев. Их он не только подвергал мучительным карам, но и приказывал навсегда искоренять память о казненных. Страх и ужас в предвидении его возможного гнева переданы даже в текстах на стенах гробниц тех вельмож, которые избежали столь трагического конца. Естественную смерть они воспринимали как счастливый итог их земного бытия.

Неужто его гнев коснулся и так горячо любимой им Нефертити?

В центральной части столицы, на главных памятниках государственного значения, не обнаружено документальных свидетельств о преследовании и опальном статусе Нефертити. По письменным свидетельствам, она сохранила за собой собственный дворец в самом центре Ахетатона, который был воздвигнут подле главного дворцово-

го комплекса и соединялся с ним висячим переходом. Он представлял собой обширное кирпичное сооружение с большим садом перед фронтоном, усаженным деревьями и цветами и пересеченным разветвленной ирригационной системой. В целом это сооружение состояло из сложного комплекса дворов, переходов, множества больших и малых покоев.

Внутри были найдены шесть опочивален дочерей Нефертити, расположенных по три в ряд по сторонам разделяющего их коридора.

Пол помещения за спальнями царевен был покрыт разноцветными мазками красок. Это следы очистки найденных здесь детских кисточек из тростника и сами краски для рисования.

Неизвестно, кто привил царевнам вкус к изобразительному искусству. Может быть, это самые древние в истории примеры детского эстетического воспитания.

Кстати, в гробнице Тутанхамона была обнаружена небольшая палитра из слоновой кости с шестью углублениями для красок, которая принадлежала сестре жены фараона Анхесенпаатон — Меритатон. Сохранилась и совсем крошечная дощечка для растирания красок, принадлежавшая второй по возрасту дочери Нефертити — Мекататон.

В личном владении Нефертити продолжало оставаться большое хозяйство, делами которого ведал особый управитель. О его размерах и составе известно мало, но в нем, несомненно, были виноградники значительных размеров и свои винные погреба, хранившие «вино доброе».

Нефертити имела отдельное хранилище драгоценностей и личную охрану. Для нее построили корабли, кормила которых были украшены ее погрудными объемными изображениями. Подобными скульптурами царицы, вместе с супругом и без него, были украшены беседки в придворных садах.

О сохранении большого авторитета Нефертити свидетельствуют тексты молитв, обнаруженные в дворцах придворных вельмож. Эти молитвы были обращены к богу, царю и царице. В них присутствовали не только ее прославления, но и просьбы к ней как к божественной подательнице различных благ. В них она предстает божеством, наряду с Солнцем и своим супругом, не случайно ее кормилицу Тейю величали «взрастившей великую».

В центре метрополии память о Нефертити, о ее

дочерях и зятях никем и никогда не искоренялась.

Как и цари последующих эпох, египетские фараоны за пределами или на окраинах столиц имели свои загородные дворцы. В Ахетатоне их было два, северный и южный.

Специальные исследования показали, что именно здесь свершались сокровенные тайные деяния, относящиеся к интимной сфере жизни царственных особ и их приближенных. Многие из происходившего здесь скрывалось не только от современников, но и от потомков. А сделать это было не просто. Ведь многочисленные стелные рельефы и росписи этих громадных сооружений имели пространные надписи официального содержания с указанием имен действующих лиц со всеми титулами.

Почти непрерывные интриги во дворцах на окраинах столицы создавали благоприятную почву для грядущих политических переворотов и следовавших за ними кровавых и бескровных расправ. Поэтому неугодные имена тщательно выскабливались и заменялись вполне «благонадежными».

Современные ученые первоначально и не подозревали о намеренных переделках в древности множества надписей. Эти фальшивые коррективы принимались за чистую монету, и тайный умысел заинтересованных лиц, живших более 33 веков тому назад, продолжал «работать» и в наше просвещенное время.

Однако безукоризненно переделать иероглифическую надпись на твердом материале — дело весьма трудное. Уже в нашем веке разработаны надежные методы разоблачения подделок всевозможных древних раритетов, но до их применения переделки древних злоумышленников вводили в заблуждение современных египтологов. История интереснейшей Амарнской эпохи предстала до невероятности запутанной. И в центре нерешенных проблем постоянно оставались судьбы Нефертити, Эханатона и их семьи.

Деяния Эханатона потребовали затраты громадных интеллектуальных сил и большого числа способных и хорошо подготовленных работников. Со временем из-за нехватки последних эти необходимые по политическим соображениям «выскабливания и переписывания» зачастую поручались людям неквалифицированным и малограмотным. Поэтому стали делать своего рода «шпаргалки на камне». Их в большом числе нашли в пределах величественных архитектурных творений.

Какие же тайны прошлого были открыты при исследовании южного и северного дворцов Ахетатона?

На южной окраине столицы, на обширном пространстве, отвоеванном у пустыни и искусно преобразованном, археологи нашли остатки великолепной кирпичной усадьбы, окруженной высохшими водоемами, берега которых некогда были усажены папирусом и лотосом. Многочисленные оросительные каналы окаймлялись роскошными садами с беседками и дорожками для прогулок. Все сохраненное временем неоспоримо говорит о том, что этот земной рай был сотворен усилиями многих талантливых мастеров своего дела.

Настенные надписи этой усадьбы неоднократно переделывались. В последнем варианте сохранилось имя «Меритатон» с самыми противоречивыми титулами. Как мы видели, две амарнские принцессы носили это имя, и давно возник спор о родителях младшей из них.

Изучение показало, что не во всех случаях было тщательно выскоблено предшествующее имя — «Кийя». Само по себе оно мало что говорит. Это сокращенный ласкательный вариант неизвестного полного женского египетского имени, к примеру, на манер русских «Ксюша», «Катя». Имя это было «терра инкогнита» для большинства современных ученых, потому что его, по всей вероятности, знал сравнительно узкий круг представителей знати и царедворцев во времена Нефертити.

Имя «Кийя», в свою очередь, было написано на месте другого имени, также в нескольких случаях плохо выскобленного. Но остались следы, которые позволяют утверждать, что первоначально на этом месте стояло имя Нефертити. Несомненно, что она была первой владелицей этого загородного дворца.

Кто приказал, сохранив постройку, уничтожить имя Нефертити, заменить его на другие женские имена? Чья это воля?

Не меньше вопросов возникло при исследовании северного дворца. В нем, кроме многих водных сооружений и садов, были птичник и обширный зверинец, где содержались быки, сернобыки, козероги и антилопы.

Этот дворец, как и южный, имел увеселительный характер и заметно отличался от строгих и величественных царских дворцов в центре столицы.

Надписи северного дворца также подвергались переписыванию. И здесь написанное вначале имя довольно грубо и небрежно заменялось на имя царевны Мерита-

тон. Но на этот раз высказывали не имя Нефертити, а иной женщины, имевшей официальную титулатуру царицы Египта и носившей совсем не царственное имя «Кийя».

Выходит, что в последний период жизни Эханатона хозяйкой увеселительных дворцов стала новая фаворитка фараона Кийя. Ее имя зафиксировано, в основном, на стенах увеселительных дворцов. В остальных местах столицы никто не прикасался к надписям и изображениям Нефертити.

Впоследствии оказалось, что Кийю изображали рядом с Эханатомом и в сценах строго официального значения, хотя из сопроводительных надписей значило, что это не Кийя, а наследник Эханатона, его сводный брат и зять Сменхкере. Он на короткое время действительно стал фараоном Египта сразу после Эханатона. Ученых вводило в заблуждение следующее обстоятельство: все последние представители мужского пола XVIII династии, в их числе Эханатон и Сменхкере, имели женоподобные фигуры. Поэтому исследователи и не обращали внимания на сопроводительные надписи. Но изображение, в отличие от текста, изменить намного сложнее, и в конце концов стало ясно, что, несмотря на сопроводительные надписи, на этих рельефах за Эханатомом следует не молодой мужчина, а невысокого роста женщина в длинном и широком складчатом платье из прозрачной ткани. Но это не Нефертити, а Кийя.

Первые свидетельства о малоизвестной сопернице Нефертити, женщине, по всей вероятности, не очень знатной, относятся к средним годам правления Эханатона. А самое первое упоминание о появлении Кийи в высших сферах египетского общества сохранилось в надписи на двух невзрачных сосудах, но с довольно многозначительным текстом: «Жена-любимица великого царя [и] государя ... Кийя».

Уже в это время она была более чем уверена в необычайном расположении к ней фараона. Об этом свидетельствует тот факт, что уже тогда для Кийи стали изготавливать роскошнейший золотой гроб, остававшийся, до находки саркофага Тутанхамона, самым дорогим и пышным в истории Египта. На нем сохранился текст ее молитвенного обращения к венценосному возлюбленному, в котором отразилась задушевность их интимных отношений. Но эти признания переданы не на общепринятом торжественном литературном языке, а раз-

говорным наречием, свойственным простолюдинам.

Не только людские судьбы радикальнейшим образом изменялись в эту сложную и интересную эпоху. Даже золотому гробу для Кийи не суждено было исполнить первоначального назначения. Уже в наше время в этом саркофаге с грубо переделанными надписями была найдена мумия упомянутого выше Сменхкере.

Вскоре у Кийи появилась собственная часовня-молельня небольших размеров, затем ее значительно расширили с подобающей роскошью. Здесь новая фаворитка вместе с Эханатоном служила новому богу, Солнцу.

Последующие изображения Кийи говорят о ее дальнейшем возвышении. С годами увеличивается число надписей о ее царственном величии, что отразилось и в новых изображениях, но все они вторичны, выглядят побутафорски. Сопроводительные тексты к изображениям Кийи по-прежнему исполнялись на разговорном языке. Судя по лексике и стилю этих надписей, вероятно, Эханатон и его приближенные общались с ней при помощи обиходной разговорной речи. Нефертити же всегда величали только на изысканном старинном литературном языке.

Несмотря на все, Кийя «выжила» Нефертити из принадлежавшего ей южного дворца столицы, специально для временщицы построили новую северную усадьбу. Вскоре у Кийи родилась первая дочь. С этого времени стали появляться изображения Эханатона с побочной женой и их дочерью. Какое-то время фараон вел двойную семейную жизнь, так как в эти годы продолжали создавать тысячи совместных изображений Эханатона, Нефертити и их дочерей. Однако Нефертити не запечатлена ни на одном памятнике вместе с Кийей. Их разделяла глубокая пропасть взаимной неприязни.

Кийя добилась исполнения, вероятно, почти всех своих желаний, став на короткое время соправительницей потерявшего царскую уверенность Эханатона. Ныне почти нет сомнений в том, что именно она была матерью принцесс Анхесенпаатон-младшей и Меритатон-младшей. Но зачем ее детям давались имена дочерей, намного ранее рожденных Нефертити? В этом проглядывает авантюризм Кийи.

Разнообразны сохранившиеся свидетельства об этой возлюбленной фараона. Ее имя увековечено на многих изваяниях, сосудах, печатях, в скорописных надписях на различных бытовых предметах.

Кийя добилась официального титула фараона-соправителя. Такое царственное положение она занимала недолго. Причины и обстоятельства ее падения неизвестны. Но это падение с высоты достигнутого ею положения было поистине трагическим. Все обретенные Кийей дворцы и другие сооружения были переданы дочерям Нефертити и Эханатона, Меритатон и Анхесенпаатон. Ее имя убрали почти со всех надписей, даже отняли приготовленный для нее роскошный саркофаг, погребальные сосуды со скульптурными изображениями ее головы и остальным заупокойным инвентарем.

Остается много неясного в судьбе этой маленькой изящной авантюристки, но вместе с тем особы нежной и страстной, о чем явственно свидетельствует ее задушевная интимная заупокойная молитва к Эханатону. Неизвестны обстоятельства кончины Кийи, а также судьба ее детей. На сохранившихся изображениях рядом с ней присутствует только одна дочь. В отличие от дочерей Нефертити у нее необыкновенно широкое лицо и череп совсем не вытянут назад. Скорее всего дочери Кийи разделили участь своей матери.

Возможно, к их судьбе имеет отношение странная находка в южной усадьбе, которая относится к последнему периоду проживания здесь Кийи. В замурованной кладовой небольшого строения на берегу пруда были найдены останки ребенка с несколькими бусинами и игрушечным алебастровым сосудиком. Это тайное и поспешное захоронение было сделано накануне заселения дворца новыми владельцами.

Неизвестна и последующая судьба самого Эханатона. Пока не найдена его гробница. Сооруженная им новая столица и памятники в других местах страны почти до основания разрушены противниками его реформ.

Что же произошло с Нефертити, ее дочерьми и зятьями? Ведь память о них впоследствии никем не искоренялась!

Многие египтологи резонно полагают, что после разрыва между Нефертити и ее супругом при дворе возникла мощная оппозиция царю и его реформам. И Нефертити, заботясь не столько о высокой политике, сколько о судьбе своих дочерей и возможных внуков, выступила против когда-то любимого ею фараона-реформатора. В пользу этой точки зрения свидетельствует наличие в это время и специального подразделения охраны Нефертити и ее дочерей.

Она оставалась счастливой матерью своих дочерей и желала видеть их тоже счастливыми. Многие говорят про заботы Нефертити о предстоящей семейной жизни своих детей.

Но в царских семьях всех эпох это было не простой задачей. Мужем царевны или принцессы мог стать юноша или мужчина соответствующего ранга, представитель высшего слоя знати, желательно, самый первый по происхождению.

Как известно, после кончины Эханатона следующим фараоном стал Сменхкере, до этого вступивший в законный брак со старшей дочерью Нефертити. Он правил несколько лет и скончался, не оставив потомства. Дочь Нефертити Макетатон в итоге не стала матерью, а царица — бабушкой.

Велико было стремление Нефертити увидеть своих внуков или внучек. Она приблизила к себе девятилетнего принца Тутанхатона (впоследствии более известного под именем Тутанхамон). Он стал последним зятем Нефертити, женившись на третьей царской дочери Анхесенпаатон. В это время Нефертити исполнилось примерно 37 лет, но хорошего будущего в семейной жизни дочерей она уже не ждала.

В известной гробнице Тутанхамона в весьма скромной шкатулке сохранились две крошечные мумии мертворожденных внуков (или внучек?) Нефертити.

Знала ли она об этих трагедиях в молодой семье? Это неизвестно. По имеющимся данным, она скончалась на четвертом году правления Тутанхамона. Последний ненадолго пережил свою знаменитую тещу, оставив одинокой молодую и прелестную вдову. Ее будущее как царицы стало бесперспективным — Анхесенпаатон не имела наследников. У молодой правительницы Египта был единственный выход — выйти замуж.

Последние строки в истории сложной судьбы семьи Нефертити сохранились в интереснейших документах, найденных за тысячи километров от Египта, в столицах которого еще оставались жалкие осколки бывшего семейного счастья.

В начале нашего века в центральной части Малой Азии, на территории современной Турции, археологи нашли столицу некогда могучего Хеттского царства. Хетты часто упоминаются в Библии и египетских письменных источниках. Большинство населения этого государства говорило на языках индоевропейской груп-

пы, близкородственных славянским. Тексты хеттского царского архива многочисленны и разнообразны по содержанию. В их числе нашлись документы, в которых отразились и самые последние события в судьбах детей Нефертити.

Страна хеттов, терзаемая кочевниками и сильными соседями, постоянно пребывала на военном положении. И когда хеттский царь Суппилиумас I воевал на Армянском нагорье с предками современных армян, в столицу государства прибыло официальное египетское посольство. Его здесь совсем не ждали. Ведь еще недавно хетты и египтяне были непримиримыми врагами. Из устных сообщений послов хетты узнали о смерти Тутанхамона, последнего зятя Нефертити.

Эти и последующие события достаточно подробно описаны в хеттской царской летописи. Оказалось, что иноземные послы привезли хеттскому царю письмо юной вдовы Тутанхамона, третьей по счету дочери Нефертити Анхесенпаатон, которое начиналось так: «Мой муж умер. Сына у меня нет. А у тебя, говорят, много сыновей. Если бы ты мне дал из них одного твоего сына, он стал бы моим мужем! Я боюсь такого (своего нынешнего.— Г. Д.) позора!» (Перевод Вяч. Вс. Иванова).

О каком позоре идет речь? По общепризнанным политическим представлениям Древнего Египта, фараоны и представители правящей династии имели божественное происхождение и могли вступать в браки только с равными себе. Мужская ветвь XVIII династии естественным образом низошла. Но к этому времени установилась практика междинастийных браков в ареале стран Ближнего Востока, и они стали важным элементом дипломатических отношений между дружественными государствами. Естественно, к числу последних к этому времени Египет и Хеттское царство не относились. Более того, история мировой дипломатии не знает примеров, чтобы на таком высоком уровне столь внезапное предложение заключить династический брак исходило со стороны невесты.

Такое предложение смутило и удивило хеттского царя. Не зная, как поступить, он созвал Совет великих сановников, сказав им: «Прежде со мной ничего похожего не случалось!»

Было решено послать в Египет одного из придворных, которому царь наказал следующее: «Иди! Принеси мне назад слово о том, что там на самом деле! Уж не об-

манывают ли они меня? Может быть, в действительности у них есть сын их господина?»

Весной следующего года посланник вернулся, и не один. В страну хеттов прибыл специальный посол царицы Анхесенпаатон по имени Хапи с новым письмом: «Почему ты так говоришь: «Они меня обманывают»? Коли у меня был бы сын, разве стала бы я писать в чужую страну о своем собственном унижении и унижении моей страны? Ты мне не поверил и даже сказал мне об этом! Тот, кто был моим мужем, умер. Сына у меня нет. Но я никогда не возьму своего подданного и не сделаю его моим мужем. Я не писала ни в какую другую страну, только тебе я написала. Говорят, у тебя много сыновей. Так дай мне одного своего сына! Он мне будет мужем, а в Египте он будет царем».

Хеттский царь продолжал сомневаться в истинном намерении египтян. Были подняты документы о взаимоотношениях между странами в прошлом. И после этого Суппилулиумас I так ответил египетскому посланнику: «... вы все просите у меня моего сына, будто я должен его вам дать. Но он же будет у вас как заложник, а царем вы его так и не сделаете».

В свою очередь посланник юной вдовы-царицы заявил царю хеттов: «О мой господин! Это унижение нашей страны! Если бы у нас был сын нашего царя, разве пошли бы мы в чужую страну, разве стали бы мы просить господина прийти к нам править нами? Тот, кого звали Нибхурурисс (клинописное написание имени Тутанхамона. — Г. Д.), умер, а сына у него не было. Вдова нашего господина одинока. Мы просим, чтобы сын нашего господина стал царем в Египте, мы просим, чтобы он стал мужем женщины, нашей госпожи. Больше ни к какой другой стране мы не обращались. Только сюда мы пришли. Теперь, о наш господин, дай нам своего сына!»

Этот ответ египетского посла вынудил хеттского царя задуматься. Он приказал принести документ о бывших хетто-египетских отношениях, его зачитали вслух, и царь пришел к следующему выводу: «В прежние времена страна Хатти и Египет были дружны между собой, и теперь между ними также установится согласие. Страна Хатти и Египет пусть постоянно будут в согласии друг с другом!»

Сразу после этого хеттский царевич по имени Цаннанцас направился в Египет. Царь Суппилулиумас I был

спокоен, долгий период почти непрерывных войн подходил к концу. Но свершилось непредвиденное, гонцы принесли трагическое известие: «Люди Египта убили Цаннанцаса...» Хеттский царь пришел в отчаяние: «О боги! Я не совершал зла, но люди Египта его совершили, и они напали на границы моей страны!»

Что же произошло? После каких событий был убит юный хеттский царевич? Какое отношение к случившемуся имела молодая вдова Тутанхамона?

Оказалось, что брачные переговоры не стали тайной, известной только молодой египетской царице и ее соратникам. В то время, когда у власти оказались юные преемники и преемницы Эханатона, быстро и успешно делали политические карьеры «новые люди». Первым из них почти незаметно стал бывший переписчик военных новобранцев по имени Хоремхеб. Со временем он уже командовал египетской армией, и когда хеттское войско, во главе с юным претендентом в фараоны Цаннанцасом, приблизилось к узкой долине Бекаа в Ливане, ее уже ждал будущий властитель Египта Хоремхеб.

До битвы дело не дошло. В лагере египтян внезапно началась эпидемия чумы. Хоремхеб поступил коварно, отпустив на родину зараженных хеттских пленных. По Малой Азии прокатилась невиданная эпидемия этой страшной болезни, она длилась 20 лет.

В результате умер не только хеттский царевич Цаннанцас, но и его отец, основатель Хеттской державы Суппилулиумас I.

Так разрушились планы последней царицы XVIII династии египетских фараонов. Неизвестна ее дальнейшая судьба. И ее захоронение пока не найдено. Так сошла с исторической арены многочисленная семья Нефертити и Эханатона. Существует точка зрения, что Хоремхеб, основатель новой XIX династии фараонов, чтобы узаконить свои права на трон, женился на младшей сестре Нефертити.

О Нефертити написано очень много, но далеко не весь ценный и интересный материал попадает на страницы научно-популярных изданий.

До сих пор неведомо, какой именно ваятель создал наиболее известные портреты Нефертити. Нет определенных свидетельств о том, творения ли это одного гения, или под его руководством работали многие скульпторы.

В наше время, несмотря на высокий уровень художественной фотографии, составить полное представление

о достоинствах портретов знаменитой царицы довольно трудно. Даже в работах искусных фотомастеров самые известные объемные портреты Нефертити выглядят однообразно. Кроме того, большинство ее изображений до наших дней дошло в незавершенном виде, о некоторых фрагментах сейчас даже трудно сказать, принадлежали ли они портретам Нефертити или ее сестрам и дочерям. Из всех этих фрагментов выделяется одна великолепнейшая деталь незавершенной скульптуры, вероятнее всего, самой Нефертити. Имеется в виду изваяние руки молодой женщины, найденное в знаменитой скульптурной мастерской. «...Особенно замечательной,— отметила в свое время М. Э. Матье,— оказалась правая рука для женской скульптуры из песчаника более светлого оттенка, близкого к тону сильно загорелой кожи. Рука должна была четко выделяться на белом фоне одежды статуи и поражает моделировкой мускулов с почти незаметными переходами их изгибов, легчайшими выпуклостями и впадинами, изумительной передачей ногтей, ямочек у локтя и кисти, чуть видных морщинок кожи на пальцах.

Прекрасна была рука молодой женщины, воспроизведенная скульптором, прекрасен выбранный им камень, прекрасно мастерство создателя этого шедевра.

Для какой же статуи изготовлена эта рука? Вероятно, для статуи Нефертити».

Действительно, у Нефертити были очень красивые руки. Особенно это хорошо видно на рельефе, сохранившемся в гробнице вельможи Переннефера, высеченном в знак одного из самых знаменательных событий в его жизни, когда в ходе официальной церемонии Нефертити щедро одаривала его драгоценностями.

Сравнивая все изображения, удалось восстановить даже детали внешности Нефертити, ее перемены с возрастом. Она, в противоположность мужу, была необычайно стройной, хотя и невысокого роста. У нее был сильно приплюснутый череп, с заметно выдававшейся затылочной частью. Нежно очерченный нос и пологий лоб располагались почти в одной плоскости. Глаза были продолговатые, с утяжеленными веками и темными бровями. Полные губы вперед заметно не выступали, подбородок был выразительно волевым. Вытянутая шея плавно изгибалась под гордой головой.

Нефертити имела смуглую кожу, но натуральный цвет ее волос неизвестен. Женщины ее круга всегда

брили головы и в официальной обстановке носили парики. Поэтому неудивительно, что в домашних сценах она изображена в плотном чепце.

Но время делало свое дело, и, как отметил Ю. Я. Перепелкин, «с годами ее лицо похудело, и кости в нем обозначились заметней, от носа к кончикам рта пролегли резкие складки, груди немного отвисли, осанка стала чуть-чуть сутулой. Однако во цвете лет царица... была прекрасна, и одна красота ее, казалось бы, могла навсегда зачаровать сердце фараона».

Нефертити умела просто, изысканно и вместе с тем непритязательно одеваться. Она великолепно смотрелась в простых платьях, которые носили большинство египтянок ее эпохи, буквально всех социальных слоев общества.

Как правило, это были платья из тонких льняных тканей. Даже современных текстильщиков поражает высокое качество ручной работы египетских ткачей. Сохранились уникальные образцы льняного ткачества той поры. Самые тонкие из них можно класть на книжную страницу и легко читать текст.

Платья, которые носила царица, были полупрозрачными, имели частые и длинные складки, подол почти достигал земли. Вне дома она часто накидывала поверх платья длинный и легкий льняной плащ, также полупрозрачный, со многими складками. Плащ был весьма простого покроя и подвязывался под грудью за верхние углы. Вместо пояса Нефертити часто пользовалась широкой и длинной лентой, концы которой свешивались почти до земли.

Нефертити иногда ходила босиком, но все же чаще была обута в простые босоножки. Они состояли в основном из подошвы с дужкой и ремешком от нее, который пропускался между пальцами.

Непритязательна была Нефертити и в украшениях. Единственное, что она любила и надевала во все периоды жизни, — это широкое многоцветное ожерелье из драгоценных и полудрагоценных камней.

Довольно редко на ней можно было видеть браслеты и — совсем в исключительных случаях — серьги. Когда они отсутствуют, на портретах Нефертити видно, что ее уши проколоты.

Сказанное выше совсем не значит, что Нефертити мало интересовалась модой своего времени. По наблюдению Ю. Я. Перепелкина, она была модницей, хотя уме-

ренной и достаточно изысканной: если «что и было переменчивым в наряде, так это головные уборы. Правда, длинные накладные волосы, высокие перья и сложные венцы она носила в... ранние годы... Начиная со средних лет царствования мы видим ее в высоком венце поверх цветной короны. Бывает на Нефр-эт (современный вариант написания имени Нефертити.— Г. Д.) и шарообразный чепец, а в более поздние годы еще такой, что вплотную облегал череп. Но самым привычным ее головным убором были короткие накладные волосы, подрезанные более высоко сзади, но спереди не свисавшие ниже плеч. С макушки волосы ниспадали ровными прядями, а на лбу и по сторонам лица подстрижены ступенями. Это был изящный и вместе с тем распространенный головной убор...

Необходимым придатком к любым головным ее уборам было небольшое изображение вздыбленной, страшно опасной змеи-аспида, знак царского достоинства, который носили прикрепленным надо лбом. Как и другие царицы, Нефр-эт носила иногда две таких змей одновременно».

Нефертити, судя по письменным источникам, обладала великолепным голосом. Как видно на рельефных изображениях, она возглавляла семейный хор из дочерей во время официальных богослужений во имя бога Солнца. На этих картинах видны у Нефертити и трех старших царевен простые музыкальные инструменты — сисстры — устройства с висящими металлическими кружками, мелодично звучащими при ритмичном потряхивании.

О ее хорошем голосе в текстах гробниц вельмож говорится, что она провожает самого бога Солнца «на покой сладостным голосом и прекрасными руками с двумя систрами». Сказано, что все «при звуке ее голоса ликуют».

О Нефертити известно и мало и много. В тени остаются обстоятельства последнего периода ее жизни. Когда наступила ее кончина и была ли она спокойной и естественной?

Ответ на последние вопросы невозможен, так как пока не найдена гробница Нефертити. А она, очевидно, была построена в границах разрушенного Ахетатона.

До нашего времени в Египте по памяти передается такой рассказ. В конце прошлого века близ Амарны видели нескольких местных жителей, которые несли с окружающих гор золотой гроб. Сразу после этого у зарубежных любителей старины появились золотые вещи, на которых стояло имя Нефертити.

Вполне возможно, что в то время было найдено ее захоронение, разграблено и нелегально распродано. Эти сведения не поддаются проверке специалистами, но породили многочисленные поздние выдумки, обычно возникающие в связи с возможными сенсационными находками или в ожидании их.

Первые европейки

На острове Крит, расположенном в восточной части Средиземноморья, сложилась самая древняя в Европе цивилизация. Ученые относят ее к эпохе бронзы и называют минойской, по имени основателя первой царской династии Крита — Миноса. Немыми свидетелями былого величия этой цивилизации остались развалины многоэтажного дворца в Кноссе — резиденции критских правителей. Открытый в начале нашего столетия английским археологом Артуром Эвансом дворцовый комплекс явил удивленному взору специалистов около трехсот помещений разнообразного характера и назначения. Они соединялись запутанными переходами и галереями, многочисленными лестницами. Эванс сделал вывод, что это и есть тот лабиринт, в котором обитало критское чудовище Минотавр, описанное в греческих мифах.

При расчистке кносского дворца было найдено множество произведений искусства и художественного ремесла. Среди них великолепные расписные вазы,

украшенные изображениями осьминогов и других морских животных, священные сосуды для питья из камня в виде головы быка, замечательные фаянсовые статуэтки, изображающие людей и животных с необыкновенным для того времени правдоподобием и выразительностью. Сохранились художественные изделия тончайшей работы — золотые перстни и резные печати из драгоценных камней с изящными рисунками и надписями на них. Внутренние покои дворца были украшены рельефами и фресками, которые отличаются высоким колористическим мастерством и искусством в передаче движения людей и животных.

Еще одно уникальное свидетельство высокого уровня минойской цивилизации — ее письменность, дошедшая до нашего времени на глиняных табличках, керамических изделиях и печатях. Ученые назвали критское письмо линейным и выделили две его разновидности — «А» и «Б». В середине нашего столетия линейное письмо «Б» дешифровали англичане М. Вентрис и Дж. Чедвик. Это оказался ахейский диалект греческого языка. Содержание текстов на табличках лаконично и связано с хозяйственной деятельностью. Линейное же письмо «А» не дешифровано до сих пор и остается загадкой для ученых.

Период наивысшего расцвета минойской культуры приходится на период между XVI и первой половиной XV века до н. э. А в середине XV века до н. э. на Крит обрушилась катастрофа, причины которой так до конца и не установлены. Одни ученые считают, что гибель критских дворцов и поселений была следствием извержения вулкана на острове Фера (современный Санторин), расположенном в южной части Эгейского моря. После катастрофы этот остров ушел под воду, и некоторые исследователи отождествляют его с легендарной Атлантидой. Другие склонны к мысли, что виновниками гибели минойской цивилизации были греки-ахейцы, которые пришли сюда с Балканского полуострова в середине II тысячелетия до н. э. Этой точке зрения есть подтверждение в факте заимствования завоевателями-греками многих достижений критян в области культуры, включая и линейное письмо «Б». В этом, думается, и состоит загадка схожести памятников письменности и предметов материальной культуры, найденных на Крите и в материковой Греции.

Самым же ярким свидетельством того влияния, ко-

торое оказала на греков блестящая минойская цивилизация, являются мифы о божественном происхождении царя Миноса, рожденного финикийской царевной Европой от самого Зевса, о связи Пасифаи, жены Миноса, с морским быком, о Минотавре, рожденном от этого союза, о Лабиринте — дворце, построенном для Минотавра искусным мастером Дедалом, об афинском герое Тесее, убившем критское чудовище. Но чтобы лучше понять все эти легенды, нам необходимо хотя бы кратко остановиться на религиозных представлениях древних критян.

Согласно данным античной литературной традиции и современной археологии, особой популярностью у них пользовались два культа: культ богини матери — Земли, тотемным животным которого была змея, и культ бога производящей силы, тотемом которого был бык. Археологами найдено на острове множество жертвенников в форме рогов. Здесь и совершалось жертвоприношение быка. Французский исследователь П. Фор убедительно доказал, что лабиринт следует отождествлять не с кносским дворцом, а с одним из таких жертвенников, открытым в пещере неподалеку от Кносса и сохранившим следы отправления культа в течение длительного времени. Постепенно культ териоморфного, т. е. воплощенного в облике животного, мужского божества сомкнулся с почитанием царской власти. Стремясь придать ей священный и в итоге незыблемый характер, критские цари возвели свою генеалогию к этому божеству и монополизировали руководство его культом. В итоге резиденция царя — дворец одновременно являлся и религиозным центром. Фрески кносского дворца знакомят нас с подобным ритуалом, элементами которого были торжественная процессия, игры с быком и, наконец, жертвоприношение.

Едва ли не самым популярным был в античности миф о похищении Зевсом финикийской царевны Европы. Европа, что значит «широкоглазая», была дочерью царя финикийского города Тира Агенора и его супруги Телефассы. Миф, в его литературном варианте, оставляет без внимания детские годы нашей героини, знакомя нас уже с пышнокозой красавицей, которая так же отличалась красою среди своих сверстниц, как между харит — Афродита. Однажды царевне приснился вещий сон. Было это перед рассветом, когда Гипнос*, «меда слад-

* Гипнос — в греческой мифологии бог сна и сновидений.

чайший», дарит людям сбивчивые и мимолетные сновидения. Крепко уснувшая в отцовских чертогах Европа видела во сне, как из-за нее спорили две части света. Имели они женский облик. Одна из них называлась Азией, а вторая была безымянной. «Дочь Агенора родилась на моей земле, и я ее вскормила»,— говорила Азия, на территории которой размещалась родина царицы, Финикия. «А мне Европа будет подарена самим Зевсом, и я стану называться ее именем»,— сказала неизвестная часть света и сильной рукой притянула к себе деву. Пробудясь ото сна, Европа долго не могла забыть этого сновидения. Образ чужестранки глубоко запал в ее душу.

В один из весенних солнечных дней Европа отправилась на побережье, где «в обществе тирских девиц привычку имела резвиться». Услаждая свой взор цветами, одна сорвала благовонный нарцисс, другая — фиалку, а кто-то «шафрана нежные кудри снимает». Европа же собирала алые розы и складывала их в позолоченную корзинку, изготовленную искусным ремесленником Олимпа Гефестом. Даже Зевс, владыка смертных и бессмертных, залюбовался этой «чудесной кошницей». А заодно он обратил свой благосклонный взор и на ее владелицу. И тут в самое сердце поразила его стрела Эроса, сына Афродиты. Ведь именно богиня любви послала вещей сон Европе и теперь хотела осуществить его с помощью Олимпийца. Власть прекрасной Афродиты была столь велика, что она могла «и Зевса осилить». Он же, не знавший сомнений и отказа, принял решение похитить понравившуюся ему юную царицу. Желая «обмануть непорочное сердце девицы» и заодно избежать ярости ревнивой супруги, Геры, владыка Олимпа, «вид изменивши, в быка превратился». Но он не стал похожим на то животное, которое влечет уныло плуг или тяжело нагруженную телегу. Красавец бык, присоединившийся к пасущемуся на лугу стаду, выделялся золотистой шерстью и необычными рогами, напоминавшими молодую луну. На челе у него блистал серебристый кружочек, а под ним «светлые очи сверкали горячей страстью любовной».

С пышными букетами возвращались с прогулки тирские девы. Заметив отделившееся от стада животное, они веселой стайкой подбежали к нему и с любопытством стали рассматривать. Бык начал доверчиво ластиться к Европе и, «в очи взирая, пред девой склонил он колена». Царица же безбоязненно уселась к нему на спину и

пригласила подружек последовать ее примеру. Но бык неожиданно вскочил и быстро направился к морю. «А в воду вступивши, вперед он помчался, подобно дельфину». Если обобщить сохранившиеся поэтические (Мосх, Овидий, Гораций и др.) и иконографические (произведения греческой пластики и вазописи) версии данного мифа, получается очень яркая и живописная картина*.

Дрожащая Европа сидит на спине быка и едва держится за его рога. Напрасно взывает она к подругам, протягивает к ним руки и горько плачет. Все дальше берег, все меньше фигурки испуганных подружек, все неспокойнее седое море. И тут из его глубин появляется Посейдон, родной брат Зевса. Он умиряет своим широким трезубцем волны и указывает путь любезному брату. Вслед за своим царем из морской бездны всплывают nereиды, тритоны и дельфины. Они плывут «чередою согласной» рядом с быком, который едва касается «копытами волн беспредельной пучины». Постепенно Европа успокаивается. Одной рукой она держится за рога быка, а другой поднимает края багряной одежды. Легкий ветерок, Зефир, шалит с ее золотистыми волосами. Широкий пеплос царевны надулся словно парус быстро плывущей ладьи. Но все внимание девушки приковано к необычному зрелищу. На двух тритонах, запряженных в золотую раковину, скользит по морской глади сама Афродита и осыпает царевну розами из ее золотой корзинки. Киприду** окружают юные Эроты, у которых в руках зажженные факелы, а за спиной колчаны с любовными стрелами. Один из них шаловливо оборачивается к Зевсу. Он будто насмехается, что, пораженный его меткой стрелой, владыка Олимпа вынужден был превратиться в быка. Тритоны, «бездны морской музыканты», играют на длинных трубах из раковин брачные песни. Все в этом шествии напоминает свадебное торжество, которому рукоплещут, сидя верхом на дельфинах, nereиды. Наконец вдали показался песчаный берег. Это — богатый и цветущий остров Крит. Как

* Видимо, именно поэтому сюжет данного мифа оставался популярным и в последующие века. Он лег в основу многих полотен живописи и музыкальных произведений. В Москве, например, в Третьяковской галерее хранится картина русского художника В. А. Серова «Похищение Европы».

** Согласно гомеровскому гимну, Афродита появилась из морской пены вблизи острова Кипр. Отсюда ее второе имя — Киприда.

только Европа вступила на его землю, Зевс тут же принял человеческий облик. Он ведет смущенную девушку в Дектейскую пещеру, в которой прошли когда-то его детские годы*. Здесь и свершилось бракосочетание владыки Олимпа и финикийской царевны. Но любвеобильный Зевс боялся надолго оставлять Олимп, и поэтому все его земные увлечения были очень краткими. Так случилось и с Европой. Подарив молодой жене ожерелье из золота и драгоценных камней, Олимпиец оставил ее на попечение чудесной собаки и медного великана Талоса. Три раза в день они обегали остров, не давая приблизиться к нему кораблям чужестранцев. Спустя положенный срок Европа родила трех сыновей — Миноса, Радаманта и Сарпедона, которых усыновил затем критский царь. Так, по мифу, сыновья Зевса и Европы стали принадлежать к критскому царскому роду.

Легенда о Европе связала зарождение европейской цивилизации с островом Крит. И, несмотря на полную антропоморфизацию** образа Европы в рассказанном мифе, это имя получило со временем и географическое значение. Уже в гомеровских гимнах Европа нередко отождествлялась со Средней Грецией и противопоставлялась Пелопоннессу, т. е. южной части Балканского полуострова. Объясняется это, видимо, тем, что названия «Европа», «Европия» и «Европ» часто встречались в тот период в разных областях средней Греции. Впоследствии данное наименование перешло от отдельных греческих поселений на весь известный тогда материк Европы. Во время греко-персидских войн (первая половина V в. до н. э.) Европа и Азия стали уже противопоставляться как цивилизация и варварство, свобода и деспотия. Существует точка зрения, в соответствии с которой название греков эллинами тоже связано с мифом о Европе, одно из имен которой было «Гелления».

Но вернемся к греческим мифам, которые помогают нам заполнить пустующие страницы истории минойской цивилизации. Исследователи мифов доказали, что они,

* Крон, отец Зевса, проглатывал всех своих детей, дабы не сбылось предсказание, что один из его наследников отнимет у него власть над миром. Рея, жена Крона, родив Зевса, спрятала его в пещере на Крите, а мужу дала проглотить искусно запеленатый камень. Возмужав, Зевс заставил отца изрыгнуть своих братьев и сестер и воцарился вместе с ними на Олимпе.

** Антропоморфизм — наделение человеческими свойствами богов и других сверхъестественных сил.

передаваемые изустно на протяжении целых столетий, хранят какую-то долю достоверной информации о прошлом того или иного народа. И действительно, греческая историческая традиция считает Миноса реальной личностью. Эта традиция приписывает критскому династу систематизацию отдельных законов и норм обычного права, завоевание многих стран и народов, создание самого сильного по тем временам флота. Он якобы не только очистил острова Эгеиды от пиратов, но и заселил их колонистами. Гомер добавляет к этим заслугам почетное место Миноса в Аиде, загробном царстве, где он вершит суд над душами умерших столь же справедливо, как делал это и на земле.

Среди множества рассказов о славных деяниях и подвигах Миноса есть в мифах упоминание о его войне с греческим городом Мегары. Овидий дает очень лаконичную характеристику действий критского царя, который «бранное счастье свое в Алкафеевом* пробовал граде». Осадивший мегарян Минос был силен и войском, и правым делом — мстью грекам за убийство сына Андрогеея, который когда-то принял участие в общегреческих спортивных играх и был убит проигравшими ему соперниками. Правителем Мегар был в то время Нис, на голове которого рос меж почетных седин золотой волос. Именно в нем была заключена жизнь Ниса. Для мегарян этот волос был «упованьем» их царства, а для нас он — повод познакомиться с мегарской царевной Скиллой.

Поскольку город был заперт осаждавшими его критянами, Скилла часто гуляла на дворцовой башне, развлекаясь тем, что бросала с нее камушки в «звучную стену». По преданию, сам бог Аполлон приставил когда-то к этой стене свою лиру. И камни сохранили якобы ее звучание. Не имея других развлечений и явно томясь скукой, царевна стала наблюдать «боренья сурового Марса», т. е. ход военных действий. Постепенно она начала распознавать не только коней, оружие критских старейшин, но и их внешний облик, имена. Чаще же всего взгляд девушки останавливался на предводителе критян, известном уже нам Миносе. Завидя его в медном шлеме с гребнем, с блестящим щитом и тяжелым копьем, «Нисова дочь, сама не своя, обладанье теряла здравым рассудком». Все в Миносе нравилось влюбленной в него

* Алкафей — зять царя Мегары, наследовавший престол и основавший здесь династию.

Скилле, и она готова была порой отпереть врагу ворота родного города. Убедив себя в неизбежности победы критян и правоте затеянной ими войны, девушка спросила себя однажды: «Почему же эти ворота откроет для Миноса Марс, а не чувство мое?» Но мегарская стража зорко охраняла вход в город. Запоры же на тяжелых, обитых медью городских воротах ежедневно проверял сам Нис.

Так проходят в тревоге и сомнениях дни Скиллы. Понимая, что в ходе сражений Минос может быть ранен и даже убит, она наконец решается дать любимому в приданое вместе с собой родное царство, а заодно и «войне положить окончанье». Свое решение царевна подкрепляет рассуждением о том, что другая давно уже погубила бы все, что преграждает доступ к ее любви. «Самую судьбою отвергаются слабого просьбы,— говорит себе Скилла,— а моя любовь ведь крепче многих других». Наступает ночь, «забот многочисленных мамка», и тьма придает девушке решимость. Она осторожно входит в отцовскую спальню и похищает с головы Ниса его роковой волос. С «дерзкой добычей» царевна направляется во вражеский стан и, найдя там Миноса, подает ему отцовский волос бессмертия как залог своей любви. Смущенный и напуганный неслыханным делом благочестивый критянин проклинает Скиллу. Он говорит в гневе: «Боги да стонят тебя с круга земного, пусть тебя суша и море отвергнут!» Сняв осаду с практически завоеванного города, Минос поспешно заключает мир с мегарянами и отплывает на родину.

Но Скилла слышит только последние слова любимого о том, что он не потерпит, чтобы его родной Кносс стал «такого чудовища домом». Со словами: «Нет мне возврата в родной край, преданный мною!» — она бросается в воду вслед за уплывающим кораблем. Страсть придала девушке силы, она догоняет корабль Миноса и «долго на кносской корме ненавистною спутницей виснет». Нис, преображенный в желтокрылого орла, увидел эту картину сверху. Он стремглав бросается вниз, чтобы растерзать своим острым клювом предавшую и погубившую его дочь. В страхе Скилла отпускает спасительную корму, но ее неожиданно подхватывает легкий ветерок и несет над водой.

Так, по мифу, обезумевшая от горя и тоски мегарская царевна превратилась в птицу Кириду. «Тот остриженный волос дал ей прозванье», — заключил рассказ Овидий, который в своих «Метаморфозах» объяснял, как люди пре-

вращаются в растения и животных. Мы же поплывем вслед за Миносом на его родной Крит, чтобы познакомиться там со следующей нашей героиней.

Вернувшись на родину, критский царь принес в жертву Зевсу, как того требовал обычай, сотню быков и разукрасил свой дом победными трофеями. Но только дома стал понятен Миносу смысл проклятия Скиллы:

Быть супругой твоею достойна
Та, что, тебе изменив и быка обманувши подделкой,
Двух в одном родила.

Дело в том, что во время многолетнего отсутствия Миноса его жена Пасифая родила мальчика с туловищем человека и головой быка. Он был назван Минотавром, т. е. «быком Миноса». Предание гласит, что в этой истории была замешана сама Афродита, тайную связь которой с Аресом раскрыл некогда ее хромоногому мужу Гефесту всевидящий Гелиос. Орудием своей мести Киприда избрала дочь Гелиоса, Пасифаю. Она внушила последней страсть к великолепному быку, посланному на Крит Посейдоном. Пасифая, спрятавшись в деревянной корове, отдалась этому быку. От противоестественной связи критской царицы с животным и родился Минотавр — «пород смешенье двух, чудовищный урод».

Минос, застав по возвращении на родину уже возмужавшего полубыка-полулюдошу, решил удалить его из царских покоев и скрыть таким образом свой семейный позор. Замысел царя о строительстве тайного жилища для Минотавра осуществил его друг Дедал. Этот знаменитый мастер из Афин был изобретателем искусства ваяния, плотницкого дела, многочисленных орудий труда и всяческих хитроумных приспособлений. Согласно Аполлодору, Дедал вынужденно бежал на Крит из-за совершенного им на родине тяжкого преступления — убийства своего ученика и помощника Талоса. В «широкоустроенном» Кноссе изгнанник построил многоэтажный дворец, достопримечательностью которого был зал для танцев царских дочерей. Но наиболее сложной постройкой афинского мастера был все же лабиринт — здание с массой комнат, соединявшихся кривыми и многократно пересекающимися переходами. В извилинах лабиринта и спрятали Минотавра подальше от людских глаз.

Но сам-то этот несчастный в деле сем был неповинен. Более того, он являлся сводным братом царских дочерей — Ариадны и Федры. А значит, за ним кому-то

необходимо было присматривать и кормить его. Пища же юного чудовища состояла, как утверждает миф, исключительно из красивых юношей и девушек, привозимых специальным кораблем из Аттики. Дань людьми — это тягчайшее, но весьма распространенное в то далекое время наказание для побежденных. В мифологической же традиции существует устойчивая версия, что убийство критского царевича было когда-то коварно подстроено афинским царем Эгеем. Поэтому Минос во время похода союзного флота критян в балканскую Грецию напал не только на Мегару, но и разорил Аттику. Афины, столица этой области, пострадали к тому же от эпидемии чумы. В городе наступил голод, свирепствовали поварные болезни. Оракул, к которому афиняне обратились за советом, приказал им заключить с Миномом мир на условиях, которые тот продиктует. Чтобы спасти родной город, Эгей принял эти условия и стал вечным данником критского царя. Он обязан был ежегодно посылать на Крит «юношей избранных цвет и лучших из дев незамужних».

Когда настало время в третий раз платить Миносу тягостную дань, вся ненависть афинян обрушилась на престарелого Эгея. И тут его сын, Тесей, видя горе тех родителей, на детей которых пал жребий стать жертвой Минотавра, вызвался разделить их участь. Он убедил отца, что убьет кровожадное чудовище и счастливо вернется домой. Эгей, окрыленный словами сына, велел дать кормчему белый парус и просил поднять его на обратном пути в случае победы над Минотавром. Прежде чем отправиться в дорогу, Тесей обратился к богу Аполлону с молитвой и подарил ему просительную ветвь священной маслины, обвитую белой шерстью. Дельфийский оракул посоветовал царевичу взять в путеводительницы статую Афродиты. На корабль натянули в знак ожидаемого несчастья черный парус, и тот отправился в путь.

Покровительство Афродиты и благоприятные ветры быстро доставили Тесея в Кносс — гордую столицу Крита. В честь прибытия афинского царевича Минос устроил показательные игры-состязания. А поскольку критские обычаи позволяли женщинам присутствовать на подобных мероприятиях, старшая дочь Миноса, прекрасная Ариадна, расположилась в числе почетных зрителей. По словам Катулла, она была подобна «ярким цветам, под дыханьем весны запестревшим». Царевну очаровал афинский герой, который оказался сильнее

всех и одержал победу над мрачным полководцем Миноса — Тавром. Не успела Ариадна оторвать свой пламенный взор от гостя, как безжалостный Эрот, «мальчик святой, к печалям людским примешавший блаженство», поразил ее сердце стрелой. Охваченная любовью к русому чужеземцу Ариадна «золота стала бледнее», когда он объявил Миносу, что хочет померяться силой и с человеком-быком, спрятанным в лабиринте. Тайно от отца царевна подарила Тесею волшебный меч и клубок шерсти со словами: «Этим мечом ты поразишь чудовище, а с помощью нити выйдешь из лабиринта». Правда, существует мнение, что пресловутый моток ниток вовсе не изобретение Ариадны. Этот привычный предмет домашнего обихода прихватывали, вероятно, все, кто входил в лабиринт к Минотавр, а царевна всего лишь посвятила приглянувшегося ей чужеземца в эту домашнюю хитрость. Аполлодор же утверждал, будто Ариадна, получив обещание, что Тесей женится на ней, попросила Дедала показать ей выход из лабиринта. Сжалившись над влюбленной девой, мастер «сам разрешил западни загадку», т. е. придумал путеводную нить, которую затем назвали Ариадниной. В конце концов Тесей проник в лабиринт, убил то ли кулаком, то ли мечом Минотавра, «свирепого наземь повергнув», и невредимый выбрался обратно. Вместе со спасенными товарищами и Ариадной герой тут же бежал из Кносса, пробуравив днища критских кораблей, дабы избежать погони.

Узнав о содействии Дедала Тесею и Ариадне, помня его пособничество преступной страсти Пасифаи,— ведь именно Дедал соорудил по ее просьбе искусную подделку на колесиках, обшитую шкурой настоящей коровы,— Минос заключил мастера и его сына Икара в лабиринт. Пасифая же тайно освободила их оттуда. Сделав крылья, перья на которых крепились с помощью воска, Дедал и Икар улетели с острова. Радость полета у Икара была столь велика, что он забыл предостережение отца не взлетать слишком высоко и не приближаться к солнцу. Воск растаял, и юноша упал в море, которое было названо Икарийским. А Дедал счастливо добрался до Сицилии. Другие авторы утверждают, что бежать с Крита Дедалу помог Тесей.

Когда Тесей и его спутники достигли Кикладского архипелага*, на беглецов обрушилась буря и вынудила

* Кикладский архипелаг — острова в Эгейском море, кругообразно расположенные вокруг острова Делос.

их высадиться на пустынном острове Наксосе. Не желая, видимо, везти жену-чужеземку в родные Афины, герой оставил спящую Ариадну на острове. Пробудясь от обманчивых снов на пустынном берегу, царица видит, что Тесея «ударяет веслами волны, бурному ветру свои обещанья вручая пустые». Она мучительно вспоминает эти обещания возлюбленного, который ей «радостный брак сулил, говорил о свадьбе желанной». Ариадна пытается понять поступок Тесея и допускает, что ему были с ней, чужестранкой, «брачные узы не милы или отца-старика он суровых укоров боялся». Однако и тогда она согласилась бы поехать в дальнюю землю и служить там любимому верной рабой. Она омывала бы «водою прозрачной» белые ноги героя или стелила на его ложе пурпурные ткани.

Насытившись плачем, Ариадна в ужасе осознает, что она отдана на съедение зверям и пернатым, ибо никто не покроет ее прах землею. И тогда царица призывает богинь мщения — Эриний, которые, наказуя проступки людей, изгоняют их из родного дома и преследуют до самой могилы. Она просит Эриний: «Пусть, богини, себе и своим принесет он несчастье!» Эринии тут же отзываются на зов «исступленной души» Ариадны. «Затрепетала земля, всколебались угрюмые воды моря, в небесах сонм мерцающих звезд содрогнулся». Разум Тесея, уже приближавшегося к родным берегам, окутывает беспросветная тьма, и он забывает сменить парус. Пристально вглядывавшийся в морскую даль Эгей, завидев корабль сына под знаком печали — черным парусом, бросается с крепостной стены в море. С тех пор оно называется Эгейским. Тесею же предопределено было терять тех, кого он полюбит. Такова, по мифу, месть Афродиты, любимицей которой была Ариадна.

Сама Ариадна нашла спасение в любви Диониса, бога виноградарства и виноделия. Пролетая над Наксосом, он увидел спящую царицу и зажегся к ней любовью. Приготовив свадебные дары, украсив себя цветами и виноградными гроздьями, Дионис неожиданно появился перед потерявшей надежду на спасение Ариадной. Его сопровождала буйная толпа сатиров, силенов и вакханок. Одни из них потрясали своими тирсами, перевитыми зеленой листвою. Другие, растерзав тельца жертвенных животных, рассеивали вокруг себя их кровавые части. Третьи, опоясав тело змеями и вскинув вверх руки, били в тимпаны или бряцали кимвалами. Там и тут раздавался

надев варварских дудок, наводивший ужас на непосвященных. Но Ариадна не испугалась. Ее зачаровало зрелище веселого хоровода, и она присоединилась к нему. Так критская царевна, покинутая афинским героем Тесеем, стала жрицей и супругой бога Диониса. В качестве свадебного дара он вручил невесте сияющий венец из червонного золота и индийских самоцветов. Когда Ариадна умерла, этот венец олимпийцы называли «Ариадниным» и поместили «среди эфира», где он «целую ночь напролет среди небесных вращается теней».

После путешествия на Крит Тесей совершил поход в страну амазонок. Это племя женщин-воительниц произошло, как утверждают мифы, от союза бога войны Ареса и Гармонии. Местом их обитания была, по одной версии, Малая Азия, по другой — предгорья Кавказа. Происхождение же имени «амазонка» связано якобы с обычаем выжигать у девочек одну грудь для более удобного владения луком. С целью продолжения своего рода амазонки вступали время от времени в связь с чужеземцами. Родившихся затем девочек они оставляли себе, а мальчиков отдавали на воспитание их отцам. Есть, правда, мнение, что амазонки убивали своих новорожденных сыновей. Скорее всего это навет. Мы оставляем в стороне и удивление прославленного географа античности Страбона, который воскликнул однажды: «Кто поверит, что войско, город или племя могли состоять когда-нибудь из одних женщин?»

Согласно же греческим мифам, такое племя существовало. Тесей и Геракл совершили поход в страну амазонок с целью добыть пояс их царицы Ипполиты. Этот чудодейственный пояс достался, как известно, Гераклу, а его прекрасная обладательница — Тесею. В Афинах, в «Доме клятв», он скрепил со знатной пленницей свой брачный союз, и та родила царю сына. В честь матери его нарекли Ипполитом. Еврипид же отводит амазонке-всаднице роль наложницы в доме Тесея и говорит о недолговечности их счастья. Желая освободить из плена свою предводительницу, амазонки вторглись однажды в Аттику и осадили Афины. Но полюбившая Тесея Ипполита встала рядом с ним на защиту его родного города и погибла в бою*.

* Эта битва надолго сохранилась в памяти потомков. Знаменитый греческий скульптор V в. до н. э. Фидий увековечил ее на медном щите Афины, статуя которой находилась на акрополе, в Парфеноне, а также на фризе, опоясывавшем этот уникальный храм древности.

Потеряв Ипполиту, Тесей долгое время оставался один. И только спустя много лет он решился на новый брак. Свой выбор афинский царь остановил на младшей сестре Ариадны, Федре. Ипполит стал к этому времени страстным охотником и почитателем девственной богини Артемиды. Все свои дни юноша проводил «в ловитве псовой, в гоне средь зеленых чащ». На привалах царевич похвалялся друзьям, что он единственный из смертных, кто отмечен милостью «меняться словом» с Артемидой. Славя ее как величайшую богиню, Ипполит избегал даров Афродиты — любви и женщин, за что и навлек на себя ее гнев. Старый и мудрый раб, слуга царевича, предостерегал своего воспитанника: «Гордецов надменных не любят ни люди, ни боги. Человек же учтивый и приветливый приятен всем, шутя он многого достигнет». На это юноша дерзко ответил, что у богов, как и у людей, у каждого свои друзья. Испуганный старик попросил Афродиту не быть слишком строгой к беспечным юнцам, ведь «на то они и боги, чтоб мудрее смертных быть». Но оскорбленная Киприда была неумолима. Орудием своей мести она избрала мачеху оскорбителя, Федуру, на которую наслала безумие*.

В трагедии Еврипида «Ипполит», в основу сюжета которой лег миф о Федре, хор трезенских женщин и кормилица царицы становятся свидетелями и соучастницами разворачивающейся на сцене драмы. Именно хор сообщает зрителям, что Федра нездорова. В неизбывной тоске она прячет под покрывалом золото пышных кос и уже третий день ничего не ест, «от даров Деметры** отворотив уста». Сочувствующие царице женщины пытаются установить причину ее недуга. Возможно, она обидела кого-то из богов и те наслали на нее болезнь? Или Тесей ради новой тайной любви не разделяет более с женой брачного ложа? А может, вестник недобрый принес печальную весть с Крита, родины царицы? Однако ни кормилица, ни хор не догадываются пока о причине ее болезни. Федра же неожиданно начинает бредить. То она хочет унести в горы, где сосны шумят, то улететь в леса, где «свирепые псы по горячим следам за добычей бегут, за пятнистую ланью». В беспамятстве женщина подхлестывает свистом собак, заносит над разметающимися от ветра волосами фессалийский дротик

* Безумие — самый страшный, по мнению древних, вид недуга.

** Деметра — в греческой мифологии богиня земледелия и плодородия.

и просит Артемиду принять ее в свое царство. Придя в себя, Федра стыдится своих «слов неразумных» и говорит: «Лучше всего умереть в забвении, не очнувшись». Безмерно любящая воспитанницу, преданная ей няня размышляет:

Научил меня многому долгий мой век,
Поняла я, что людям друг друга любить
Надо в меру, чтоб в самое сердце любовь
Не проникла, чтоб мог ты по воле своей
То ослабить, то снова покрепче стянуть
Узы дружества.

Беспокоясь за будущее детей Федры и Тесея, кормилица находит наконец веский аргумент и предостерегает объятую непонятным недугом госпожу: в случае ее смерти все наследство царского дома перейдет к пасынку, Ипполиту. Услышав имя Ипполита, Федра умоляет няню: «Ради всех богов о нем не говори, прошу, молю тебя!» И, прежде чем открыться, она спрашивает: «Что разумеют люди, говоря «любовь»?» «И сладостный восторг и боль жестокую», — отвечает кормилица. «Увы, — заключает Федра, — мне лишь второе суждено познать». Молодая женщина признается, что полюбила своего приемного сына, Ипполита. Услышав это, кормилица отрекается от постылого мира, в котором «в любви и честные бессильны пред пороком».

В трагедии звучит тема роковой любви. Федра вспоминает преступную страсть своей матери, Пасифаи, влюбившейся когда-то в быка, несчастье сестры Ариадны, ставшей возлюбленной Диониса*. «Из Миноид никто еще любви не ведал легкой, роковая участь женщин нашего рода — тяга к греховному, запретному», — с горечью говорит Федра. «Сама я долго сопротивлялась своей страсти, но напрасными оказались мои попытки трезвым рассудком одолеть безумие. Киприда победила меня, и я должна умереть». Кормилица пытается удержать отчаявшуюся воспитанницу от самоубийства. Она считает, что ничего страшного не случилось. Ведь любят многие, ибо «и в небесах высоких, и в клочущих морях царит Киприда, все мы из зерен Афродиты родились на свет». Свой совет «Любви не бойся — это воля высшая» старая женщина подкрепляет расхожим аргументом:

* Эту утонченную формулировку легенды венгерский писатель Л. Мештерхази трактует на свой лад и утверждает, что Ариадна, покинутая Тесеем, «предалась питию».

Или на свете нет мужей, по-твоему,
Взирающих сквозь пальцы на измены жен?
Иль нет отцов, что сыновьям потворствуют
В их любострастье? Это мудрость старая —
Не выносить на свет неблаговидных дел.

В ответ Федра упрекает няню, что она пытается выдать позор за добродетель и толкает ее на грех. «За жизнь твою боюсь», — оправдывается та и спешит в дом, где у нее якобы спрятано «зелье приворотное», способное слить две любви «в одно желанье».

Несмотря на просьбу Федры никому не выдавать ее тайны, движимая страхом за жизнь своей госпожи кормилица идет к Ипполиту и пытается уговорить его на любовное свидание с мачехой. «Сводница, — отвечает тот, — торгуешь брачным ложем своего царя!» Преданная самым близким человеком и отвергнутая любимым, Федра пишет прощальное письмо Тесею, в котором обвиняет пасынка в попытке насильно овладеть ею. Этим она мстит своему оскорбителю, каким Ипполит является в ее глазах после его объяснения с кормилицей. Приготовив в спальне «вервие смерти», Федра, «сраженная любовью горькою», вешается. А Ипполит произносит в это время монолог о женщинах. Обращаясь к владыке Олимпа, он спрашивает: «Зачем, о Зевс, на горе смертным женщине ты место дал под солнцем?» Ведь род людской можно было бы взрастить и без этого «коварного сословья». Каждый мужчина приносил бы в святилище Зевса медь, железо или золото и по достоинству своих подарков получал взамен семена детей. И если все-таки обойтись без женщины нельзя, то:

Уж лучше простодушное ничтожество,
Чем умница. Молюсь о том, чтоб не было
Чрезмерно умных женщин у меня в дому.
Ведь их-то на коварство, на лихой обман
Киприда и толкает. А безмозглую
От этой блажи нищета ума спасет.

Из далекого путешествия в Трезену возвращается Тесей. Предводительница хора сообщает ему о смерти жены. Оплакивая во дворце Федру*, царь находит ее

* Афинская трагедия избегала показа неизбежного по сюжету убийства или самоубийства: они всегда происходили за пределами сцены. О том же, когда и как наступила смерть, говорилось в рассказе кого-нибудь из близких умершего.

предсмертное послание, «немой привет» покойной. Сорвав обертку с восковой дощечки, Тесею видит на ней «мерзость несказанную» и тут же призывает Посейдона покарать Ипполита. Юноша потрясен смертью мачехи и проклятиями отца. Из-за данного кормилице обещания хранить тайну сын пытается объяснить с отцом путем иносказаний. Он говорит, что радел о своей чести, но попал в беду из-за той, которая «сохранила честь свою бесчестная». Но глубоко оскорбленный Тесею непреклонен. Он изгоняет Ипполита. Без дома, без почета и без имени тот должен умереть бесславно в чужом краю. Однако проклятие Тесею сбывается намного раньше. По пути в далекий Аргос огромных размеров водяной вал, поднятый Посейдоном, преграждает царевичу путь. На высоком гребне этого вала на берег выносит страшного быка, который начинает преследовать повозку. Испуганные кони понесли, а запутавшийся в вожжах Ипполит разбивается о камни.

Смертельно раненного юношу слуги приносят во дворец. С Олимпа сюда спускается и Артемида, которая открывает Тесею ужасную правду и называет главную виновницу случившейся трагедии — Киприду, отомстившую отцу за Ариадну, а сыну — за непочтение к ней, богине любви. Происходит примирение умирающего Ипполита с отцом. Артемида же клянется поразить своей стрелой, не знающей промаха, того из смертных, кого полюбит Афродита.

Печальным был конец и самого Тесею. Изгнанный согражданами из Афин, он оказался на острове Скирос, правитель которого Ликомед коварно столкнул престарелого Тесею со скалы. Сделал он это, согласно одним преданиям, из-за ревности, согласно другим — из-за опасения, что знатный афинянин будет притязать на власть.

Разрушены критские дворцы. Исчез с этнической карты мира народ, создавший древнейшую в Европе цивилизацию. На тысячелетия было забыто линейное письмо. Но память человеческая сохранила и донесла до нас прекрасные легенды и мифы о первых женщинах Европы.

Медея

Афамант, царствовавший некогда в Беотии*, полюбил богиню облаков по имени Нефела. Счастливы были смертный Афамант и бессмертная Нефела. Но странным казался этот брак простым беотийцам, и царь выгнал женщину-Облако из своего дворца. Она вернулась на родное небо и с грустью следила оттуда за жизнью на земле, больше всего печалась о своих детях — сыне Фриксе и дочери Гелле. Новой женой Афаманта вскоре стала фиванская царевна Ино, холодная и расчетливая красавица. С первого же дня жизни у царя Ино невзлюбила его детей от Нефелы и решила погубить их. Хитрая Ино знала: благочестивый Афамант согласится на убийство своих детей, если убедится в том, что этого требует кто-то из богов. По наущению царицы беотийские женщины тайно от своих мужей поджарили семенное зерно. Напрасно пахал и сеял в тот год народ Афаманта. Земля, принявшая невсхожие семена, не дала урожая. Царь

* Беотия — область в Средней Греции на Балканском полуострове.

послал гонцов в Дельфы, к оракулу Аполлона, спросить его о причине бесплодия беотийских нив. Но возвращавшихся домой паломников на границе города встретила Ино. Сладкими речами и дорогими подарками подкупила она гонцов, и те солгали царю, будто бы от неурожая и голода страну спасет принесение в жертву Зевсу детей Афаманта от женщины-Облака.

А Фрикс и Гелла находились в это время на далеком горном пастбище. По настоянию мачехи они переселились сюда из дворца и жили под присмотром царских слуг. Рядом с их хижинкой паслись овцы, и дети часто играли с ласковыми животными. Каково же было удивление брата и сестры, заметивших однажды в стаде необычного барана, покрытого золотой шерстью. Они подбежали к златорунному овну, и тот заговорил с ними человеческим голосом: «Слушайте меня, дети прекрасной Нефелы. По просьбе вашей матери меня послал сюда бог Гермес. Я подниму вас к златокудрым облакам, что мирной чередой плывут в синем небе, и они перенесут нас в далекую страну Колхиду. Эта страна лежит на самом краю Понта и суши*. Там вы будете в безопасности среди суровых на вид, но добрых в душе колхов. Быстро садитесь ко мне на спину. Ты, Фрикс, схватись хорошенько за мои рога, а ты, Гелла, крепко держись за шею брата и не смотри вниз, а то у тебя закружится голова». Брат и сестра тут же уселись на спину волшебного барана, он взмыл высоко в небо и полетел над облаками. Необычное путешествие сначала забавляло детей. Но у девочки вскоре устали руки, и она, забыв о высоте, опустила их. Гелла упала в море, которое с тех пор называется Геллеспонтом, то есть «морем Геллы»**. Долго плакала Нефела, проливая слезы-дождь над тем местом, где утонула ее маленькая дочь. А Фрикс счастливо добрался до Колхиды и был там гостеприимно принят царем колхов Этом. Когда юноша возмужал, царь отдал ему в жены свою старшую дочь, Халкиопу. Летающего же овна принесли в жертву Зевсу, который предсказал Эту царствование до тех пор, пока в Колхиде будет находиться руно волшебного барана. Властолюбивый

* Колхида, или Эя, была расположена на побережье Черного моря (Понта), на территории современной Западной Грузии. Здесь жили древнекартвельские племена колхи, отличавшиеся высокой культурой. Греки плавали в Колхиду за металлами: бронзой, серебром, железом, золотом.

** Геллеспонт — современный пролив Дарданеллы.

царь повесил золотую шкуру на высоком дубе-гиганте в священной роще Ареса и приставил к нему в качестве стража дракона, который никогда не спал.

У Фрикса и Халкиопы уже подрастало четверо сыновей, когда Фрикс неожиданно заболел и умер. Перед смертью он завещал сыновьям разыскать в Греции сокровища их деда, Афаманта. Похоронив отца, старший Арг и младшие Китисор, Фронтис и Мелас тут же отправились на его родину. Но разыгравшаяся в пути буря разбила о камни их корабль, и они оказались на пустынном острове. Без пищи и надежды на спасение несколько дней томились здесь сыновья Фрикса, пока к острову не приплыли аргонавты. Предводитель греческих мореплавателей, Ясон, был сыном Эсона, царя фессалийского города Иолка*. Несчастье постигло их род: брат Эсона, коварный Пелий, отнял у него трон и все царские сокровища. Условием же возвращения того и другого Пелий поставил обладание золотым руном, молва о котором облетела всю Грецию. Так пятьдесят пять самых смелых героев Эллады отправились на корабле «Арго» в далекую Колхиду за священной реликвией, с помощью которой Эсониды хотели вернуть себе власть и богатство. Сыновья Фрикса согласились помочь аргонавтам в их нелегком предприятии.

Приплыв в страну колхов, греки, предводительствуемые Аргом, направились во дворец Ээта. На пути им повстречалась младшая царская дочь, Медея, служившая жрицей в храме богини Гекаты**. У царевны были пышные русые косы и лучистые, как и у всех потомков Гелиоса***, глаза. Прекрасен был и Ясон, с копьем через плечо и барсовой шкурой «от дрожи дождей». Не стриженными кудрями ложились его волосы, а «золотом растекались по всей спине». Как только увидела Медея Ясона,

В груди у нее тяжело взволновалось сердце,
И забылось про все, и душа в сладкой таяла муке.
Цвет ланит ее нежных менялся...

Еще по пути в Колхиду аргонавтам было предсказано, что только содействие Афродиты поможет им добыть

* Фессалия расположена в Средней Греции. Расцвет Иолка, одного из центров Микенской цивилизации, пришелся на вторую половину II тыс. до н. э.

** Геката — покровительница магии и колдовства.

*** Согласно мифу, Ээт, отец Медеи, был сыном бога Солнца, Гелиоса.

золотое руно и благополучно вернуться на родину. Во время встречи Медеи и Ясона «лепокудрая» Киприда принимала в своем будуаре гостей — мужественную Афины и величавую Геру, дочь и супругу владыки Олимпа Зевса. Неторопливо лилась речь первой дамы Олимпа — Геры: «Однажды, приняв вид немощной старицы, решила я испытать человеческие участие и доброту. Беспомощно сидела я на берегу быстрой горной речки в пору ее разлива, и никто не обращал на меня внимания. Все были озабочены и спешили по своим делам. Только возвращавшийся с охоты Ясон участливо выслушал меня и перенес на другой берег. Теперь я хочу помочь этому благородному юноше. У Ээта есть быстроглазая дочь Медея. Богиня Геката научила ее заговаривать недуги и врачевать болезни, омолаживать людей и варить зелье из всего, что производят земля и море. Девцелительнице под силу усмирить бушующее пламя и остановить движение быстролюющей реки. К тому же она хитра и лукава и найдет способ помочь аргонавтам добыть золотое руно. Пошли же, дорогая Афродита, своего сына Эрота во дворец Ээта, и пусть пронзит он сердце колхидской девы стрелой, напоенной ядом любви».

Не сразу выполнил просьбу матери шалун Эрот, увлеченно игравший с другом в кости. Но когда Афродита пообещала ему «диво-игрушку, быстровертящийся мяч», мальчик схватил колчан со стрелами и полетел на землю искать Медею. Она же тихонько стояла за колонной тронного зала отца и слушала рассказ Арга о причине прибытия аргонавтов и их славной родословной. Все они происходили от смертных женщин и бессмертных богов. Ясон же приходился сыновьям Фрикса и Халкиопы двоюродным братом, так как их дед Афамент и дед Ясона Крефей были родными братьями. «Не по своей воле приплыли сюда мой брат и его спутники,— говорил Арг.— Надменный Пелий решил изгнать из Иолка законного наследника престола, Ясона. Душепагубную месть сурового Зевса обещал он всем Эсонидам, если не вернут они в Элладу шкуру волшебного овна. Сама Афина Паллада* смастерила корабль «Арго», который и доставил сюда, в Эю, славных героев». Тяжелый гнев

* Палладий — изображение богини Афины в полном вооружении. Согласно мифу, это изображение упало с неба на афинский акрополь, на котором и была установлена всемирно известная статуя Афины Паллады.

окутал сердце Ээта, когда узнал он о цели визита греков. Долго молчал царь, а затем обратился к Ясону с такими словами: «Ну что же, благородный юноша, дам тебе увезти золотое руно, но сначала испытаю твои силу, ловкость и мужество. На равнине, что рядом с рощей Ареса, пасутся два медноногих быка, выдыхающих из рта жаркое пламя. Ежедневно я подвожу их под ярмо и вспахиваю ниву, на которой высеваю затем зубы дракона. Из них тут же вырастают земнородные великаны в доспехах из меди и с оружием в руках. Они бросаются на меня, и всех их я побеждаю своим единственным копьем. Если ты хочешь, славный потомок Крефея, добыть в роще Ареса золотое руно, повтори этот подвиг!»

Испугались Ясон и его спутники. Они дали царю уклончивый ответ и возвратились на «Арго», где их ожидал прорицатель Мопс. Во время рассказа аргонавтов о визите к Ээту на грудь Ясона неожиданно упала робкая голубка, спасаясь от хищного ястреба, который разбился о корму корабля. «Это олимпийцы посылают нам свое благословение,— радостно воскликнул Мопс.— Ведь Гера — наша союзница, Афина — защитница, а Киприда — покровительница». И тут аргонавты вспомнили встречу с Медеей. Арг предложил обратиться к ней за помощью. «Невелика же наша надежда на спасение и возврат в милую отчизну, если благоприятный исход предприятия мы вверяем женщине», — надменно ответил Ясон, но согласился на встречу с загадочной колхидкой. Арг отправился к матери, чтобы та уговорила Медею встретиться на рассвете с Ясоном.

Внимательно выслушала просьбу старшей сестры Медея, но ничего не сказала в ответ. Двенадцать слуганок, ровесниц царевны, готовили ее ко сну. Одна убирала ее пышные косы, вторая — омывала ноги, третья — умащала благовониями, четвертая — готовила ночное одеяние, пятая — стелила постель... Двенадцатая, самая любимая служанка Медеи, сидела у ее ног и рассказывала о событиях, что случились днем в городе. Но далеко были мысли ее госпожи. Они устремились, «словно плавноскользкий сон», вслед за ушедшим Ясоном. «Неужели я не должна помочь этому прекрасному юноше и буду спокойно взирать на то, как затопчут его медноногие быки или пронзят копьями земнородные великаны? Ведь не тигрицей я рождена и не камень ношу в груди вместо сердца», — думала Медея. Однако трезвый рассудок немедленно вступал в спор с ее чувствами. «Отец, у которого

тяжелый нрав и мстительная душа, не простит мне предательства. Ясон же, получив с моей помощью золотое руно, вернется на родину и женится там на гречанке. Меня же, варварскую царевну, быстро забудет».

Так и не уснула в ту ночь Медея. Не будучи в силах противиться охватившему ее чувству, она приняла решение помочь Ясону, а затем покончить с собой, «повесившись в горнице дома или же зельем себя накормив, разрушающим душу». Оцепенение и тяжелое раздумье на рассвете сменились у Медеи чувством радости от предстоящего свидания с любимым. «Заботы, отраду дающие жизни», окружили деву, и она проворно освежила щеки благовонной мазью, примерила платье, которое держалось на красиво изогнутых застежках, набросила на голову светлую фату. Из потаенного угла своей светлицы Медея достала драгоценный ларец с целебными снадобьями.

А в тенистой дубраве Гекаты колхидку уже поджидал Ясон. Он показался Медее в то утро еще прекрасней, и она «готова была для него свою вычерпать душу». Дивно улыбнувшись герою, дева протянула ему волшебную мазь, которая могла сделать тело воина неуязвимым и для жаркого пламени, и для холодного железа. Снадобье называлось «прометеевой мазью» и было приготовлено из цветов, выросших у подножия Кавказских гор в том месте, куда упали капли крови из раны Прометея, терзаемого орлом. Ясон поблагодарил деву-волшебницу и пообещал прославить ее имя на всю Элладу.

Уже давно Эос-Заря встретился на востоке с колесницей Гелиоса-Солнца, а Медея и Ясон все вели «под дыханьем Эрота» нескончаемый разговор. Царевна спрашивала чужестранца о его родине, о товарищах по плаванью, просила не забывать ее после возвращения домой и сама пообещала помнить героя. Понял Ясон, что «волей богов на деву ниспослано свыше несчастье», то есть любовь к нему. Переполненный гордостью, он предложил Медее бежать с ним в Иолк и стать там его законной женой. «Тебя будут чтить на моей родине, словно богиню, и ничто не разрушит наш союз, только смерть, что согласно судьбе нас настигнет», — обещал деве герой.

Наступил час испытания. Но и тогда не оставила Медея любимого. «Без кровинки в лице» стояла она на краю поля и шептала слова заклятий, когда вел Ясон под ярмо быков с «палящим дыхом», вспахивал на них поле

и заседал его из шлема зубами дракона. В страхе поникли головой аргонавты, увидевшие, как земля, «напоенная ядом», ошетибилась копьями земнородных воинов. По совету Медеи Ясон бросил в гущу гигантов огромный камень, и те стали яростно биться друг с другом. Открылся наконец путь в рощу Ареса, где на огромном дубе золотое руно «отливало румянцем, словно облако при восходе солнца». Бросился к дубу герой и в ужасе остановился, встретившись с холодным взглядом бессонных очей дракона, свивавшегося в бесконечные кольца. А Медея бесстрашно подошла к шипящему змею и трижды окропила его глаза волшебным зельем, «что сладостный сон нагоняет». Завладела дева заветным руном. «Большая была шкура овна, и вся золотая, — пишет Аполлоний Родосский, — а сверху пышно густилась волна, завитками крутыми свисая»*. Струившее яркий блеск руно освещало Медее и Ясону дорогу, когда они возвращались из рощи Ареса на «Арго».

Радостно встретили аргонавты своего предводителя, несшего на плечах заветную добычу. Почтительно приветствовали они и «разумную деву», увозимую Ясоном в Грецию «согласно ее желанью». Гера тут же послала грекам попутные ветры, которые понесли «Арго» на родину. Все веселились, и только Медея испытывала тревожные чувства. «Все бросила я — и землю родную, и царский чертог, и родителей милых. Ты, Ясон, теперь мне и муж, и отец, и брат», — обращалась она к своему возлюбленному.

Быстро обнаружил Ээт пропажу священной реликвии и исчезновение любимой дочери. Вместе с сыном Апсиртом возглавил он погоню. Искусными мореплавателями были колхи, быстро догнали они беглецов. Испугалась Медея — отец потребовал у аргонавтов ее выдачи. Заспорили греки. Большинство из них склонялось к выдаче царевны, надеясь тем самым спасти золотое руно. Но «хитрая колхидка», которой хотелось в тот момент «и корабль сжечь, и разбить все на части», скрыла обиду и изложила дерзкий план: заманить брата в ловушку, предложив ему переговоры на каком-нибудь пустынном острове, а затем убить его. Ээт вынужден будет вернуться в Колхиду, дабы похоронить сына с подобающими ему

* Поэма «Аргонавтика», написанная эллинистическим поэтом III в. до н. э. Аполлоном Родосским, является основным источником наших сведений о походе аргонавтов.

почестями. Точно исполнился замысел Медеи. Ничего не подозревавший Аписирт поехал без свиты и охраны — таково было условие аргонавтов — на остров Артемиды, где его ждала сестра. Она хотела вернуть ему золотое руно и сообщить какую-то тайну. Выскочивший из «глубокой засады» Ясон вероломно убил царевича и отсек у него конечности, которые разбросал по всему острову. Трижды лизнув крови убитого и трижды сплюнув — этого требовал искупительный обычай, — он скрыл в земле влажный труп, чтобы затруднить Ээту поиски тела сына.

Великий гнев охватил олимпийцев, видевших «непристойное деяние» греков. На своих золотых весах Зевс определил их судьбу. Вставленный в днище «Арго» обрубок звучащего додонского дуба* предрек аргонавтам многочисленные потери и скитания по морям до тех пор, пока не прибьет их к острову злой колдуньи Кирки. Она же превратит героев в диких животных — такая участь постигала всех путников, попадавших на этот остров.

И исполнилось предназначенное Зевсом-промыслителем. Сначала «Арго» пытались раздавить и затянуть в страшный водоворот «бродячие скалы» Симплегады. Но посланная Герой с Олимпа богиня Фетида, дочь морского старца Нерея, уговорила своих сестер, nereид, помочь грекам, и те счастливо миновали опасные скалы. Затем Орфей Фракийский, сопровождавший аргонавтов в их плавании, заглушил своим пением и игрой на форминге** сладкие голоса Сирен, полуптиц-полуженщин, заманивавших мореплавателей на подводные рифы и камни. Наконец аргонавты достигли острова Эя, в густых лесах которого бродили неисчислимые стада диких животных. Здесь, в роскошном дворце, и жила дочь Гелиоса, родная сестра Ээта, Кирка. По печальным глазам Медеи колдунья тут же определила, что племянница «от отчизны отринута роком» и что ее преследуют богини мщения, Эринии***. Тронутая мольбами влюбленных, Кирка очи-

* Додона — город в Средней Греции. Здесь Зевс почитался в виде дуба.

** Форминга — четырехструнный музыкальный инструмент с полукруглым корпусом.

*** Эринии — «всепомнящие» или «гневающиеся» богини, имевшие облик неопрятных старух со змеями на голове вместо волос. Они пробуждали у преступников угрызения совести и обрекали их на длительные скитания.

стила их кровью молочного поросенка и проточной водой. Затем она вознесла молитву Зевсу-очистителю, а Эриниям пожертвовала ячменные лепешки и «трезвую влагу», то есть воду, смешанную с медом.

Медея и Ясон были спасены от мести подземных богинь, и «Арго» снова заспешил к родным берегам. Вот и остров Схерия, страна славных феаков, где правили мудрые и гостеприимные Алкиной и Арета. Однако колхи опередили греков, и Ээт потребовал у Алкиной выдачи дочери, которую ждало в Колхиде возмездие. Ясон снова был в нерешительности, и Медея перешла к угрозам: «Я погубила свою страну и своих родных. И тот, ради которого я совершила столько злодеяний, выдаст сейчас меня Алкиною. Пришла пора Мойре оборвать нить моей жизни*. Я навеки уйду от стыда и позора, но ты недолго пребудешь в покое. В грядущем я вернусь из Аида и стану для тебя злой Эринией».

Предводитель аргонавтов был напуган угрозами колхидки. Она же поспешила к Алкиною и чистосердечно рассказала царю феаков о цели плавания греков, о тех испытаниях, которые выпали им в Колхиде, о просьбе сестры Халкиопы оказать помощь чужестранцам, о своей любви к одному из них... Выслушал Медею мудрый Алкиной и так ей ответил: «Свято что я как родственные, так и супружеские узы. Если стала ты чужестранцу женой и носишь плод от него во чреве, мужа я тебя не лишу никогда. Но если пояс твой девичий цел, ты должна возвратиться в дом отца». Услышав ответ мужа, добрая Арета тайно советует Эсониду-герою «немедля деву поять», чтобы стала она его законной женою. На побережье Схерии, в заброшенной пещере приготовили аргонавты брачное ложе для Медеи и Ясона, покрыв его золотым руном. С оружием в руках охраняли герои новобрачных, исполняя под формингу Орфея бесконечный гимней**. А утром Арета поздравила счастливую Медею и подарила ей двенадцать служанок. Много даров преподнес аргонавтам и добродушный Алкиной.

Достигнув наконец берегов родной Фессалии, греки

* Три Мойры, богини судьбы, прядут, по представлениям древних греков, нити людских судеб. Клото, то есть «прядущая», сидит за веретеном и прядет нить жизни каждого человека с самого его рождения. Лахесис, или «определяющая участь», не глядя вынимает жребий и записывает, что суждено смертному. Атропос, что значит «неотвратимая», перерезает нить жизни человека.

** Гимней — свадебная песнь, исполнявшаяся хором.

принесли в жертву богам молодого быка и устроили многодневный пир. На празднике присутствовали все жители Иолка, лишь престарелый Эсон, «от лет своих долгих усталый», не был его участником. Огорченный близкой кончиной отца, Ясон попросил жену-волшебницу отнять у него часть годов и передать их старцу. Тронутая сыновними чувствами мужа, Медея пообещала Ясону совершить над его отцом обряд омоложения. Дождавшись полнолуния, в распоясанном платье, с распущенными по плечам волосами, она пришла глубокой ночью к храму Гекаты. Перед алтарем богини, трижды вскрикнув и трижды обернувшись, волшебница опустилась на колени и обратилась к Гекате с такими словами:

Ныне мне нужен состав, от которого стала бы старость
Вновь, освежившись, цвести, и вернулись бы юные годы.

Богиня послала Медею колесницу, запряженную крылатыми драконами*. На ней колхидка перенеслась в фессалийскую Темпе**. Девять дней и девять ночей она собирала там целительные цветы и травы. Одни Медея вырывала с корнем руками, другие — срезала медным серпом, у третьих — осторожно снимала соцветья. Вернувшись домой, под покровом все той же ночи волшебница приготовила из дерна два жертвенника — Гекаты алтарь и алтарь юности. На первом она принесла в жертву подземным богам чернорунную овцу, кровью которой окропила широкую яму, выплеснув туда же по чаше чистого вина и парного молока. В своей молитве, обращенной к владыке подземного мира Аиду, Медея просит его не отнимать у дряхлого тела Эсона душу. А на жертвеннике юности уже закипал в медном котле целебный состав из темпейских цветов и трав, речных камней, морского песка, крыльев филина, потрохов оборотня, кожи змеи, печени оленя, головы вороны-вековухи и многого другого. Горящими факелами Медея очистила хилое тело усыпленного ею старца и вскрыла мечом его грудь. Дав вылиться в яму прежней крови, она тут же заполнила рану приготовленным составом.

* На краснофигурной фалисской вазе, хранящейся в Эрмитаже, Медея изображена на колеснице, запряженной крылатыми змеями. По мнению искусствоведов, эта иконографическая схема точно воспроизводит текст данного мифа.

** Темпейская долина расположена в Северной Греции между горами Олимп и Осса. Здесь протекает река Пеней, главная река Фессалии. Долина имела обрывистые склоны и славилась великолепной природой.

Лишь Эсон напился,
Раной и ртом то зелье впитав, седину свою сбросил;
Волосы и борода вмиг сделались черными снова,
Выгнана вновь худоба, исчезают бледность и хилость,
И надуваются вновь от крови прибавленной жилы,
Члены опять расцвели.

Проснувшись, Эсон почувствовал себя сорокалетним. И переполнило его сердце свойственное этому возрасту чувство полноты жизни.

Удивительная весть быстро облетела весь Иолк. Дошла она и до Пелиад, дочерей того самого Пелия, что отнял когда-то власть у Эсона и его сына. Возгорелись девы надеждой, что от искусства волшебницы-варварки и их отец вернет себе юность. Хитрая же колхидка, желая отомстить за Эсонидов, «обольстила Пелиад ложною дружбой», и те пообещали ей любую награду. Сначала Медея, чтобы доказать свое искусство, сварила в котле старого истощенного барана, вожака овечьего стада Пелия. И когда из дымящегося котла выпрыгнул блеющий ягненок, девы готовы были выполнить любое приказание волшебницы. Она же, «лиходейка», приготовила чистую воду и траву, не имеющую силы. «Услужите,— обратилась Медея к Пелиадам,— своему отцу. Кровь дурную его, железо вонзив, удалите». Те покорно пошли в отцовскую спальню и нанесли усыпленному старцу несколько ударов мечом. Пелий попытался встать с постели и ослабевшим голосом спросил дочерей, кто «вооружил их против жизни отцовой». У Пелиад «и души упали, и руки», а торжествующая Медея бросила растерзанный прах старца в кипящий котел и улетела на крылатых змеях.

Тяжкая расплата постигла Ясона за убийство Пелия. Он был изгнан вместе с женой-колдуньей из родного Иолка и много месяцев скитался по Греции, пока не достиг Коринфа, богатого и цветущего царства на Истме*. Царь Коринфа, Креонт, был давним другом Эсона. Он не только приютил его сына, но и подарил тому целое состояние. Обжились на новом месте Ясон и Медея. У них родились двое сыновей — Мермер и Ферет. Своим искусством ворожбы и врачевания Медея завоевала авторитет и уважение многих знатных коринфян, хотя

* Истмийский перешеек связывал Пелопоннес, то есть юг Балканского полуострова, с материковой Грецией. Коринф являлся центром транзитной торговли в этом регионе.

были у нее и недруги. Одним не нравился ее дерзкий язык, ибо нередко она «безбожно кляла царей». Другие считали чужестранку слишком умной и независимой. А третьи просто боялись ее колдовских чар. Сам Ясон нередко напоминал жене о ее варварском происхождении и говорил, что в Колхиде никогда не существовало правды и законов, там господствовала одна лишь грубая сила. В такие минуты Медея с горечью вспоминала родных и отчий дом, «в горячке» брошенный ею. Горько быть униженной в чужой стране, где собственный муж обходился с ней, как с варваркой.

Одно оставалось неизменным в жизни Медеи — ее глубокое чувство к Ясону. Так и проходили годы. Старшему сыну, Мермеру, уже исполнилось десять лет, и казалось, ничто не угрожает союзу грека и колхидки. Но неожиданно на Медею обрушилось несчастье. Ясон влюбился в молоденькую коринфскую царевну Главку и решил жениться на ней. «Ради утех нового ложа» он забыл священные клятвы и высокие слова, произнесенные когда-то в роще Гекаты. Отец Главки, Креонт, желая счастья своей дочери, отказал варварке и ее детям в «коринфском приюте». И с тех пор «злая весть обиды» вселилась в сердце Медеи. Ведь ей некуда было податься. Друзья мужа стали ее врагами. Путь домой был отрезан навсегда. Иолк? Его жители не простили колдунье несчастья Пелиад. В конце концов Медея осознала, что она и брошена, и изгнана. Но нелегко достанется ее врагам победа:

Обид не переносит
Тяжелый ум, и такова Медея.

У нее уже был выработан план жестокой мести изменнику.

Сначала Медея встретила с Креонтом и попросила не высылать из Коринфа ее сыновей. «Ведь у тебя тоже есть дочь и тебе знакомо чувство, которое будит в нас слабость и беззащитность детей», — обратилась она к царю. Но Креонт был неумолим. До него уже дошли проклятия и угрозы варварки. Он боялся за свою дочь и ее будущее. Всего один день отсрочки дал царь Медее и ее сыновьям. Но колхидка торжествовала. У нее теперь было время для исполнения задуманного. Робки женщины по природе, замечает Еврипид,

И вид один борьбы или железа
Жену страшит. Но если брачных уз

Коснулася обида, кровожадней
Не сыщете вы сердца на земле*.

Неохотно пришел Ясон на встречу с прежней женой, властной и деспотичной. Он боялся упреков и напоминаний о любви, о былых ее услугах. Но не ей, а Киприде был признателен Ясон за удачный поход в Колхиду. Медее же «давно уплачен долг». Она получила привилегию жить «не меж варваров», а в Элладе, где царят мир и справедливость. Эллины оценили ее искусство, и она имеет у них известность. А что до его нового брака, он сделал это ради детей. Ведь они, как и их мать, были бы в Греции бесправными. Благодаря же женитьбе их отца на царской дочери, гречанке по происхождению, Мермер и Ферет станут когда-нибудь в Коринфе первыми людьми. И Медее должна сама признать это, если только она подумает о чем-нибудь другом, кроме своего супружеского ложа.

Да, «страшный гнев встает, когда вражда сшибает близких». Медее, услышав оправдания мужа, была потрясена его цинизмом и холодностью. Но одновременно она обнаружила и уязвимое место Ясона — его любовь к детям. Он предложил ей деньги, много денег, чтобы сыновья не нуждались в изгнании. Они могут взять в дорогу и «гостинные знаки»**, и его друзья, живущие далеко от Коринфа, помогут им. Медее испытывала к мужу смертельную ненависть, которую породили и утраченная любовь, и оскорбленная гордость. Тем не менее она заманила его в ловушку примирения и уговорила взять в свой новый дом и сыновей. А чтобы Креонт согласился оставить их во дворце, колхидка послала его дочери и своей сопернице богатые подарки — «ведь богов и тех дары склоняют». Это были тончайшей работы пеплос*** и диадема.

Главка, увидев детей Медее, сначала отвернулась. «Ты не будешь злою с моими сыновьями. Прими от них дары и попроси отца освободить их от изгнания», — умолял Ясон невесту. И царевна, привлеченная красивыми вещами, взяла их у Мермера и Ферета. Как только Ясон увел мальчиков, она не смогла удержаться, чтобы не примерить расшитый пеплос и золотую диадему. Ко-

* Трагическое завершение мифа об аргонавтах излагается в трагедии Еврипида «Медее».

** Два друга ломали при встрече кость, и каждый брал себе по половинке.

*** Пеплос — женская верхняя одежда из легкой ткани.

кетливо поправив перед зеркалом «волну волос», сияющая Главка прошла по комнате. И еще не раз,

На цыпочки привстав, до самых пяток
Глазам она давала добежать.

Но вдруг ее поразила боль. Служанки сначала решили, что это припадок падучей. Затем появилось пламя, которое из диадемы искрами посыпалось на одеяние царевны. Охваченная огнем, она силилась стряхнуть с волос диадему, но та как бы приросла к голове. Привлеченный криками, Креонт бросился к дочери и попытался стащить с нее горящую одежду. Пламя тут же перебросилось и на него. Отец и дочь погибли в страшных муках на глазах у оцепеневших от ужаса слуг. Однако Медея, охваченная «демоном» мщени^а, не остановилась на этом. Она убила своих детей и унесла их тела в небеса на колеснице Гелиоса. Потрясенному ее жестокостью мужу Медея бросила на прощанье:

Легка мне боль, коль ею смех твой прерван!

Так мечь покинутой жены «отверзла», по словам Еврипида, сыновьям и возлюбленной Ясона «врата Аида». Сам же он долго бродил в одиночестве по стране, пока не достиг однажды родного Иолка. Здесь герой увидел обветшавший корабль, на котором греки плавали когда-то в Колхиду. Присел он в тени «Арго» отдохнуть и незаметно уснул, сморенный жарой и усталостью. Под обломками обвалившихся балок корабля и нашел свою кончину Ясон, предводитель аргонавтов и неверный муж колхидской царевны Медеи.

* Слово «демон» многократно встречается в тексте трагедии Еврипида. Современные интерпретаторы этого яркого образа древнегреческой мифологии часто говорят о чрезвычайной жажде господства, которая постепенно превратилась в Медею в сверхидею, или еврипидовского «демона».

Сапфо Лесбосская

С незапамятных времен греческие племена осели на солнечных берегах Эгейского моря. Их богатые поселения росли как на побережье собственно Греции, так и на побережье Малой Азии. Естественным мостом между этими двумя неблизкими для людей того времени побережьями стали 483 острова, равномерно заполнившие морские просторы. Греческие мореплаватели двигались вдоль них, не теряя никогда землю из виду.

Среди этих многочисленных островов есть остров Лесбос. Он известен своим выгодным местоположением на торговых путях, здоровым климатом и плодородными почвами. Древние относили его к числу пяти островов, носивших название «блаженных», или «счастливых». Они изобиловали хлебом, елеем, вином. Горные хребты, богатые превосходным мрамором, вздымаясь из моря, как бы держат в объятьях два обширных лазурных залива. Склоны гор густо покрыты хвойным лесом, а в долинах растут мирты, фиги, виноград, оливы, дающие хорошее масло. Вино этого острова пользовалось у греков и рим-

лян большой славой. Хорошим качеством также отличался лесбосский ячмень.

На этой щедрой земле жили представители гордого эолийского племени, женщины которого славились особой красотой. Уже Гомер называет лесбиянок «красивейшими женщинами Эллады». Так, чтобы умиловить Ахиллеса, вождь греков Агамемнон предлагает ему в дар семь лесбосских девиц, «красотой победивших всех жен земнородных». На Лесбосе высоко ценилась человеческая красота. Победители специальных состязаний среди девушек награждались призами.

На этом благодатном острове во второй половине VII века до н. э. родилась Сапфо — известнейшая лирическая поэтесса древности. Точное имя поэтессы — Псапфо, что означает «ясная», «светлая». Несмотря на то, что ее часто причисляют к числу поэтических гениев всех времен и народов, до нас дошли лишь отрывочные сведения о ее жизни и творческой деятельности. Но и здесь твердо установленные исторические факты соседствуют с большим количеством легенд и вымыслов.

На какие достоверные данные мы можем опираться, говоря о Сапфо? Во-первых, мы знаем, где она родилась. Это приморский городок Эрес на Лесбосе. Но большую часть сознательной жизни она прожила в главном городе острова — Митилене. Именно здесь развивался и расцветал ее поэтический талант. Нам также известен состав ее семьи: отца звали, по-видимому, Скамандронимом, имя матери — Клеида. В семье было кроме нее еще три брата; о двух из них довольно подробно повествует предание. Семья была богатая, обеспеченная, аристократическая по своим общественным взглядам.

Сапфо, достигнув совершеннолетия, вышла замуж за богача-андросца Керкола, но вскоре овдовела. От этого брака она имела дочь по имени Клеида, которую горячо любила и которую, как она говорила, «не променяла бы... на все сокровища земли лидийской». Оставшись молодой богатой вдовой, Сапфо собрала вокруг себя тесный кружок из даровитейших девушек своего отечества. Ее дом превратился в «жилище муз».

Наконец, нам точно известно, что в силу политических столкновений на родине она вынуждена была оставить Лесбос и бежать в Сицилию вместе с поэтом Алкеем. Политические стихи последнего дошли до нас, они ярко свидетельствуют об аристократической принадлежности автора. В изгнании Сапфо находилась с 595 года до н. э.

вплоть до 580 года. Умерла она в преклонных летах.

Практически это все сведения о жизни знаменитой лесбосской поэтессы. Правда, к этому надо прибавить воспоминания о ее творчестве современников-греков, в распоряжении которых имелось гораздо большее количество ее стихов, чем у нас. Так, Солон — знаменитый реформатор VI века до н. э., услышав стихотворения Сапфо, заявил, что не хочет умирать раньше, чем выучит эти стихотворения наизусть. Великий греческий философ Платон, живший в конце V — первой половине IV века до н. э., называет ее «прекрасной». Это о ней он написал:

Деять есть муз, говорят, — но число это слишком уж мало:
Сапфо, лесбиянка, ведь стала десятой средь них.

Греческие поэты и писатели называли ее «лесбосским соловьем», «досточтимой», «божественной», «целомудренной», «непорочной» или «среди муз бессмертных смертной жизни». Другие находили, что слова Сапфо «поистине смешаны огнем», что с ней не может сравниться ни одна другая женщина. Ее друг Алкей обращается к ней с такими словами: «Сапфо фиалкокудрая, чистая, с улыбкою нежной...» Города ставили ей статуи. Древние художники не раз воспроизводили ее бюст из мрамора, рисовали кистью, вырезали на геммах. На ее могиле поэт начертал такие слова:

Пепел лишь Сапфо да кости, да имя закрыто землею,
Песни ж ее вдохновенной бессмертие служит уделом.

Однако со временем, особенно начиная с конца античности, наряду с единогласными восторженными отзывами о ней и ее поэзии стали появляться другие мнения, вытеснившие высокий и чистый образ пламенной поэтессы. На ее память была брошена неблагоприятная тень. Сапфо стали называть куртизанкой или даже главой куртизанок, вульгарной любовницей и наставницей в распутстве. Особенно это любили утверждать греческие комедиографы и римский поэт Овидий. Сапфо попала под град обвинений в разложении морали со стороны отцов церкви и александрийских ученых. Это мнение распространилось и в последующей литературе. Такие диаметрально противоречивые взгляды привели к мысли о том, что нужно различать не одну, а двух Сапфо. Стремилась подкрепить эту мысль тем, что в источниках есть разночтение по поводу того места, где родилась поэтесса. По словам Геродота, она родилась в Митилене,

по словам Афиней — в городе Эресе. Так в литературе и возникли: знаменитая поэтесса из Митилены и эресская куртизанка. Эта борьба противоречивых мнений создала множество легенд и преданий, которые до неузнаваемости изменили то небольшое достоверное, что мы знаем из биографии истинной Сапфо. В частности, возникла легенда о ее смерти. Будто бы она (в 60 лет!) страстно влюбилась в холодного красавца, лодочника Феона. Когда тот не ответил ей взаимностью, Сапфо покончила жизнь самоубийством: в отчаянии бросилась с Левкадской скалы в волны Ионического моря. На самом деле это позднейшее измышление. Имя Феона встречается в песнях, где он является мифологической фигурой, одним из любимцев Афродиты. О выдумке говорит и то, что о нем ничего не знали современники поэтессы: Геродот и Алкей, земляк и современник Сапфо.

Такие легенды, извращавшие историческую правду, прочно держались до начала XIX века, когда в Германии стали появляться литературные труды, авторы которых пытались с точки зрения здравого смысла очистить образ Сапфо от всех наслоений, противоречащих известным греческим традициям. Накоплено достаточно материала, чтобы доказать абсурдность того, что Сапфо была куртизанкой, продавая свою любовь за деньги, и испытывала противоестественное влечение к представительницам своего пола. Греческая история не знает фактов, и это достоверно установлено, чтобы куртизанками становились женщины знатных семейств, да еще занимались бы этим у себя дома. Куртизанки происходили из низших слоев населения или даже принадлежали к бесправным рабыням. Сапфо родилась в знатной семье, о чем недвусмысленно говорит история ее рода. Отец носил аристократическое имя. Один из трех братьев, Ларих, отправлял в Митилене почетную общественную должность, на которую выбирались юноши только знатных родов. Из найденного в Египте оксиринхского папируса мы знаем и про ее другого брата — Харикса, который разбогател на торговле вином.

Кстати, именно в связи с Хариксом мы находим у «отца истории» Геродота важный материал. Этот Харикс в городе Навкратисе, в Египте, познакомился со знаменитой гетерой, которую привез туда самосец Ксамор для занятия ее «ремеслом». Ее звали Родопис. Она была рабыней родом из Фракии и отличалась своей красотой. Брат Сапфо выкупил ее из рабства за большие

деньги. Но, вернувшись домой, он был едко высмеян за это своей сестрой в одной из ее песен. В ней Сапфо говорила, что, если бы она была такой, как Родопис, она бы не подвергла брата такому осмеянию. Этот эпизод хорошо показывает место куртизанки в греческом обществе. Положение Сапфо было совсем другим.

В 30-летнем возрасте Сапфо вместе с другими лесбосскими аристократами изгоняется из Митилены на Сицилию по политическим мотивам. Это событие по времени совпадает с восстанием митиленских аристократов, что еще раз указывает на высокое положение, которое занимал ее род на Лесбосе. Совокупность этих обстоятельств дала ученым возможность прийти к однозначному выводу, что обвинение поэтессы в публичном разврате ни на чем не основано. Ее очистили от скверны, которая тянулась за ней столетиями.

Но с решением этого вопроса предстояло решить и другой. Если Сапфо ничего не имеет общего с тем, в чем ее так долго обвиняли, то кто она на самом деле? Долгое время найти правильный ответ не могли. Некоторые утверждали, что Сапфо была главой музыкальной и поэтической школы, которая собирала вокруг себя на Лесбосе девушек самого благородного происхождения. Другие считали, что прекрасная поэтесса стояла во главе мусического кружка молодых женщин. Такого рода женские кружки сравнивали с музыкально-декламационными консерваториями, литературными салонами и эстетическими кружками.

Нетрудно для специалиста заметить в таких рассуждениях явную модернизацию, привнесение в обстановку древнегреческой жизни черт современного общества, которые не свойственны античности. Наличие в VI веке до н. э. свободных поэтических салонов, особых художественных школ, да еще женских, не может быть принято за историческую реальность.

Как известно, VI век до н. э. для истории Древней Греции имеет особое значение. Это век распада первоначально-родовых отношений и возникновения государства, век коренной ломки старого и рождения нового, время столкновения разных традиций. Различными они были у афинян, эолийцев и дорийцев. Афинские девушки получали воспитание, ограничивавшее их кругозор домашними заботами. В отличие от них девушки эолийского и дорийского племен, наоборот, росли на свободе, развивались физически крепкими, принимали активное участие

в общественной и интеллектуально-художественной жизни своих городов. Так, в Спарте молодых представительниц прекрасного пола закаляли бегом, борьбой, метанием диска и копья с тем, чтобы ребенок развивался крепким и здоровым и чтобы рождение его прошло для матери безболезненно и легко. Во время праздничных процессий девушки и юноши выступали обнаженными, танцевали в нагом виде и соревновались красотой тела. Вместе с физическим развитием женщины шло ее духовное развитие. Они объединялись в замкнутые полурелигиозные общества и занимались хорovým пением под руководством какого-либо поэта. Эти замкнутые содружества мужчин и женщин были пережитками половозрастных древнейших образований, возникновение которых относится еще к первобытнообщинному строю.

К подобным замкнутым объединениям у мужчин можно отнести спартанские сесситии. Каждый мужчина должен был обедать вне дома, в мужской палатке. Посещение этих обедов было обязательно. Так, царь Агис, вернувшийся из удачного похода против Аттики, хотел пообедать вместе с женой дома, но когда он послал за своим обедом, то ему не только ничего не дали, но и наложили на него штраф за то, что он хотел нарушить старый обычай. Общие трапезы взрослых мужчин мы встречаем и у критян под названием Андрейя.

В Малой Азии в городе Сарды существовали организованные девические хоры. Во главе таких хоров стоял Алкман — знаменитый поэт второй половины VII века до н. э. Именно ему приписывают создание так называемых парфений — особого рода лирических поэм, исполнявшихся на религиозных празднествах хорами молодых девушек. Наконец, и на острове Лесбос мы можем назвать несколько таких девичьих обществ, которые даже соревновались между собой. И самым прославленным таким девичьим обществом было общество под руководством Сапфо. Ее поэтический дар и слава ее подопечных были известны всему тогдашнему культурному миру. Отовсюду из Греции, Малой Азии, с островов Эгейского моря к ней стекались девушки для обучения игре на лире, пению, стихосложению, танцам. Здесь они получали музыкальное и поэтическое образование. Представители знатнейших семейств посылали сюда своих дочерей, чтобы обучить их не только изящным искусствам, но и хорошим манерам. Девушки объединения назывались мусополами, то есть «слушательницами муз». Из них соста-

влялись хоры, которые принимали активное участие в религиозной жизни Лесбоса. Они собирались для своих занятий в особом помещении. Это был дом для собраний возрастного девичьего объединения. Занятиями и публичными выступлениями руководила Сапфо. Живая, веселая, отзывчивая и чистосердечная, вдохновенная поэтесса, безупречный музыкант и новатор в музыке, она сумела создать школу, память о которой сохранилась надолго.

Вместе с тем отсутствие исторического подхода к этому явлению привело к искажению смысла песен Сапфо. То, что в них женщины поют о любви к женщинам, а не к мужчинам, создавало иллюзию о какой-то особой их специфике. Но все дело заключалось лишь в том, что эти песни зиждились на фольклорной основе, на народном массовом творчестве.

Общение Сапфо с ее подругами-ученицами дарило ей величайшую радость и любовь, и последние питали такие же искренние чувства к наставнице. Свое отношение к миру, к своим ученицам, ко всем окружающим поэтесса выражала дивными стихами. К сожалению, в большинстве своем они до нас не дошли, затерявшись в глубине столетий. Из ее 9 книг нам известны лишь сотня с небольшим фрагментов в случайных цитатах. Самый большой из них состоит из 28 стихов, другой — из 17. Несколько драгоценных отрывков литературного творчества Сапфо нам возвратили пески Египта.

Ее стихи отличаются тонким выбором слов, смелым оборотом мысли, изяществом образов, тонким ритмом, блестящими эпитетами гомеровского стиля. Фразеология и стиль близко относятся к фольклору, к творчеству ее предшественника — Алкмана, их поэтический язык имеет много общего.

Среди дошедших до нас стихов лесбосской поэтессы есть яркая и вместе с тем простая ода, посвященная Афродите. Сапфо рисует томление любви, просит богиню не терзать ее сердце любовными муками, сойти к ней на своей колеснице и исцелить ее истерзанную душу:

Радужно-престольная Афродита,
Зевса дочь бессмертная, кознодейка!
Сердца не круши мне тоской-кручиной!
Сжался, богиня!

Ринься с высей горних,— как прежде было:
Голос мой ты слышала издалече;

Я звала — ко мне ты сошла, покинув
Отчее небо!

Стала на червонную колесницу;
Словно вихрь, несла ее быстрым лётom,
Крепкокрылая, над землею темной
Стая голубок.

Так примчалась ты, предстояла взорам,
Улыбалась мне несказанным ликом...
«Сапфо! — слышу. — Вот я! О чем ты молишь?
Чем ты болеешь?

Что тебя печалит и что безумит?
Все скажи! Любовью ль томится сердце?
Кто ж он, твой обидчик? Кого склоню я
Милой под иго?

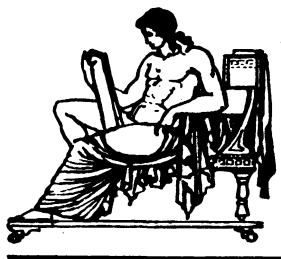
Неотлучен станет беглец недавний;
Кто не принял дара, придет с дарами;
Кто не любит ныне, полюбит вскоре —
И безответно...»

О, явись опять — по молитве тайной
Вызволить из новой напасти сердце!
Стань, вооружась, в ратоборстве нежном
Мне на подмогу!

(Перевод В. Иванова)

Оды Сапфо получили широкую известность, так же, как и эпиталамы, или так называемые гименеи, — свадебные песни, которые охватывали различные стороны греческого свадебного обряда. Они имеют богатую фольклорную основу, тонкую лирическую канву, которая отличается глубиной чувств, всеми оттенками человеческих переживаний.

Да, труд историка кропотлив. Но наградой ему служат редкие моменты откровения, когда из мглы веков начинает проступать Истина. Поколения ученых исследовали жизнь и творчество прекрасной древнегреческой поэтессы. Много копий было сломано вокруг ее дивной музыки. Но теперь, благодаря их труду, яркая звезда лесбосской кудесницы горит на небосклоне лирической поэзии. Своим блеском она притягивает к себе все новых почитателей таланта Сапфо. Это служит гарантией того, что теперь ей уже не суждено погаснуть.

Аспазия и Перикл

Перикл (495—429 годы до н. э.) — долголетний руководитель Афин эпохи расцвета Эллады — много сделал для возвышения греческой столицы. Историк Фукидид вложил в его уста такие слова: «Мы воздвигли себе великие памятники, свидетельствующие о нашем могуществе, и будем возбуждать удивление в последующих поколениях, как возбуждаем его теперь в современниках». Наш государственный строй, говорил Перикл, «не подражает чужим учреждениям, мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим. Называется этот строй демократическим, потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве...»

Периклу удалось превратить Афины в экономический, политический, культурный и религиозный центр всей Греции. Современники говорили о нем, что он «превосходил всех граждан умом и красноречием». Он был оратором, философом, художником, политиком и воином — человеком, олицетворявшим «золотой век» афинской государственности.

Активная общественно-политическая деятельность Перикла протекала на фоне неурядиц его семейной жизни, хотя он строго выполнял законы Гименея по афинскому образцу. По этим законам, афинские жены занимались, главным образом, домашними работами и детьми. Общественные, интеллектуальные и художественные интересы им были чужды — они не принимали участия в каких-либо зрелищных мероприятиях и пиршествах, были лишь прислужницами своих мужей и имели ограниченный духовный кругозор. Добродетель таких женщин заключалась в том, чтобы быть как можно менее заметными. В правильности такого положения был уверен и сам Перикл. В своей знаменитой надгробной речи он говорил, обращаясь к афинским женщинам: «Ваша величайшая честь должна заключаться вот в чем: старайтесь жить так, чтобы среди мужчин наименьше думали о вас, все равно, в хорошую ли сторону или дурную».

Естественно, что такие женщины мало привлекали мужчин, и те тянулись к гетерам — интересным и блестяще образованным собеседницам, которые, как правило, приезжали в Афины из других городов и даже стран.

В молодости Перикл женился на своей близкой родственнице, вдове или разведенной жене некоего Гиппоника. От первого брака она имела уже сына Каллия, от брака же с Периклом у нее родились еще два сына: Ксантипп и Парал. Но ни один из них не принес радости отцу. Старший был мотом и гулякой, младший же — рано умер. Отношения обоих супругов, по-видимому, не переходили, как говорится, рамок приличий. Перикл относился к своей жене, как и другие афиняне: он не питал к ней особой симпатии, а проще говоря, был равнодушен, несмотря на то, что они успели нажить двух сыновей. Он, правда, старался не показывать никому, насколько ему постыло жить с безразличной ему женщиной, но глубоко переживал свое положение.

И вдруг все изменилось — к нему пришла настоящая любовь. Перикл решительно и без особого сожаления разошелся со своей женой, тем более что в тогдашних Афинах разводы совершались довольно легко. Разведенная жена, «с ее согласия», без особого труда передавалась другому. Выполнив этот обряд развода, Перикл женился на иностранке Аспазии, к которой питал «большую нежность». Она принесла в его дом радость, покой и счастье, хотя такой брак не был полностью законным.

Впрочем, преувеличивать это обстоятельство не следует. В практической жизни греки заключали брачные союзы с гражданами разных городов, и это не вызывало особого удивления. Некоторые города-государства даже имели между собой специальные договорные соглашения по поводу полноправности таких браков. И хотя между Афинами и родиной Аспазии — Милетом такого договора не существовало, все же ее союз с Периклом мог считаться действительным. Правда, этот союз был в какой-то мере особенным. Он касался не рядового афинянина, а первого гражданина Афин, их руководителя и вдохновителя, вождя афинской демократии, на действия которого греки равнялись. В этой связи поступок Перикла привлек всеобщее внимание, вызвал немало толков в афинском обществе и принес Периклу ряд незаслуженных огорчений и обид.

Аспазия родилась в городе славном и могущественном, свидетельством чего были его активная деятельность по созданию колоний на берегах Черного моря и в Северной Африке, успехи философов и историков. Первые создали знаменитую Милетскую школу натурфилософов в лице Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена, вторые — в лице Гекатея, Кадма, Дионисия — были крупнейшими логографами, предшественниками «отца истории» Геродота.

Когда Аспазия появилась в столице Греции, точно сказать невозможно. Можно только предположить, что это произошло на двадцать первом году ее жизни. Она покинула родину и переселилась в Афины. Здесь она застала много противоречивых и отсталых обычаев и сразу начала против них решительную борьбу. Главным образом это касалось женского вопроса — проблемы эмансипации женщин. Как уже говорилось, по стародавним афинским устоям, на долю женщины оставались лишь хозяйственные заботы и воспитание детей, от нее требовались послушание, верность и скромность. Она была лишена политических прав и даже не могла сама выбрать мужа. Браки по любви были редким исключением.

Судьбу девушки определяли родители. В 15 лет ее обычно сватали за тридцатилетнего мужчину, и накануне свадьбы она должна была приносить в дар богине Артемиде куклу. Развод осуществлялся по первому желанию мужа, дети при этом оставались у него. Если же расторгнуть брак хотела женщина, то в этом случае вмеши-

валось само государство, которое всяческими мерами препятствовало этому.

Против всех этих обычаев решительно выступила Аспазия, которая стала заниматься широкой просветительской деятельностью, распространяла знания, проводила новые, более прогрессивные взгляды на жизнь, на роль женщины в обществе. Ее беседы и лекции были очень популярны и имели большой резонанс. Ее благосклонности добивались многие из афинян. Своими знаниями она поражала мудрецов-философов. Сам знаменитый Сократ завидовал ее умению спорить и с удовольствием слушал ее. Он первым объявил себя учеником этой прекрасной и гениальной женщины, которая была одинаково непревзойденной в искусстве любви и искусстве беседы. Судя по рассказам, ее речи в кругу друзей отличались образностью и высокой духовностью.

Когда Сократа спрашивали, как лучше воспитать хорошую жену, он неизменно отвечал: «Все это гораздо лучше объяснит Аспазия». Об отношении Сократа к Аспазии свидетельствует бронзовый барельеф из Помпеи, на котором она изображена рядом с этим философом, и он, как ученик, слушает ее. О том, что она говорит о любви, свидетельствует стоящий на заднем плане Эрос, который что-то записывает. Ее волнистые волосы покрыты платком. Этот мотив повторяется на гемме с женским портретом, хранящейся в Ватикане. В нижней части портрета имеется надпись «Аспазия». Сократ был так удивлен ее прекрасной внешностью, а еще более — богатым духовным миром, что решил познакомиться с первым гражданином афинского государства — Периклом. Осуществить эту идею оказалось довольно трудно, тем более что Аспазию называли гетерой, а Перикл в женском вопросе придерживался консервативных взглядов. Он уже привык к одиночеству, был крайне осторожен в выборе друзей, редко знакомился с новыми людьми. Но Сократ был настойчив, подчеркивая, что если он примет его предложение, то не пожалеет, поскольку с Аспазией считают необходимым встречаться умнейшие греки, которые от этих встреч становятся еще умнее и благороднее. Была потревожена и тень знаменитого греческого законодателя Солона, который говорил, что именно гетеры обеспечивали нерушимость брака, избавляя мужей от многочисленных походов.

Перикл сдался на уговоры Сократа, когда последний поставил вопрос ребром: «Может, Перикл так любит

свою жену, что только в ней находит советчика и друга?» При первой же встрече они потянулись друг к другу, полюбили с первого взгляда, хотя Перикл был более чем в два раза старше Аспазии. Вскоре она вошла в его дом полноправной хозяйкой, и он почувствовал себя счастливым. Всею душой он привязался к ней. Его биограф Плутарх передает, что, по словам современников, Перикл «никогда не входил и не выходил из дому, не поцеловав ее».

С тех пор как в доме Перикла поселилась Аспазия, он, без преувеличения, стал центром культурной жизни Греции. Многие приходили сюда беседовать, спорить, обсуждать государственные и даже семейные дела. Частыми посетителями были философы Анаксагор, Сократ и Зенон, историк Геродот, драматург Софокл, архитектор Гипподам, скульптор Фидий, музыкант Дамон, а также другие поэты, художники и ораторы. Это был знаменитый кружок просветителей, духовной элиты тогдашних Афин, и возник он благодаря Аспазии. Одновременно она была преданным другом, советником и помощницей Перикла. Молва говорила, что она не только учила красноречию теоретически, но и помогала Периклу сочинять речи. Пока Перикл находился у власти, был могуществен и силен, Аспазия с особым политическим тактом и умом, целеустремленно и уверенно поддерживала его прогрессивные начинания, бесстрашно отражала нападки и оскорбления. Исключительное положение Аспазии, величие дел Перикла и ее влияние на него делали ее мишенью для их политических противников. Она подвергалась клевете, насмешкам и поруганию. Ее сравнивали с Омфалой, околдовавшей Геракла, с Деянирой — женой Геракла и виновницей его смерти, иногда ее называли и Герой, «супругой Олимпийца», и наложницей Кира Младшего.

Вскоре обстановка ухудшилась, и им обоим пришлось испытать немало трудностей. В этих условиях они еще крепче привязались друг к другу.

В самом начале 30-х годов V века до н. э. разразилась многолетняя, тяжелая и изнурительная война между Афинами и Спартой, известная в истории под названием Пелопоннесской войны. Перикл пытался ее предотвратить, но не смог. В условиях военной обстановки он стал терять свой прежний авторитет и влияние. Усилились многочисленные нападки на ближайших друзей Перикла, на него самого и его жену. Причем враги Перикла устано-

вили зловещую очередность своих нападков. Им хотелось поразить противника сначала в лице его друзей, а потом уже добраться до жены, чтобы, ослабив его таким образом, добиться его полного поражения.

Первый удар был направлен против Фидия, знаменитого художника и скульптора. Его обвинили в утайке золота, которое вручили ему для отливки плаща богини Афины Паллады. Обвинение это не имело под собой никакой почвы. Достаточно было снять этот плащ и взвесить, что и сделал Фидий. Это поставило клеветников в неудобное положение. Однако они не хотели мириться со своим поражением. На украшении щита Паллады они заметили изображения с чертами Перикла и самого Фидия, что послужило обоснованием обвинения художника в осквернении святыни и богохульстве. В результате чего он был заточен в тюрьму, где и умер от тоски еще до окончания своего процесса. Таким образом, врагам удалось без особого труда вырвать первое звено из Периклово окружения. Затем они перешли к следующему этапу: двое близких друзей Перикла — музыкант Дамон и философ Анаксагор — были обвинены в атеизме. Первый спасся от смерти бегством, жизнь второго Перикл отстоял с огромным трудом, но избавить от ссылки не смог.

Теперь настало время Аспазии. Она была вызвана на суд, где ей предъявили два обвинения: кроме личной безнравственности и безбожия ей приписали сводничество, соращение свободных афинянок, которых она будто бы вызывала в дом Перикла для любовных утех хозяина. Обвинения эти, выдвинутые постоянным противником Перикла одноглазым комедиографом Гермиппом, были построены на песке. Они только показали, как клеветники использовали обстоятельства, чтобы нанести удар людям, которые когда-то разоблачали их же неблагоприятные поступки.

Но суд есть суд, и дело Аспазии могло принять худой оборот. По греческим обычаям, женщинам нельзя было выступать в общественном месте. Стало быть, Аспазия не могла сама себя защитить, и эту функцию пришлось взять на себя потрясенному вероломством врагов Периклу. Во время разбирательства он использовал все свое красноречие, прося присяжных не наносить ему тяжкого удара осуждением жены. С трудом, со слезами на глазах ему удалось добиться ее оправдания. Присяжные пошли навстречу Периклу и сняли все обвинения. Противники

не могли стереть из памяти всего того, что сделали эти выдающиеся люди. Народная память передает забвению наветы злобных и несправедливых людей, которых немало в любом обществе, и передает новым поколениям все лучшее.

В 351 году до н. э. Перикл издал закон о гражданстве, по которому гражданином Афин мог быть только тот, у кого и отец и мать имели афинское гражданство. Тогда этот закон был важной мерой утверждения афинской демократии. Согласно афинской конституции, каждый гражданин имел право на обеспечение продовольствием из казны государства. Поэтому чем меньше было число граждан, тем больше была доля дохода каждого из них. После принятия этого закона провели чистку гражданских списков, из которых многие были вычеркнуты по доносам о рождении родителей. Мог ли думать тогда Перикл, что этот закон сильно ударит по самому законодателю.

Дело в том, что единственный сын Аспазии и Перикла, которому они дали имя отца, по этому закону лишался права гражданства, как сын иностранки. Снова Перикл бросился в бой, теперь уже за сына, и ценой невероятных усилий сумел добиться внесения его в гражданские списки. Это было уступкой ему за особые личные заслуги.

Пелопоннесская война знаменовала начало последнего трагического периода в жизни знаменитого государственного деятеля. Через несколько лет после начала военных действий на Афины с Востока обрушилась страшная эпидемия, которая скосила множество афинян. Не обошла она и дом Перикла. Умерла его сестра, затем оба сына от первого брака: сначала старший — Ксантипп, а через восемь дней младший — Парал. Потом наступила очередь самого Перикла, несмотря на героические усилия его жены уберечь любимого мужа от гибели. Он умер на 65 году жизни, осенью 429 года до н. э., став последней жертвой уже угасающей эпидемии.

Рок Перикла через много лет после его смерти настиг и его последнего любимого сына, который стал жертвой диких суеверий. На заключительном этапе затянувшейся войны (летом 406 года до н. э.) афинский флот одержал блестящую победу над спартанским у Аргинузских островов (близ Лесбоса). Это была последняя победа афинян в Пелопоннесской войне. Но вместо награды победители были преданы суду, поскольку из-за

сильной бури они не успели подобрать раненых и погибших, оказать помощь уцелевшим морякам. По афинским законам, это было преступлением.

Против стратегов флота (в числе которых был и Перикл — сын Перикла) начался процесс. Рассмотрение дела было передано притании*.

По нормам афинского судопроизводства, требовалось судить каждого виновного в отдельности и выносить приговор индивидуально. Но суд пренебрег этим и осудил всех стратегов одновременно. Они были приговорены к смертной казни. Единственным человеком, оставшимся на страже закона и проголосовавшим против несправедливого приговора, был Сократ. Во время суда он был одним из пританов, но изменить решение суда не мог. Сын Аспазии и Перикла ушел из жизни.

Что случилось с Аспазией после смерти ее мужа? Существуют сведения, что Аспазия связала свою судьбу с человеком, которого считали будущим вождем демократов. Звали его Лизикл. Он происходил из низов, торговал скотом и был, в общем, ничтожным человеком. Говорили, будто бы он достиг большого влияния благодаря браку с Аспазией и позже стал полководцем. Но сравнивать его с Периклом невозможно. И все же, если этот поступок Аспазии действительно имел место, то его можно понять. Скорее всего, здесь было две причины. Во-первых, она осталась одна в городе, где в условиях жестоких лет войны все труднее становилось жить, особенно иностранке, к которой многие испытывали недоверие и даже ненависть. Кроме того, у нее остался сын Перикл, которому в год смерти Перикла было только 18 лет. Он нуждался еще в мужской поддержке и сильном покровителе. Это до определенной степени служило оправданием выхода замуж за нелюбимого человека. Второй причиной, видимо, было отчаяние одиночества после потери дорогого человека. Умолкли ее умные речи, нигде не слышен был ее ласковый голос, никто и ничто не интересовало ее больше. Жизнь для нее была кончена.

С Лизиклом Аспазия прожила всего полтора года, после чего он пал в сражении. Овдовев вторично и оставшись с маленьким сыном от второго брака, она вместе с ребенком удалилась из Афин и умерла в неизвестности.

* Притания — государственный орган Афин в количестве 50 человек, избираемый из Совета 500. Пританы занимались текущими делами и являлись своеобразным правительством Афин.

Мать Александра Македонского

Жизнь и судьба женщины эпохи эллинизма резко отличается от жизни эллинских женщин предшествующих времен, когда представительницы прекрасного пола, за редким исключением, вели скромный образ жизни, не выходящий обычно за рамки домашних стен. В этой связи характерно, что античные источники, прежде всего авторы исторических трудов, излагающие историю V и первой половины IV веков до н. э., или вовсе не упоминают женщин, или ограничиваются весьма скудными сведениями, отодвигая их на задний план, выставя незначительными, побочными персонажами. И все-таки до наших дней дошло немало женских имен времен классической Греции; однако о них известно лишь немногим больше, чем то, что, например, Эльпиника была сестрой Кимона, Ксантиппа — женой Сократа, а Диномаха — матерью Алкивиада.

Совершенно иначе обстоит дело с женщинами периода эллинизма. Список имен знаменитых женщин этого времени значительно шире. На страницах исторических

трудов появляются описания отдельных эпизодов жизни той или иной эллинистической царицы или царевны, и хотя античная традиция не почтила ни одну из женщин эллинизма отдельной биографией — это скорее специфика жанра, чем невнимательное отношение к женщине. Пристальное внимание к женщине той эпохи является ярчайшим свидетельством того, что она, преодолев границы геникея*, проникает в сферу политики, играя в ней подчас довольно-таки значительную роль, а также в область образования и науки.

Обширный перечень знаменитых эллинистических женщин представлен и жестокими, властолюбивыми, стремящимися к полной самостоятельности царицами, какими были Олимпиада и Евридика, и мудрыми советчицами своих мужей Арсиноей и Динамией, и просвещенной афинской гетерой Таис, и приобщившимися к философии Гиппархией, Феано и Ипатией, и многими другими.

Исходя из хронологической последовательности, первой знаменитостью женского пола с полной уверенностью можно назвать Олимпиаду, мать Александра Македонского.

Олимпиада родилась примерно в 375 году до н. э. в Эпире, гористой области на Балканском полуострове, расположенной между двумя мирами — уже потерявшей под ногами почву Элладой и с каждым годом набирающей могущество Македонией. Она была дочерью эпирского царя Неоптолема, возводившего свое происхождение через Ахилла к Эаку, строившему, по преданиям, стены Трои вместе с Посейдоном и Аполлоном. Отсюда и род эпирских царей прозвался Эакидами. Неоптолем по неизвестным причинам умер очень рано, оставив после себя двух сирот — дочь Олимпиаду и сына Александра — и вдову-царицу, которая вскоре после смерти мужа также умерла. Для маленьких сирот преждевременная кончина родителей стала только началом тех бедствий и лишений, с которыми им суждено было столкнуться в столь раннем возрасте. Дело в том, что, будучи несовершеннолетней девочкой, Олимпиада не могла стать наследницей царского престола, так же как и Александр. Регентом был назначен их дядя Арибба, который вовсе не хотел считаться с детьми умершего брата-царя. Преследуя честолюбивые планы и желая сохранить пре-

* Геникей — женская половина в доме у древних греков.

стол за собой и своими детьми, Арибба с самого начала своего регентства лишил Олимпиаду и Александра законного права проживать в царских покоях, вынудив их, жестоко униженных, влачить жалкое существование среди грубых рабов и невежественной прислуги. Особенно доставалось Олимпиаде. Девочку постоянно обижали и оскорбляли, пытались с раннего детства лишить чувства собственного достоинства, стереть в памяти воспоминания о том, что она является царской дочерью. Вряд ли Олимпиада получала в отношении воспитания даже минимум того, что приличествовало царской дочери. Такое более чем черствое отношение не могло не наложить свой отпечаток на формирующийся характер девочки. У нее развились недоверчивость, озлобленность, затаенная до времени мстительность, выросшая впоследствии в слепую жажду мести.

Правда, вскоре для Олимпиады настало частичное облегчение от унижений Ариббы. В двенадцать лет ее посвятили в таинства Самофракийских мистерий, устраивавшихся в честь бога Диониса с древних времен. Ариббе было выгодно сделать из Олимпиады отрешенную от светской жизни служительницу культа, навсегда лишив ее возможности претендовать на престол.

Для посвящения в таинства бога Диониса на острове Самофракия собирались мальчики и девочки со всей Эллады и из прилегающих областей, в том числе Эпира и Македонии. Обстоятельства совпали так, что как раз в это время на Самофракии среди посвящаемых находился и будущий царь Македонии Филипп. Здесь в святилище корибов* и встретились впервые юный Филипп и Олимпиада. Облаченная в праздничные одежды, с прекрасными распущенными волосами и свежим румянцем на щеках, со сверкающими в полумраке глазами, Олимпиада, напоминая едва распустившуюся розу, самозабвенно отдавалась чудесам таинственных церемоний. На впечатлительного македонского юношу прекрасная маленькая эпириотка произвела потрясающее впечатление, более сильное, чем сам культовый обряд. Именно в те дни в сердца благородного юного македонянина и маленькой эпириотки проникло вселенное пенорожденной Афродитой чувство любви.

* Корибы (корибанты) — жрецы и спутники Великой Матери богов, славящие ее в экстатических оргиях под звуки флейт и тимпанов.

Но вот посвящения были закончены. Филипп вернулся на родину, в Македонию, где ему пришлось с головой окунуться в круговорот государственных дел; а Олимпиада, очищенная и просветленная, удалилась в Эпир, где предпочла заключению при дворе Ариббы служение Дионису. Она ревностнее других была привержена таинствам бога. Во время орфических шествий и оргий она, невзирая на юный возраст, возглавляла их участниц, которых в Эпире называли клодонками и мималлонками. В неистовстве, доходящем до магического экстаза, она, по обыкновению возглавляя торжественные процессии, шествовала полуобнаженная, обвитая священными змеями, всем своим видом вселяя ужас и страх в мужчин, наблюдавших за священнодействиями.

Подобным образом для Олимпиады прошел год, два, три, пять, а может, и больше. Многому научилась Олимпиада, будучи менадой* Диониса. Кроме всего прочего, связанного непосредственно с отправлением мистерий, научилась она в эти годы у старших жриц и знахарок и искусству приготовления различных зелий, в том числе и ядов. Теперь, проникнув в их тайны, она стала обладательницей страшного оружия, с помощью которого могла мстить своим обидчикам, и прежде всего Ариббе за погрязшее детство. Годы, прошедшие без материнской любви, без забот и ласки ближних, оставили свой неизгладимый отпечаток, истребив в Олимпиаде добродетельное начало, взамен этого у нее развилось желание мстить за поруганную честь. Но, видимо, прибегнуть к мести посредством отравления в это время Олимпиаде не представилось возможности, потому что Арибба по-прежнему оставался царем Эпира, а его приближенные в угоду своему господину не упускали случая поиздеваться над ней и ее маленьким братом Александром.

Возможно, Олимпиада, в лучшем случае, навсегда осталась бы жрицей бога Диониса, в худшем — пала бы жертвой коварства своего дяди Ариббы, если бы не самый непредвиденный поворот судьбы, не только принесший желанное освобождение от унижительного существования, но и возвысивший ее до вершин власти. Неожиданное освобождение пришло из соседней Македонии, которой в это время, став царем, управлял Филипп, тот самый Филипп, с которым Олимпиада несколько лет

* Менады — в античной мифологии спутницы бога Диониса. Так называли также участниц вакханалий.

назад встречалась на Самофракии. Она с тех пор и думать о нем перестала — не до этого было в ее безнадежном положении. Правда, в Эпир доходили слухи о том, что Филипп, захватив македонский престол, с успехом вел завоевательные войны, расширяя пределы своего государства и укрепляя его изнутри. Олимпиада не придавала таким известиям особого значения: кто был теперь Филипп, а кто — она, лишенная всех своих законных привилегий; да и как могла она предположить, что мимолетное отроческое увлечение ею не погаснет в Филиппе после разлуки, а, наоборот, разовьется с новой силой. Но тем не менее, независимо от нее, все свершилось именно так: Филипп не забыл о ней.

Весной 357 года до н. э. в Эпир из Македонии прибыло почетное посольство. Послы обратились к царю Ариббе с предложением македонского царя Филиппа отдать за него замуж Олимпиаду. Арибба оказался в затруднительном положении: за вполне естественным желанием Филиппа взять в жены представительницу царского дома узурпатор рассмотрел стремление победоносного царя посредством бракосочетания овладеть задом и законной вотчиной своей будущей супруги без лишнего напряжения сил и кровопролития. Такой оборот дела ставил Ариббу в зависимость от Македонии, а также вызывал опасения насчет того, что, вырвавшись из-под его контроля и став македонской царицей, Олимпиада сделает все возможное, чтобы отстранить его от власти и вернуть престол законному наследнику — своему брату Александру. Но в данной ситуации выбора не было: пришлось идти на уступку, в противном случае — война, а какие силы он, Арибба, мог выставить против сокрушительной македонской фаланги, подкреплённой мощной фессалийской конницей.

Арибба, оттягивая время, старался как можно дольше задержать македонских послов при своем дворе, ежедневно устраивая для них роскошные пиры, на которых с едва скрываемой неприязнью провозглашал здравицы в честь царя Македонии и его подданных. Но что ни день из Македонии являлись на взмыленных лошадях все новые курьеры с требованием поспешить с ответом. В конце концов пришлось закончить дипломатические переговоры о предстоящем браке. Олимпиада была доставлена во дворец, собрано с присущей Ариббе скарденностью ее приданое, и в один из летних дней 357 года до н. э. эпирская царица верхом на лошади в наряде

вакханки, сопровождаемая кавалькадой македонян, возвращавшихся словно с пира после очередной победы, двинулась навстречу своей судьбе.

Вскоре угрюмые горы Эпира, покрытые дикими лесами, остались позади: впереди открылась более равнинная местность Македонии, и Олимпиада, непривычная к перемене мест, очутилась словно в ином мире, в котором многое для нее было новым и удивляло на каждом шагу. Более всего ее поразило оживление, царившее на македонских дорогах и небольших военных пунктах, часто попадавшихся на пути: поднимая тучи пыли, стремительно неслись во все стороны всадники с экстренными поручениями, в строгом боевом порядке маршировали небольшие патрульные отряды, поблескивая начищенным оружием. Вся страна представилась Олимпиаде похожей на большой котел, в котором все так и кипело, и в самый короткий срок она интуитивно приобщилась к ритму жизни страны, которой ей предстояло в скором времени править.

Филипп, вопреки ожиданиям Олимпиады, не встретил ее на границе своего государства, не вышел он навстречу и у стен своей резиденции — столицы Македонии Пеллы — и даже, когда отряд достиг дворца, не удостоил ее личным вниманием, хотя дворцовая прислуга оказала ей поистине царские почести. Такое поведение Филиппа сначала несколько смутило Олимпиаду, но потом ей подумалось, что, возможно, царь занят важными государственными делами. Она не ошиблась в своих догадках. После того как она отдохнула с дороги и сменила запыхавшиеся одежды на свежие, явилась служанка и объявила, что царь рад видеть ее и с нетерпением ждет.

После многочисленных переходов по коридорам царского дворца Олимпиада неожиданно очутилась в большой зале, заполненной людьми. Собравшиеся оживленно разговаривали: видимо, обсуждали что-то важное. На Олимпиаду даже не обратили внимания, что поставило ее в неловкое положение. Она некоторое время в нерешительности осматривалась по сторонам, пока ее взор не остановился на человеке, по одеждам ничем не отличавшемся от остальных, но который, как ей показалось, доминировал над всеми. В этот момент он, склонясь над столом, на котором была разостлана карта, что-то говорил своим приближенным.

Да, это был он. Олимпиада не ошибалась. Хотя со времени их последнего свидания прошло несколько лет

и он, возмужав, значительно изменился внешне, сердце безошибочно ей подсказало, что это Филипп.

Собравшись с духом, Олимпиада гордой, независимой походкой двинулась к Филиппу. Тот, на какое-то мгновение оторвавшись от карты, обернулся, видимо почувствовав на себе пристальный взгляд Олимпиады, и увидел ее. Глаза царя вмиг загорелись огнем восхищения, и он, протянув вперед руки, как это делают при встрече после долгой разлуки образованные греки, направился к ней, чтобы заключить в объятия.

Примерно так могла произойти встреча Филиппа и Олимпиады в Пелле в 357 году до н. э. Вскоре было совершено торжественное бракосочетание. Филипп в лице Олимпиады нашел любящую супругу, а Македония наконец-то обрела избранницу из царского рода, чья персона могла представлять страну на тогдашней международной арене и чей сын без всяких сомнений должен был стать законным наследником престола.

Олимпиада была шестой по счету женой Филиппа. Первый раз Филипп женился на Филе, девушке знатного происхождения из элимиотийских горных районов, еще до того, как стал царем. После победы над Иллирией он взял в жены Аудату. Став женой Филиппа, она назвалась Евридикой и родила ему дочь Киннану. Из дипломатических соображений свой третий брак Филипп заключил с Филлиной из Фессалии. От этого брака родился сын Арридей. Четвертой и пятой женами Филиппа были Никазиполида, также из Фессалии, и фракиянка Меда. Кроме этого у Филиппа были и другие женщины, многие из которых имели от него детей. Но ни одна из них не могла быть царицей Македонии из-за своего нецарского происхождения, а дети, рожденные ими, не могли считаться наследниками престола. Почти ничего не известно о судьбе всех этих женщин после того, как Филипп женился на Олимпиаде. Правда, некоторые источники сообщают, что Фила и Аудата умерли до 357 года до н. э., остальные же или оставались при дворе Филиппа простыми наложницами, или возвратились на родину, хотя их детей причислили к македонской знати.

Абсолютно нет никаких сомнений в том, что брак Филиппа и Олимпиады был браком по любви. В начале своей супружеской жизни эти две незаурядные личности безудержно тянулись друг к другу с такой же силой, с какой по прошествии времени отталкивались друг от друга. Олимпиада была бесконечно благодарна Филиппу

за избавление от мучительного гнета Ариббы и платила ему искренней любовью. Филипп, в свою очередь, из чувства признательности за разделенную любовь возвел ее на почетный пьедестал, для которого она была рождена.

Они прожили несколько счастливых лет: казалось, медовый месяц растянулся на годы. Но самым счастливым был, конечно же, 356 год до н. э.— год рождения наследника. Мальчика назвали Александром в честь его славного предка Александра Филэллина, правившего Македонией во время персидского нашествия на Элладу.

Античные предания связывают с рождением Александра различные небылицы. Например, ходили слухи, что во время первой брачной ночи Филиппа и Олимпиады была сильная гроза, и Олимпиаде показалось, что молния ударила ей в чрево, а день появления Александра на свет якобы совпал с днем поджога Геростратом храма Артемиды Эфесской. Говорили также, что находившийся в походе Филипп получил в тот день три счастливых известия: о победе над иллирийцами, о победе своей скаковой лошади на Олимпийских играх и о рождении сына.

Александр был единодушно признан македонской знатью законным наследником Филиппа. Родившийся раньше Арридей не брался в расчет из-за низкого происхождения своей матери Филлины. Только Александр, считали македоняне, может заменить Филиппа на троне.

Филипп был бесконечно рад рождению сына и сердечно благодарен Олимпиаде за такой подарок. Несомненно, что в первые годы после рождения Александра Олимпиада занимала куда больше места в сердце Филиппа, чем в последующем. Филипп боготворил свою возлюбленную супругу, предоставляя ей все большую власть над Македонией.

Олимпиада еще раз осчастливила Филиппа в 354 году до н. э. рождением дочери, которую называли Клеопатрой — «Знатной по отцу». Но, видимо, роды были тяжелыми, вследствие чего Олимпиада не питала особой любви к дочери, что, кстати, хорошо видно из их дальнейших взаимоотношений, когда Клеопатра была в руках матери скорей послушной марионеткой, чем любимым чадом. Зато сына Олимпиада любила больше жизни. Именно по ее инициативе воспитателем Александра был назначен ее родственник Леонид, «муж сурового нрава», как пишет о нем Плутарх. Олимпиада, из чувства мате-

ринской любви к сыну и желая как-то скрасить его суровое воспитание, иногда присылала ему лакомства, которые Леонид бесцеремонно выбрасывал вон при обнаружении, не устывая повторять, что для завтрака его воспитаннику нужен ночной переход, а на обед — скудный завтрак.

В годы счастливой супружеской жизни Филиппа и Олимпиаду связывали не только дети, но и общность интересов во многих политических вопросах. Олимпиада ни на миг не забывала, что родилась и выросла эпириоткой, что по праву рождения была эпирской царевной и хотела оставаться ею, будучи македонской царицей. Преисполненная тщеславия и обуреваемая неумеренным властолюбием, она теперь рассматривала свою родину не иначе как личную вотчину и считала, что в Эпире должен править не Арибба, а ее брат Александр под ее покровительством. Это в принципе соответствовало и планам Филиппа, который хотел за счет Олимпиады и ее брата сделать Эпир зависимым от Македонии.

Таким образом, в отношении Эпира супруги действовали в полном согласии. По настоянию Олимпиады Филипп в 351 году до н. э. стянул свои войска к границе Эпира, и Олимпиада, предъявив Ариббе ультимативные требования, добилась от него выдачи брата, а через девять лет, когда Александр созрел для управления государством, она повела дело так, что Арибба был изгнан из страны. Александр ее милостью стал царем Эпира. Теперь Олимпиада могла через брата управлять своей родиной, имея в нужный момент под рукой надежное убежище.

Однако, как говорили древние мудрецы, ничто в этом мире не вечно, все изменяется, и настало время, когда во взаимоотношениях Филиппа и Олимпиады наметился разлад. Трудно сказать, что именно послужило яблоком раздора между царственными супругами, но, предположительно, все могло произойти следующим образом. Филипп в это время активизировал свою завоевательную политику и постоянно отправлялся в военные походы во главе войска. Олимпиада, подолгу остававшаяся дома одна, вновь вернулась к своим вакхическим занятиям. К этому времени ей, женщине сильных страстей, уже было мало светской власти, которой она обладала, ее уже не в полной мере удовлетворяла роль царицы могущественной державы и супруги непобедимого царя. Она хотела властвовать в умах людей, а этого можно было достичь лишь посредством религии. Все с большей

страстью она предавалась религиозным оргиям. Как и раньше, в дни своей юности, она, полная священного трепета, сейчас выступала во время вакханалий в роли первой менады Македонии. В ее покоях в царском дворце появилось большое количество прирученных змей, и теперь ее можно было видеть обвитой одной-двумя змеями не только во время фаллических шествий, а почти каждый день.

Такого рода зрелища наводили ужас не только на прислугу, но и на македонскую знать, отношение к которой Олимпиада резко изменила: если раньше к самым язвительным насмешкам и подковыркам в свой адрес со стороны знатных македонян она относилась с поистине стоическим терпением, то теперь самая незначительная реплика по отношению к ней могла обернуться громким скандалом для дерзнувшего ее произнести. Немудрено, что Олимпиаду стали бояться даже влиятельные вельможи при дворе Филиппа, бояться, а вместе с тем и ненавидеть.

Филипп, который хотя и ненадолго, но все же появлялся в Пелле, также заметил произошедшие в жене метаморфозы. Особенно впечатлил его случай, когда он однажды после долгого отсутствия явился в опочивальню Олимпиады и застал ее спящей, а рядом с ней увидел свернувшуюся в клубок змею больших размеров, мерзкая голова которой покоилась на обнаженной груди его супруги. Завидев Филиппа, змея угрожающе зашипела и поползла навстречу вошедшему. Филипп с холодной испариной на лбу и с ужасом в сердце покинул покои Олимпиады и с этого момента стал все реже и реже проводить с ней ночи. Вполне понятно, что он стал бояться, как бы Олимпиада не околдовала его и не опоила каким-нибудь зельем или змея не ужалила его спящего.

Примерно в 346 году до н. э. Филипп окончательно отстранил Олимпиаду. Ее место в сердце македонского царя заняли другие женщины. Источники называют какую-то гетскую княжну, уступленную Филиппу ее собственным отцом. На какое-то время он сблизился со своей прежней женой Никазиполидой из Фессалии, которая родила ему дочь Фессалонику, но сама умерла после родов. Несомненно, у Филиппа, человека ни в чем себя не ограничивающего, в этот период были и другие женщины, что называется, женщины на ночь.

Олимпиада, от пронизательного взора которой не могла ускользнуть фривольная жизнь мужа, в сердцах

терзалась от ревности. Более того, потеряв супружескую любовь, она серьезно опасалась потерять свое положение при дворе и в государстве.

Олимпиада, которой было свойственно или любить, или ненавидеть, после формального развода с мужем перенесла оставшийся запас любви на сына. Александру в это время было уже более десяти лет, он успел проявить себя смышленным и сообразительным мальчиком. Теперь для Олимпиады он был не только возлюбленным сыном; она видела в нем своего будущего защитника от отца, от нападков своих врагов, от кого угодно. Она постоянно стремилась, чтобы только ее, а не отца, любил мальчик, чтобы именно к ней, а не к отцу, он испытывал привязанность. Так Олимпиада развязала тайную войну с мужем за право обладания сыном. Цель этой борьбы основывалась на том, что именно Александр, а не кто-то другой, должен стать наследником Филиппа. Олимпиада прекрасно понимала, что если после смерти отца Александр станет македонским царем, то ей будет обеспечена спокойная жизнь до старости. А за это следовало бороться.

Выбор средств в действиях Олимпиады был весьма разнообразен. Порой она прибегала даже к крайней жестокости. Все безудержнее становилась ненависть Олимпиады к прежним женам Филиппа и особенно к их детям. Многие античные историки, в частности Плутарх, указывают, что именно ею сын Филиппа и Филлины, Арридей, был при помощи зелий доведен до слабоумия, когда ей стало известно, что многие знатные македоняне желают видеть его наследником. Чуть позже от руки Олимпиады пострадали и другие дети Филиппа от побочных жен. Лишь одну Фессалонику, дочь умершей Никазиполиды, в силу непонятных причин Олимпиада пощадила и, более того, полюбила как родную, опекая ее до конца своих дней.

Так Олимпиада старалась отстоять для себя сына, помочь ему расчистить путь к царской власти. Но Александр был и для отца объектом гордости. Филипп также всей душой любил сына и требовал от приближенных признания Александра наследником, хотя те и знали, как сильно мальчик привязан к матери, которую они ненавидели. Однако со временем между отцом и сыном стали возникать разногласия. Все началось из-за мелочей, но вскоре дело приняло серьезный оборот. Естественно, Олимпиада подогревала в Александре чувство неприязни к отцу.

Филипп, склонный более к методам мягкой дипломатии, чем к силовому нажиму, старался не портить отношений с сыном. Когда Александр достиг достаточно зрелого возраста, Филипп оказал ему большое доверие в управлении государством, позволяя действовать самостоятельно. Однажды, двинувшись походом на Фракию, он оставил сына вместо себя править Македонией. Ему была вручена царская печать, а вместе с ней и право вершить дела государства по своему усмотрению. За короткое время пребывания в роли царя Александр во многом преуспел: подавил восстание непокорных медов и основал на покоренной территории город Александрополь.

В 338 году до н. э. в битве при Херонее Филипп доверил восемнадцатилетнему Александру командование конницей на левом фланге своего войска. Царевич превосходно справился со своими обязанностями. Отец был доволен успехами сына на военном поприще. На какое-то время после битвы при Херонее между ними установились более тесные отношения. Филипп даже попробовал использовать близость с сыном в деле примирения с Олимпиадой. Желая добиться прежнего расположения супруги, он заказал лучшему скульптору Эллады Леохару выполнить скульптурную композицию своей семьи. Статуи родителей Филиппа, Аминты и Евридики, самого Филиппа с Олимпиадой и Александром были изваяны с присущей Леохару и его школе быстротой и установлены в Олимпии. Но это не оказало желаемого впечатления на Олимпиаду: она по-прежнему оставалась безразличной к супругу.

Не добившись примирения с женой, Филипп решил развестись с ней, обвинив ее в супружеской неверности. Обвинение вполне могло соответствовать истине, если учесть, что Олимпиаде в это время не было и сорока, она была темпераментна и своенравна и в любой момент могла по своему усмотрению пользоваться в постели услугами своих фаворитов. Однако из источников не совсем ясно, последовал ли официальный развод, или Олимпиада оставалась опальной женой при дворе Филиппа наподобие своих предшественниц. Но, как бы там ни было, последний нашел себе новую избранницу. Это была Клеопатра, племянница Аттала, полководца Филиппа. Она была молода, прекрасна, да и к тому же происходила из знатного македонского рода, что пришлось по душе македонской знати. Зато Олимпиада еще больше возненавидела Филиппа. Ненависть матери переда-

лась и Александру. Назревал грандиозный скандал, которому суждено было разразиться на свадьбе Филиппа и Клеопатры. Произошло это следующим образом. Во время свадебного пира Аттал — дядя невесты, выпив лишнего, принялся громко уговаривать македонян молить богов о ниспослании Филиппу и Клеопатре настоящего наследника. Филипп, видимо, одобрял речи Аттала. Зато Александра, присутствовавшего на этой свадьбе, подобное поведение Аттала явно взбесило, и, не сдерживая своего гнева, он вскричал: «Так что же, негодяй, я, по-твоему, незаконнорожденный, что ли?» — и швырнул в Аттала кубок. Филипп бросился защищать своего нового родственника, но, устремившись на Александра с обнаженным мечом, споткнулся и упал. Александр не сдержался от издевки и воскликнул: «Смотрите, люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу».

На следующий день Александру и Олимпиаде пришлось спешно покинуть Пеллу, ибо дальнейшее пребывание там грозило им смертельной опасностью. Устроив мать на ее родине в Эпире, Александр поселился в Иллирии. Сын и мать терзались мыслью об отмщении, но вряд ли им стоило думать о создании военной коалиции против Филиппа. Уже кому-кому, а им было хорошо известно, что никакая другая сила не могла противостоять мощной македонской армии. И именно сейчас у Олимпиады, должно быть, родилась мысль покончить с Филиппом, прибегнув к коварству. Она лихорадочно стала обдумывать все возможные варианты нанесения рокового удара бывшему супругу. Однако из великого множества способов, изобретенных Олимпиадой в состоянии крайней возбужденности, при трезвом рассмотрении ни один не годился. Она впала в уныние от собственного бессилия, но выход нашелся совершенно неожиданно: вдруг вспомнилось, что за несколько месяцев до свадьбы Филиппа с Клеопатрой произошла крупная ссора между Атталом, дядей невесты, и молодым македонянином Павсанием, служившим в личной гвардии Филиппа. Аттал, используя свое положение высшего военачальника, всячески домогался любви Павсания, но молодой македонянин отверг его ухаживания. Тогда Аттал при помощи подручных изнасиловал Павсания. Последний обратился к Филиппу с просьбой разобраться в этом деле и наказать виновного. Но как мог Филипп наказать

своего будущего родственника, который был к тому же полководцем, по просьбе какого-то македонянина, стоящего ниже и по происхождению, и по положению. Царь решил замять дело, пообещав Павсанию повышение по службе. Но молодой македонянин остался неудовлетворенным таким разрешением конфликта и затаил злобу не только на своего обидчика, но и на Фидиппа за его нежелание заступиться.

О Павсании и вспомнила сейчас Олимпиада. Ей подумалось: не привлечь ли его на свою сторону. Ухватившись за эту идею, Олимпиада стала действовать. Ею были посланы в Македонию верные люди с приказом во что бы то ни стало разыскать Павсания и под любым предлогом в строжайшей секретности доставить к ней. Павсания нашли в Пелле пребывающим в непробудном пьянстве, в которое он впал, глубоко униженный и оскорбленный. До последнего момента он не знал, куда везут его люди, в буквальном смысле слова выкравшие его из кабака, где он обильно заливал вином свою печаль. Но еще больше он был удивлен, когда неожиданно очутился в Эпире и предстал перед Олимпиадой. Бывшая македонская царица встретила его приветливо и ласково. В его честь устраивались роскошные обеды, которые, однако, носили странный характер из-за того, что за обильно накрытым столом всегда восседали только он и Олимпиада. На эти шикарные застолья для двоих Олимпиада являлась в самых экзотических нарядах, всегда бывала свежа и соблазнительна, голос ее лился, подобно песне сирены, и Павсаний вскоре оказался в положении Одиссея, гостившего у волшебницы Цирцеи. В разговорах Олимпиада часто упоминала имена Филиппа и Аттала, обливала их словесной грязью, возмущаясь дерзостью и наглостью Аттала, проявленными в отношении Павсания. Она старалась до предела распалить у Павсания ненависть к Атталу, а заодно и к Филиппу. Олимпиаде это удалось настолько хорошо, что вскоре Павсаний поклялся отомстить не только за себя, но и за поруганную честь своей царицы. Воспользовавшись клятвенными заверениями молодого македонянина, Олимпиада убедила его, что жертвой мести должен пасть прежде всего Филипп. Она даже подсказала оружие расправы — короткий македонский меч, которым пользуются для добивания поверженных наземь врагов.

Убедившись, что Павсаний верен ей, как Эгист Клитемнестре, и созрел для претворения ее коварного за-

мысла, Олимпиада отпустила его в Македонию, пообещав в случае удачи сделать своим фаворитом. Она сохранила в строжайшей тайне истинную цель пребывания Павсания у себя и из опасений разоблачения не сообщила о своих замыслах даже сыну.

Так, в интимных нежностях, и родился план убийства Филиппа, который в это время находился в Пелле и готовился к походу на Персию. В связи с предстоящей войной он подумывал о примирении с Александром. Как всегда, Филипп действовал через посредников. На этот раз он выбрал проницательного коринфянина Демарата и послал его к сыну с целью убедить вернуться в Пеллу и принять командование определенным контингентом войск.

Прежде чем внять просьбам отца о возвращении, Александр долго раздумывал, как поступить, советовался с матерью. Его сомнения о личной безопасности были обоснованы тем, что новая жена Филиппа, Клеопатра, была на последних месяцах беременности, и, роди она мальчика, македонская знать провозгласит его наследником вместо Александра. Но Олимпиада все же склонилась сына вернуться в Пеллу: ведь, по ее замыслу, Александр должен был находиться рядом с Филиппом в момент убийства последнего и сразу по его смерти принять всю полноту власти.

Итак, Александр вернулся в Пеллу. Казалось, отец и сын помирились, но примирение было только внешним. И Александр, и Филипп остро ощущали неопределенность положения и нараставшее с каждым днем ожесточение. Достаточно было любого повода, чтобы между ними вновь вспыхнула вражда. Именно так и случилось, когда правитель Карики Пиксодор, из желания заключить военный союз с Филиппом, послал к нему послов с предложением выдать свою дочь Аду за Арридея. Это известие встревожило Александра и Олимпиаду. Они понимали, что посредством такого брака Арридей получит больше шансов стать наследником. Сын и мать стали действовать. Александр по совету Олимпиады послал своих послов к Пиксодору с предложением выдать дочь не за Арридея, а за него. Конечно же, Александр, прославивший себя боевыми подвигами, больше устраивал правителя Карики, чем слабоумный, ни на что не годный Арридей. Между Александром и Пиксодором завязались переговоры, о которых, однако, вскоре стало известно Филиппу. Последний положил всему конец,

обвинив сына в самоуправстве, а в наказание за непослушание выслал из Македонии лучших друзей Александра — Гарпала, Неварха, Птолемея, Эригия и Лаомедонта — под предлогом того, что они дурно влияют на царевича.

После этого случая Александр остался в Пелле только благодаря уговорам Олимпиады, которая призывала его к терпению, загадочно намекая, что скоро все изменится к лучшему, надо только подождать.

Филиппа снова встревожил очередной разлад с сыном. Именно сейчас, накануне похода в Азию, македонский царь ощутил ту грозную опасность, которую представляли для него Александр и Олимпиада: за бывшей супругой стояли ее эфирские родственники, а сын находился в тесных отношениях с иллирийской знатью, которая была кровно заинтересована в ослаблении Македонии. Поэтому Филипп применял все меры, чтобы утихомирить Олимпиаду и в очередной раз помириться с Александром. С этой целью он решил выдать замуж свою дочь Клеопатру за эфирского царя Александра, брата Олимпиады.

Свадьба состоялась в Пелле в 336 году до н. э. и отличалась такой пышностью, будто это была вовсе не свадьба, а нечто более помпезное. В программу входили и атлетические состязания, и конные ристалища, и театральные представления, и мусические выступления, и веселые застолья. Поражало также и количество приглашенных гостей. Некоторые источники указывают, что и Олимпиада прибыла на свадьбу дочери. Если это так, то остается догадываться, что вовсе не счастье дочери привело ее в эти дни в Пеллу, а нечто другое. Видимо, она сочла момент удобным для убийства Филиппа: ведь во время шумного праздника, когда вокруг царит всеобщий хмельной беспорядок и неразбериха, намного легче совершить покушение на царя, чем в обычные дни, когда он находится под бдительной охраной телохранителей. К тому же Олимпиаде было известно, что ближайшие соратники Филиппа и ее заклятые враги, Аттал и Парменион, уже находились в Малой Азии с авангардом.

Все свершилось, как того и желала Олимпиада, в наилучшем виде. На третий день всеобщего гулянья Павсаний, улучив удобный момент, когда Филипп оказался вне поля зрения охраны, нанес мечом несколько смертельных ударов царю. Правда, он сам был немедлен-

но задержан при попытке к бегству и умерщвлен еще раньше, чем Филипп испустил дух на руках Александра.

Олимпиада торжествовала! Как долго она ждала этого дня. Наконец-то ее самонадеянный муж, причинивший ей столько обид и оскорблений, был мертв. Чуть позже она позаботится и о могиле Павсания, а теперь ей следовало подумать о себе и прежде всего отвести всякие подозрения. Не без ее участия в преступлении были обвинены три брата Ланкестиды, якобы имевшие все основания устранить Филиппа и возвести на трон Аминту, истинного наследника македонского престола, которого некогда обошел Филипп. Хотя один из братьев сразу же признал Александра царем, двух других постигла горькая участь — смертная казнь. Версия о причастности Ланкестидов к убийству Филиппа была принята как официальная, но, видимо, у определенного круга македонской знати не вызывала доверия. Многие подозревали более высокопоставленную особу, а именно «эпирскую ведьму» Олимпиаду. Александр, должно быть, также догадывался о тайных злодеяниях матери, но, будучи любящим сыном, делал все возможное, чтобы ее имя осталось вне подозрений.

По Македонии прокатилась волна репрессий. Прежде всего были физически уничтожены все возможные претенденты на престол. Были преданы смерти Аминта и Каран, сводный брат Александра. Других потомков Филиппа по мужской линии постигла та же участь. В живых остался только доведенный Олимпиадой до слабоумия Арридей. Из благородных побуждений Александр пощадил также представительниц женской линии. Зато Олимпиада дала волю разгуляться своей демонической натуре: чуть позже, когда Александр ушел в поход, она велела схватить Клеопатру, последнюю жену Филиппа, с ее маленькой дочерью Европой. По некоторым источникам, Олимпиада приказала изжарить маленькую девочку на сковороде на глазах у матери, а потом несчастную Клеопатру вынудила покончить с собой. Этот поступок ужаснул многих. Даже Александр, узнав о нем, выразил матери неодобрение. С этого момента Олимпиада, в чьей душе гасли последние искры добродетели, уступая место демонической жестокости, превратилась в чудовище, в облике которого ей предстояло прожить оставшуюся жизнь.

Когда Александр стал царем Македонии, Олимпиада наконец-то могла вздохнуть с облегчением после несколь-

ких напряженных лет, проведенных в интригах и тайной войне с мужем. Наконец-то она могла насладиться полнотой власти, будучи вновь македонской царицей. Но наслаждение было недолгим. После спешных сборов Александр во главе армии отправился в поход на Восток. Олимпиада, до последнего момента надеясь, что управление Македонией будет поручено ей, жестоко обманулась в своих ожиданиях. Александр, который в достижении своих целей ставил здравый смысл выше эмоций, назначил регентом Македонии Антипатра. Такое назначение было в некоторой степени следствием того, что Антипатр, чье мнение высоко ценилось в Македонии, первым из македонской знати признал Александра царем. Александр остановил свой выбор на Антипатре также и потому, что тот являлся приверженцем прогреческой политики, весьма необходимой в деле обеспечения надежных тылов во время похода.

Негодование Олимпиады не было предела. Едва она успела разделаться с одним своим врагом, Филиппом, как на ее пути появилась фигура не менее опасная. Антипатра Олимпиада не любила еще и раньше за его близость к Филиппу, но сейчас ее былая неприязнь к этому человеку переросла в нескрываемую ненависть. В короткий срок Антипатр из недруга превратился в непримиримого врага Олимпиады, и вражда между ними приобретала с ходом времени все более серьезный характер.

Обосновавшись в Пелле после ухода Александра, Олимпиада обзавелась собственным двором и личной гвардией из своих эпирских приверженцев; впоследствии ей удалось даже создать нечто вроде своеобразного государства в государстве, независимого от Антипатра, где она была грозной правительницей.

Олимпиада постоянно вмешивалась в дела Антипатра, постоянно мешала ему в проведении прогреческой политики. Однако Антипатр, будучи человеком сдержанным, хранил спокойствие и самообладание, не обращая особого внимания на выпады Олимпиады. Не сумев создать Антипатру серьезных помех в делах государственных, Олимпиада стала распускать компрометирующие слухи о его якобы распутной жизни. Когда и это не принесло желаемых результатов, Олимпиада принялась строчить Александру письма, очерняющие Антипатра. Регент в своих донесениях царю тоже жаловался на Олимпиаду за вмешательство в его дела. Однажды,

прочитав такое письмо, Александр сказал своему другу Гефестиону: «Антипатр не понимает, что одна материнская слеза стирает тысячи таких писем». Но Александр очень хорошо знал мать, и поэтому он отдал предпочтение Антипатру, а ее вежливо попросил не вмешиваться в государственные дела. Оскорбленная в очередной раз, Олимпиада, не желая больше оставаться рядом с Антипатром, в 331 году до н. э. покинула Македонию и поселилась на родине, в Эпире. Ее обида была столь велика, что даже роскошные подарки, которые Александр присылал с Востока, не уменьшали ее.

В Эпире незадолго до приезда Олимпиады скончался ее брат Александр. Овдовевшая дочь Олимпиады, Клеопатра, взяла бразды правления в свои руки. Однако неожиданно явившаяся мать бесцеремонно вытеснила дочь, заставив ее удалиться в Македонию под опеку Антипатра, а сама стала неограниченной правительницей Эпира.

Чувство лютой ненависти к Антипатру не покидало Олимпиаду и в Эпире. Она продолжала интриговать против регента, изобретая все новые способы досадить ему. Доставалось от нее и другим представителям македонской знати. Однако и Олимпиада, невзирая на прочность своего положения, иногда терпела неудачи. Однажды, когда Александр отправил на родину одного из своих офицеров, Аминту, чтобы тот обеспечил пополнение македонских контингентов, последний до того серьезно отнесся к порученному делу, что, добравшись до Эпира, призвал на военную службу даже фаворитов Олимпиады, за что эта страшная женщина возненавидела его и тут же пожаловалась сыну. Александр, желая умиловить мать, добился, чтобы Олимпиаде и в армии, и в Македонии оказывали божественные почести, правда, большинство македонян восприняло скептически подобное распоряжение царя.

Источники не освещают период жизни Олимпиады с 330 года по 323 год до н. э. Даже само имя царицы редко присутствует в описаниях, относящихся к этому периоду. Безусловно, в эти годы Олимпиада безвыездно жила в Эпире, управляя родиной с присущим ей сумасбродством. Однако сразу же после смерти Александра, последовавшей в 323 году до н. э., она снова очутилась в гуще политической борьбы за обладание наследством своего великого сына. С этого года для Олимпиады начался качественно новый период жизни, который оказался самым бурным.

Когда весть о безвременной кончине сына достигла Олимпиады, она прониклась уверенностью, что виной тому был не кто иной, как Антипатр. Она ухватила за распространившиеся слухи о том, что именно Иолай, сын Антипатра, дал Александру яд, и теперь свою ненависть к Антипатру она перенесла на его сыновей и весь его род. Олимпиада выдвинула версию о том, что Антипатр из желания сделать македонским царем одного из своих сыновей расправился с Александром.

Она поняла, что со смертью своего могущественного сына ей придется вступить в жестокую борьбу не на жизнь, а на смерть за право быть наследницей хоть какой-то части огромной империи Александра, за право оставаться царицей. Конечно же, Олимпиада не могла претендовать на восточные территории, но управлять Македонией и Эпиром считала вполне законным для себя. С самого начала борьбы диадохов* она упорно добивалась господства над Македонией.

Преследуя честолюбивые замыслы, Олимпиада предпочла опереться на тех из диадохов, которые стремились сохранить империю Александра для его потомков. Таким, прежде всего, был Пердикка, ближайший соратник Александра.

Как известно, Пердикка после смерти Александра стал регентом, и Олимпиада делала все возможное, чтобы наладить с ним тесные отношения и заключить союз. Однако в то же самое время к сближению с Пердиккой стремился и заклятый враг Олимпиады Антипатр, который предложил в жены регенту свою дочь Никею. Олимпиада, проведав о далеко идущих замыслах Антипатра, поспешила опередить его, сделав Пердикке еще более лестное предложение: объявила о готовности выдать за него свою вдовствующую дочь Клеопатру. Пердикка, оказавшись перед выбором, после трезвых раздумий отдал предпочтение предложению Олимпиады, ибо женитьба на дочери Филиппа и сестре Александра давала ему возможность стать законным обладателем македонского престола. Олимпиада, окрыленная успехом, приобретя в лице Пердикки сильного союзника, повела открытую войну против Антипатра. Правда, до серьезных столкновений между ней и Антипатром в этот период дело не дошло. Не суждено было также состояться и

* Так называли ближайших сподвижников Александра Македонского.

свадьбе Пердикки и Клеопатры, так как того отвлекла война с Птолемеем и Антигоном, в ходе которой он был предательски убит. Клеопатра попала в руки Антипатра, а Олимпиада потеряла своего, казалось бы, непобедимого союзника.

После гибели Пердикки Олимпиада, не падая духом, принялась искать новых союзников и с этой целью послала Эвмену, воевавшему на стороне Пердикки, письмо, в котором убедительно просила его защитить царский дом. Одновременно она обратилась и к Полисперхонту с просьбой позаботиться о судьбе ее маленького внука Александра. И вновь удача сопутствовала Олимпиаде: и Эвмен, и Полисперхонт выразили признательность царице и поклялись сражаться за нее и ее семью до конца.

Летом 318 года до н. э., через несколько месяцев после смерти Антипатра, Эвмен предпринял попытку добраться до пределов Македонии, чтобы соединить свою армию с войском Олимпиады, почтившей его своим доверием, и контингентами Полисперхонта, ставшего к этому времени регентом. Олимпиада, следившая за действиями Эвмена из Эпира, просила у него совета, когда ей лучше вернуться в Македонию, но последний сообщил, что это пока преждевременно.

Соединиться вместе Олимпиаде, Эвмену и Полисперхонту так и не удалось. Эвмен был занят войной с Антигоном, Полисперхонт с переменным успехом сражался в Греции с Кассандром, сыном Антипатра. Поэтому Олимпиада вынуждена была с шестилетним внуком Александром и невесткой Роксаной, которые бежали под ее защиту после недавнего покушения, организованного внучкой Филиппа Евридикой, оставаться в Эпире, где также произошли перемены: в силу неизвестных причин царем стал некий Эакид. Лишь после того как Кассандр со своей армией основательно застрял в Греции, Полисперхонт посоветовал Олимпиаде вернуться в Македонию. Олимпиада с радостью восприняла совет Полисперхонта. Возвращению царицы содействовал новый эпирский царь Эакид, которому за оказание услуг был обещан в будущем брак его дочери Деидамии с царевичем Александром. Неуверенная в абсолютной преданности Эакида, Олимпиада прихватила его маленькую дочь в качестве заложницы.

В глубине души Олимпиаде было жаль покидать свое надежное эпирское убежище, но обстоятельства при-

зывали ее к решительным действиям. «Или сейчас, или никогда», — твердила себе Олимпиада в эти дни, прекрасно понимая, что лишь своим личным присутствием в Пелле сможет закрепить трон за собой и внуком Александром. Вместе с собой она взяла невестку Роксану и маленького царевича.

Однако не одна Олимпиада стремилась в это время поскорее попасть в Пеллу. Нежданно-негаданно у нее появилась серьезная соперница, беззастенчиво заявившая о своих притязаниях на македонский трон. То была Евридика, дочь Киннаны, которая, в свою очередь, являлась дочерью Филиппа и Аудаты. Таким образом, Евридика могла в некоторой степени считаться наследницей македонского престола как внучка Филиппа и дочь Аминты (ее отцом был Аминта, которого Филипп некогда обошел в борьбе за власть, а впоследствии женил на Киннанае). При посредничестве своей матери Киннаны Евридика затеяла против Олимпиады интригу и с безумной смелостью задумала овладеть Македонией. Для осуществления своего замысла совсем еще юная Евридика, отличавшаяся свирепостью нрава и воинственностью, вышла замуж за слабоумного Арридея, который после смерти Александра Македонского был признан определенной частью войска царем. Брак с Арридеем давал ей право называться царицей. Кроме того, Евридика приобрела огромную популярность среди македонян, носивших оружие, своими личными качествами: она с детских лет была приучена к солдатскому образу жизни, лично участвовала во многих сражениях, поражая бывалых воинов отвагой. Теперь у нее в распоряжении имелась довольно-таки многочисленная армия, которую она намеревалась использовать в борьбе с Олимпиадой.

До сих пор история не помнит больше случая, когда две женщины во главе своих армий выходили друг против друга на поле брани. В 317 году до н. э. такое случилось в Македонии.

Евридика, заручившись поддержкой Кассандра, который сковывал действия Полисперхонта, стремившегося соединиться с Олимпиадой, двинула свою армию к столице Македонии Пелле и заняла ее. Война между Евридикой и Олимпиадой стала неизбежной. Войска обеих цариц расположились друг против друга, готовые вступить в схватку по первому приказу своих предводительниц. Согласно сообщениям античных авторов, царицы сами вели войска в сражение: Олимпиада — в наряде

вакханки, под аккомпанемент тимпанов, а Евридика — подобно амазонке, облекшись в воинские доспехи.

Однако в самый решительный момент, когда оба войска вот-вот должны были сойтись в рукопашном бою, македоняне, бывшие на стороне Евридики, заявили о своем отказе сражаться против матери Александра Великого. Положение уверенной в себе Евридики оказалось критическим. Видя, что ее армия разошлась, вложив в ножны мечи, Евридика с немногими оставшимися верными людьми, руководимыми ее фаворитом Поликлом, пыталась спастись бегством, бросив на произвол судьбы своего мужа Арридея со штабом. Ей удалось достичь пределов Фракии, но следовавшая по пятам погоня Олимпиады настигла беглянку и ее любовника в Амфиполе. Поликла предали смерти, а Евридику повезли в Пеллу.

Олимпиада с триумфом въезжала в Пеллу. С громкими криками ликования и бурной овацией встречали македонские войска мать своего любимого полководца. Вновь Олимпиада воссела на царский трон, вновь ее уже посеребренную сединой голову украсила царская диадема. Вся Македония теперь была в ее власти. Оказавшись на вершине могущества, Олимпиада дала волю своим необузданным и диким страстям. Она предалась мести. Прежде всего расправилась с доставленной в цепях Евридикой и ее слабоумным мужем Арридеем, поступив с ними так же жестоко, как некогда с последней женой Филиппа Клеопатрой и ее дочерью Европой.

Олимпиада приказала замуровать Евридику и Арридея в подвале царского дворца, оставив лишь небольшое окошко в стене для передачи пищи. Арридей, доведенный грубым обращением до крайней степени безумия, неистово орал, требуя освобождения. Из опасения, что истошные крики узника будут услышаны наверху, Олимпиада приказала своим людям расстрелять его из луков. Евридика же решила оставаться непреклонной до конца. Она принимала приносимую пищу, переносила запах разлагающегося трупа Арридея и не теряла надежду быть спасенной Кассандром. Во время частых посещений Олимпиады Евридика неустанно требовала восстановления ее в законных правах. Она заявляла своей победительнице, что царский престол принадлежит ей, что ее отец Аминта был обманом лишен трона Филиппом, а Александром преступно казнен. Она постоянно твердила, что является истинной наследницей македонского престола. Иногда Евридика в исступлении набра-

сывалась на Олимпиаду с бранью и призывала богов покарать старую ведьму. Олимпиаде поначалу доставляли удовольствие истеричные выпады бессильной соперницы, но затем ей это надоело, и в один прекрасный день она послала узнице меч, яд и веревку, предложив сделать выбор между этими тремя орудиями самоубийства. Евридика выбрала последнее, но из желания еще раз выказать презрение Олимпиаде, оставила нетронутой веревку, присланную царицей, а повесилась на своем поясе, прикрепив его к карнизу.

Расправа над Евридикой и Арридеем была только началом в длинной цепи злодеяний, совершенных Олимпиадой. После этого она принялась с демонической жестокостью уничтожать всех оставшихся до сих пор в живых потенциальных соперников из побочных детей Филиппа. С особой ненавистью она обрушилась на семью покойного Антипатра. По ее приказу был убит сын Антипатра Никанор. Затем она послала верных людей в Азию разрыть могилу другого сына Антипатра Иолая, подозреваемого в убийстве Александра, а кости его выбросить собакам; вскоре она получила донесение, что ее воля выполнена. Не имея возможности расправиться с третьим сыном Антипатра, Кассандром, ввиду того, что тот командовал сильной армией в Греции и сам представлял в известной степени угрозу Олимпиаде, последняя обратила свой гнев на его друзей, находящихся в Македонии. Она казнила сотни близких Кассандру людей — представителей высшей македонской знати.

Если бы все жестокости того времени, совершенные многими людьми, взвалить на одну чашу весов, а на другую поместить содеянное в короткий срок одной Олимпиадой, то еще неясно, какая из чаш перетянула бы. Естественно, что македоняне, которые незадолго до этого радостно приветствовали Олимпиаду, после совершенных ею преступлений в ужасе отшатнулись от нее. Она же, в своей слепой страсти отказавшись от здравого смысла и не давая отчета своим действиям, сама рубила сук, на котором сидела. Ее положение резко пошатнулось, но, обладая неограниченной властью, она представляла еще грозную силу, противостоять которой могла только такая же сила.

Чтобы спокойно чувствовать себя в Македонии, Олимпиаде необходимо было заручиться поддержкой греческих городов, и прежде всего Афин, ибо в настоящий момент от них во многом зависело общее положение дел

на Балканах. Поддержка греков нужна была Олимпиаде также и для того, чтобы нейтрализовать своего единственного противника на Балканах — Кассандра.

В это время Афины в стремлении приобрести былую независимость поднялись на мятеж. Союзник Олимпиады Полисперхонт для усмирения афинян послал с войсками своего офицера Никанора. Последнему удалось захватить афинские порты Мунихий и Пирей. Однако Олимпиада спешно послала Никанору письмо с приказанием вернуть афинянам их порты. Узнав о решении Олимпиады, афиняне возликовали и в надежде на скорый возврат свободы и самостоятельности назвали ее своей благодетельницей. Но успеху дела помешала нерешительность Полисперхонта, который своей властью запретил Никанору возвращать порты Афинам. Этим самым он настроил афинян враждебно по отношению к себе. Олимпиада в письмах к Полисперхонту укоряла его за допущенную оплошность, но было поздно. Афиняне окончательно отвернулись от Полисперхонта, а вместе с этим перестали возносить похвалы Олимпиаде за великодушные и, более того, вступив в переговоры с Кассандром, заключили с ним мир и военный союз.

Чуть позже Полисперхонт потерпел еще одно поражение от войск Кассандра у стен Мегалополя. Его популярность в Македонии и Греции резко упала, а так как Олимпиада была тесно связана с ним, то все эти неудачи коснулись и ее. Зато положение Кассандра заметно улучшилось. Теперь не только Афины, но и другие греческие города были на его стороне.

Человек стремительных действий, Кассандр, пользуясь преимуществом своего положения, решил разбить Полисперхонта и Олимпиаду поодиночке, не дав им соединиться. План был рискованным, но сын Антипатра понимал, что медлительность может обернуться против него. Оставив Грецию, он в 317 году до н. э. двинулся в Македонию, преодолевая на своем пути уготованные Полисперхонтом препятствия. Невзирая на потери Кассандр упорно продвигался в глубь Македонии. Полисперхонт предпринял было попытку помешать Кассандру, но последний, благодаря удачному маневру, обошел его, уклонившись от сражения, и отрезал от Пеллы. Вдобавок Кассандр послал своего стратега Калу с приказом нейтрализовать Полисперхонта, а сам двинулся к столице.

Олимпиада, внимательно следившая за событиями,

почувствовала угрожающую ей опасность. Надеяться на Полисперхонта теперь не приходилось, и она в спешном порядке мобилизовала все имеющиеся силы для организации отпора Кассандру. Командовать своими контингентами она поручила Аристону — одному из семи телохранителей маленького Александра, — приказав ему защищать равнину перед Пеллой. Но отряд Аристона был настолько малочисленным, что уповать на скольконибудь серьезное сопротивление не приходилось, и царица, пойдя на крайность, решила укрыться на время в приморской крепости Пидне. Вместе с собой она взяла внука Александра и его мать Роксану, Фессалонику, Деидамию и многих других знатных женщин, бывших при ней.

Крепость, где Олимпиада собиралась отсидеться до лучших дней, была непригодна для длительной осады. Там даже не было в должном количестве провианта. Гарнизон состоял всего лишь из нескольких воинов-ветеранов, к которым присоединился небольшой отряд личной охраны Олимпиады. Правда, в крепости было несколько боевых слонов, но что они могли, находясь в стойлах. Однако Олимпиада все же надеялась еще на Полисперхонта и верила, что он, оправившись от неудач, поспешит к ней на помощь. Была также надежда и на эпирского царя Эакиду, дочь которого, Деидамия, находилась при ней. В конце концов, можно было рассчитывать и на верность Аристона.

Но события разворачивались не в пользу Олимпиады. Кассандр, смяв оборону Аристона, занял Пеллу. Не найдя там Олимпиады, он, узнав, что она в Пидне, послал большой отряд блокировать крепость с суши и с моря.

Пока хватало съестных припасов, осажденным нечего было бояться, так как Пидна была, по сути дела, неприступна и даже небольшой отряд мог успешно отражать приступы неприятеля. Но скоро стал ощущаться острый недостаток в продовольствии. Олимпиада вынуждена была до минимума урезать паек своим солдатам: теперь каждый из них получал в месяц столько еды, сколько обычно полагалось рабу на пять дней. Однако вскоре воинам-ветеранам из гарнизона было отказано и в этом, и они были обречены на мучительную голодную смерть. Не меньше людей страдали и животные, находившиеся в крепости: лошадей в самом начале убили на мясо, а слонам, которых Олимпиада упорно не хотела убивать в слепой надежде, что они еще пригодятся,

в корм давали мелко нарубленные деревья, но и эта мера не спасла четвероногих исполинов от гибели. Вскоре улицы крепости заполнились трупами людей и животных, а с приходом теплых весенних дней процесс разложения усилился и становилось трудно дышать из-за распространившегося повсюду трупного запаха.

Неутешительными были и вести, которые проникали в крепость невзирая на кордоны Кассандра. Оказалось, что еще в начале зимы Эакид, двигавшийся на помощь Олимпиаде, был остановлен на границе Македонии. Воины в его армии подняли мятеж, вскоре переросший в восстание. Эакид был низложен и бежал из Эпира, а эпириоты заключили союз с Кассандром. Аристону за зимние месяцы удалось собрать несколько тысяч плохо вооруженных македонян, но этого было ничтожно мало, чтобы выволить осажденных в Пидне. Более-менее реально надеяться можно было на Полисперхонта, но и здесь Кассандр приложил свою руку: богатыми подарками переманил на свою сторону большинство его воинов.

И все же Олимпиада верила в Полисперхонта и уповала на его помощь. Но как сообщить ему о своем крайне тяжелом положении? Над этой проблемой Олимпиада долго ломала голову и уже совсем было отчаялась, как Полисперхонт сам дал о себе знать. Совершенно неожиданно в Пидну проник человек от него с письмом, в котором указывался день, когда в гавани около Пидны Олимпиаду и ее близких будет ждать пентеконтера*. Олимпиада не верила своим глазам, читая строки, написанные знакомым почерком; она много раз перечитывала письмо и заставляла посланника неоднократно повторять свой рассказ. Но вот пришел назначенный день, и Олимпиада решилась. С помощью оставшихся верных ей воинов она пробилась через окружение осаждавших и очутилась на морском берегу. Однако каково было ее удивление, быстро переросшее в отчаяние, когда вместо ожидаемого корабля взору открылась пустая гавань, а обернувшись назад, она увидела подступавших воинов Кассандра. Олимпиада поняла, что ей изменил последний преданный человек — Полисперхонт.

Чуть позднее Кассандр не без злорадства объявит ей, что ему удалось перехватить посланника Полисперхонта и узнать содержание адресованного ей письма,

* Пентеконтера — пятидесятивесельное судно.

благодаря чему он предпринял все меры, чтобы убрать корабль из гавани. А пока... пока Олимпиада в бессилии опустилась на прибрежные камни и лишь немного спустя послала к Кассандру людей с просьбой о перемирии. Но о каком перемирии могла идти речь. Разве мог Кассандр простить Олимпиаде недавние убийства родного брата и близких друзей. Конечно же, нет... И он потребовал от Олимпиады безоговорочной капитуляции, согласившись, правда, сохранить ей жизнь и обеспечить личную неприкосновенность, хотя это и было чистой формальностью.

Кассандр, предчувствуя исход событий в свою пользу, заранее заготовил сценарий расправы над Олимпиадой. Теперь, будучи хозяином Македонии, он не хотел прослыть среди македонян безжалостным палачом. Им было созвано собрание войска, на котором предполагалось решить судьбу Олимпиады. Дело устроилось таким образом, что на собрании в роли обвинителей выступили преимущественно те люди, родственники которых погибли по воле Олимпиады. Они, естественно, требовали приговорить царицу к смертной казни. Саму Олимпиаду вовсе лишили слова, и в конечном счете собрание вынесло ей смертный приговор. Таким образом, Кассандр сладил дело так, что никто не мог его упрекнуть в казни царицы.

После вынесения смертного приговора Кассандр из желания в последний раз позабавиться над своей жертвой предложил ей спастись бегством и даже предоставил в ее распоряжение корабль для этой цели. Но Олимпиада не поддавалась на эту дешевую уловку и заявила, что не желает спасать свою жизнь позорным бегством, когда может защитить ее в присутствии всех македонян. Она потребовала организации открытого общественного процесса. Однако Кассандр такого допустить не мог: это было слишком рискованно для него, ведь он прекрасно знал, как непредсказуема бывает Олимпиада. Отказав ей в последнем требовании, Кассандр поспешил покончить с ней.

Для осуществления своего замысла он отобрал двести воинов и послал их убить Олимпиаду. Облаченная в пурпурные царские одеяния, увенчанная сверкающей диадемой, опираясь на двух женщин, престарелая царица вышла навстречу убийцам. Те при виде сияющего царского величия матери Александра Великого отпрянули назад, не смея причинить ей вреда. Кассандр понял, что

надежда на воинов в этом деле невелика. Тогда он предложил совершить возмездие родственникам казненных Олимпиадой македонян. Те с величайшей радостью согласились и, прибегнув к старинному обычаю, забили ее камнями. Поверженная на землю градом камней, царица без слез и стонаний, завернувшись в одежды, с надменной гордостью испустила дух.

Так, в преклонном возрасте, окончила свои дни Олимпиада, чья бурная жизнь будоражила умы не только современников, но и людей последующих времен.

Роксана — жена Александра

На землю Согдианы* пришла весна 327 года до н. э. Горные хребты еще были покрыты снегом, но в долинах уже появилась первая зелень. На фоне оживающей природы резко выделялись пепелища.

Согдиана переживала тяжелое время. Несколько лет назад в огромную Персидскую державу Ахеменидов, на северо-востоке которой располагалась Согдиана, вторглись войска Александра Македонского. Армия царя царей Дария была разгромлена, а сам он погиб. Все области бывшей Персидской империи в страхе подчинились новому властелину. Лишь в Согдиане повстанцы под руководством Спитамена вступили в неравную схватку с македонянами. Два года Александр, лелея мечту о походе в Индию, вынужден был вести упорную борьбу с этим противником. Наконец к зиме основные центры сопротивления были подавлены. Кочевники вы-

* Согдиана — современная территория Южного Узбекистана и Западного Таджикистана.

дали Александру отрубленную голову бежавшего к ним Спитамена.

Но островки сопротивления в труднодоступных горах еще тлели. Одним из них была так называемая Согдийская скала. Здесь со всей своей семьей обосновался один из знатнейших согдийцев — Оксиарт. Еще при Ахеменидах он боролся с македонянами и теперь, видимо, боялся их мести. В его казавшееся неприступным убежище уже собралось много согдийцев.

Ранней весной 327 года до н. э. армия Александра двинулась в горы. Когда воины достигли Согдийской скалы, то увидели отвесные, неприступные для штурма стены. Обитатели этой горной крепости заранее свезли туда большое количество съестных припасов с расчетом на длительную осаду. Кроме того, македоняне, не зная местных условий, рано начали поход — в горах еще господствовала зима. Как раз выпал глубокий снег, который не только затруднял подступ к крепости, но и обеспечил ее защитникам обилие воды.

Александр начал переговоры с осажденными, пообещав отпустить их домой здоровыми и невредимыми, если они сдадут ему скалу. Те с хохотом ответили, чтобы царь поискал крылатых воинов, которые могли бы взять эту неприступную крепость — обыкновенным людям это не под силу.

Александр рассердился. Вопрос уже стоял не о маленькой горной крепости, а о престиже великого непобедимого царя. У его ног была огромная империя, а здесь над ним издеваются дикие горцы. Решено было действовать без промедления. Ночью к самой высокой и отвесной, а потому вовсе не охраняемой скале направился небольшой македонский отряд. Он состоял из 300 воинов, которые были знакомы с приемами восхождения в горах и считались специалистами горной войны. Скалолазы начали подниматься при помощи прочных веревок, железных топоров и костылей, которые вбивались в стену и в лед. Целую ночь длилось тяжелое восхождение. Достаточно сказать, что более 30 человек сорвались с кручи в пропасть и их тела даже не были найдены потом в глубоком снегу. Но остальные уже на рассвете заняли вершину скалы и оказались над крепостью. С первыми проблесками рассвета воины-скалолазы стали размахивать полотнищем, подавая знак в македонский лагерь.

Александр послал к скале глашатая и велел ему крикнуть вражеской страже, чтобы они не тянули даль-

ше, а сдавались, потому что крылатые люди нашлись и уже заняли вершину их горы. И глашатай показал на вершину. Потрясенные неожиданным зрелищем, защитники крепости решили, что гора занята большими силами противника, и сдались. Так блестяще завершился замысел Александра.

В крепости было взято немало пленных. Среди них — много женщин и детей, в том числе жена Оксиарта и его дети. Сам Оксиарт был принят македонским полководцем с должным почетом. Это обуславливалось тем, что после восстания Спитамена Александр пытался перетянуть на свою сторону согдийскую знать. Царь возвратил Оксиарту власть, потребовав только, чтобы двое сыновей служили в его отряде телохранителей — гетайров. Практически они становились заложниками. Оксиарт, желая показать, что враждебность окончательно покинула его сердце, отдал в армию Александра даже того сына, который мог остаться при нем.

В честь этих событий был дан грандиозный пир, на котором как раз пригодилось продовольствие, приготовленное к осаде. Хозяином на нем вновь выступал Оксиарт. Как бы запамятавав недавние события, он благодарил великого царя за посещение его крепости. Именно на этом пиру случилось непредсказуемое. Когда веселье было в самом разгаре и гости прилично захмелели, для их увеселения в зал привели 30 знатных согдийских девушек. Среди них была дочь Оксиарта, Роксана, отличавшаяся исключительной красотой и редкой привлекательностью. Она считалась первой красавицей персидской державы. Хотя Роксана вошла вместе со специально отобранными красавицами, все внимание было приковано к ней. У охмелевшего Александра тоже загорелись глаза. Он, подобно отцу, был невоздержан в любовных желаниях, к тому же не привык, когда кто-то пытался идти ему наперекор. За несколько лет победоносной войны с персидской державой перед его глазами прошло множество красавиц, в том числе и женщин царского рода. Многих из них он брал себе в виде военной добычи, но ни одна не завоевала его сердца. Теперь же царя охватила любовь к девушке относительно незнатной, если сравнить ее происхождение с царским.

Он начал излагать план установления мира в его новой империи и свою роль в этом деле. Для укрепления власти нужен брачный союз побежденных с победителями: только таким образом первые преодолеют чувство

стыда, а вторые — свою надменность. Пусть не думают, что он хочет опозорить Роксану как пленницу. Он счел ее достойной стать ему женой и чистосердечно намерен вступить в законный брак.

Оксиарт в восторге слушал царя Александра. Сдаваясь македонянам, он не мог и предположить, что станет тестем победоносного македонского полководца, царя великой державы. И это возвышение приносит ему дочь.

А Александр в пылу страсти приказал подать каравай. Хлеб разрезали мечом пополам, и царь с Роксаной отведали его. Это был старинный обычай македонян, священный залог брака, после которого он считался нерасторжимым. Таким образом, царь Азии и Европы взял себе в жены девушку, приведенную для увеселения на пир, и тот, кто от нее родится, будет повелевать победителями. Так закончилась знаменитая свадьба Александра Македонского с Роксаной. Одних — согдийскую знать — она обрадовала, других — македонских сподвижников царя — заставила задуматься.

Как началась жизнь молодых после свадьбы, мы не знаем. Нам известно, что Александр двинулся с армией в Индию, желая стать властелином всего культурного мира. За все время этого похода нигде не упоминается имя его молодой жены, как, впрочем, и имена других женщин. Однако в Индии к Александру прибыл его тесть, которому он, кроме его владений в Согдиане, прибавил еще область Паропамис. Оксиарт удержал власть над ней и после смерти своего зятя.

Вероятнее всего, нормальная семейная жизнь Александра и Роксаны началась после возвращения из Индии, когда он перенес свою столицу в Вавилон. Брак их принес Роксане, первой красавице империи, много несчастья и страха. Она прожила со своим царственным мужем совсем недолго. Он умер уже на следующий год после возвращения из индийского похода, оставив ее беременной. Положение Роксаны сразу осложнилось. Совсем недавно она была царицей огромной империи, ее мужу воздавались божеские почести, а его окружение одаривало ее вниманием и почетом. К этому она уже успела привыкнуть, но после смерти мужа все разом рухнуло. Ее судьба оказалась в руках людей, к которым перешла власть.

Сразу же после кончины македонского царя в Вавилоне был создан совет его полководцев. Этих полководцев

скоро стали называть диадохами — «наследниками». Все они имели в своем распоряжении войска и косо поглядывали на соперников. На повестке дня стоял только один вопрос — судьба огромного государства. Тотчас же выявилось несколько точек зрения. Одни ратовали за сохранение единой империи для потомства Александра, другие высказывались за ее раздел. Единства не было. Некоторые выступали против царской власти вообще, другие возражали против возведения на престол еще не родившегося ребенка, третьи считали, что если и родится сын, то он будет сыном азиатки, никак не связанным с Македонией, и его нельзя ставить во главе победителей Персии. В конце концов договорились все же ждать рождения ребенка от законной жены царя — Роксаны — и, если это будет сын, провозгласить его царем.

Естественно, до своего совершеннолетия он нуждался в регентстве. С согласия Роксаны для будущего царя были назначены регентами Пердикка и Леоннат. Последний вскоре погиб в битве, а Пердикка был готов взять на себя заботы опекуна родившегося наследника — Александра IV.

Роксана избавилась от своих соперниц, бывших любовниц Александра Македонского — Статиры и Парисатиды. Особое опасение вызывала Статира. Обманным путем Роксана заманила ее к себе, и, когда та прибыла вместе с сестрой Дрипетидой, их убили, а трупы бросили в колодезь, который затем засыпали. Сделано это было с ведома и с помощью регента Пердикки. Не случайно потом ходили сомнительные слухи о возможности свадьбы Роксаны и Пердикки. В то время последний, как управляющий формально всей территорией империи, стал желанным женихом: у него была невеста — дочь Антипатра, фактически правившего в Македонии; за него хотела выйти замуж Клеопатра — сестра Александра Македонского; наконец, не прочь, видимо, была вступить с ним в брак и сама Роксана. Хотя достоверных данных об этом нет, исключить такую возможность нельзя.

Дело в том, что жена покойного царя и его сын нуждались в сильной защите. Роксана была азиаткой и не пользовалась расположением у тех диадохов, которые выступали против восточной политики Александра. Они отрицали за представительницей азиатской знати и ее сыном какое-либо право на македонский престол. Между тем сын Роксаны, как известно, был официально

назван наследником трона еще до своего рождения, а родившись, признан в этом качестве и собранием воинов. Но приходилось учитывать его полуазиатское происхождение и неприязнь к нему со стороны части македонской знати.

Пока был жив Пердикка — защитник Роксаны и ее сына, — их положение было более или менее устойчивым. Но оно в корне изменилось через два года, когда Пердикка погиб в Египте в борьбе с Птолемеем. Это сразу подтвердилось конкретными событиями. Диадохи отправили Роксану с сыном в Македонию. Это было для последних очень опасно. Во-первых, они отрывались от родных корней в Азии. Оксиарт и его сторонники не имели никакого влияния в Европе, и на помощь отца Роксане уже не приходилось рассчитывать. Во-вторых, в Македонии правил властный Антипатр и его сын Кассандр, который преследовал всю семью Александра, желая узурпировать власть. Правда, через два года Антипатр умер, но с его смертью положение царской фамилии несколько не улучшилось. Наоборот, они практически стали пленниками коварного сына Антипатра — непредсказуемого Кассандра. Скоро на жизнь маленького Александра и его матери было совершено покушение.

Роксана с сыном вынуждена была бежать на запад Балкан, в Эпир, к матери покойного мужа — Олимпиаде. Здесь три поколения македонской династии — свекровь, невестка и внук впервые встретились. Их судьбы тесно переплелись.

Все источники рисуют образ Олимпиады в резко отрицательных тонах, как женщину властную и деспотичную, черствую и расчетливую, ревнивую и мстительную, постоянно вмешивавшуюся в дела управления государством. Именно ее энергии Александр был обязан престолом. Она сумела не допустить к власти других претендентов, которых было немало. Достаточно сказать, что отец Александра — Филипп имел семь жен. Да и к убийству самого Филиппа, как считали многие, именно Олимпиада приложила руку, чтобы освободить трон сыну.

Теперь, после смерти Александра, Олимпиада включилась со всем своим упорством в борьбу за господство над Македонией, опираясь на тех из диадохов, которые стояли за сохранение империи. Осенью 317 года до н. э. она с их помощью вернулась в Македонию. Войска встретили ее громкими криками ликования. Вместе с нею возвратились и Роксана с Александром.

Но Олимпиада развернула настоящий террор против родственников умершего Антипатра и его сторонников. Убийства следовали одно за другим, разрывали даже могилы. Это отвратило от Олимпиады симпатии населения. И вновь верх взял Кассандр. Царицу убили камнями родственники убитых, а ее невестка и внук были захвачены в плен и по приказанию Кассандра содержались в заключении в Амфиполе под надзором преданного ему Главкия.

Кассандр хорошо понимал, что его дорога к трону станет гораздо более легкой, если он вообще освободится от Роксаны и ее сына. Но момент он считал неподходящим для этого, так как пока не имел точных данных о состоянии борьбы между другими диадохами. Кроме того, он ожидал, какую реакцию произведет на македонян гибель Олимпиады, понимая, что в Амфиполе Роксана и Александр все равно всецело в его руках.

В 311 году до н. э. между диадохами был заключен мир, который, в частности, касался и участи наследника престола и его матери. По этому договору двенадцатилетний Александр признавался царем, а его опека до исполнения совершеннолетия была поручена тому же Кассандру.

К сожалению, мы не знаем подробностей этого мирного договора. Поэтому нельзя сказать ничего определенного о том, как договорились содержать Александра: освободить ли от недостойного заключения и дать царское образование или оставить его с матерью в тюрьме. Властолюбие Кассандра и его забота о собственной безопасности привели к тому, что пятилетнее заключение продолжалось. Диадохи же не проявляли особой заботы о судьбе наследника престола.

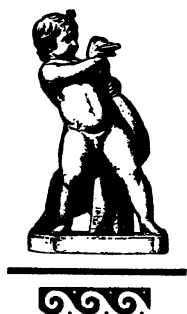
Прошло еще два года, молодому Александру шел уже 14-й год. Правление Кассандра в Македонии становилось все более деспотичным, все чаще опиралось на насилие. Поэтому неудивительно, что среди македонян стали все упорнее возникать разговоры, что пора освободить Александра из заточения и передать ему отцовский престол. Постепенно это мнение окрепло, набрало силу и стало угрожающим для Кассандра. Он решил действовать решительно. Своему доверенному лицу, правителю Амфиполя Главкию, он послал срочный приказ: «Умертви мальчика и мать его; зарой их тела; не говори никому о происшедшем». Этот приказ был немедленно исполнен: Александра и Роксану закололи кинжалами.

Правда, некоторые поговаривали, что их отравили. Это случилось в 309 году до н. э.

Хотя это убийство произошло два года спустя после мирного договора диадохов, оно не вызвало никаких ответных мер с их стороны. Это наводит на мысль, что такой ход событий мог быть обусловлен тайным параграфом договора и Кассандру были даны соответствующие гарантии в этом смысле. Во всяком случае, эта смерть была на руку всем диадохам; об этом говорит тот факт, что во время длительного заточения Роксаны и ее сына никто не сделал никаких попыток к их освобождению, ограничиваясь одними разговорами.

С убийством Александра IV и его матери диадохи окончательно почувствовали себя свободными от власти над ними царя. Теперь не оставалось более в живых ни одного представителя законной династии, который мог бы восстановить единую империю. Каждый из диадохов в душе лелеял надежду управлять, как царь, территориями, завоеванными с помощью оружия. Вскоре они стали называть себя царями. Гибель всей царской фамилии расчистила честолюбивым диадохам дорогу к власти.

Такова эта история, начавшаяся в затерявшейся среди снегов горной крепости в самом центре Азии как хмельной пир победителей и завершившаяся под голубым небом Македонии подлым убийством беззащитной женщины, первой красавицы завоеванной державы, и ее ребенка, наследника великой империи, которая окончательно погибла вместе с ним.

Динамия

В 63 году до н. э. у Фарнака, сына понтийского царя Митридата Евпатора Диониса, родилась дочь, которую нарекли Динамией. Своим появлением на свет новорожденная в некоторой степени была обязана царственному деду: именно по его, Митридата Евпатора, воле Фарнак женился на дочери вождя одного из меотских племен, когда ему требовались союзники в последней войне с Римом. К сожалению, истории не угодно было сохранить имя этой меотянки, отличившейся только тем, что она дала жизнь Динамии, которой суждено было сыграть немаловажную роль в жизни Боспора второй половины I века до н. э.

Динамия вряд ли еще научилась ползать на четвереньках, когда ее великий дед, покинутый богами и судьбой, преданный сыном и подданными, желая уйти из жизни, принял яд, который, однако, подействовал на него не сильнее, чем простая вода; и тогда он приказал единственному преданному рабу заколоть себя мечом. Это произошло в Пантикапее, столице Боспора. Со смертью

Митридата было покончено с Понтийским царством. Рим, потративший столько усилий в борьбе с неукротимым Митридатом, наконец-то облегченно вздохнул: в Вечном городе были устроены десятидневные торжества по случаю одержанной победы. Сын Митридата, Фарнак, предавший отца в решительный момент, отправил безжизненное тело царя царей в Синопу его победителю Помпею, снискав своим поступком особое расположение римского полководца. По просьбе Помпея римский сенат провозгласил Фарнака «другом и союзником римлян» и закрепил за ним боспорский трон. Формально сделавшись боспорским царем, фактически Фарнак вынужден был оставаться покорным исполнителем предначертаний Рима.

Управляя Боспорским царством в качестве царя, подвластного Риму, Фарнак все же много сделал для укрепления пошатнувшегося во время митридатовых войн положения государства. Прежде всего была восстановлена торговля. Энергичная деятельность Фарнака была направлена также и на расширение границ царства: вскоре на севере пределы Боспора достигли Танаиса, а на Крымском полуострове простерлись далеко на запад, включив в свой состав Херсонес. Много делал царь для подчинения варварских племен на азиатской стороне Боспора. В этом большую роль сыграли авторитет и популярность, которыми пользовался Фарнак у варваров, видевших в нем сына и преемника великого Митридата.

Независимой от Фарнака осталась только Фанагория, которой Рим даровал самостоятельность за былые заслуги в войне с Митридатом, и он не решался пока нарушать эту самостоятельность из опасения вызвать недовольство у римлян.

Все это время дочь царя Динамия находилась во дворце в боспорской столице Пантикапее. Здесь в окружении многочисленных нянек и служанок беспечно проходили первые годы ее жизни. Динамия беззаботно предавалась детским забавам и играм, привлекая к участию в них своих сверстниц, доставляемых в царские покои специально для развлечения маленькой царевны. По достижении более зрелого возраста Динамию отдали на воспитание лучшим учителям боспорской столицы, которые должны были позаботиться о ее всестороннем воспитании, соответствующем царскому происхождению. В Пантикапее, пережившем за несколько веков

своего существования две царские династии — Археонактидов и Спартокидов, — существовала богатая традиция воспитания царских отпрысков. Динамия обучалась грамматике и математике, риторике, поэтике и музыке. Когда она научилась хорошо читать по-гречески, у нее появилась возможность познакомиться с лучшими образцами греческой прозы — творениями Геродота, Фукидида, Ксенофонта, восхищаться трагедиями Эсхила, Софокла и Еврипида, погрузиться в прекрасный мир философии Платона. Но больше всего Динамии нравилось слушать рассказы о своем великом деде Митридате Евпаторе. Из этих рассказов она узнала, что Митридат, считавший себя потомком персидских царей Ахеменидов, одиннадцатилетним мальчиком получил царскую диадему после смерти отца, но из опасения быть убитым своими соперниками вынужден был несколько лет скрываться в чужих странах. Некоторое время он провел в Пантикапее при дворе боспорского царя Перисада, где получил прекрасное образование, приобщившись к великой греческой культуре. Странствуя по другим странам, Митридат изучал обычаи и языки народов, проживающих в них. Динамию заинтересовал тот факт, что дед за всю жизнь освоил двадцать два языка, и она, вдохновленная таким примером, кроме греческого, который являлся официальным языком Боспорского царства, и языка меотов, который знала от матери, принялась изучать персидский и латынь.

Юная царевна не без восхищения слушала рассказы о возвращении Митридата в Синопу, о том, как он на протяжении всей жизни расширял границы своего царства, о его войнах с Римом. Когда Динамия узнала о финале третьей митридатовой войны с Римом, в частности, о том, как ее отец Фарнак предал Митридата, перейдя на сторону римлян, она прониклась тайной неприязнью к отцу за этот малодушный, по ее мнению, поступок. Ее отношение к отцу изменилось: она полагала, что он не достоин считаться преемником Митридата Евпатора. Рассуждая подобным образом, Динамия пришла к мысли, что только она может стать истинной наследницей громкой славы своего деда. Однажды родившись в сознании девочки, эта мысль в скором времени превратилась в глубокое убеждение.

Динамию интересовало также и ее происхождение по материнской линии. Здесь лучшим информатором оказалась ее мать, которая поведала о втором ее деде —

могущественном вожде меотов-аспургиан, населявших обширные степные территории между Фанагорией и Горгиипией. Величайшая заслуга ее второго деда, по словам матери, заключалась в объединении многочисленных меотских племен в прочный союз. Это ему удалось сделать еще при жизни Митридата, с которым он в свое время заключил союз. Особенно радовал Динамию тот факт, что дед-аспургианин оставался до конца верен Митридату и не смог прийти к нему на помощь только потому, что Фанагория, предавшая великого царя, создала непреодолимые препятствия при попытке меотов, не имевших кораблей, переправиться через воды Боспора Киммерийского.

Когда Динамия узнала, что ее дед-аспургианин здоров и поныне, у нее появилось непреодолимое желание посетить его. Как ни противился отец, Динамия настояла на своем, и вот они с матерью в сопровождении отряда царских телохранителей отправились в страну аспургиан. Вскоре последнее греческое поселение осталось позади и царственные путешественницы очутились среди степных просторов. Возможно, Динамия чувствовала бы себя неуютно в незнакомой обстановке, если бы не близость матери, которая, вырвавшись из тесных покоев пантикапейского дворца, где прожила много лет, вновь ощутила себя дочерью степей.

Весть о прибытии внучки великого Митридата Евпатора, которого меоты даже после смерти чтили, как бога, с быстротой молнии распространилась по степи. Жители попадавшихся по пути селений восторженно встречали юную царевну, называя ее прекрасной богиней. Динамия, неплохо говорившая по-меотски, на гостеприимство степняков отвечала взаимными любезностями. По мере продвижения в глубь страны к их отряду присоединялись десятки и сотни всадников, и к моменту приближения к резиденции деда этот почетный эскорт достиг нескольких тысяч, так что у Динамии сложилось впечатление, что степнякам нечего больше делать, как охранять свою, как они ее называли, царицу-богиню.

Но более почетный прием оказал, конечно же, дед. Правда, он не мог лично выехать навстречу своей внучке по состоянию здоровья и встретил ее только на пороге своего шатра, опираясь на посох, служивший ему не только символом верховной власти, но и неотъемлемой принадлежностью старости — клюкой. Однако какой радостью преисполнилось сердце старика, как восторжен-

но светились его глаза, когда он, усадив Динамию на почетное место рядом с собой, рассматривал ее, стремясь отметить в чертах ее лица сходство с великим царем царей Митридатом и самим собой, и как он самозабвенно радовался, когда, как ему казалось, это сходство обнаруживалось. Угощаясь лучшими степными яствами, которые ей любезно подавали слуги, и отвечая на вопросы деда, Динамия обратила внимание на юношу, сидевшего по другую сторону от деда. Прежде всего ее смущали немеотские черты его лица — было в нем что-то от эллина. Показалось ей странным и то, как он смотрит на нее. Наконец девичье любопытство не выдержало, и она спросила у деда, кто это такой. Дед, ласково похлопав юношу по плечу, сказал, что это его внук Асандрох.

Оказалось, что этот Асандрох был сыном одного из сыновей деда, сводного брата ее матери, который женился на эллинке из приморской Горгиппии, и от их брака родился Асандрох. Отец Асандроха не так давно погиб во время военного похода, и теперь юноша находился под опекой деда и пользовался у него особой любовью и расположением, что давало повод думать, будто бы старик готов сделать его своим преемником. За время пребывания в стране аспургиан Динамия еще много раз встречалась с Асандрохом.

Известно, что любимым развлечением степных народов являются скачки на лошадях. Динамия с превеликим удовольствием предавалась этой забаве. Однажды, когда под ней был молодой резвый скакун, она неожиданно оторвалась от группы сопровождавших ее всадников, оставив их далеко позади. Недавно обученный жеребец, почувствовав в Динамии не очень опытную наездницу, видимо, решил вернуть прежнюю свободу и понес. Динамия, испугавшись, судорожно вцепилась в гриву и приготовилась к худшему. На какое-то мгновение ей удалось обернуться назад и увидеть стремительно приближавшегося всадника. Через несколько минут он был уже рядом и, ловко нагнувшись, сумел схватить жеребца за уздечку и остановить. Динамия была спасена, а ее спасителем оказался Асандрох. Так произошла их первая встреча наедине. Впоследствии они уже вдвоем выезжали в степь и любовались ее красотами вдали от посторонних глаз. В эти дни в их сердцах вспыхнула первая искра любви друг к другу, которая не погасла до конца их дней, невзирая на все препятствия, уготованные судьбой.

Срок пребывания Динамии в стране аспургиан истек, и вскоре настал день отъезда. На прощание дед, в последний раз обняв ее, попросил не забывать народ аспургиан и заверил, что в случае крайней нужды она найдет у них надежное убежище. Слова деда оказались пророческими. Более тягостным было прощание с Асандрохом, проводившим Динамию до самых пределов меотской земли.

По возвращении в Пантикапей Динамия не могла не заметить изменений, произошедших за несколько месяцев отсутствия. Вскоре ей стало известно о планах отца, задумавшего отвоевать у римлян бывшие владения Митридата Евпатора в Малой Азии. Для осуществления задуманного Фарнак выбрал удобное время. Он был хорошо осведомлен о том, что в Риме разгорелась гражданская война: двум великим римлянам — Цезарю и Помпею — стало тесно, и они вступили друг с другом в борьбу не на жизнь, а на смерть.

Внутренней борьбой в Риме уже воспользовались фракийские и гетские племена, восставшие против римского господства и в короткий срок добившиеся успеха. Гетам, объединенным талантливым вождем Биревистой, удалось даже перейти в наступление на римские владения в западном Причерноморье и захватить ряд городов от Ольвии до Месембрии. Попытка римлян послать сухопутные войска через Македонию во Фракию для наведения порядка не только потерпела неудачу, но и показала Фарнаку, внимательно следившему за событиями, что Рим в настоящее время не располагает флотом. Именно это обстоятельство заставило Фарнака отбросить колебания и готовиться к войне.

Динамия приветствовала смелые планы отца. Сейчас она даже была склонна простить ему прежнее предательство и признать в нем достойного преемника Митридата Евпатора. Всей душой она желала удачи его начинаниям.

В последнее время при дворе Фарнака видное место стал занимать знатный боспорец по имени Асандр. Динамии был симпатичен этот пожилой человек, с гордостью называвший себя потомком некогда правивших Боспором царей династии Спартокидов, в подтверждение чего он постоянно носил нашитую на хитон бронзовую эмблему Спартокидов, изображавшую трезубец Посейдона. Асандру было уже за шестьдесят, но он был молодцеват и энергичен. Отличался он также незауряд-

ным умом и чисто эллинской предприимчивостью. Учитывая эти качества, а также превосходное знание морского дела и популярность среди пантикапейских греков, Фарнак приблизил к себе Асандра, и в скором времени последний сделался кем-то вроде советника при царе.

Во время подготовки к походу против римлян Асандр играл важную роль. Фарнак посылал его с ответственными дипломатическими миссиями к соседним варварским племенам. Возможно, именно Асандру удалось договориться с вождем сираков Абеаком о присылке 20 тысяч всадников для армии Фарнака, а с царем аорсов Спадином он настолько умело повел переговоры, что тот выставил 200 тысяч конницы, как об этом сообщает Страбон. Немало сделал Асандр и в деле подчинения преданной Риму Фанагории, которую Фарнак непременно хотел прибрать к рукам, так как считал неразумным оставлять у себя в тылу базу римлян.

Последние приготовления закончились, были принесены соответствующие жертвы богам, и армия, возглавляемая лично Фарнаком, двинулась в поход. Провожая отца, Динамия молила небожителей о ниспослании ему удачи. Первоначальная надежда на возможный успех предприятия сейчас, когда она видела уходящую многотысячную армию, превратилась в твердую уверенность в предстоящей победе. Ее давнишняя мечта стать преемницей Митридата Евпатора, сделаться царицей царей — ведь она является единственной наследницей Фарнака и ей после его смерти достанется царство, — как никогда, была близка к реальному воплощению. Итак, пусть отец воюет, а она будет молить богов о победе.

Отправляясь в поход, Фарнак на время своего отсутствия назначил Асандра наместником в Пантикапее. Асандр, получивший должность архонта*, обязан был следить за спокойствием на Боспоре и своевременно поставлять армии необходимые припасы и подкрепления. Но как только армия Фарнака, овладев Колхидой и Малой Арменией, а затем Синопой, двинулась дальше в западные области Малой Азии, ведя борьбу с римскими войсками, Асандр резко изменил свое отношение к царю и стал убеждать боспорских греков восстать против Фарнака. Действуя таким образом, Асандр исходил из того, что рано или поздно разношерстное войско Фарнака

* Архонт — высшее должностное лицо в Древней Греции.

будет разбито дисциплинированными римскими легионами. Возможно, он даже располагал сведениями о том, что Цезарь уже спешит навстречу Фарнаку, и поэтому решил восстать против своего царя именно до того, как его армия будет разгромлена. Он, конечно же, блефовал, но зато в случае удачи мог рассчитывать на признание римлян.

Асандр несколько не ошибся в своих прогнозах. Действительно, Цезарь, спешно явившийся в Малую Азию из Египта, наголову разбил вооруженное сборище Фарнака у города Зелы. Фарнак бежал в Синопу, где, впрочем, также не мог чувствовать себя в безопасности, и вскоре был вынужден сдаться на милость победителя. А Цезарь поистине был милостив к побежденному: отослав в Рим короткое донесение, состоящее по сути дела из трех слов: «Пришел, увидел, победил», впоследствии ставших афоризмом, Цезарь отпустил Фарнака с отрядом в тысячу человек, предоставив ему возможность восстановить свое прежнее положение на Боспоре.

Трудно сказать, что переживала Динамия в эти дни. Ее мечты стать в будущем царицей царей развеялись в прах. Вряд ли она могла, поступившись честолюбием, проникнуться жалостью к побежденному отцу, скорее наоборот: прежняя неприязнь к Фарнаку, усугубленная его полководческой бесталанностью, развилась в Динамии с новой силой, и вполне возможно, что она желала отцу самого худшего, тем более что Асандр, проявивший смелость и решительность, нравился ей все больше и больше.

Асандр тем временем готовился дать достойный отпор своему царю. Он не переставал убеждать боспорских греков в том, что именно сейчас им предоставилась великолепная возможность обрести независимость и от римлян, и от их ставленников. Его агитация имела успех, и в скором времени в Пантикапее собралось сильное ополчение.

Фарнак со своим немногочисленным отрядом пересек на кораблях Понт Евксинский и, высадившись в районе Феодосии, сумел сформировать из скифов и савроматов небольшое войско. Он предпринял попытку захватить Пантикапей, но встретил сильное сопротивление со стороны Асандра и погиб в сражении.

Это произошло в 47 году до н. э.

Итак, Асандр вышел победителем в поединке с Фарнаком и теперь был вправе назваться правителем Бос-

пора, к тому же этому не противилась боспорская знать.

Что же случилось с Динамией в это время? Казалось бы, со смертью отца рушились не только ее притязания на царский престол, но и вообще должны были произойти коренные перемены в жизни. Теперь судьба юной царевны полностью находилась в руках Асандра. Однако победитель не собирался ущемлять Динамию в правах; по-прежнему она проживала в царском дворце, ее, как и раньше, называли царевной, и она могла распоряжаться своей свободой по своему усмотрению. Да и вряд ли судьба Динамии тревожила Асандра в то время, когда у него — нового правителя Боспора — и без того хватало забот. Над Боспором вновь сгустились тучи, вновь грозила опасность римского вторжения.

Цезарь имел все основания не доверять Асандру, поскольку последний поднял восстание против Фарнака и, убив его, захватил власть без уведомления римлян и не имея на то их согласия. Поэтому Цезарь решил расправиться с Асандром и послал против него своего верного друга Митридата Пергамского, который оказал ему неоценимые услуги в Египте. Цезарь выбрал именно его по двум соображениям: во-первых, Митридат Пергамский являлся побочным сыном Митридата Евпатора от наложницы по имени Адобогiona, а это было немало важно в деле свержения Асандра; во-вторых, Цезарь хотел вознаградить своего друга за былые заслуги, пообещав ему отдать в управление Боспорское царство.

В Пантикапее начались активные приготовления к отражению вторжения Митридата Пергамского. Асандр был полон энергии и решительности. Его в эти дни можно было видеть в разных концах города: то он находился в порту, где готовился к предстоящей войне флот, командование которым возлагалось на опытного наварха Панталеона; то осматривал городские стены, стараясь убедиться, все ли готово к возможной осаде; то проводил смотр городского ополчения.

Известие о скором приближении Митридата Пергамского взволновало и Динамию. Она оказалась перед выбором: с одной стороны, был Асандр, которого она вправе была считать узурпатором, а свое положение при нем — почетным заключением, но который был ей симпатичен за проведение независимой, антиримской политики; с другой стороны — Митридат Пергамский, приходившийся ей сводным дядей, но действующий по указке римлян, что было противно духу Динамии. Она

долго раздумывала, как ей поступить, кому отдать предпочтение. Царевна была уверена, что, если Митридат одержит победу, он, учитывая родственные связи, освободит ее из почетного заключения. Но что она возьмет от такого освобождения и каковым станет ее положение при нем? Вряд ли Митридат, при всем его благородстве, сделает ее царицей-соправительницей. В лучшем случае ей будет предоставлена роль приживалки при царском дворце, а гордую и честолюбивую Динамию это никак не устраивало. Нет, уж лучше отдать предпочтение Асандру. Его положение довольно-таки прочно. Имея такую сильную армию и флот, Асандр вполне может рассчитывать на победу. А если победит, то еще больше укрепит свой авторитет и будет вправе назваться царем Боспора.

Размышляя подобным образом, Динамия совершенно неожиданно поняла, как она может стать боспорской царицей. Ход был простой: выйти замуж за Асандра. Поначалу ее смущала разница в возрасте: ведь ей было шестнадцать лет, а ее предполагаемому жениху уже перевалило за шестьдесят. Но, в конце концов, честолюбие взяло верх. К тому же Динамия утешала себя мыслью, что через несколько лет после женитьбы Асандр умрет от старости и тогда она станет единоличной правительницей Боспора. По крайней мере, она должна принести в жертву свою девственность ради того, чтобы потомки Митридата Евпатора в будущем правили хотя бы какой-то частью его обширной в прошлом державы.

Окончательно сделав выбор, Динамия явилась к Асандру и известила о своем намерении отправиться к аспургианам за помощью. Асандра смутило подобное предложение Динамии, которая, по его мнению, должна была принять сторону Митридата Пергамского или хотя бы занять позицию выжидания. Но, сам склонный к авантюрам, Асандр без лишних словопрений одобрил замысел Динамии и, предоставив ей небольшую охрану, позволил удалиться.

В скором времени флот Митридата Пергамского подошел к Пантикапею, но так и не смог осадить боспорскую столицу, поскольку ловкими маневрами боспорского флота был заманен в ловушку и наголову разбит в водах Боспора Киммерийского. Митридат погиб в сражении, а его воины на уцелевших кораблях, не имея возможности прорваться в открытое море, вынуждены были спасаться бегством на азиатской части Боспора, где и

были схвачены в плен приведенными Динамией аспургианами.

Так бесславно закончилась карательная экспедиция, снаряженная Цезарем. Что касается самого Цезаря, то какой бы ненавистью он ни воспылил к Асандру, убийце своего друга, расправиться с ним он все же не смог — его отвлекли войны в Африке и Испании.

Асандр вновь оказался победителем. На этот раз его победа была более крупной по политическим масштабам: ведь, расправившись с Митридатом Пергамским, Асандр тем самым бросил вызов самому Цезарю, а Цезарь из-за занятости не принял вызова. Это обстоятельство еще больше возвысило Асандра в глазах свободолюбивых боспорцев.

Асандр провозгласил себя архонтом Боспора. Почему архонтом, а не царем? Это, видимо, он сделал из тактических соображений, не желая вызывать излишнего раздражения в Риме. Он понимал, что прежде чем вступить в противоборство с Вечным городом, надо основательно укрепить Боспорское царство изнутри, а на этом поприще дел был непочатый край.

Прежде всего Асандр решил наладить денежную систему Боспора. В первый год его правления чеканились золотые статеры, на которых Асандр именовался архонтом. Полновесное золото Асандра сразу же получило признание во всем Причерноморье. В последующие годы чеканились монеты с изображением богини победы Ники, стоящей на корабельном носу.

Желая закрепить юридически свое положение правителя Боспора, Асандр подумывал о браке с Динамией. Можно только догадываться, каково было его удивление, когда он, обратившись со своим предложением к Динамией, встретил ее полное согласие.

Что касается самой Динамии, то второе посещение страны аспургиан не прошло для нее бесследно: по истечении определенного срока она почувствовала, что забеременела — таков был результат ее встречи с аспургианином Асандрохом. Поэтому Динамия, не откладывая сватовства Асандра на более долгий срок, сразу же приняла его предложение. Вскоре состоялось по-царски пышное бракосочетание шестидесятитрехлетнего Асандра и шестнадцатилетней Динамии.

По истечении нескольких месяцев Динамия родила сына, которого по ее настоянию назвали Аспургом, якобы в честь родства матери с племенем аспургиан.

Асандр признал Аспурга своим наследником, так и не узнав, а может, и не желая знать, тайну его рождения.

Первые три года правления Асандр назывался архонтом, но в 44 году до н. э., когда пределов Боспора достигла весть о смерти Цезаря, он провозгласил себя царем, а Динамия стала царицей. Подтверждением этому служат боспорские монеты, относящиеся к этому году, на которых Асандр величается царем.

Во время совместного царствования Асандра и Динамии было много сделано для укрепления границ Боспорского царства. Прежде всего это касалось укрепления Керченского полуострова, где была построена на значительном протяжении стена и большое количество башен с целью воспрепятствовать вторжению скифов в боспорские владения.

Одной из первоочередных задач Боспорского царства в это время была борьба с пиратами. Для успешного разрешения этой задачи Асандр и Динамия отрядили почти весь военный флот, которым по-прежнему командовал наварх Панталеон. Несколько лет потребовалось Панталеону, чтобы полностью очистить от пиратов воды Понта Евксинского, омывающие боспорские владения. Победа над пиратами имела важное политическое и экономическое значение: во-первых, она в огромной степени повлияла на признание римлянами Асандра и Динамии царем и царицей Боспора; во-вторых, были восстановлены нормальные морские торговые сношения Боспора с другими странами, разлаженные в период Митридатовых войн с Римом.

В ознаменование этой победы навархом Панталеоном в пантикапейском порту были поставлены статуи Посейдону Сосинею («Спасителю кораблей») и Афродите Навархиде («Судоначальнице»). Похоже, что Панталеон в угоду царю и царице распорядился, чтобы статуям были переданы их черты. Во всяком случае, в посвянительной надписи на сохранившейся мраморной базе от статуй Асандр назван царем царей, а Динамия царицей.

Тридцать лет — таков период совместного правления Асандра и Динамии. Была ли счастлива Динамия в эти годы? Конечно, Асандр, будучи стариком, не мог принести ей удовлетворения. Единственным утешением в личной жизни Динамии был ее сын Аспург, и естественно, что всю свою неразделенную любовь она перенесла на него. Видимо, не забывала она и возлюбленного своей юности — Асандроха. Зная, что Аспург является его

сыном, Динамия иногда отправляла последнего в страну аспургиан, чтобы не рвать связи со своими могущественными сородичами по материнской линии.

Встречалась ли Динамия в эти годы с Асандрохом? Возможно. Но только эти встречи скорее носили государственный характер. Вряд ли боспорская царица при живом муже-царе могла себе позволить интимные встречи. Но связь их сердец не прерывалась всю жизнь.

Когда Асандру исполнилось девяносто три года, он начал дряхлеть телом, хотя, как об этом пишет Лукиан в книге «О долговечных», еще сохранял ясность ума. Кто знает, сколько бы еще прожил Асандр, если бы не обстоятельства, которые окончательно приблизили кончину старого царя. В 17 году до н. э. на Боспоре появился ловкий авантюрист с римским именем Скрибоний. Откуда он был родом и кто по происхождению, никто не знал. Сам Скрибоний называл себя потомком Митридата Евпатора и другом римского императора Августа. Скрибонию удалось расположить к себе проримски настроенные элементы в городах Боспора, и прежде всего в Фанагории. Ему оказали поддержку также определенные слои боспорской знати, недовольные Асандром. В итоге Скрибонию удалось собрать значительную армию и выступить против Асандра.

Царь Боспора отправил свое войско для наведения порядка, но во время сражения Скрибонию удалось переманить на свою сторону часть воинов Асандра и одержать победу. Известие о поражении окончательно свалило Асандра, он отказался от пищи и через несколько дней умер, успев перед смертью в присутствии приближенных передать царство Динамии.

В необычайно трудное время управление Боспорским царством перешло к Динамии. Однако, умудренная тридцатилетним опытом, она самоотверженно взяла бразды правления в свои руки. Первый год правления Динамия ознаменовала выпуском золотых монет, на одной стороне которых чеканился ее портрет, а на другой были изображены звезды и полумесяц — династические символы Ахеменидов. Этим шагом Динамия стремилась подчеркнуть, что вступает на международную арену как внучка Митридата Евпатора, нарочито подчеркивая свою принадлежность к древнему персидскому царскому роду.

Однако Динамия недолго упивалась единоличным правлением. Скрибоний, почувствовав, что достаточно силен, отправился походом на Пантикапей. Его быстрому

продвижению способствовал ряд предательств, совершенных некоторыми боспорскими военачальниками, которые сдали без боя ряд важных стратегических пунктов. Путь на Пантикапей был открыт.

Динамия еще могла рассчитывать на неприступность пантикапейских стен и личную гвардию, но и здесь не обошлось без измены. В Пантикапее нашлись люди, не желавшие видеть Динамию своей царицей; они-то и открыли городские ворота Скрибонию. Древняя столица Боспора оказалась в руках алчного авантюриста.

Динамия, укрывшаяся в царском дворце, поняла, что ее положение безнадежно, и решила пойти на переговоры. Она послала к Скрибонию спросить, чего тот добивается. Когда посланник вернулся и доложил, что Скрибоний желает, женившись на ней, стать царем боспорским, Динамия громко рассмеялась. Но затем призадумалась и вновь отправила посланника сказать Скрибонию, что обсудит его предложение, а он пока пусть останется в городе и ничего не предпринимает во избежание кровопролития.

У Динамии не было времени на долгие раздумья, следовало принимать срочное решение. Еще раз проанализировав сложившуюся ситуацию, царица пришла к выводу, что положение Скрибония, невзирая на одержанные победы, довольно-таки непрочное, иначе бы он не спешил свататься к ней. Следовательно, женитьба на ней нужна ему для упрочения своих прав на захваченную власть. Однако нынче он является хозяином положения и вправе диктовать свои условия, на которые она вынуждена пойти. Что ж, с судьбой не поспоришь, и Динамия решила дать Скрибонию утвердительный ответ.

На следующий день, дождавшись от Динамии согласия, Скрибоний победоносно вступил во дворец, а еще через несколько дней, после свадебного ритуала, он с нескрываемым удовольствием воссел на трон боспорских царей рядом со своей супругой-царицей. Однако недолго продолжалось торжество новоиспеченного царя: уже спешили на помощь аспургиане, за которыми втайне от нового супруга послала Динамия, да и в самом Пантикапее обстановка складывалась не в пользу Скрибония. К тому же опасность для него грозила и со стороны Рима. Император Август воспринял появление Скрибония в Пантикапее как крайне неприятное и чреватое последствиями событие. Августу, привыкшему к спокойствию на Боспоре, мерещился призрак возрожде-

ния антиримского движения как раз в тот момент, когда в других провинциях происходили брожения. Решив положить конец беспорядкам в Пантикапее, император отдал приказ своему зятю Марку Випсанию Агриппе покончить со Скрибонием. Агриппа, с согласия своего могущественного тестя, послал против Скрибония преданного римлянам понтийского царя Полемона.

В свое время Полемон, сын ритора Зенона из Лаодикеи, служил у Марка Антония. Полемон оказал активную помощь Антонию в экспедиции против Парфии, за что получил от него в управление Понтийское царство и права римского гражданина, после чего его стали именовать Марк Антоний Полемон. Когда Антоний потерпел поражение от Августа, Полемон перешел на сторону победителя, сумев сохранить за собой все свои ранее полученные владения.

Полемон пользовался большой популярностью в Малой Азии, поэтому Агриппа именно ему поручил организацию экспедиции на Боспор. Снарядив сильный флот, Полемон отплыл в Пантикапей.

Опять над Боспором нависла угроза римского вторжения. Весть о приближении вражеского флота встревожила пантикапейцев, в том числе и тех, которые опрометчиво отдали город во власть Скрибония. Во избежание войны с Римом они подняли мятеж против Скрибония и убили его. Но Полемон, узнав об этом, не остановился и продолжал наступление. Тогда Динамия, вновь восстановленная в своих правах, мобилизовала все имеющиеся силы для борьбы с Полемоном.

Первое время боспорский флот действовал успешно и одержал ряд побед над флотилией Полемона. Это встревожило римлян. Агриппа, опасаясь, чтобы Полемона не постигла судьба Митридата Пергамского, решил лично прибыть на Боспор с дополнительными силами.

Когда Динамия узнала о приближении Агриппы, она поняла, что и в этот раз проиграла. Единственное, что ей оставалось сделать, — сдаться на милость победителя, не подвергая свой народ новым лишениям.

С чувством глубокой досады взирала Динамия из окна своего дворца на вступление вражеских войск в Пантикапей. Тяжелые мысли терзали ее душу. Как ей поступить, что предпринять? Бежать ли в храм и, припав к алтарю, молить богов о защите или выйти навстречу победителю и просить о пощаде? Нет! Ни то, ни другое. Не подобает ей, законной царице Боспора, внучке вели-

кого Митридата Евпатора, так опускаться. Она решила пройти в тронный зал и встретить победителя во всем великолепии своего царского величия. Облачившись в пурпурные царские одеяния, украсив голову диадемой — символом царского достоинства, она воссела на древний трон боспорских царей и, погрузившись в глубокое молчание, стала дожидаться появления Полемона. А последний не заставил себя долго ждать.

Разодетый на манер римского старшего офицера, с многочисленными знаками отличия на груди, с римским мечом у пояса, Полемон в окружении телохранителей стремительно вошел в тронный зал и, приблизившись к восседавшей на троне Динамии, без традиционных приветствий объявил, что он, волей римлян царь понтийский Марк Антоний Полемон, действующий от имени и по поручению самого Августа, явился, чтобы довести до ее, царицы боспорской Динамии, сведения волю римского императора, согласно которой ему, Полемону, отдается в управление Боспорское царство, а ей предписано стать его женой.

Динамия, приготовившаяся ко всему, такого цинизма не ожидала, но, подавив душевный трепет, охвативший ее, продолжала слушать. А Полемон добавил лично от себя, что, как женщина в возрасте, Динамия не представляет для него никакого интереса; он не собирается делить с ней супружеское ложе, но воля Августа для него священна, и посему в ближайшие дни должно состояться их бракосочетание, а боспорские дела перейдут к нему.

По прибытии в Пантикапей Агриппы Полемон официально был провозглашен боспорским царем, а Динамия стала его женой. С возведением на боспорский трон Полемона, кроме этого владевшего тремя царствами — Киликией, Понтом и Малой Арменией, впервые после смерти Митридата Евпатора было достигнуто объединение северного и южного Причерноморья, имевшее для Рима важное стратегическое значение.

Император Август милостиво позволил Полемону называться царем царей, а Динамии — царицей. Однако от бывшего величия у Динамии остался только царский титул, Полемон фактически отстранил ее от управления, и она вынуждена была коротать дни в своих покоях в окружении прислуги, под бдительным присмотром полемоновой стражи. При ней находился и ее сын Аспург, тщетно старавшийся утешить мать в ее горе.

Полемон проявил себя жестоким правителем. Он до невероятных размеров увеличил поборы с боспорского населения, а попытки протеста пресекал силой оружия. Им было организовано несколько карательных экспедиций на азиатскую часть Боспора с целью подавить недовольство местных жителей. Боспорцы прониклись ненавистью к своему новому царю, и в скором времени в их умах родилось желание восстать против него и вернуть на трон Динамию.

Совместное правление Полемона и Динамии, если его можно так назвать, продолжалось не более двух лет. И если императора Августа Динамия устраивала как царица, то Полемона ее присутствие тяготило. Его не покидала мысль избавиться от нее. Однако убить Динамию, даже тайно, Полемон не решался из-за страха перед Августом. И тогда он задумал изгнать ее из Пантикапея и жениться на другой женщине. Более того, у него уже имелась на примете подходящая кандидатура. Ею являлась Пифодорида — дочь богатого и знатного грека Пифодора и Антонии, дочери Марка Антония, которому раньше служил Полемон. Пифодорида, по мнению Полемона, была достаточно знатна, богата и хороша собой, чтобы стать его женой.

В 12 году до н. э., когда неожиданно умер Агриппа, контролировавший положение дел на Востоке, Полемон, почувствовав определенную самостоятельность, расторг брак с Динамией и женился на Пифодориде. Август не имел возможности наказать Полемона и пустил дело на самотек.

Динамия в сопровождении Аспурга вынуждена была удалиться из Пантикапея на азиатскую часть Боспора, где рассчитывала поднять знамя борьбы с Полемоном. Обосновавшись в Фанагории, она время от времени совершала поездки по стране, посещая меотские племена. Стараясь привлечь вождей этих племен на свою сторону, Динамия настраивала их против Полемона. Этого было нетрудно достичь, ибо вряд ли кто на Боспоре не ощутил на себе жестокость правления нового царя. Прежде всего ее поддержали аспургиане, вождем которых уже около тридцати лет был Асандрох.

Полемон в это время находился в Пантикапее, ставшем столицей его обширного царства, и наслаждался властью и своей молодой женой Пифодоридой. Он уже не очень опасался Августа и вел дела своей державы все с большей самостоятельностью.

Через год после женитьбы Пифодорида родила Полемону сына, которого нарекли Зеноном в честь деда — ритора Зенона из Лаодикеи. Второму сыну, родившемуся после Зенона, Полемон дал свое имя. Третьей была дочь, имя которой затерялось в истории.

Полемон, таким образом, имел все основания считаться счастливым человеком. Однако счастье его было непродолжительным.

Долгих четыре года Динамия находилась в изгнании. Все это время ее не покидала мысль, свергнув Полемона, вернуться в Пантикапей. Ей удалось уже много сделать для претворения своего плана. Население боспорских городов было в большинстве на ее стороне. Меотские племена выказали готовность по первому сигналу выставить многочисленную конницу и сокрушить врага любимой царицы. Аспургиане, возглавляемые Асандрохом, стали чем-то вроде личной гвардии Динамии. Верные люди из Пантикапея донесли ей, что пантикапейцы в любой момент готовы поднять восстание против Полемона, только бы царица оказала им поддержку извне.

В 8 году до н. э. Динамия сочла момент подходящим для начала открытой борьбы с Полемоном и решила действовать. Первым по указке царицы восстал Танаис, находившийся на задворках Боспорского царства, в значительном отдалении от Пантикапея. Этим шагом Динамия рассчитывала выманить Полемона из Пантикапея, чтобы во время его отсутствия захватить город. Она не ошиблась в своих расчетах. Для подавления восстания Полемон послал значительную часть своего флота и, лично возглавив экспедицию, отправился водным путем в Танаис.

Восстание в Танаисе приняло широкий размах. Верный Полемон гарнизон был перебит, и восставшие ввиду приближения самого царя приготовились к осаде.

Танаис представлял собой хорошо укрепленную оборонительными сооружениями крепость и считался одним из самых неприступных городов Боспора. Жители города перед началом восстания запаслись продовольствием и теперь не страшились длительной осады.

Прибыв к Танаису, Полемон предпринял несколько безуспешных попыток взять непокорный город приступом, но, потеряв значительную часть своих воинов, решил отказаться от этой затеи.

Динамия тем временем стремилась переправиться через воды Боспора Киммерийского и захватить Пан-

тикапей, но безрезультатно, так как ей не хватало кораблей, на которых можно было бы перевезти воинов. К тому же оставленные Полемоном корабли исправно несли патрульную службу.

Потеряв много времени на безуспешную переправу, Динамия в конце концов отказалась от первоначального плана и решила во главе конного войска идти к Танаису. На полпути ей стало известно, что Полемону посредством предательства все же удалось овладеть городом.

Танаис постигла тяжелая участь: большая часть населения была перебита, а оставшиеся в живых проданы в рабство. Полемон после кровавой расправы двинулся обратно, задумав по пути наказать жителей Фанагории за поддержку Динамии. Часть своей армии он отправил морем, а сам во главе отряда пехоты двинулся сушей, желая навести порядок в приморских селениях. Продвигаясь вдоль моря, он вскоре наткнулся на передовые отряды армии Динамии, которые, сделав вид, что отступают, заманили его подалее от моря.

Когда Динамии доложили, что Полемон с малочисленным отрядом попал в ловушку, она решила обрушиться на него всей мощью своей армии. В непродолжительном сражении отряд Полемона потерпел поражение, сам царь погиб.

Динамия торжествовала. Наконец-то боги ниспослали ей долгожданную победу. Но впереди было еще много дел. Медлить было нельзя, надо было срочно идти походом на Пантикапей, где находилась жена Полемона Пифодорида и остатки преданной ей армии. Продвигаясь по направлению к Фанагории, Динамия повсюду встречала всеобщее ликование. Ее опять называли царицей Боспора. Ряды ее армии пополнялись добровольцами. Радость своей победы Динамия делила с Асандрохом, которому была обязана более, чем кому, и Аспургом, достойным сыном своих родителей.

В Фанагории Динамию ожидал настоящий триумф. Фанагорийцы были безгранично благодарны ей за то, что своей победой она избавила их от бесчинств Полемона, который хотел поступить с ними так же жестоко, как и с жителями Танаиса. Они называли Динамию своей спасительницей, в ее честь фанагорийские поэты слагали хвалебные гимны, а чуть позже на агоре была воздвигнута ее статуя с благодарственной надписью, текст которой сохранился до наших дней: «Народ Агриппийцев посвящает надпись царице Динамии, другу римлян,

дочери великого царя Фарнака и внучке царя царей Митридата Евпатора Диониса, своей спасительнице и благодетельнице».

Судьба Пантикапея и находившейся там Пифодориды была предрешена. Теперь, имея в распоряжении сильную армию и флот, Динамия без особого труда отвоевала свою столицу и вновь воссела на принадлежащий ей по праву боспорский трон. В этот раз она добровольно разделила свой трон с Асандрохом, так много сделавшим для ее победы. Таким образом, Асандрох, женившись на Динамии, стал боспорским царем. Для Динамии, которой было уже пятьдесят пять лет, наконец-то четвертый брак стал браком по любви.

С Пифодоридой Динамия поступила более чем великодушно. Не считая ее соучастницей злодеяний Полемона, она отпустила с миром вдову, у которой было трое малолетних детей на руках.

Могучий Рим признал законным возвращение Динамии на престол. Это произошло главным образом потому, что на стороне Динамии и Асандроха была значительная военная сила. Однако и Динамия должна была пересмотреть свои позиции в отношении Рима. Ей пришлось отказаться от былой самостоятельности и подчиниться воле императора Августа. Только в этом случае можно было избежать военного конфликта с Римом, и Динамия, как бы ни противилась этому ее душа, должна была пойти на этот шаг.

В подтверждение своего подчинения Риму Динамия переименовала Фанагорию в Агриппию, а Пантикапей — в Кесарию, хотя эти названия и не прижились в среде боспорского населения. Динамия также посвятила несколько надписей на мраморных базах к статуям императору Августу и его супруге Ливии, в которых называла себя другом римлян.

Совместное правление Динамии и Асандроха продолжалось около пятнадцати лет. За это время Боспорское царство, оправившись от былых потрясений, значительно окрепло. Когда Динамия и Асандрох умерли в 8 году н. э., царство перешло по наследству их уже немолодому сыну Аспургу, который правил мудро, не забывая лучшие традиции своей матери — царицы Динамии.

Клеопатра

Имя этой женщины окутано в истории туманом романтизма и таинственности, связано с легендой о необычайной красоте и таинственной смерти. Какой же была эта женщина на самом деле? В чем секрет интереса к ней? Почему историческая традиция, а вслед за ней и Шекспир связывали воедино имена Клеопатры и Цезаря, Клеопатры и Антония?

Родилась Клеопатра VII Филопатра («Славная по отцу») в 69 году до н. э.; ее отцом был Птолемей XII Авлет («Флейтист»). Кроме нее в семье было еще две сестры и два брата, оба младше ее.

Династия Птолемеев к этому моменту существовала почти два века. Их держава в Египте возникла сразу после распада империи Александра Македонского, когда эти земли подчинил один из его полководцев — Птолемей. Поэтому для основной массы египетского населения это была династия македонян-завоевателей. Неудивительно, что столицей Птолемей избрал не какой-либо старый египетский город, а основанную Алек-

сандром Македонским Александрию Египетскую. Здесь жили в основном греки, македоняне, евреи. При Птолемеях Александрия стала одним из крупнейших городов Средиземноморья, центром науки, культуры, торговли.

Но уже в первые десятилетия I века до н. э. мощь державы Птолемеев стала клониться к упадку. К границам придвинулся новый грозный враг — римские легионы. Не было согласия и внутри самой династии. Птолемей XII в 58 году до н. э. бежал из Александрии в Италию, чтобы вернуться в Египет с римлянами. Царицей Египта была провозглашена старшая сестра Клеопатры — двадцатилетняя Береника. Самой Клеопатре в это время исполнилось всего одиннадцать лет.

Через год Птолемею XII пришлось уехать из Рима в Малую Азию и обосноваться в городе Эфесе, где он, египетский фараон, стал служить верховным жрецом Артемиды. А еще через два года в Египет двинулось римское войско, чтобы вернуть Птолемею XII трон. Конницу возглавлял Марк Антоний. Мог ли он тогда предполагать, что через четверть века здесь же, в Египте, закончит жизнь вместе с женщиной, которую он впервые увидел угловатым четырнадцатилетним подростком?! Обратил ли он, тридцатилетний воин, на нее внимание? Вряд ли, хотя историки, ища истоки небывалой любви, позднее утверждали, что уже тогда юная царица произвела сильное впечатление на зрелого Антония.

Птолемей XII, вернувшись в Египет, прожил недолго. Еще при жизни он предусмотрительно составил завещание, по которому исполнителем его воли назначался римский народ, а его преемниками — десятилетний сын Птолемей XIII и восемнадцатилетняя дочь Клеопатра, получившая теперь имя-титул Клеопатра VII Филопатра Египетская. По условиям завещания Клеопатра была обязана вступить в брак с малолетним братом.

Такова была политическая ситуация, когда на египетский трон в 51 году до н. э. взошла молодая женщина с таким часто встречавшимся в Македонии и Египте именем. Она заняла трон великой страны, которая к этому моменту имела тысячелетнюю историю.

Клеопатра была умна, образованна, честолюбива и очень хотела быть великой царицей Египта. Но она была еще и женщиной. Трудно назвать ее красавицей — сохранившиеся монетные изображения и мраморный портрет не скрывают крупного, с горбинкой носа, глубокого выреза ноздрей, небольшого рта, нервно сжатых губ,

острого волевого подбородка. Перед нами образ волевой, уверенной, гордой, самолюбивой властительницы — великой царицы Египта. Греческий историк I—II веков н. э. Плутарх писал: «Красота Клеопатры была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимой прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкой убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, ласкали и радовали слух, а язык был, точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад и на любое наречие». Клеопатра, несомненно, была хороша собой. Обаяние иной раз бывает выше красоты, а ум никогда не оказывается лишним. Клеопатра же была наделена блестящим умом. Дион Кассий, историк, отмечает: «Наслаждением было смотреть на нее и слушать ее речи». У нее был прелестный голос, она умела быть обаятельной со всеми. Прекрасно образованная и обладающая большими знаниями, она редко обращалась к услугам переводчиков, так как сама свободно изъяснялась на многих языках.

Итак, Клеопатра стала царицей Египта, соправительницей своего брата. Страна была ослаблена, разорена, от бывшего величия оставались только память и развалины. Постоянные неурожаи опустошили зернохранилища. Египту был нужен мир и спокойствие, чтобы жить и трудиться.

В Риме же в это время разгорелась гражданская война. Главными ее участниками были Гай Юлий Цезарь, покоритель Галлии, и Гней Помпей, победитель Парфии. Они и их легионы столкнулись в борьбе за власть над Римом.

В 49 году Помпей прибыл в Грецию. Он потребовал помощи от Египта и получил ее — корабли, солдат, хлеб, но помощь эта была весьма умеренной. Почему Помпей не настаивал на увеличении размеров помощи? Нам остается только гадать. Возможно, потому, что переговоры с двадцатилетней царицей Египта вел молодой, двадцатипятилетний сын Помпея и женское обаяние сыграло свою роль? Возможно... А почему бы и нет?

Осенью 49 года Цезарь высадился около Диррахий, в Эпире. Египетский флот, так и не оказав Помпею ощутимой помощи, возвратился в Египет. Но Клеопатры там уже не было. Ее удалил из Египта в Палестину родной брат и законный муж, тринадцатилетний юнец

Птолемей XIII, который хотел править единолично и поэтому боялся своей сестры-жены и возможного покушения с ее стороны. В Палестине молодая женщина собрала войско и двинулась с ним против брата.

Как часто бывало в жизни Клеопатры, вмешался случай и помог ей. Помпей потерпел поражение от войска Цезаря в битве при Фарсале и с остатками флота бежал в Египет, за помощью к Птолемею XIII. Было ясно, что за ним последует и Цезарь. Чтобы избежать войны, египтяне нашли выход — они предательски убили Помпея. Тем не менее Цезарь прибыл в Александрию.

Чтобы составить более полную картину этих событий, обратимся к свидетельству Плутарха, любившего описывать поступки великих мира сего. Он писал: «Что касается Александрийской войны, то одни писатели не считают ее необходимой и говорят, что единственной причиной этого опасного и бесславного для Цезаря похода была его страсть к Клеопатре; другие выставляют виновниками войны царских придворных, в особенности могущественного евнуха Потина, который незадолго до того убил Помпея, изгнал Клеопатру и тайно злоумышлял против Цезаря... Потин советовал ему покинуть Египет и заняться великими своими делами, обещая позже вернуть деньги с благодарностью. Цезарь ответил на это, что он меньше всего нуждается в египетских советниках, и тайно вызвал Клеопатру из изгнания.

Клеопатра, взяв с собой лишь одного из друзей, Аполлодора Сицилийского, села в маленькую лодку и при наступлении темноты пристала вблизи царского дворца. Так как иначе трудно было остаться незамеченной, то она забралась в мешок для постели и вытянулась в нем во всю длину. Аполлодор обвязал мешок ремнем и внес его через двор к Цезарю. Говорят, что уже эта хитрость Клеопатры показалась Цезарю смелой и пленила его. Когда Цезарь появился в египетской столице, он был вдвое старше молодого Помпея. Тем не менее седеющий мужчина с большой лысиной, которую он старался скрыть, зачесывая волосы с темени на лоб, он произвел впечатление на молодую женщину. Окончательно покоренный обходительностью Клеопатры и ее красотой, он примирил ее с царем для того, чтобы они царствовали совместно...»

Дион Кассий писал: «Сначала она хлопотала о себе перед Цезарем через посредников. Потом, узнав, как он падок на женские прелести, сама обратилась к нему

с просьбой: «Поскольку друзья не излагают мои дела верно, я думаю, что мы должны встретиться лично». Она была прекрасна и сияла очарованием юности... Она могла легко покорить любого человека — даже мужчину, уже немолодого и пресытившегося любовью.

Когда ей разрешили предстать перед диктатором, она приготовилась и нарядилась очень тщательно — так, чтобы, сохраняя достоинство своего сана, одновременно возбудить сочувствие к своему положению изгнанницы. В город и во дворец она проникла тайно, ночью, прячась от Птолемея и его сторонников. Цезарь был покорен сразу, как только увидел ее и услышал ее голос. Тотчас же, не дождавшись рассвета, он послал за Птолемеем. Цезарь старался примирить брата и сестру; недавний судья Клеопатры превратился в ее защитника...»

Встреча эта, как видно из сообщений античных авторов, произошла по инициативе Клеопатры. Положение ее было крайне тяжелым — нужен был союзник. И она пошла ва-банк: Цезаря, который поддерживал Птолемея, она решила перетянуть на свою сторону. Это был отчаянный, но оправданный шаг. Клеопатра умела быть в решительные моменты своей жизни мужественной и сильной. Она боролась за власть, за египетский трон и не хотела проигрывать. Впрочем, история знает немало случаев, когда женщина проявляла более сильный, чем у мужчин, характер.

Но Клеопатра была не только мужественна и честолюбива, она сумела воспользоваться своими женскими качествами и стала любовницей Цезаря. Но только ли из политического расчета она это сделала, как считают многие современные историки?

Замужество Клеопатры за своим малолетним братом Птолемеем XIII (он был моложе ее на 8 лет), с которым она к тому же еще и воевала, не сделало ее женщиной, не раскрыло ее чувств.

Цезарю, великому полководцу и римлянину, было тогда сорок восемь лет. Он был опытным человеком не только в боях и политической борьбе, но и умел любить женщин и пользовался у них успехом. Вполне естественно, что между ним и Клеопатрой завязались не только дружественные, но и интимные отношения. Один из античных авторов, отличавшийся целомудренной сдержанностью, писал, что Клеопатра «сохранила верность ему и всегда оставалась в его ставке».

23 июня 47 года двадцатидвухлетняя Клеопатра

родила сорокавосемилетнему Цезарю, не имевшему законных детей, своего первого ребенка — сына и назвала его Цезарем, прибавив к этому имени еще два титула: Филопатор и Филометор («Любящий отца» и «Любящий мать»). Получил он по египетской традиции и имя Птолемея. Александрийцы, а позднее и римляне называли его ехидно и насмешливо: Цезарион («Цезаренок», «Цезареныш»).

После окончания Александрийской войны Цезарь и Клеопатра отправились в двухмесячное путешествие на корабле в верховья Нила в сопровождении четырехсот кораблей и лодок. Клеопатра расплнела и подурнела, так как была на седьмом или восьмом месяце беременности. Цезарь плыл вместе с ней на одном корабле. Всюду им оказывались большие почести, а римлянин к тому же мог воочию убедиться в историческом величии Египта.

В начале июня 47 года, незадолго до рождения ребенка, Цезарь отправился из Александрии. После отъезда Цезаря Клеопатра осталась царствовать в Египте, ее соправителем, по воле Цезаря, вместо Птолемея XIII в 47 году стал другой брат — одиннадцатилетний Птолемей XIV.

Остались в Египте и три римских легиона — «защищать нашей военной силой царей, сохраняющих верность нам, а в случае их неблагодарности той же военной силой карать их», — писал античный историк.

Но Клеопатра недолго пробыла в Египте одна, без Цезаря. Хотя дела в Египте шли не блестяще и требовали ее присутствия, уже через год, когда немного подрос ребенок, она отправилась в Рим и пробыла там почти два года.

Цезарь в 47—46 годах одержал ряд блестящих побед и весной 46 года возвратился в Рим, где были устроены триумфальные шествия в его честь.

Клеопатру беспокоило поведение Цезаря: не влюбился ли он во время кампании в Африке в царевну Эвною, дочь мавританского царя? Жена Цезаря, Кальпурния, преданно любившая Цезаря, не казалась ей значительной помехой, поскольку терпеливо переносила все измены своего знаменитого мужа. По приезде в Рим осенью 46 года Клеопатра вместе с годовалым сыном и своим новым официальным мужем — двенадцатилетним Птолемеем XIV была размещена в загородной вилле Цезаря, в парке на правом берегу Тибра.

На что рассчитывала Клеопатра? Ее ничуть не смущало то обстоятельство, что Цезарь был женат и не хотел расставаться со своей верной женой. Египетская царица все же рассчитывала на брак с диктатором Рима, ведь она родила ему сына, чего не смогла сделать ни одна из трех его законных жен: есть сведения, что уже был подготовлен проект закона, по которому Цезарю позволялось иметь такое количество жен, сколько необходимо для рождения наследников.

26 сентября 46 года Цезарь как верховный понтифик открыл построенный на свои собственные средства храм Венеры Родоначальницы, и все увидели в этом храме рядом со статуей Венеры прекрасное золотое изображение Клеопатры. Римляне были шокированы тем, что Цезарь возвеличил свою любовницу, вознес ее до уровня богини. Но ведь она была матерью его сына и богиней Исидой в Египте!

Через два месяца Цезарь снова отбыл из Рима, на сей раз на войну в Испанию, и пробыл там почти девять месяцев — до осени 45 года. Возвратившись в Рим, диктатор грезил о мировой державе, где он будет править единолично как монарх. Женой повелителя такого государства должна стать, конечно же, та, которая имеет право на это по своему происхождению, мать его сына — наследника мировой державы Птолемея — Клеопатра! А Кальпурния? Ну что ж, Кальпурния вынесет и это...

Цезарь не знал, что жизнь его приближается к концу — 15 марта 44 года он был убит в зале заседаний сената. Убийство Цезаря означало для Клеопатры крушение всех ее надежд. Она срочно, видимо во второй половине марта, покинула Рим, получив напоследок неприятное известие.

Из оглашенного во время похорон завещания стало известно, что Цезарь усыновлял внука своей сестры девятнадцатилетнего Гая Октавия и назначал его главным наследником, о сыне же Клеопатры не было сказано ни слова.

Следовало опасаться возможных акций со стороны Октавиана; Клеопатра перебралась в Египет и после смерти Птолемея XIV сделала соправителем сына Цезаря.

В Риме опять началась гражданская война, осложнилась обстановка и на Востоке. Не осталась в стороне от сложных политических событий и Клеопатра, но,

проявив свою природную хитрость и дальновидность, она не поддержала, по существу, никого из воевавших.

В результате этих событий одним из триумвиров, который получил власть на Востоке, стал Марк Антоний. Его сравнивали с греческим богом Дионисом, некогда покорившим Малую Азию. Один за другим царьки мелких государств признавали его власть. Но Клеопатры среди них не было.

И вот в городе Тарс, расположенном в Киликии, была назначена встреча между Антонием, римским полководцем, и Клеопатрой, египетской царицей. Антоний был опытен в военных делах, политике, в связях с женщинами. Клеопатра знала жизнь и слабости людей: она сумеет встретить этого римского вельможу! Плутарх писал: «Клеопатра... рассчитывала легко покорить Антония... Перед Антонием она предстанет в том возрасте, когда и красота женщины в полном расцвете, и разум ее всего острее и сильнее. Итак, приготовив щедрые дары, взяв много денег, роскошные наряды и украшения — какие и подобало везти с собою владычице несметных богатств и благоденствующего царства, — но главные надежды возлагая на себя самоё, на свою прелесть и свои чары, она пустилась в путь».

Она плыла на корабле, нос которого сверкал золотом, паруса отливали пурпуром, а посеребренные весла в такт музыке ударяли по воде. «Царица покоилась под расшитую золотом сенью в уборе Афродиты, какую изображают ее живописцы, а по обе стороны ложа стояли мальчики с опахалами — будто эроты на картинах. Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам. Толпы людей провожали ладью по обеим сторонам реки, от самого устья, другие толпы двинулись навстречу ей из города, мало-помалу начала пустеть и площадь, и, в конце концов, Антоний остался на своем возвышении один. И повсюду разносилась молва, что Афродита шествует к Дионису на благо Азии».

Они встретились; Антоний был поражен пышностью убранства, роскошью, изысканностью. «Угадавши в Антонии по его шуткам грубого и пошлого солдафона, Клеопатра и сама заговорила в подобном же тоне — смело и без всяких стеснений. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный

инструмент, легко настраивающийся на любой лад, на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами — эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами... Говорят, что она изучила и многие иные языки...»

А что Антоний? Слово опять Плутарху: «Он обладал красивою и представительной внешностью. Отличной формы борода, широкий лоб, нос с горбинкой сообщали Антонию мужественный вид и некоторое сходство с Гераклом, каким его изображают художники и ваятели... Это предание, которому, как уже сказано, придавало убедительность обличие Антония, он старался подкрепить и своею одеждой: всякий раз, как ему предстояло появиться перед большим скоплением народа, он опоясывал тунику у самых бедер, к поясу пристегивал длинный меч и закутывался в тяжелый военный плащ». Это был щедрый и веселый человек, любящий жизнь, друзей, женщин, попойки. И вот ко всем этим качествам прибавилась роковая любовь к «Клеопатре, разбудив и приведя в неистовое волнение многие страсти, до той поры скрытые и недвижимые, и подавив, уничтожив все здоровые и добрые начала, которые пытались ей противостоять».

Плутарх писал: «Антоний был увлечен до такой степени, что позволил Клеопатре увезти себя в Александрию — и это в то самое время, когда в Риме супруга его Фульвия, отстаивая его дело, вела войну с Цезарем (т. е. с Октавианом.— *Ред.*), а парфянское войско действовало в Месопотамии... В Александрии он вел жизнь мальчишки-бездельника и за пустыми забавами растрачивал и проматывал самое драгоценное, как говорит Антифонт, достояние — время. Составился своего рода союз, который они звали «Союзом неподражаемых», и что ни день, они задавали друг другу пиры, проматывая совершенно баснословные деньги».

Клеопатра поступала как настоящая женщина — чувственная, соблазнительная и коварная, «сообщая все новую сладость и прелесть любому делу или развлечению, за какое ни брался Антоний, ни на шаг не отпуская его ни днем, ни ночью, крепче и крепче приковывая к себе римлянина. Вместе с ним она играла в кости, вместе пила, вместе охотилась, бывала в числе зрителей, когда он упражнялся с оружием, а по ночам, когда в платье раба он бродил и слонялся по городу, останавливаясь у дверей и окон домов и осыпая обычными своими шут-

ками хозяев — людей простого звания, Клеопатра и тут была рядом с Антонием, одетая ему под стать».

Так прошла зима и весна 40 года. В том же 40 году Клеопатра родила близнецов — мальчика и девочку.

Вскоре в Риме умерла жена Антония, Фульвия, и хотя он не скрывал своего сожителства с Клеопатрой, но связь свою браком считать отказывался, ведь «разум его еще боролся с любовью к египтянке», как писал Плутарх.

Антоний женился на старшей сестре Октавиана — Октавии, женщине, по свидетельству античных авторов, замечательной красоты, ума и достоинства.

Новость должна была сильно огорчить Клеопатру, но она старалась успокоить себя: брак с Октавией — это же политический союз, и он быстро распадется. Антоний вернется — надеялась она.

Несколько лет Антоний провел с Октавией в Греции, страсть к ней была в то время еще сильна. Но через четыре года после расставания с Клеопатрой Антоний по служебным делам отправился в Сирию. Здесь он вновь встретился с ней и впервые — со своими детьми. И он признал их. Мальчик получил имя Александра Гелиоса — Солнца, а девочка — имя Клеопатры — Луны. Теперь дело оставалось за немногим — надо было объявить Клеопатру своей законной супругой, что и было сделано. Но этот брачный союз не был признан ни в Египте, ни в Риме.

По случаю брака Клеопатра получила царский подарок — ей были переданы Антонием некоторые города на побережье Сирии и Финикии. Иосиф Флавий в I веке н. э. писал, что Клеопатра «имела огромное влияние на страстно влюбленного в нее Антония» и с его помощью грабила храмы, гробницы и города. Ничто не удовлетворяло эту падкую до роскоши и обуреваемую страстями женщину. Особенно ее характер проявлялся в те моменты, когда она не могла добиться того, к чему стремилась. Поэтому Клеопатра постоянно побуждала Антония отнимать все у других и отдавать ей. Антоний не имел ни воли, ни желания возражать этой женщине, матери его детей.

В 36 году Антоний возвратился в Сирию после позорных неудач в Парфии и Армении. Сюда же приехала и Клеопатра, чтобы вместе с возлюбленным отправиться в Египет. Но вновь их встреча оказалась кратковременной. Положение дел в армии потребовало присутствия Антония.

В Сирии Антония дожидался посол с письмами от его римской жены Октавии, в которых ему предлагалась помощь людьми и снаряжением.

Клеопатра узнала об этом и забеспокоилась — она боялась возвращения Антония в Рим. В борьбе за него египтянка применила самое сильное женское оружие — слезы. Все чаще у нее было грустное настроение, она даже пугала Антония своей смертью. И одержала победу: он даже не встретился с Октавией.

Антоний остался в Египте и отсюда предпринял поход против Парфии. В честь победы над армянским царем Артаваздом он устроил в Александрии триумф, в котором, сидя на отделанном серебром троне, принимала участие и Клеопатра. Перед колесницей победителя были проведены члены армянской царской семьи в золотых цепях. Но ни один из них не пал ниц перед царицей Египта, как это требовалось по ритуалу. Клеопатра запомнила это — так ведут себя цари, когда они терпят поражение.

В 34 году была устроена торжественная церемония: перед представителями населения Египта воссели Антоний и Клеопатра со всеми детьми. Антоний объявил, что Клеопатре присваивается титул царицы царей и что она будет править Египтом и Кипром совместно с тринадцатилетним сыном Цезаря — Птолемеем Цезарем. Сын Антония — шестилетний Александр Гелиос получил Армению, Мидию и Парфию, самому младшему — Птолемею Филадельфу отошли египетские владения в Сирии и Киликии и контроль над царствами к западу от реки Евфрат. Клеопатре Селене отдали Киренаику и Ливию. Произошло еще одно важное событие: Антоний публично признал Птолемея Цезаря сыном Гая Юлия Цезаря. Это создало для Октавиана серьезного соперника, так как он был просто признан наследником по завещанию. Его права на трон пошатнулись.

Хитрый Октавиан использовал эту церемонию как повод выступить против Антония, который раздаривал римские земли чужеземной правительнице. Он начал резко осуждать интимную связь Антония и Клеопатры. В ответ на претензии Октавиана Антоний прямо заявил, что Клеопатра — «его жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет».

Борьба между Антонием и Октавианом разгоралась — началась подготовка к войне. Антоний потребовал, чтобы сенат утвердил его пожалования Клеопатре

и ее детям. Против Октавиана выступили и консулы; не получив поддержки в Риме, они вместе с четырьмястами сенаторами отправились на Восток — в Эфес. Сюда же прибыла и огромная армия Антония — восемьсот судов.

Но среди военных не все были сторонниками египетской царицы. Царь Иудеи Ирод советовал Антонию: «Хочешь победить? Убей Клеопатру!»

Весной 32 года в Эфес прибыла и сама царица. Здесь, в Эфесе, время пролетало, как всегда, быстро и весело — в пирах и развлечениях. Противники Антония утверждали, что он раб египетской царицы.

Близилась схватка Востока и Запада. В Риме Октавиан собирал военные силы и даже решился на крайне рискованный шаг: он заставил весталок выдать завещание Антония, чего нельзя было делать. Завещание шокировало римлян: огромное наследство Антония доставалось детям от Клеопатры, тело его должно быть похоронено рядом с египетской царицей.

Негодование против Антония охватило всех. Осенью 32 года Октавиан был избран верховным главнокомандующим, и все население Италии принесло ему торжественную присягу. В 31 году он получил консульство и объявил войну Клеопатре, то есть теоретически независимому Египту. Предлогом стало пребывание египетской царицы в ставке враждебной стороны.

2 сентября 31 года состоялась решающая морская битва у мыса Акции в Эпире. Флот и армия Антония имели численный перевес. Но когда в ходе боя возникла опасность, что флот будет заперт в бухте, Клеопатра, хотя исход сражения был еще далеко не ясен, приказала взять курс на берега Египта. Антоний, будто забыв о том, что он главнокомандующий, кинулся за ней, и это решило исход битвы. Победа при Акции сделала Октавиана хозяином всей Римской империи. Он выиграл борьбу; Антоний был уже не опасен.

Антоний и Клеопатра бежали в Египет, причем бегство царицы нанесло сильную моральную травму Антонию: ведь Клеопатра бежала с поля боя одна, бросив и изменив ему.

Клеопатра не знала, что делать — то ли бежать, то ли защищать Египет. Она послала к Октавиану послов, умоляя сохранить трон за ее детьми, отправив ему даже знаки царского достоинства и золотой трон. Октавиан заверил ее в своей благосклонности. Он боялся спугнуть

ее, так как она могла бы спрятать свои богатства, которые он рассчитывал получить.

Но женская интуиция подсказывала Клеопатре, что Октавиану доверять нельзя. Правда, решиться на что-то она не могла: то собиралась отплыть в Индию, то проверяла на заключенных действие различных ядов.

1 августа 30 года Октавиан подошел к стенам Александрии. Остатки войск бросили Антония и перешли на его сторону. Антоний бежал во дворец к Клеопатре, и там слуги сообщили ему, что царица покончила с собой в усыпальнице около храма Исиды. Растерянный Антоний решил на самоубийство, но раб, которого он попросил убить его, нанес удар себе и упал мертвым. Тогда Антоний сам поразил себя мечом в живот. Но удар оказался слабым. Антоний бился на кровати в конвульсиях, крича от страха и боли. В этот страшный момент стало известно, что Клеопатра не покончила с собой и просит привезти ей Антония. Истекающий кровью, он был доставлен к ней и поднят на веревках в усыпальницу, где и скончался.

А Клеопатра была вероломно захвачена в своей усыпальнице посланцами Октавиана, который хотел сохранить ей жизнь для того, чтобы во время триумфального шествия провести ее в цепях перед своей колесницей. Октавиан разрешил царице участвовать в похоронах Антония. Правда, Клеопатра решила умерить себя голодом, но Октавиан в ответ на это пригрозил убить ее детей.

Последующие события развивались стремительно. Октавиан посетил Клеопатру и заверил ее в своем добром отношении. Она же пыталась расположить Октавиана к себе, пользуясь своим женским обаянием, но ей это не удалось, несмотря на все его женолюбие. Клеопатра даже вручила ему список своих драгоценностей. Октавиан ушел от нее «с мыслью, что обманул египтянку, но в действительности — обманутый ею».

Вскоре один римлянин сообщил Клеопатре, что ее с детьми через три дня отправят в Рим. И тогда Клеопатра решила. Прощаясь с могилой Антония, упав на его гробницу, как сообщал Плутарх, она долго причитала и просила: «...не выдавай свою супругу живую, не допусти, чтобы во мне триумфатор повел за своею колесницей тебя, но укрой, схорони меня здесь, рядом с собою: ведь из всех неисчислимых бедствий, выпавших на мою долю, не было горше и тяжелее, чем этот короткий срок, что

я живу без тебя». Так сокрушаясь, она украсила гробницу Антония венком и вернулась во дворец.

Приняв ванну и изысканно пообедав, она написала письмо Октавиану и осталась во дворце с двумя верными рабынями, которые были с ней раньше в усыпальнице. В это время во дворец принесли корзину с фигами, на дне которой была спрятана змея.

Октавиан, прочитав письмо, понял, что задумала царица, но было поздно. Змея уже сделала свое дело. Когда солдаты вернулись во дворец, «Клеопатра в царском уборе лежала на золотом ложе мертвой. Одна из двух женщин, Ирада, умирала у ее ног, другая, Хармион, уже шатаясь и уронив голову на грудь, поправляла диадему в волосах своей госпожи».

Плутарх писал, что Октавиан, «хотя и был раздосадован смертью Клеопатры, не мог не подивиться ее благородству и велел с надлежащей пышностью похоронить тело рядом с Антонием. Почетного погребения были удостоены по его приказу и обе доверенные служанки».

Вместо Клеопатры в триумфальном шествии по Риму пронесли ее портрет на смертном ложе и провели троих детей от Антония; старший сын Птолемей Цезарь, которому было семнадцать лет, был убит по приказу Октавиана. Заботу о детях взяла на себя Октавия, и, когда они выросли, их судьба, так или иначе, была связана с царским двором.

Так решила спор с вечностью Клеопатра. Трагическая смерть великой египетской царицы потрясла Рим. Этим Клеопатра создала легенду о себе и осталась в памяти. Но эта легенда не столько о ее смерти, сколько о жизни умной, честолюбивой и обаятельной женщины, умеющей любить, быть слабой и нежной, гордой и сильной. Такой ее видели античные авторы, по времени жившие ближе всего к ней.

Но были и другие легенды, когда Клеопатру хотели изобразить как «роковое чудовище», как падшую женщину, которая своими чарами погубила Юлия Цезаря и Марка Антония. В сознание римлян на протяжении долгих лет внедряли этот стереотип, и он оказался живучим. Так, один из римских авторов, имя которого неизвестно, но труд его ошибочно приписывали историку IV века н. э. Виктору Аврелию, не знавший, как видно из его произведения, многих деталей, воспроизводил этот римский идеологический стереотип в своем сочинении «О знаменитых людях города Рима»: «Царица Клео-

патра, дочь царя египтян Птолемея, была изгнана братом своим и в то же время мужем, Птолемеем, у которого хотела отнять царскую власть. Во время гражданской войны она явилась к Цезарю в Александрию и своей красотой и сближением с ним добилась от него царства Птолемея и его смерти. Она была так развратна, что часто prostituировала, и обладала такой красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи. Впоследствии она объединилась с Антонием и вместе с ним была побеждена. Под видом того, что она несет приношения на его могилу, она вступила в его мавзолей и там умертвила себя при помощи ядовитых змей».

Да, Клеопатра, действительно, могла действовать и из расчета, но и при этом она оставалась любящей женщиной, которая хотела быть любимой женой и счастливой матерью, заботящейся о своих детях. Пусть такой — разной, противоречивой, с трагической судьбой — она и останется в памяти людей.

Август и Юлии

*Quae fuerant vitia, mores sunt**

Это рассказ не столько о любовных похождениях и моральном падении августейших особ, сколько об истоках этого падения. История семьи императора Августа полна загадок и домыслов. Чаще говорят о моральном падении дочери и внучки, а император Август представляется как радетель справедливости, борец за чистоту нравов. Чтобы лишний раз доказать римскому обществу свою верность идеалам старого Рима, он жестоко наказал дочь и внучку, отправив их в изнурительную ссылку на острова и лишив не только привилегий и прав, но и самого необходимого для жизни. Само упоминание о своих ближайших родственниках вызывало в нем взрыв негодования. Как свидетельствует римский историк Светоний Транквилл, в подобных случаях император восклицал: «Лучше бы мне безбрачному жить и бездетному сгинуть». Однако именно в моральной деграда-

* Что было пороком, то теперь нравы (лат.).

ции самого императора следует искать причины позора его семьи.

Век Августа считается золотым в истории Рима. В годы его правления был положен конец непрерывным политическим смутам, войнам, заговорам, и на истерзанной земле воцарились порядок и мир. Этот долгожданный мир стал носить имя Августа — «Августов мир», и в его честь на Марсовом поле был воздвигнут алтарь — Алтарь мира. Все это обеспечило императору авторитет среди населения. Внушив народу мысль о своей особой заслуге в прекращении кровопролитных гражданских войн, отодвинув в тень одних соратников и жестоко расправившись с другими, Август смог добиться неограниченной власти, близкой к монархии. Особое уважение и авторитет Август имел среди плебса. Стараясь завоевать симпатии более обездоленных слоев общества и тем самым усмирить их, он неоднократно прибегал то к раздаче денег, то подкармливал толпу бесплатным хлебом, то дарил ей очередное зрелище. Тонкий психолог, Август всячески подчеркивал свою демократичность, следование старым римским обычаям, безразличие к власти.

Показательным в этом отношении является 23 год до н. э., когда всю территорию страны охватил голод. Даже в Риме не хватало хлеба. Начались выступления народа, который требовал, чтобы Августу были предоставлены полномочия диктатора с неограниченной властью. В это время Август, отказавшийся от консульства, находился в Кампании. По призыву сената он поспешил в Рим и там на коленях умолял народ не назначать его диктатором, одновременно дав согласие упорядочить снабжение Рима продовольствием и показав тем самым все бессилие консулов и сената. Популистские лозунги и призывы вообще были характерны для этого человека. Безошибочное политическое чутье в сочетании с демагогией способствовали в приобретении им влияния и власти. Идеологическим обеспечением власти была культурная политика Августа. Он смог склонить на свою сторону талантливейших людей этой эпохи. Век Августа воспевали Гораций и Вергилий, Варий Руф и Секст Проперций. Участвовал в этом и Овидий, который, правда, впоследствии не избежал ссылки и гонений. Именно от этой эпохи берет начало меценатство. Гай Цильний Меценат — друг императора, чрезвычайно богатый человек, способный ценить талант, — собрал во-

круг себя даровитейших литераторов Рима, оказывая им материальную помощь и покровительство. Благодаря Меценату Август добился распространения в государстве идеологии, восславляющей режим. Официозные римские писатели и поэты всячески стремились придать правлению Августа черты золотого века, называя императора отцом отечества, спасителем государства и борцом за истинно римские идеалы — верность, мужество, благочестие. Тонкий, предусмотрительный политик, он никогда не позволял приближенным откровенной лести и даже запретил строить в Риме храмы в свою честь. Зато огромное внимание уделял строительству города, возведению многочисленных величественных храмов и красивейших зданий.

И все же римское государство было отравлено аморальностью, доходившей до преступного цинизма, который проник во все поры общества. Личная жизнь императора Августа тому пример.

Стремясь поддержать в народе свой образ ревнителя морали и старых устоев, он подчеркивал это и одеждой, сотканной домочадцами, и едой, лишенной изысканности; спал он на жестком и низком ложе, вина пил мало, так как не любил его. Всем этим он старался показать народу свою безупречность и неприязнательность. Между тем весь Рим знал, что своего усыновления и права на трон Август добился благодаря порочной и позорной связи с Гаем Юлием Цезарем, что он сластолюбив и одновременно изысканно жесток. Именно благодаря ему в Риме появились профессиональные доносчики. Лицемерие и двуличие были основными чертами этого человека, что, конечно, не могло не обернуться пороками во всех слоях общества, а главное, в его основе основ — в семье. В Римском государстве процветали сводничество, проституция и публичные дома, которые приносили огромные денежные доходы. Показательным в этом отношении является пример города Помпеи, где проживало 20 тысяч жителей. Во время раскопок там нашли семь публичных домов, на стенах которых красовались зазывно-интригующие надписи: «Здесь обитает наслаждение» или «Для любящих жизнь сладка, как для пчел [в этих ячейках]».

Молодые люди, ведя беспорядочную жизнь, отказывались вступать в брак, иметь детей, что способствовало сокращению населения, которое и так заметно уменьшилось из-за многочисленных и многолетних граждан-

ских войн. Государство нуждалось в своем воспроизводстве. Поэтому программа Августа была направлена на искоренение пороков, на оздоровление общества, на возрождение святости семейных уз. Эту цель и преследовало законодательство императора о семье и браке. Законами Август пытался поднять мораль римского общества, но эти попытки не увенчались успехом. В верхушке общества распространился гедонизм — погоня за наслаждениями. Безбрачие, длительные связи молодых людей с гетерами стали обычным бытовым явлением.

Причиной, породившей свободу нравов, являлось также рабство, которое губительно влияло на нравственную сторону брака. Даже такой моралист, как Плутарх, говорит: «Супруга не должна сердиться на мужа, если он согрешит с гетерой или рабыней, а должна понять, что он из уважения к ней сделал другую соучастницей своей необузданности». Вскоре и женщины стали требовать для себя той свободы, которую имели мужчины. Женщины, как и мужчины, часто имели любовников из среды рабов. По этому поводу Марциал, в присущей ему манере, заметил: «Твоя жена называет тебя любовником прислуги, сама же она — возлюбленная носильщика, вы ни в чем не можете упрекнуть друг друга».

Закон о семье и браке обязывал всех мужчин до 60 лет и женщин до 50 лет вступать в брак. Нарушившие это предписание лишались права присутствовать на зрелищах и имели ограничения в получении наследства. Не вступившие в брак лишались наследства, а бездетные в браке получали только половину наследства. Для лиц же, имеющих троих детей, государство устанавливало ряд льгот и привилегий.

Однако этого оказалось недостаточно. В 18 году были приняты законы о прелюбодеяниях. Они носили чрезвычайно суровый характер. Так, нарушительница супружеской верности получала от мужа развод и привлекалась к судебной ответственности. Отец имел право убить в своем доме соблазнителя дочери, но одновременно он должен был лишиться жизни и свою дочь. Дела о прелюбодеяниях рассматривались в государственных судах наряду с такими преступлениями, как измена государству или изготовление фальшивых денег. По решению суда женщина теряла третью часть имущества и половину приданого, а ее любовник лишался половины имущества. Но самым суровым наказанием являлась ссылка на острова. За сокрытие преступления

муж или отец нарушительницы закона сам привлекался к суду в качестве сводника. Впервые законы о прелюбодеянии были применены к дочери Августа Юлии, а затем и к его внучке. Однако законы эти были непопулярны. В Риме постоянно требовали их пересмотра и даже отмены. О неприятии законов свидетельствует успех эротической поэмы Овидия «Наука любви». В поэме даются наставления, как следует соблазнять женщин и поддерживать любовную связь. Поэт не сочувствует обманутому мужу, а стоит на стороне любовников. И поэма, и любовные элегии Овидия были своего рода вызовом ненавистным брачным законам. Вместо того чтобы воспитывать целомудрие и верность, поэт воспевает любовные утехы:

Честной не будь взаперти,—
Изменяя, ты будешь милее.

Овидий открыто насмехался и над брачными законами Августа, и над «добрыми старыми нравами». Женщина, по его мнению, не должна быть скромна и честна, но обязана уметь скрывать свои любовные похождения.

Женщины тогдашнего Рима всячески стремились отойти от старых римских устоев, обязывающих их находиться в лоне семьи, тем более что нравственное состояние среды способствовало моральному разложению. О нравственности женщины этой эпохи свидетельствуют строки Горация:

В грехом обильный век оскверняются
Сначала браки, семьи, рождения;
Отсюда выйдя, льются беды
В нашей отчизне, во всем народе.
Едва созревши, девушка учится
Развратным пляскам, хитрым ласкательствам;
От малых лет в глубинах сердца
Мысль о нечистой любви лелея.
А выйдя замуж, юных поклонников
За чашей ищет,— даже без выбора,
Кого б запретною любовью,
Свет погасив, одарить украдкой,—
О нет, открыто, с мужчинами ведома
Бежит по зову — кликнет ли лавочник
Или испанский корабельщик,
Щедро платящий за час позора.
Чего не портит пагубный бег времени?
Ведь хуже дедов наши родители,
Мы хуже их, а наши будут
Дети и внуки еще порочней.

Лучше о нравах той поры, пожалуй, и не скажешь. Законы о морали не могли найти понимания в обществе еще и потому, что многобрачие и супружеская неверность были характерны самому императору. Сплетни о его любовных похождениях и утехх будоражили весь Рим. Он первый пренебрег всеми римскими добродетелями, такими, как доблесть, милосердие и благочестие.

Император был женат трижды. Первые два брака он заключил только по политическому расчету. Сначала он женился на одиннадцатилетней Клодии, дочери известного трибуна Клодия, но с ней скоро развелся и вступил в брак со Скрибонией, которая была родственницей Секста Помпея. От этого брака родилась дочь Юлия. В день рождения дочери Август развелся со Скрибонией и женился на Ливии Друзилле, которая в это время состояла в браке с Тиберием Клавдием Нероном и имела от него одного ребенка и ждала другого. По этому поводу римские острословы шутили, что у счастливец жена рождает на третий месяц брака. У Ливии и Августа совместных детей не было. Девятнадцатилетняя Ливия Друзилла, обладая живым умом, хитростью и властолюбием, всячески пыталась влиять на политику, проводимую мужем. Главной целью была передача власти ее детям. Чтобы угодить супругу и сохранить свое воздействие на него, она сквозь пальцы смотрела на любовные похождения Августа. Светоний Транквилл указывает на то, что Ливия сама подыскивала императору молоденьких девушек. Ее хитрость, ум, коварство не знали границ, и Август очень часто поддавался дьявольскому обаянию жены. Не зря же Ливию называли «Одиссеем в женском платье». Сходство характеров и устремлений сделало союз Августа и Ливии прочным и непоколебимым. Такое влияние на императора, естественно, было не по душе дочери Августа — Юлии, которая воспитывалась в их доме. Падчерица и мачеха до конца своих дней ненавидели друг друга, и Ливия Друзилла, скорее всего, сыграла немаловажную роль в судьбе Юлии, которая оказалась жертвой ее политических интриг и комбинаций.

Воспитанием в семье занимался император. Его стремление подчеркнуть верность старым идеалам и традициям отразилось на воспитании дочери и внуков. Август гордился тем, что его женщины умеют прясть и ткать, и с большим удовольствием носил тогу, изготовленную дома.

По свидетельству Макробия, Юлия Старшая получила хорошее образование, интересовалась литературой. Стараясь уберечь дочь от постороннего влияния, Август запретил ей встречаться с малознакомыми людьми. Так, знатный юноша Луций Виниций получил письменный упрек императора в нескромности только за то, что однажды в городе подошел поприветствовать его дочь.

Воспитанная в традиционном римском духе, Юлия носила старомодную прическу — волосы, собранные в узел на лбу. Внешне она очень походила на отца. (О внешности Юлии Старшей мы судим по монетным изображениям, а также по сохранившемуся мраморному изваянию головы, которое находится в Берлинском музее.) В доме отца Юлия вела тихую и скромную жизнь. Однако Ливия не могла выносить привязанности отца к дочери и боялась ее влияния на Августа. Между падчерицей и мачехой вспыхивали постоянные ссоры. Это и способствовало тому, что в 14 лет Юлия, не достигнув совершеннолетия, была выдана замуж за своего двоюродного брата Марцелла. Этот брак был бездетным и недолговечным. В 16 лет Юлия уже стала вдовой.

Смерть первого мужа Юлии опять-таки связывают со злой волей жены Августа Ливии Друзиллы, которая боялась продвижения Марцелла к власти, стремясь возвести на престол своего сына. Вторым мужем Юлии стал друг императора Марк Випсаний Агриппа, которому было уже за сорок. Марк Агриппа — человек незнатного происхождения, сумевший нажить огромное состояние. Его владения были в Сицилии и даже в Херсонесе Фракийском. Блестящий полководец, он добился побед почти во всех сражениях войск Августа, который сам не любил участвовать в военных кампаниях.

До брака с Юлией Марк был женат на племяннице Августа — Марцелле. Август уговорил сестру уступить ей зятя. В браке с Марком Агриппой Юлия прожила 9 лет и родила пятерых детей. Разница в возрасте и интересах способствовала росту непонимания в семье. Темпераментная и импульсивная Юлия не могла мириться со степенным Марком. И, как отмечает историк Тацит в своих «Анналах», Юлия, будучи в браке с Агриппой, была соблазнена «злостью красавцем поэтом Семпронием Гракхом. Находясь в связи с Семпронием, Юлия стремилась соблазнить своего сводного брата Тиберия, сына Ливии от первого брака. Однако ее попытки оказались напрасными.

В 12 году до н. э. Марк Агриппа скончался. Август снова занялся брачными делами дочери и на сей раз выдал ее замуж за Тиберия, любви которого так домогалась Юлия еще при жизни Агриппы. Тиберий до брака с Юлией был женат на дочери Марка Агриппы — Випсании, от которой имел сына и которая ждала второго ребенка. Светоний Транквилл пишет, что развод с женой Тиберий переживал с безмерной душевной мукой, тосковал по ней. Поэтому и отношения с Юлией не сложились — Тиберий возненавидел ее. Юлия стремилась всячески унижить мужа, она не только попрекала его незнатным происхождением, но снова сошлась с бывшим любовником Семпронием Гракхом. Коварный любовник, как пишет Тацит, разжигал в ней своенравие и ненависть к мужу; считали, что письмо с нападками на Тиберия, которое Юлия написала своему отцу Августу, было сочинено Гракхом. Брак Тиберия с распутницей Юлией не мог быть счастливым. Он постоянно вспоминал счастливые часы, проведенные в браке с первой женой. Женившись по воле императора, он не мог терпеть скандальных выходов разнузданной Юлии и по собственной воле уехал на остров Родос в Эгейском море.

Очень скоро и Семпроний Гракх жестоко поплатился за свою страсть к августейшей особе. За любовные похождения с его дочерью Август сослал незадачливого любовника на остров Керкиру в Адриатическом море, где он прожил в изгнании 14 лет, а затем был умерщвлен по приказу Тиберия.

Отношения между отцом и дочерью были испорчены окончательно. Юлия не могла простить Августу свои браки, которые всегда совершались против ее воли. Этот протест выражался в ее дерзком, вызывающем поведении. Публичные оргии, устраиваемые ею на форуме, многочисленные любовники, самый дикий разгул и необузданность вызывали в Риме массу сплетен и кривотолков, что наносило авторитету Августа огромный урон.

Доведенный до отчаяния, отец расторг брак Юлии с Тиберием и сослал свою распутную дочь на остров Пандатерию в Тирренском море. В ссылку Юлию сопровождала ее мать Скрибония. Наказание было поистине суровым. Дочь лишалась ежегодного содержания. Тацит отмечал, что «ссылную, обесславленную, лишенную всякой надежды дочь Август довел до смерти лишениями и медленным истощением, полагая, что за долговременностью ссылки смерть эта останется незаме-

ченной». Император запретил ссыльной Юлии давать вино и лишил ее малейших удобств. К ней без его ведома не допускались ни рабы, ни свободные. Ему с точностью доносили, кто жаждет встречи с Юлией, какого он возраста, роста и даже какие у него телесные приметы. Только после пятилетней ссылки Август разрешил перевести Юлию на материк и немного смягчил условия ссылки. О прощении не было и речи. Как-то, узнав, что одна из соучастниц оргий дочери — вольноотпущенница Феба покончила жизнь самоубийством, Август воскликнул: «О, если бы у меня была дочь Феба, а не Юлия». Юлия Старшая умерла вскоре после смерти отца в 14 году.

Тяжкое наказание понесли и все любовники Юлии. Юл Антоний, самый молодой из них, за нанесение оскорбления дому императора был казнен. Римские аристократы Семпроний Гракх, Клавдий Пульхр и Корнелий Сципион были сосланы на острова.

Жестоко наказывая нарушителей законов о семье и браке, Август, по всей вероятности, был вынужден под давлением общественного мнения применить эти законы и к своей дочери и тем самым наказать аристократию, представительницей которой была Юлия. После расправы с дочерью императору предоставился удобный случай убрать аристократов, пренебрегающих законами. Недовольство дочерью было усугублено и поведением внучки, Юлии Младшей, — дочери Юлии Старшей и Агриппы. Юлия Младшая, по всей вероятности, унаследовала худшие черты своей матери. Обладая неистовым темпераментом и неприкрытым бесстыдством, она, подобно своей матери, устраивала дикие оргии, сменяя любовников, ища необузданных утех в распутстве. Август к внучке тоже принял самые суровые меры, сослав ее на остров Тример в Адриатическом море. Там она, как сообщает Тацит, провела 20 лет в изгнании. Император всячески старался стереть память о дочери и внучке. По свидетельству Светония, Август не признал родившегося у Юлии Младшей после ее осуждения ребенка, а дворец внучки, стоивший немалых денег, приказал разрушить до основания. Так же он поступил и с многочисленными статуями Юлии Старшей.

В своем завещании Август запретил хоронить дочь и внучку в своей усыпальнице.

Однако все попытки императора притормозить процессы бездуховности и распутства, происходившие в обществе, ни к чему не привели. Вседозволенность про-

цветала, и ее не могли остановить даже самые суровые законы и меры. Потому что ни один, даже самый обстоятельный закон не способен предотвратить и нормализовать процессы, происходившие в обществе, если он попирается его создателями. Яркий пример — семья Августа. Сразу же после смерти императора сенат снова вынужден был издать закон против распутного поведения женщин из аристократических кругов. Вот как об этом пишет Тацит: «Были изданы строгие указы сената против распутного поведения женщин и строжайше воспрещено промышлять своим телом тем, чьи отцы или мужья были римскими всадниками. Поводом было то, что Вистилия, дочь претора, объявила эдилам, что занимается проституцией».

Хотя век Августа в истории Рима считается одним из благополучнейших и счастливых, однако именно он явился стартовой площадкой для тех потрясений, которые испытал Рим в последующие эпохи, именно этот век подготовил почву, которая способствовала появлению на римском троне императоров-садистов, таких, как Калигула и Нерон. Ведь в кажущемся процветании зародились плоды, приведшие затем к распаду великой империи.

Украшение родины

Который день она подходила к этому мосту, вглядываясь в очертания далекого леса на другом берегу реки, спокойно и величаво катившей свои воды. Густая зеленая стена могучих деревьев с каждым днем вызывала у нее все большую тревогу. Где-то там, далеко за лесами и болотными топями, ведет свои легионы ее муж Германик к страшному для римлян Тевтобургскому лесу, чтобы отомстить воинственным германским племенам за жестокое поражение римлян. В чаще этого леса нашли свою гибель шесть лет назад три римских легиона Квинтилия Вара. Агриппина не могла забыть, как потрясенный катастрофой ее дед Октавиан Август с опущенными в трауре волосами и бородой бился головой о дверной косяк, горестно взывая: «Квинтилий Вар, верни легионы!» Но ничто уже не могло вернуть из небытия ни погибшие легионы, ни их покончившего с собой в окружении торжествующих врагов полководца... Теперь ее Германик во главе всех восьми римских легионов, располагавшихся в Германии, должен повторить зловещий путь

легионов Вара и покарать непокорных германцев... Но вот уже давно нет вестей от войска. Агриппина знала, что, пройдя огнем и мечом по землям хаттов, Германик повернул свои легионы назад к Рейну, однако, получив известие о войне между вождями херусков, он бросился на помощь их князю Сегесту, осажденному воинственным Арминием, тем самым, который разгромил римлян в Тевтобургском лесу. Арминию удалось поднять против римлян не только херусков, но и другие германские племена. Германик принял вызов и двинул свои верные легионы в глубь Германии. Впрочем, верные ли?..

Агриппина помнила те унижения, которые пришлось ей испытать вместе с мужем всего год назад. Смерть Августа вызвала бунт в нижегерманских легионах. Первыми восстали воины пятого («Жаворонки») и двадцать первого («Стремительного») легионов. За ними поднялись «Валериев Победоносный» и «Германский», лишь недавно сформированный взамен погибшего в Тевтобургском лесу. Легионеры восстали против суровой воинской дисциплины и, жестоко расправившись с насаждавшими ее центурионами, требовали повышения жалованья. Израненные ветераны добивались достойной отставки. Германика, командовавшего всеми германскими легионами, они готовы были провозгласить императором вместо Тиберия, только бы он выполнил их требования. Но спешно возвратившийся из Галлии Германик на сходке взбунтовавшихся воинов категорически отказался от предлагаемой ему верховной власти и потребовал от легионов верности Тиберию. Славословие тут же сменилось ненавистью...

В памяти Агриппины все еще оставался ужас той ночи, когда в их палатку ворвались разъяренные воины, требуя отдать их знамя. Горестные рыдания жены, пытавшейся успокоить разбуженного маленького Гая, заставили Германика выполнить это требование бунтарей. И вот, поддавшись уговорам супруга, Агриппина с младенцем на руках вынуждена была покинуть его, уходя из воинского лагеря, служившего им приютом и защитой от варваров, но ставшего теперь гибельным для самих римлян. Объятия мужа, казалось последние, его ласковые уговоры спасти Гая и будущее дитя, которое она носила тогда под своим сердцем (к ее горю, ребенок родился затем мертвым), — все это представлялось чем-то нереальным, словно происходящим в кошмарном сне. Как будто сквозь сон Агриппина вспоминала тот го-

рестный путь, когда она с крепко прижавшимся малышом вместе с рыдающими женами других военачальников без всякой охраны двинулась из лагеря к землям союзных римлянам треверов. Это печальное шествие настолько потрясло взбунтовавшихся воинов, что часть из них бросилась за Агриппиной, умоляя ее остаться под их защитой и не доверяться чужеземцам. Остальные устремились к своему полководцу, тому, под чьим началом они собирались отомстить за гибель легионов Вара и который теперь, как оказалось, полагался больше не на них, а на ненадежных союзников. Воспользовавшись переломом в настроении мятежников, Германику удалось усмирить свои легионы. Войско тут же переправилось на правый берег Рейна и, внезапно напав на марсов, устроило жестокую резню, убивая всех от мала до велика. Но бурная радость от победы, одержанной мужем, не смогла погасить в душе Агриппины то чувство горечи и унижения, которое испытала она, внучка Августа и дочь прославленного Марка Випсания Агриппы, спасаясь от своих же легионов...

И вот новый поход... Что с войском? Что с ее Германиком? Удастся ли ему выполнить то, что не смог до него сделать нынешний преемник Августа Тиберий? Но вестей не поступало, и тревога Агриппины росла...

Она еще не знала, что силы римлян, разделенные Германиком надвое, успешно соединились у Тевтобургского леса. Пройдя сквозь чащобы горных лесов и болота, легионы достигли печального для римлян места. Они шли по следам войска Вара. Вначале воины Германика обнаружили разрушенный лагерь, затем перед ними предстало поле боя, усеянное скелетами людей, лошадей, обломками оружия. Застывшие в молчании римляне созерцали ужасную картину, лишь потревоженные блеском воинских доспехов стаи ворон громким карканьем нарушали скорбную тишину. Не менее страшное зрелище ожидало воинов в чащах ближних лесов — кости людей, их черепа, прибитые к стволам деревьев, остатки виселиц, на которых победители казнили пленных. Тут же были обнаружены и жертвенники, на которых германцы принесли в жертву своему грозному богу Водану плененных римских офицеров. Немногие уцелевшие в той ужасной бойне рассказывали о жестокой расправе, о том, как вождь победителей Арминий издевался над захваченными знаками римских легионов. Германик первым стал собирать своими руками останки павших воинов. Все, что осталось

от их товарищей по оружию, римляне снесли в огромную яму, над которой воздвигли могильный холм. Отдав почести мертвым, легионы Германика с неутоленной жадной мести двинулись на противника. Верный своей тактике Арминий отходил в лесную чащу. Когда же показалось поле, Германик тотчас бросил на отступающих германцев конницу. Отбиваясь от кавалерии, те отходили к лесу, но неожиданный удар германского отряда из засады обратил передние ряды римлян в бегство. Лишь хладнокровие Германика, сумевшего снова выстроить свои легионы в боевой порядок, смогло остановить натиск варваров, стремившихся оттеснить римлян в болотные топи. В этой битве ни одна из сторон не достигла желанной победы.

Обратный путь римлян таил много опасностей. Четыре легиона во главе с Германиком двинулись к своим стоянкам на Рейне на судах по рекам и морю. В прибрежных водах тяжелогруженные корабли садились на мели, особенно было опасно время отливов. Германику пришлось отправить два легиона по суше вдоль берега. Впрочем, это только казалось сушей — налетевший шторм затопил прибрежную полосу. В этой воде воины «Августова» и «Сдвоенного Марсова Победоносного» легионов едва сумели добраться до устья реки, где их ожидал с кораблями Германик. А в это время рейнских лагерей достигли зловещие слухи о том, что легионы и их командующий погибли в морской пучине.

Еще более трудным был путь домой у четырех легионов, возглавляемых опытным Цециной. По приказу Германика он возвращался сухопутным путем через земли германцев. Именно на легионы Цецины обрушил всю силу своего удара Арминий. Германцы, прекрасно знающие местность, быстро настигли римлян, медленно передвигавшихся сквозь болота по старой гати, которую то и дело приходилось чинить. Здесь, в болотах, легионы Цецины с трудом отбили двухдневный натиск варваров.

Конница была бессильной в болотной жиже, воинам трудно было укрыться от стрел и длинных копий, которые мощные, высокорослые германцы метали в своих противников. Едва избежав разгрома, Цецина все же смог вывести легионы на равнину. За ночь спешно был сооружен лагерь. Когда же с рассветом подбадриваемые призывами Арминия германцы бросились на штурм, воины Цецины ударили по ним с тыла и обратили в бегство. Это была победа. А в рейнских лагерях тем време-

нем распространился слух о гибели легионов Цецины.

Каждый из таких слухов наполнял сердце Агриппины отчаянием и горем, но сильная духом женщина никому не позволяла довериться им. Когда же в лагере все-таки вспыхнула паника и раздались крики, что варвары, разгромив римские легионы, идут к Рейну, чтобы переправиться через него на левый берег по мосту, и нашлись люди, готовые разрушить мост ради собственного спасения, Агриппина взяла на себя командование в лагере. Женщина во главе военных! Такого еще не знал гордый и могущественный Рим. Паникерам она показала свою неумолимую суровость, раненые же с благодарностью встречали ее ласковый голос и целительную силу нежных рук жены командира, которая сама, не боясь страшных ран, делала перевязки, меняла одежды тем, кто не мог двигаться... Мост остался целым, и Агриппина первой встречала на берегу Рейна уставших, но счастливых воинов...

Победный исход войн с германцами вызвал ликование в Риме. Обрадован был и принцепс Тиберий, но вместе с тем его все более тревожила растущая популярность Германика. Публично Тиберий славословил Германика, но уже тогда в его душе поселилась пока еще скрытая неприязнь к удачливому молодому полководцу. Тому было немало причин.

Прежде всего Тиберий видел в Германике претендента на свою верховную власть. Германик был сыном Друза Старшего, брата Тиберия. Перед тем, как усыновить Тиберия, чего настоятельно требовала Ливия, мать Тиберия и тогдашняя жена Августа, Август потребовал от Тиберия усыновления оставшегося без отца Германика. Дядя-отец откровенно испугался, когда после смерти Августа германские легионы собрались провозгласить императором не его, кому передал власть «первый среди равных», а Германика.

В римском обществе с Германиком связывали надежды на восстановление древнего республиканского строя, он был более демократичен, чем подозрительный и жестокий Тиберий. Тиберия глубоко уязвила ставшая известной фраза Августа об избранном им преемнике: «Бедный римский народ, в какие он попадает медленные челюсти!» Сказалась и ревность полководца — Тиберий совершил немало удачных походов против германцев, покорил тех же херусков и был уверен, что, будь он в тот злосчастный час на месте Квинтилия Вара, не было бы

того страшного позора для римского оружия. Теперь же приходится радоваться куда более скромным успехам этого молодого любимца римлян.

А тут еще Агриппина возомнила себя военачальником. Ну, хорошо, ей удалось удержать в повиновении лагерь, но слыханное ли дело, чтобы женщина командовала войсками? Пусть уж, если хочет, следует за мужем со своим малолетним Гаем, но не лезет в мужские дела. Кто знает, не жаждет ли она властвовать в Риме, подобно Ливии, матери самого Тиберия?

После смерти Августа Ливия, столь много предпринявшая для того, чтобы именно ее сын стал наследником, постоянно вмешивалась в дела Тиберия, что крайне раздражало его. Такого рода попытки матери Тиберий пресекал. Ему льстило, что Германик оставался верным ему, но где гарантии, что заносчивая и вспыльчивая Агриппина не подстрекает своего супруга занять его место? Тем более, что для неприязни к Тиберию у Агриппины были свои основания.

Агриппина была дочерью Юлии Старшей от ее второго брака. Еще при жизни Агриппы Юлия, предававшаяся любовным утехам отнюдь не только с супругом, пыталась добиться взаимности у Тиберия. Но тот слишком любил свою жену Випсанию Агриппину, чтобы предпочесть ей похотливые объятия дочери Августа. Однако после смерти Агриппы Август все же выдал Юлию за Тиберия, заставив предварительно его развестись. Тиберий ненавидел свою новую жену, которая и в этом браке не желала отказываться от своих прежних любовников. Он вынужден был даже оставить Рим и удалиться на несколько лет на Родос. Вернулся Тиберий из этого добровольного изгнания лишь тогда, когда Август отправил свою распутную дочь в ссылку. Унаследовав власть Августа, Тиберий распорядился еще более ужесточить условия содержания ненавистной ему Юлии. От голода и лишений она вскоре скончалась. Все это было сделано тайно, но кто знает, осталось ли это неизвестным для Агриппины и не будет ли она мстить губителю своей матери? Подозрительность Тиберия еще более разжигал командир гвардейцев Сеян, любимыми средствами старавшийся устранить конкурентов во влиянии на принцепса.

Впрочем, эти римские интриги не достигали пока берегов Рейна. Зимовка легионов в лагерях избавила на время Агриппину от тревог за жизнь мужа. Зима снова позволила им не расставаться друг с другом, ее снега и

морозы не могли загасить их горячую любовь. Десять лет длился уже их брак, но страсть разгоралась все сильнее. Этой зимой у них родилась девочка, названная так же, как и мать, Агриппиной, и счастливые родители, как могли, лелеяли свое крошечное дитя...

Весна принесла новые разлуки и тревоги. Кампанию 16 года против варваров Германик провел блестяще. Дважды он наголову разгромил Арминия, отомстив за катастрофу в Тевтобургском лесу. Казалось, еще немного и непокорные германцы склонят головы перед силой Рима. Отведя войска в зимние лагеря, Германик готовился к новой кампании, которая должна была стать последней на германских рубежах...

Но неожиданно посыпались письма из Рима от Тиберия. Тот напоминал Германику о своих девяти германских походах, о том, что своих успехов он добивался не только силой, но и хитроумными политическими интригами, сея раздор между племенами варваров. Воздавая должное успехам удачливого полководца, Тиберий, тем не менее, уговаривал Германика возвратиться в Рим и во второй раз стать консулом. Зная о прекрасных отношениях Германика со своим сыном Друзом Младшим, который еще не сумел добиться громких воинских побед, Тиберий просил командующего германскими легионами предоставить тому возможность покрыть себя славой. Германик просил дать ему еще год для завершения войны с варварами, но император был неумолим, и скрепя сердце победитель германцев вынужден был возвратиться в Рим.

В мае 17 года восторженный Рим наблюдал за триумфом Германика. Триумф был поистине великолепным — множество пленных, добычи. Особое внимание зрителей привлекала роскошно украшенная колесница, запряженная четверкой белых коней, на которой находился сам триумфатор. Тут же везли и его пятерых детей, что особенно умиляло римлян. Сердце Агриппины было наполнено счастьем: «Вот он, миг триумфа! Это ее Германиком восторгаются жители великого Рима!»

Но триумф закончился, и Германик, как и полагалось, снял с себя временный титул императора, присвоенный за победы, а его семья оказалась в самом центре хитроумных интриг, которые плелись в окружении носителя верховной власти. Неожиданно для Германика Тиберий, который раньше в своих письмах уговаривал его вернуться в Рим и именно здесь исполнять обязанности

консула, выступил в сенате с пространной речью, где, обрисовав трудную ситуацию на востоке империи, заявил, что лишь Германик может навести там порядок. Постановлением сената победитель германцев был назначен правителем всех заморских провинций. Казалось, это было весьма почетное назначение. Но в его основе лежало желание Тиберия удалить как можно дальше Германика от Рима. Агриппина и Германик чувствовали, как густая сеть интриг опутывала их. Мать Тиберия постоянно преследовала Агриппину упреками и распускала о ней сплетни. Та еле сдерживалась, чтобы не ответить колкостью, понимая, что этим может навредить своему мужу. Но в дело вступала вторая Ливия — жена Друза Младшего, которой не давало покоя более знатное, чем у ее мужа, происхождение Германика. Агриппина не всегда могла скрыть свое раздражение. Женское соперничество усугублялось тем, что в Риме, где женщины высшего света отнюдь не отличались добродетелью и целомудрием, Агриппина была ярким исключением. Преданная мужу, ласковая и заботливая мать, она стала для римлян поистине воплощением добродетелей предков. Не зря ее называли украшением родины.

Двор Тиберия разделился — приближенные принцепса пытались столкнуть между собой двух наиболее вероятных наследников подходившего к 60-летнему рубежу Тиберия — Германика и Друза Младшего. Но интриги не испортили их добрых отношений. Это было продемонстрировано накануне отъезда Германика, когда он и Друз при выборах на одну из важных должностей смогли убедить сенат поступиться буквой закона и избрать их кандидата. Действовали они при этом в полном согласии.

Между тем Тиберий назначил наместником Сирии, одной из важнейших восточных провинций Рима, Гнея Пизона, отстранив от этой должности Кретика Силана, дочь которого была помолвлена со старшим из сыновей Германика. Гней Пизон слыл человеком гордым и заносчивым, он и его богатая супруга Планцина особенно кичились своей знатностью, не упуская случая всякий раз подчеркнуть превосходство своего рода над родом Тиберия. Ливия, вдова Августа, использовала эти наклонности Планцины, натравливая ее на жену Германика. Впрочем, поговаривали, что новое назначение Гнея Пизона было предпринято Тиберием не только, чтобы досадить Германику...

Германику и Агриппине предстоял нелегкий путь в восточные провинции. Ситуация там сложилась действительно тяжелая. Непокойно было в Каппадокии, царь которой, Архелай, прибыв по приглашению Тиберия в Рим, умер при весьма загадочных обстоятельствах. Почти одновременно скончались правители Коммагены и Киликии, в которых тотчас же разгорелась борьба между сторонниками и противниками подчинения Риму. Непокойно было и на границах с Парфией и Арменией. После убийства заговорщиками в Парфии тамошнего царя Орода III часть парфянской знати испросила у Августа разрешения отправить к ним бывшего заложником в Риме Вонона. Август дал согласие, считая воспитанного в римском духе Вонона своим ставленником. Но это понимала и оппозиционная Риму группировка парфянской знати. Они провозгласили царем Артабана; в междоусобной борьбе тот взял верх, Вонон же бежал в Армению и стал ее царем. Но парфяне стали угрожать ему войной, их поддержали армянские князья. Римляне, опасаясь войны с сильным восточным соседом, отказали Вонону в поддержке, и тот укрылся в Сирии. Все это сложное хитросплетение предстояло теперь распутывать Германику. А тут еще население Сирии и Иудеи, страдая от непомерных налогов, стало требовать их снижения; кое-где уже вспыхивали волнения. Провинцию Азия постигла ужасная катастрофа — страшной силы разрушительное землетрясение. Даже выбегавшие из разваливающихся домов люди не могли найти спасения на равнинных местах: земля под ними трескалась, и из глубоких щелей вырывался подземный огонь...

Германик и Агриппина вместе с пятилетним Гаем отправились морем. Путешествие было трудным, бури изрядно потрепали небольшую флотилию. Первая большая остановка была сделана в Греции, в Никополе. Здесь Германик официально вступил в должность консула. Здесь же он встретился со своим братом Клавдием, отстраненным Тиберием от всех должностей и предававшимся своим любимым научным занятиям. С восторгом слушала Агриппина разговоры братьев об эллинской науке, поэзии. Оба прекрасно владели греческим языком, то и дело переходя на него с родной латыни. Агриппина не могла не восхищаться своим Германиком. Он, этот суровый и бесстрашный воин, не раз бросавшийся сам на врага врукопашную, был тонким ценителем греческой литературы и науки. Не раз он читал вечерами жене напи-

санные им по-гречески комедии, вместе они старались постичь смысл картин звездного неба, описанных знаменитым греком Аратом, чьи «Феномены» Германик перевел на латынь...

Но не только греческая поэзия и наука занимали молодого римского консула во время этой недолгой первой остановки на земле древней Эллады. Неподалеку находилось место битвы, произошедшей почти полвека назад, исход которой стал судьбоносной для римской державы. Агриппина не смогла посетить вместе с мужем храм на мысе Акции, который был реконструирован Августом в честь его главной победы над Марком Антонием. Вернувшийся оттуда муж был молчалив, Агриппина понимала, какие противоречивые чувства раздирают сердце супруга, увидевшего своими глазами место битвы, в которой сошлись его дядя и дед.

Путь морем в Афины для Агриппины был уже едва выносим — вот-вот она должна была разрешиться от бремени. Афиняне встретили Германика восторженно, тем более что и он не скрывал своей любви к городу великой истории и культуры.

После короткой остановки на острове Эвбее супруги прибыли на Лесбос, землю знаменитой Сапфо. Здесь Агриппина родила девочку. Это был их шестой ребенок. Супруги были счастливы — что можно еще желать, имея трех мальчиков и трех девочек. Правда, болью в душе Агриппины отзывалось воспоминание о трех ее умерших малютках. Один из них был настолько очарователем, что даже Ливия заказала его изображение в виде Купидона, а Август, поместив такой же портрет в своей спальне, зачастую не мог удержаться, чтобы не поцеловать его...

Теперь семья стала больше, и путь продолжался. Они доплыли до Византия, но встречный ветер преградил им путь в Понт Эвксинский. Пришлось повернуть назад. Хлопоча над маленькой Юлией, Агриппина все же сумела выкроить время, чтобы осмотреть Илион и увидеть то легендарное место, где некогда находилась древняя Троя, воспетая великим Гомером, и откуда вел свой род ее дед Август. Но не только восторг от знакомства с очагами великой культуры ожидал Агриппину и Германика. В храме Аполлона в Кларосе жрец-оракул предсказал скорую кончину Германику. Агриппина никак не хотела в это поверить, снова и снова пытаясь найти в роковых иносказаниях оракула какой-то другой смысл...

А тем временем Гней Пизон стремился опередить

Германика и раньше его прибыть во вверенную ему провинцию. Он добирался более коротким путем. У Родоса его корабли встретились с флотилией Германика. И хотя последний знал уже о несправедливых упреках, которыми Пизон осыпал жителей Афин, побывав там вслед за Германиком, он встретил наместника Сирии весьма приветливо. Более того, он даже спас ему жизнь, послав свои корабли на выручку, когда шторм понес корабль Пизона на гибельные скалы. Через день они расстались — Пизон двинулся в Сирию, Германик же занялся устройством интересов Рима в Армении. Своими руками он короновал нового царя Армении, затем уладил конфликт в Каппадокии.

Новая встреча Германика и Пизона уже была окрашена откровенной взаимной неприязнью, которая перешла в открытую враждебность после посещения Германиком Египта. Хотя поводом к этому визиту послужил сильный голод, охвативший житницу римской державы, Агриппина долго вспоминала свое последнее путешествие с мужем как какую-то дивную сказку. Они проплыли по Нилу и осмотрели развалины великих Фив, где дряхлый жрец перевел им с древнего языка надпись в честь огромных завоеваний фараона Рамсеса. Супруги не могли сдержать своего восхищения перед чудом, открывшимся их глазам в пустыне, — огромными пирамидами умерших фараонов. Прибыв задолго до рассвета к гигантской статуе легендарного Мемнона, павшего у Трои от руки Ахилла, они, пораженные, вслушивались в звуки, которые стала издавать статуя, как только первые лучи солнца осветили ее...

В Египте Германик распорядился открыть хлебные склады, чтобы облегчить тяготы голода его жителям. Но он не знал, что уже давно существовал тайный запрет посещать кому-либо из римской знати без разрешения самого императора эту хлебную житницу империи. Такой запрет наложил еще Август, опасавшийся, что любой узурпатор, захватив Египет, может вызвать трудности с продовольствием в самом Риме. Получив известие о пребывании Германика в Египте, Тиберий пришел в крайнее раздражение и приказал отменить все его распоряжения. Правда, одновременно Германику было предоставлено право триумфа в Риме, и там уже возвели арку с изображением будущего триумфатора, которую он так и не увидел...

Возвращаясь из Египта, Германик узнал об отмене

своих распоряжений. Виновником этого он счел Гнея Пизона. Конфликт достиг апогея, когда Германик заболел в Антиохии. В своем доме Агриппина не раз с ужасом натыкалась на подброшенные кем-то зловонные останки человеческих тел — предметы вредоносной порчи. Она была убеждена, что это козни Пизона. Германик наконец отстранил Пизона от управления Сирией, но здоровье продолжало ухудшаться.

В предчувствии близкой кончины Германик обратился к друзьям с просьбой отомстить за его гибель коварным Пизону и Планцине, а рыдающую жену уговаривал стойко перенести удар судьбы и не вступать в конфликты с Тиберием, который, возможно, и является главным виновником его гибели. В октябре 19 года в возрасте 34 лет Германик умер...

Толпы антиохийцев пришли прощаться с Германиком, обнаженное тело которого было выставлено на городском форуме для сожжения. Обезумевшая от горя Агриппина безутешно рыдала, крепко прижимая к себе своих плачущих сирот. Она не хотела слушать никаких соболезнований, никаких славословий в честь умершего...

Взвилось вверх пламя погребального костра, и вот от ее Германика остался лишь пепел... Предстоял скорбный путь в Рим. Агриппина, прижав к груди урну с пеплом, поднялась на корабль...

Путь этого корабля казался ей путешествием через реку забвения в подземном Орке... Потухшими глазами, в которых уже не могло появиться слез, она неотрывно вглядывалась в последнее вместилище того, кто был для нее самым дорогим на свете. Он — мертв, но Агриппина не могла поверить в это... В затуманенном от горя сознании всплывали сцены их триумфа в Риме: красивый и сильный Германик в пурпурной одежде, с лавровым венком на голове, стоящий на великолепной колеснице, движущейся впереди его воинов... Восторг зрителей, их восхищение триумфатором и ею, верной его спутницей, с их милыми детьми... Груды добычи, толпы пленных, тяжелая поступь легионеров...

А вот он возвращается в лагерь на Рейне: высокий, сильный, в латах, сидя на белом коне. Он улыбается, и улыбка его кажется ей светлее тех ночных факелов, которые горят, вспыхивая и дымясь в сыром воздухе, у колен этого всадника, единственного для нее в этой быстротечной жизни. В сполохах пламени огней что-то кричат встречающие, но она, не слыша их, идет в ночном

мраке к свету факелов, туда, куда ведет ее зовущий взгляд мужа... «Это ты, мой Германик!» — и сильные его руки подхватывают женщину, и их слившиеся уста и объятия кладут конец той ужасной тревоге, что испытывала она, оставаясь одна в тягостных муках ожидания. Искры факелов в причудливой игре взлетают и гаснут у крупа боевого коня, тот, не привыкший к людской радости, тревожно всхрапывает, пытаясь подняться на дыбы, но воины крепко держат его за поводья, и в могучих руках его всадника Агриппина чувствует себя несомой пушинкой... «Моя, моя», — шепчут губы этого прекрасного наездника, и терпкие запахи кожи его доспехов, пропитанных тлетворным воздухом болотных топей, сквозь которые он сумел пройти, не могут оторвать ее от того, кто принадлежит ей, и только ей... Встревоженный конь несет их к палатке, туда, где, не дождавшись отца, тихо посапывают их милые крошки...

Но он мертв, нет его счастливой улыбки, и никогда больше его крепкие руки не обхватят ее... Он уже в пути к загробному Орку. Он один, Германик, был ее счастьем, всем тем, что могут дать богини судьбы женщине...

В своем траурном плавании флотилия Агриппины неожиданно встретила с кораблями Пизона. Тот, едва скрывая радость по поводу смерти Германика, который изгнал его в Рим, направлялся обратно в Сирию. Спутники Агриппины схватились за оружие, то же сделали и люди Пизона, но дело закончилось лишь взаимной перебранкой. Агриппина была безразлична к этому — горе отняло у нее все силы

Наконец показался Брундизий. Здесь Агриппине предстояло ступить на родную для нее и Германика землю... Она еще не знала, что в Риме, когда было получено известие о смерти ее мужа, воцарился глубокий траур. В отчаянии и гнев люди забрасывали камнями храмы богов, не сумевших защитить их любимца, то тут, то там на улицах валялись выброшенные из домов изображения богов-хранителей домашнего очага... Повсюду слышались горестные стенания...

Толпы народа устремились к Брундизию встретить прах Германика. Здесь были и друзья, и воины великого полководца, и множество других людей, никогда не видевших, но любивших его. Тиберий прислал для почетной охраны две когорты гвардейцев.

Агриппина, держа в руках погребальную урну, едва сумела сойти с корабля. Ступив на землю, она остано-

вилась, не в силах двинуться дальше по этой земле, по которой ступал ее Германик. Она отрешенно устала в землю перед собой. Сзади заплакал маленький Гай... Многоголосый стон раздался над толпой. К Агриппине подскочили трибуны и, взяв из ее рук урну, понесли сквозь расступающуюся толпу. Печальное шествие двинулось в долгий путь от Брундизия к Риму. По дороге к нему присоединялись все новые и новые люди. Шли в нем сенаторы, всадники, лишь Тиберий и его мать Ливия не приняли участия в этой процессии. Похороны Германика были пышными. В тот день все улицы Рима заполнили люди, на Марсовом поле выстроились в боевом вооружении воины, пылали факелы... Горестные причитания по Германику перемежались в толпе заверениями в любви к его вдове и сиротам. Останки Германика были погребены в мавзолее Августа... Два месяца длился этот великий траур.

Тиберий позаботился о невиданных почестях в память об умершем. Но народ требовал суда над убийцами Германика. Пизон, к тому времени потерпевший неудачу в попытке вернуть себе Сирию, прибыл вместе с женой в Рим. Тиберий вынужден был вынести дело Пизона на рассмотрение сената. Собравшаяся перед местом заседания толпа требовала казни Гнея Пизона, крича, что он все равно не выйдет живым, даже если сенаторы его оправдают. Пизон обвинялся в разложении войск в провинции, в насаждении на должности там негодных людей, в неподчинении Германику. Но факт отравления доказан не был. Коварная Планцина, видя, что дела мужа плохи, сумела найти себе защитницу в лице Ливии, не любившей Агриппину. Покинутый женой и окруженный всеобщей ненавистью, Пизон покончил с собой, не дожидаясь решения суда. Через десять лет, после смерти своей покровительницы, так же вынуждена будет поступить и Планцина...

Для Агриппины же со смертью Германика началась тяжелая жизнь вдовы в зловещей атмосфере интриг императорского двора. Друзья ее мужа были ее друзьями, но у Агриппины было и множество врагов, из которых главными стали командир преторианских гвардейцев Сеян, не брезговавший ничем в своем безудержном стремлении к верховной власти, и сам Тиберий. Агриппина помнила предсмертный наказ мужа, но ее гордая и прямая натура не всегда позволяла ей сдерживаться. Особенно если дело касалось ее детей.

Тиберий поначалу выказывал всяческое благоволение к детям Германика и Агриппины, особенно к старшим сыновьям — Нерону и Друзу. Под его давлением сенат в виде исключения разрешил Нерону занять должность квестора намного ранее установленного возрастного ценза. Нерону был присвоен и жреческий сан. Через несколько лет то же было сделано и для Друза.

Но уже были раскинута сети коварных интриг Сеяна, сумевшего втереться в полное доверие к Тиберию. Прежде всего Сеян намеревался устранить наследников принцепса — его сына Друза Младшего и старших сыновей Германика, тщательно опекаемых их матерью. Сделав своей любовницей Ливию, жену Друза и сестру Германика, через которую ему были известны все дела и намерения Друза, Сеян отравил его. Потрясенный смертью сына престарелый Тиберий на заседании сената призвал сенаторов быть отцами его внуков Нерона и Друза, представив сыновей Германика своими наследниками.

Сеян, чье преступление не было раскрыто, приступил к осуществлению следующего шага своего замысла — устранению Нерона, Друза и Агриппины. Прежние средства не годились: отравление было невозможно, преданные Агриппине слуги не могли пойти на это; невозможно было и скомпрометировать Агриппину инсценировкой прелюбодеяния, слишком целомудренной была эта женщина. Тогда был нанесен удар по ближайшему окружению Агриппины. Первыми жертвами пали Гай Силий, командовавший верхнегерманскими легионами под началом Германика, и его жена Созия Галла, преданная Агриппине. Обвинение, возведенное против них, было совершенно нелепым — Силия обвинили в том, будто он знал о готовящемся восстании варваров, но не сообщил об этом. То же вменялось в вину и его жене. Абсурдность этого обвинения была очевидна — ведь сам Гай Силий и подавил это восстание. Но обвиняемому не давали даже раскрыть рта. И в отчаянии он покончил с собой. Созия Галла была отправлена в ссылку.

Второй жертвой стала двоюродная сестра Агриппины Клавдия Пульхра, ложно обвиненная в разврате и козловстве против принцепса. Взбешенная Агриппина явилась к Тиберию и прямо сказала ему, что процессы против Пульхры и Созии направлены против нее, именно из-за враждебности к ней Тиберия страдают эти невинные люди. Значит, она обречена и отныне снова наденет

траурные одежды. Ошеломленный этим приступом женской ярости Тиберий, схватив за руку Агриппину, сказал ей: «Ты, дочка, считаешь оскорблением, что не царствуешь?» Эта фраза рассеяла все сомнения вдовы Германика. Пульхра была осуждена.

Агриппина долго болела после этого. Когда к ней явился Тиберий, чтобы проведать больную, она в гневе и отчаянии помимо упреков стала требовать от него согласия на новый брак. Что это было — приступ болезненной слабости? Или доводы разума уступили место требованиям плоти этой еще цветущей, плодовитой женщины? Скорее всего, Агриппиной двигала забота о детях. Чувствуя, что ей не вырваться из липкой паутины интриг, сплетенной вокруг нее, она хотела найти своим детям нового могущественного покровителя. Но Тиберий в ответ на просьбу Агриппины молча удалился.

Сеян между тем прилагал всяческие усилия, чтобы распалить взаимную враждебность Тиберия и Агриппины. Верные ему люди сообщили Агриппине, что принцепс намеревается отравить ее.

И когда за столом тот подал ей красивое яблоко, она в испуге отдала его рабам. Вскипевший от гнева Тиберий все же смог сдержаться, ограничившись лишь злобной репликой в адрес Агриппины, которую он произнес, обращаясь к матери. Тиберию же Сеян постоянно внушал, что императорский двор расколот на враждебные группировки, и виной этому — Агриппина.

Сеян решил заняться сыновьями Агриппины. Главной его мишенью стал Нерон. С помощью своих угодников Сеян распространял слухи, порочащие того в глазах Тиберия. Впрочем, и сам Нерон допускал порой весьма резкие выпады в адрес принцепса. Это становилось известным Сеяну от его тетки Ливии во время их любовных утех. Ведь дочь ее была замужем за Нероном и рассказывала матери обо всех замыслах супруга. Сеяну удалось рассорить братьев, объяснив Друзу, что если устранить Нерона, то тогда именно он, Друз, будет наследником уже пожилого Тиберия.

Когда Тиберий уехал на Капри, Сеян установил настоящую слежку за Нероном и Агриппиной. Его люди фиксировали всех, кто приходил к ним, о чем говорили. Это служило Сеяну материалом для его доносов Тиберию. Наиболее частым посетителем Агриппины и Нерона были Титий Сабин, римский всадник, пользовавшийся покровительством Германика. И после смерти своего

патрона он оказывал всяческое внимание его вдове и детям, ничуть не скрывая этого. Против Тития Сабина была устроена грубая провокация. Сенатор Лациар вместе с тремя своими коллегами решили оклеветать невинного человека, чтобы заслужить благоволение могущественного временщика. Трое из них спрятались на чердаке дома Лациара, который привел к себе Сабина и стал притворно восхвалять покойного Германика и Агриппину, ругая при этом Тиберия. Сердце доброго Сабина дрогнуло, и он горячо поддержал высказывания своего собеседника. Тут же последовал донос, который Тиберий расценил как сообщение о заговоре Сабина. Он потребовал казни заговорщика. Сенат послушно выполнил его желание. Благодаря сенату за эту зловещую услугу, Тиберий в своем письме отметил, что его жизни угрожает опасность от врагов. Их имен он не назвал, но вряд ли кто сомневался, что под ними подразумевались Агриппина и Нерон.

В 29 году, тотчас после смерти матери принцепса Ливии, сенат получил еще одно письмо Тиберия, где он всячески поносил вдову Германика и его старшего сына. Нерона он обвинял в грязном разврате с юношами, Агриппине же ставил в вину ее надменность и строптивость. Правда, тогда сенат еще не решился вынести своего осуждения тем, кто вызвал гнев властелина.

Но вскоре это все же случилось... Мы точно не знаем, какие предлоги были использованы для расправы с Агриппиной и двумя ее сыновьями. В заточение попали и Нерон, и Друз. Нерон был сослан на Понтийские острова, Друз содержался под стражей в Риме.

Сообщения античных историков о расправе Тиберия с Агриппиной разноречивы и фрагментарны. По одним сведениям, Тиберий обвинил ее в том, что она собиралась бежать к легионам в Германию и поднять их против него, а также в том, что она собиралась на римском форуме обнять статую Августа и призвать народ защитить ее от происков властелина Рима. Есть и сведения о том, что на нее было возведено обвинение в прелюбодеянии с Азинием Галлом, находившимся с ней в своих отношениях по линии жены. Впрочем, не так уж важно, что послужило поводом к расправе над Агриппиной. В 29 году она была сослана на зловещий остров Пандатерию. И даже раскрытие заговора Сеяна, его казнь и горькое раскаяние престарелого Тиберия в своем доверии к коварному временщику ничего не изменили в ее судьбе...

Четыре года провела в ссылке Агриппина на острове близ Неаполя. Здесь на Пандатерии она оказалась во власти верных Тиберию тюремщиков. Именно тут провела первые пять лет своего заточения ее мать, сосланная Августом за беспутный образ жизни. Агриппина в отличие от матери не тосковала по холеной и слащавой римской жизни — она чувствовала себя одинокой как на пышных пирах Тиберия в великолепном Риме, так и здесь, на маленьком островке Тирренского моря... Но ее дети! Что с ними? Эти «медленные челюсти», в которые она попала, неужели они искалечат и ее сыновей и дочерей? И она ничего не может изменить... Может быть, собственная смерть сможет спасти их юные жизни?..

Тюремщики ни на миг не выпускали из поля зрения эту женщину, которая на их глазах превращалась из достойной восхищения матроны в костлявую старуху. Агриппина отказалась принимать пищу. Приказ Тиберия был категоричен: кормить насильно. Она билась в истерике, когда волосатые и липкие руки тюремщиков, обхватив ее тело, разжимали челюсти и пытались впихнуть ей в рот еду... Давясь в беспомощном крике, она изрыгала из себя эту жалкую подачку жизни. Ее истязали: озверевший центурион, которому она искусала руки, однажды даже выбил ей глаз... Укрывшись в углу своей каморки, Агриппина не проклинала своих мучителей — нет, она ждала своего смертного часа, когда судьба соединит ее снова в царстве теней с ее Германиком. Жизнь в ней угасала...

Тюремщики, явившиеся с утренней зарей для очередной борьбы со своей подопечной, обнаружили на полу бездыханное костлявое тело. На туго обтянутом кожей смертном лице женщины застыла улыбка... «Это ты, мой Германик!» — может быть, это был ее последний, смертный, триумф.

Неистовая Мессалина

В тусклом свете чадающего светильника их сплетенные тела отбрасывали фантастические тени на куски ветхой ткани и стены каморки. Мессалина задыхалась в сладостном изнеможении под натиском этого исполинского тела. Под ее руками скользили бугры чудовищных мышц того, кто пришел разделить с ней ложе. Ласки его были грубы, Мессалина стонала и вскрикивала от боли и страсти, когда он схватывал огромными ладонями ее полные груди, вдавливая в нежную, как шелк, кожу золотые украшения. Она приходила в неистовство от шершавых поглаживаний этих мозолистых рук, испещренных шрамами. Последний сладострастный порыв этого мощного тела, казалось, лишил ее дыхания.

Оторвавшись наконец от насытившего его тела, незнакомец распростерся рядом. Теперь он с любопытством вглядывался в нагое тело и лицо той, что лежала рядом, жадно хватая ртом воздух. Только сейчас пришелец заметил, что украшения на ее обнаженной груди золотые. Словно не веря себе, он еще раз провел рукой по нежной

холенной коже, уткнулся лицом с мозолистой переносицей в удивительный аромат ее золотисто-рыжих накладных волос.

— Кто ты?

— Лициска. Разве ты не прочитал имя на двери?

— Но такое тело и благовония я встречал только у богатых женщин...

— Я блудница. А ты — гладиатор? Желвак на переносице, наверное, от шлема?

— Да, — в голосе незнакомца прозвучала гордость, — и меня любили даже знатные матроны.

— Конечно, ты силен. Куда до тебя тем двум сопливым мальчишкам, что были здесь перед тобой, — не знали толком, как подойти к женщине. Но знавала я и мужчин намного более искусных в любви.

Гладиатор помрачнел:

— Замолчи, продажная.

— Да, продажная, — остывавшей от любовного жара Мессалине захотелось уколоть этого горделивого любимца женщин, — но и ты ведь пришел сюда с деньгами.

— Я пришел сюда, потому что мне рассказал о тебе наш ланиста*. Он бывал здесь и советовал не жалеть денег, чтобы познакомиться с Лициской. Зачем ты берешь так много, ведь на тебе и так столько золота?

— За наслаждение надо платить. Не забудь оставить деньги.

Гладиатор молча оделся и направился к выходу. Обернувшись к продолжавшей лежать навзничь обнаженной блуднице, он произнес:

— Я продаю свою жизнь из-за бедности, зачем же ты продаешь свое тело?

— Это мое дело! Уходи, а то прикажу, и тебе нечего будет больше продавать.

Гладиатор рассмеялся и вышел...

В эту ночь Мессалина приняла еще нескольких посетителей. Каждому она отдавалась со всем пылом своей страсти, не забывая, однако, напомнить о плате. Не обошлось и без неприятностей — один из посетителей, которого блудница хотела выставить поскорее, оскорбившись, поколотил ее. Знал бы он, что его тумачи достались не какой-то проститутке Лициске, а жене самого императора Клавдия.

* Ланиста — владелец школы гладиаторов.

Наконец хозяин лупанара* объявил о закрытии своего заведения. Утомленная, но не насытившаяся мужскими ласками Мессалина приняла из рук дождавшейся ее служанки ночной плащ с капюшоном и, надев его, двинулась в обратный путь — на Палатин, где во дворце глубоким сном спал после затянувшегося пира ее пожилой венценосный супруг...

Назавтра она, словно и не было бурной ночи, проведенной в лупанаре, сидела рядом с Клавдием в амфитеатре. Искусные руки рабынь омыли и умастили ее тело, устранив затхлые запахи греховного заведения. Теперь Массалиной владела новая страсть — ее притягивала жестокая красота кровавого зрелища. Публика, заполнившая амфитеатр, неистовствовала, когда гладиаторы обрушивали друг на друга смертоносные удары. Вначале сражались новички — по парам и группами. Бои были скоротечными, ни один из раненых новичков не заслужил благосклонности зрителей — по воле публики они были добиты победителями. Либитинарии быстро вынесли тела побежденных. Клавдий громко обсуждал перипетии боев, отпуская шутки. Разгоряченная зрелищем публика встречала эти шутки хохотом.

Затем, к удовольствию зрителей, вышли две новые пары гладиаторов. Против традиционно вооруженных мечом и щитом бойцов вышли ретиарии с трезубцами и сетями. Как молнии метались вокруг своих противников ретиарии, пытаясь набросить на них сеть. Ловко уворачиваясь от сетей, те методично теснили своих соперников. Когда один из ретиариев попытался убежать с арены, по нему защелкали бичи, подгоняя его в бой. Несчастный ринулся на противника, но удар его трезубца скользнул по щиту, а стремительно выброшенный навстречу меч пронзил его грудь. Во второй паре ретиарий оказался более ловким. Зрителям стало надоедать его стремительное кружение вокруг соперника, и они принялись выражать свое недовольство. Уже был готов факел, чтобы огнем побудить играющего со смертью к решительным действиям, как вдруг последовал внезапный бросок сети, опутавшей голову и правую руку его соперника. Мгновения, которое тот потерял, отбрасывая сеть, оказалось достаточно, чтобы трезубец впился ему в правый бок. Фонтаном брызнула кровь, гладиатор упал. Он был еще жив, его руки скребли по земле, а против-

* Лупанар — публичный дом.

ник, поставив свою ногу ему на грудь, занеё над распростертым телом трезубец и радостно осматривал трибуны. «Добей!» — раздались крики. Клавдий протянул вперед руку с опущенным вниз большим пальцем. С хрустом трезубец победителя, ставшего уже любимцем публики, пронзил горло умирающему.

Победитель получил награду, причем сам император громко вместе с толпой вел счет золотым монетам. Либитинарий утащил тело убитого, оставив кровавый след. Кровь присыпали, и грянули восторженные крики зригелей — перед ними появилась пара андабатов. На головах гладиаторов были глухие шлемы без отверстий для глаз. Уверенным шагом андабаты вышли на середину арены. Прозвучало традиционное приветствие императору от идущих на смерть. Рев толпы не стихал ни на мгновение во время этого жестокого поединка, перемежаясь с хохотом, когда кто-либо из противников, лишенный возможности видеть, промахивался. Бойцы сходились, размахивая мечами, звенел металл, громко стучали друг о друга их щиты. Разойдясь, каждый тщетно прислушивался к шагам противника, тонушим в оглушающем реве трибун. Зрители покатывались от хохота, наблюдая за их неуклюжими маневрами. Один из андабатов, вытянув вперед правую руку с мечом, защищенную металлической маникой*, медленно двигался в поисках соперника. Другой, внезапно разворачиваясь на месте, постоянно размахивал вокруг себя мечом. Покружив на арене, андабаты по нарастающему шуму трибун поняли, что они сближаются. Наконец тот, который держал перед собой меч, уткнулся им в бок другого и тут же отскочил назад, ибо сразу последовал мгновенный замах его противника, и меч вонзился в землю, где только что стоял гладиатор. Тут же отпрянувший гладиатор сделал резкий выпад мечом вперед, но острие скользнуло по щиту соперника, и нападавший едва сохранил равновесие. Теперь противники, обнаружив друг друга, не расходились — пошла смертельная схватка. Удары сыпались на щиты, шлемы. Вдруг один из гладиаторов зашатался, а его невидящий соперник раз за разом продолжал обрушивать свои удары на шлем противника. Тот упал, из-под шлема потекла кровь. Разъяренный победитель под восторженный рев публики еще несколь-

* Маника — длинный рукав, в данном случае из металлических колец.

ко раз взмахнул впустую мечом, пока его ноги не натолкнулись на тело поверженного. Тогда он радостно сбросил шлем со своей головы, а затем пинком ноги сбил шлем и с неподвижного соперника — он помнил, что император любит всматриваться в лица умирающих. Кровь текла из ушей лежащего. Он не подавал признаков жизни. Но когда противник поставил ногу ему на грудь, он шевельнулся и с трудом произнес: «Жизнь!»

— Жизнь! Он просит жизнь! — раздались крики среди публики. Разгорелись споры — одни узнали в побежденном своего любимца-ветерана, симпатии других были на стороне ликующего победителя. Взоры всех устремились к императорскому месту. Клавдий размышлял некоторое время. Мессалина же узнала в поверженном своего случайного ночного любовника. «Добей!» — шепнула она мужу, и тот, громко повторив ее зловещую фразу, опустил вниз большой палец руки. Вздох разочарованной части зрителей был заглушен яростными криками: «Добей!» Победитель, подняв меч над головой двумя руками, пронзил им лежащего гладиатора...

Бои еще продолжались, но Мессалина уже не могла отрешиться от мыслей об убитом. Вспоминая его ласки, она в то же время закипала от гнева из-за его упреков в ненасытности и алчности. Сидевший неподалеку вольноотпущенник Нарцисс, отрываясь временами от зрелища, ловил застывший взгляд Мессалины. Могушественный временщик понял все...

Вечером в императорском дворце снова был устроен богатый пир. Шестьсот человек угощались изысканными яствами. Мессалина возлежала подле своего седовлатого осанистого супруга. Рядом были их дети — Октавия и совсем маленький еще Британник. С ласковой улыбкой Мессалина беседовала с мужем, разглядывая приглашенных. Многие из них с опаской поглядывали на беседующих супругов — кто знает, может быть, эта нежная беседа повлечет за собой нелепые обвинения в их адрес и жестокую расправу? Во взглядах других сквозила преданность и надежда на то, что всеильная жена императора в ответ на их услуги поможет совершить им головокружительную карьеру, обрести желаемый почет и богатства.

Мессалина, неторопливо отвеживая маленькими кусочками каждое из подаваемых блюд, пристально вглядывалась в лица пирующих. Вот возлежит преданный ей и алчный Публий Суиллий, выступавший по ее прика-

зам обвинителем множества людей — это его наветы привели к смерти неугодную Мессалине дочь Друза Юлию, лидера республиканцев в сенате Квинта Помпония, Лузия Сатурнина, Корнелия Лупа и многих из богатых римских всадников*. Угодничество и бесчестье были в крови этого человека. Рассказывали, что, даже получив огромную взятку в 400 тысяч сестерциев от обвиняемого им всадника Самия, Суиллий не снял своего обвинения, и несчастный Самий в отчаянии бросился на меч в доме обманщика. А вот — не менее преданный ей Сосибий, воспитатель маленького Британника, готовый повторить Клавдию все то, что ему внушала Мессалина. Неподалеку возлежит Вителлий, скользкий, как змея, советник Клавдия, но услуживающий и его могущественной супруге — он знает немало о ее непотребных утехах, но будет расчетливо молчать и даже при разоблачениях будет делать вид, что ему все это в новинку. А там дальше весело переговариваются ее любовники — Веттий Валент, Плавтий Латеран, Титий Прокул, Декрий Кальпурний. С ними — Суиллий Цезонин, также частый участник ее оргий. Откуда-то издали Мессалина поймала испуганный взгляд — это Травл Монтан, юноша из известной всаднической семьи. Поразительной красоты, он как-то привлек ее внимание. Но в альковах Мессалины он повел себя настолько скромно, что разъяренная его целомудрием супруга императора с бранью выгнала его вон. А вот еще целый ряд тех, кто проходил под ее похотливым взглядом обнаженным, — одних она выбрала для своих оргий, другие так и ушли, навсегда замкнув свои уста, стирая из памяти пронзительный взгляд всевластной искательницы наслаждений.

В этот момент Клавдий весело окликнул свою тещу — и Мессалина встретила полный тоски и ненависти взгляд своей матери. Холод пробежал по ее коже — мать ненавидела свою дочь, ту, которая отняла у нее мужа, Аппия Силана, не сумев добиться от него взаимности в своей безудержной похоти. Нет, Мессалина отнюдь не раскаивалась в своем былом злодейском замысле — эта двадцатидвухлетняя женщина не знала, что такое раскаяние, и вообще никогда не считала, что она может сделать ошибочный шаг. Заметив Нарцисса, который, отяжелев от яств и питья, откинулся на ложе и шутливо похло-

* Всадники — второе после сенаторов сословие в Риме. Октавиан Август установил имущественный ценз для всадников в 400 тысяч сестерциев (для сенаторов — 1 миллион сестерциев).

пывал по ягодицам едва одетую рабыню, разносившую пирующим снег для охлаждения переполненных желудков, Мессалина еще раз с одобрением оценила ум этого обжоры. Да, тогда все было разыграно прекрасно. Они великолепно разделили свои роли — это представление не могло сравниться даже с плясками Мнестера, которые зачаровывали тысячные толпы зрителей. Легковерный супруг поверил их притворным речам, когда Мессалина и Нарцисс один за другим рассказывали ему, что видели сон, будто Аппий Силан врывался с мечом в спальню Клавдия. И едва появился вызванный ими к императору ничего не подозревавший Аппий, как суеверный Клавдий приказал его немедленно схватить и казнить без всякого суда.

Мессалина перевела свой взгляд с матери на того, кто ныне был главным объектом ее необузданной страсти. Но Гай Силий не смотрел в ее сторону. «Как он осторожен», — подумала Мессалина. С этим знатным и красивейшим из молодых людей Рима она забывала обо всем. Их связь для многих уже не была тайной — ослепленная любовью супруга императора больше времени проводила с Гаем Силием, чем со своим мужем. Она буквально всюду ходила по пятам за своим любовником, не таясь приходила к нему в дом, принося щедрые подарки и даже утварь из императорского дворца. Гай Силий был избран консулом на следующий срок и уже успел прославиться, выступив в сенате с предложением запретить денежные вознаграждения за речи адвокатов в суде. И хотя Суиллий и подобные ему яростно воспротивились этому, все же было установлено, что вознаграждение адвоката не должно превышать 10 тысяч сестерциев. Силий был уже разведен — Мессалина ни с кем не желала делить своего любовника и добилась его развода с Юнией Силаной. Будущий консул не смог отказать во взаимности могущественной Мессалине — он хорошо знал неистовый и жестокий нрав этой развратной особы: вызвавший ее ненависть мог прощаться с жизнью. Но риск был и в связи с супругой императора — гнев обманутого Клавдия мог быть не менее страшен. Вот почему на этом богатом и многолюдном пиру Гай Силий старался ничем не выдать своих нежных отношений с той, которая возлежала рядом с императором.

Мессалина же ощущала себя настоящей повелительницей. Кто из этих людей хоть в чем-то может ей воспрепятствовать? Напротив, каждый из них наперебой

будет стремиться исполнить любое ее желание, каким бы оно ни было. Своего мужа, который был старше ее почти в три раза, она считала игрушкой в собственных руках. Мессалина запомнила выкрик одного грека в судебных прениях в адрес Клавдия: «А ты и старик и дурак!» Таким он и был в ее представлении. Следовало только не дать ему подпасть под чужое влияние. Пусть он путается с наложницами — Мессалина все равно превосходит любую из них своей страстью, и Клавдий безумно влюблен в нее. Конечно, ей неприятны его бескровные мокрые губы, трясущаяся голова, подгибающиеся колени — но волею судеб он теперь император. Разве могла мечтать Мессалина о такой высоте, когда ее, едва достигшую брачного возраста, выдавали замуж за этого старика, служившего посмешищем всего двора императора Гая Калигулы? Что толку было от его знатности (Клавдий приходился внучатым племянником Октавиану Августу), когда при Калигуле его заставили заплатить восемь миллионов сестерциев за жреческий сан, а это оказалось настолько непосильным для Клавдия, что его имущество было продано с торгов? Да и знатность рода самой Мессалины едва ли была меньшей — она приходилась правнучкой сестре Октавиана Августа. Не любовь к старому чудачку привела ее к этому неравному браку, а близкие отношения ее отца Мессалы Барбата с Клавдием. Это был уже третий брак Клавдия, до этого он развелся с двумя своими женами — ему надоели постоянные ссоры с Элией Петинной и откровенный разврат Плавтии Урганиллы, которая даже родила дочь от его вольноотпущенника Ботера. С юной и очаровательной Валерией Мессалиной он хотел обрести наконец покой и любовь в семье. И поначалу казалось, что надежды его сбываются.

Мессалина сильно переживала, когда при дворе Калигулы издевались над ее супругом. Бедному Клавдию особенно доставалось на обедах в императорском дворце. Когда он по своей привычке, насытившись, тихонько засыпал, шуты бросали в него косточками, а то и с силой хлестали заснувшего хлыстом, так что тот ошеломленно вскакивал и под хохот окружающих долго с глупым видом оглядывался, соображая, где же он находится и что произошло. При этом злые фигляры часто надевали на руки спящего Клавдия его же сандалии, и тот, подхватившись от внезапной побудки, тер ими свое заспанное лицо. На него постоянно сыпались доносы, и, вероятно, только репутация глупца, которую он сам, как рассказы-

вал позднее, всячески поддерживал, спасла ему жизнь. Оплакивая свою горестную судьбу, Мессалина все же, как могла, утешала своего незадачливого супруга. У них родилась прелестная девочка, названная Октавией; когда же Мессалина была на исходе второй беременности, произошло событие, круто изменившее жизнь супругов. Калигула был убит заговорщиками, и императором провозгласили Клавдия.

На двадцатый день правления Клавдия шестнадцатилетняя Мессалина родила ему наследника — Британника. Счастливым отец не раз выносил свое дитя на руках к народу, поднимал его над головой и вместе с толпой желал ребенку счастья.

Между тем Мессалина сочла, что пробил ее звездный час. Клавдий, долгие годы фактически отстраненный от государственных дел, так и не сумел полностью отдаться своему новому предназначению. По-прежнему он много времени уделял ученым занятиям. Настоящей его страстью была история. Клавдий написал в двух книгах историю Рима — от убийства Цезаря до установления гражданского мира, а более поздним событиям посвятил сорок одну книгу своей «Истории». Немало потрудился Клавдий над своей биографией, изложив ее в восьми книгах. Высокие отзывы получило его сочинение в защиту Цицерона. Плодом его филологических изысканий стало введение в латинский алфавит трех новых букв.

Много времени Клавдий отдавал судебным разбирательствам, причем своими действиями нередко шокировал присутствующих — одним из результатов этого и была та самая, оскорбительная, реплика какого-то грека.

Фактически страной и Клавдием правили Мессалина и клика могущественных императорских вольноотпущенников. Постоянно рядом с Клавдием был Полибий, советник по ученым делам. Финансами управлял Паллант, сколотивший на этом деле огромное состояние. Важную роль играл и вольноотпущенник Каллист, о котором в одном из своих писем к Луцилию весьма едко отозвался философ Сенека, сообщивший, что наблюдал гнусную сцену, когда бывший хозяин этого всемогущего временщика, некогда продавший его в числе самых негодных рабов, униженно простояв много часов у порога дома Каллиста, так и не был допущен к нему. Но особым расположением Клавдия пользовался Нарцисс, советник императора по делам прошений, также обладавший колоссальными богатствами.

И Паллант, и Каллист, и Нарцисс стали любовниками Мессалины. Молодая супруга нового императора предалась безудержному разврату. Мало кто отказывался от ее непристойных предложений, слишком велика была ее роль на вершинах власти, ненависть же и ревность Мессалины были ужасны. Повод к ее гневу мог быть совершенно неожиданным, а расправа жестокой. В Риме долго помнили, как она поступила с Валерием Азиатиком, который дважды избирался консулом, отличился в походе в Британию, да к тому же был близким другом самого Клавдия.

Причиной для расправы послужили два обстоятельства. Во-первых, Азиатик был когда-то любовником негодной Мессалине Поппеи Сабины (матери одной из будущих жен Нерона), а, во-вторых, супруга императора позарилась на роскошные сады Лукулла, принадлежавшие ему. По ее распоряжению Публий Суиллий и Сосибий оклеветали этого невинного человека, внушив Клавдию, что Азиатик готовит мятеж против него. Ничего не подозревавший Азиатик по приказу Клавдия был немедленно арестован и в цепях доставлен в Рим для разбирательства. Никакого суда не было — обвинителей и обвиняемого слушали лишь императорская чета и их приближенные. Защитительная речь Азиатика заставила разрыдаться даже Мессалину. Но тут же она потребовала его смерти, а к его бывшей любовнице послала своих людей, чтобы те заставили Поппею Сабину совершить самоубийство. Несчастливая женщина наложила на себя руки, причем Клавдий даже ничего об этом не знал. Страх перед всевластием Мессалины был таков, что, когда затем император поинтересовался у Сципиона, мужа Поппеи Сабины, почему отсутствует уже несколько дней его супруга, тот ответил, что она скончалась. Азиатика же было предложено самому выбрать вид смерти. С необычайным хладнокровием гордый римлянин сам выбрал себе место для погребального костра в своих садах, позаботившись, чтобы огонь не повредил деревья, а затем вскрыл себе вены.

Мессалина же продолжала неистовствовать. Многочисленные оргии чередовались с ее похождениями по грязным вертепам. Жажда любовных наслаждений захватила ее целиком. Что это было? Особенности физиологии ее организма, как пытались объяснить еще древние авторы? В медицине со временем появился даже термин «мессалинизм» как обозначение безудержной

похоти. Но вряд ли дело сводилось лишь к этому.

Время Мессалины было временем невиданной до того в Риме распущенности и разнузданности среди его высших кругов, да и другие слои римского общества не отличались целомудрием. И пример тому подавали сами носители высшей власти. Еще Октавиан Август, издавший ряд строгих законов против разврата и пытавшийся представить себя образцом добродетели и скромности, в действительности сам отнюдь не следовал этим предписаниям. Он дважды разводился, третью свою жену Ливию он попросту отбил у ее мужа Тиберия Нерона, когда та была уже на шестом месяце беременности. У Октавиана было множество любовниц, как девушек, так и замужних женщин, которых подыскивали ему друзья. К старости он стал особенно увлекаться молодыми девушками, их поставляла ему сама супруга. Довольно быстро пошли по его стопам дочь Юлия и внучка, носившая то же имя. Несмотря на строгое воспитание, обе они прославились такими скандальными похождениями, что были отправлены в ссылку под строжайший надзор.

При императоре Тиберии появились новые законы против распутства женщин, а после того, как одна из знатных замужних женщин публично призналась, что занимается проституцией, был издан указ о запрещении этой древнейшей профессии для женщин из всаднического сословия. Но, пытаясь исправить общественные нравы, Тиберий тем не менее не считал самого себя связанным строгими моральными нормами. Он мог, например, клеймить позором в сенате кого-либо из запятнавших себя развратом, а через несколько дней отправиться на обед к Цестию Галлу и требовать, чтобы все было там как прежде — невиданная роскошь, прислуживающие голые девушки и тому подобное. Затворившись на вилле на острове Капри, Тиберий предавался безудержному разврату — там разыгрывались самые непристойные оргии, в рощах юноши и девушки изображали из себя фавнов и нимф. Своими любовницами он заставлял быть самых знатных женщин. Тех же, кто при этом не выказывал ему требуемых симпатий, подвергал репрессиям. Долго в Риме говорили о его расправе над Маллонией, однажды растлив которую Тиберий отдал за ее последующее упорство под суд. На суде опозоренная женщина обозвала императора волосатым и вонючим стариком с похабной пастью, а вернувшись домой, заколола себя кинжалом. Но особенно пагубной была

страсть престарелого Тиберия к юношам — их разыскивали и силой доставляли к нему на Капри императорские рабы.

Подобный порок был присущ и Калигуле, а о его связи с актером Мнестером знал весь Рим — Калигула, не стесняясь, публично целовал своего друга даже во время представлений. Двух своих жен он отнял у их прежних мужей. Третью — Цезонию, бывшую уже в браке и родившую троих детей, он объявил своей супругой в тот день, когда она родила ему дочь. Безумная страсть к Цезонии не мешала тем не менее Калигуле показывать ее голой друзьям. Свои же кровосмесительные связи с сестрами он даже не пытался скрывать. Это Калигуле принадлежала идея открыть на Палатине публичный дом с проститутками обоих полов, доходы от которого поступали императору...

Так что же выделяло Мессалину из этого гнусного ряда? Разве только то, что подобного рода дела творила женщина. Безудержная похоть сочеталась в ней с необычайной для слабого пола жестокостью — по ее прихоти совершались многочисленные казни. А уж коварство ее не знало границ. Она была полной противоположностью своей прабабки Октавии Младшей, которую за ее добродетель Плутарх называл «настоящим чудом среди женщин»...

Последняя страсть Мессалины оказалась для нее роковой. До этого времени самые дерзкие ее проделки оставались тайной для беспечного Клавдия. Похождения жены его словно не интересовали. Как-то во время смотра всадников император слегка пожурил одного юношу, снискавшего дурную славу распутника, добавив при этом: «Зачем мне знать, кто твоя любовница?» Действовал ли он по этому принципу и по отношению к своей жене — можно только предполагать. Во всяком случае Мессалине приходилось предпринимать лишь минимальные меры предосторожности, чтобы не предстать перед глазами супруга такой, какой она была на самом деле. То ли вера в полную беспечность Клавдия, то ли убеждение в собственном всемогуществе толкнули ее на авантюру, еще невиданную в Риме. Мессалина согласилась на уговоры Гая Силия стать его женой, хотя поначалу она была глуха к рассуждениям своего любовника о том, что их пылкая любовь должна завершиться брачным союзом и не следует ждать, когда Клавдий скончается от старости. Вероятно, Мессалина первое время опасалась, что, до-

стигнув вершины власти, этот красавец может покинуть ее. Но затем буйная натура, испытывавшая все мыслимые пороки, заглушила доводы разума — вступление в новый брак при живом еще муже привлекло Мессалину своей неслыханной дерзостью.

Все было подготовлено заранее к заключению этого союза, попиравшего всякие основы права и морали. И когда Клавдий отправился совершать традиционные жертвоприношения в близлежащую приморскую Остию, Мессалина и Гай Силий приступили к осуществлению своего плана. Брак был заключен торжественно, со свидетелями, которые делали вид, будто не знают о том, что новобрачная — жена другого человека. На брачном пиру среди множества гостей Силий и Мессалина возлежали рядом, часто сплетаясь в страстных объятиях. На глазах присутствующих в саду было постлано брачное ложе, на котором новоявленные супруги провели брачную ночь...

Клавдий задерживался в Остии, а тем временем двумужняя Мессалина устроила в императорском дворце очередную оргию в виде представления, посвященного осеннему сбору винограда. Прямо во дворец притащили давилни, в которых выжимали виноград, и огромные чаны. Вокруг плясали одетые в звериные шкуры женщины, изображавшие вакханок, хор пел непристойные песни. Среди беснующейся толпы на высоких сапогах-котурнах возвышались Мессалина и Гай Силий. Мессалина с распущенными волосами размахивала в такт пению «жезлом Диониса» — палкой, увитой плющом и листьями винограда, а ее новый супруг, весь обвитый плющом, исступленно закидывал голову. В разгар этой вакханалии один из любовников Мессалины, Веттий Валент, залез на верхушку высокого дерева и на шутливый вопрос, что видно со стороны Остии, ответил, что оттуда надвигается страшная гроза. Всеобщий хохот был ему ответом...

А гроза действительно надвигалась. В разгар свадебного веселья Мессалина не обратила внимания на исчезновение Нарцисса. Между тем тот был уже в Остии.

Вначале казалось, что расчеты Мессалины оправдались. Ее брак с Гаем Силием вызвал смятение среди придворных. Понимая, что это переворот, направленный на устранение Клавдия, они в разговорах между собой осуждали наглый поступок Мессалины. Однако одно дело разговоры и совсем другое — действия. Как посту-

пить? Любой неверный шаг — и последует жестокая расправа либо со стороны торжествующей Мессалины, либо — опозоренного Клавдия. Когда три могущественных вольноотпущенника спешно собрались на совет, то они долго не могли найти решения. Вначале Нарцисс, Каллист и Паллант посчитали, что следует припугнуть Мессалину и заставить ее порвать с Гаем Силием, сделав вид, что ничего не произошло. Но брак был совершен открыто, свидетелей было слишком много. Любая огласка в таком случае могла повлечь за собой конец Мессалины, а они были участниками многих из ее козней и, наконец, ее любовниками. Страх словно сковал Палланта и Каллиста, лишь Нарцисс сохранил твердость и прищущую ему изворотливость.

Он прибыл к Клавдию с двумя самыми любимыми наложницами императора. По его распоряжению они, одна за другой, ошеломили Клавдия известием, что его супруга вышла замуж за Гая Силия. Опешивший император потребовал объяснений от Нарцисса. Тот подтвердил сообщение наложниц и заодно рассказал Клавдию о прежних многочисленных супружеских изменах Мессалины. Нарцисс настоятельно требовал от императора немедленных действий. То же самое советовали собранные Нарциссом самые влиятельные люди из окружения Клавдия. Выход был один — отправляться в лагерь к преторианцам* и с их помощью предотвратить переворот. Но, как это обычно бывало с нерешительным Клавдием в минуты опасности, он впал в полную растерянность и панику, поминутно спрашивая присутствующих, является ли он еще императором. Видя беспомощность императора, Нарцисс взял главную роль на себя. Опасаясь ненадежности командира преторианцев, он добился подчинения гвардии себе. В императорскую повозку он сел сам, дабы не дать императору подпасть под влияние возможных козней Мессалины и лавировавших между нею и Клавдием Луция Вителлия и Цецины Ларга. По приказу Нарцисса в Рим отправились офицеры и солдаты для ареста участников злополучных брачных торжеств. Императорский кортеж еще не тронулся из Остии, а этот приказ был уже выполнен.

Испуганной Мессалине оставалось теперь надеяться только на свои женские чары и отцовские чувства Клавдия. У въезда в Рим разгневанного отца должны были

* Преторианцы — императорская гвардия.

ждать его дети — Октавия и Британник, однако Нарцисс не допустил этого. Сама же Мессалина, всем своим видом изображая раскаяние, выехала навстречу обманутому супругу в телеге, на которой вывозили мусор.

Униженно умоляла Мессалина Клавдия выслушать мать его детей. Но суровый Нарцисс не дал ей возможности растопить жалостью сердце растерянного императора. Он обрушился с грозными обвинениями на блудницу, а Клавдию вручил длинный перечень ее прелюбодеяний, конечно исключив оттуда себя, а также Каллиста и Палланта. Даже старейшая из весталок, поддавшаяся просьбам Мессалины, не смогла уговорить императора смягчить его гнев.

Клавдий хранил полное молчание, но в душе его бо-ролись гнев на неверную жену и жалость к маленьким детям. Но первое из этих чувств окончательно взяло верх, когда расчетливый Нарцисс ввел императора в дом Гая Силия. При виде своих рабов и утвари из императорского дворца Клавдий пришел в ярость. Тотчас Нарцисс доставил его к преторианцам, и нескольких слов смущенного и обманутого супруга хватило для того, чтобы верные императору преторианцы потребовали немедленного суда над преступниками. Суд был скорым. Гай Силий, державшийся твердо, потребовал лишь ускорить казнь. Тут же было казнено еще 10 человек — любовников Мессалины и их сообщников. Не пожалели и Травла Монтана, отвергнутого Мессалиной. На этом суде завершилась жизнь знаменитого мима Мнестера. Он отчаянно кричал, что сам Клавдий приказал ему выполнять любые повеления Мессалины, и он делил с ней ложе, только исходя из этого приказа, а не надеясь на возвышение, как другие. Император хотел уже помиловать этого любимца публики, но вольноотпущенники отговорили его — коль казнено было столько знатных людей, то следует ли прощать какого-то актеришку. Однако двое из арестованных были все же пощажены — Суиллий Цезонин — из-за того, что в силу своих гомосексуальных наклонностей в оргиях, устраиваемых Мессалиной, не осквернял супругу императора, и Плавтий Латеран — из-за выдающихся заслуг своего дяди... Расправа над Мессалиной была отложена.

Она тем временем находилась в садах Лукулла, стоивших из-за ее происков жизни их прежнему хозяину Валерию Азиатiku. Ее еще не оставляла надежда спасти свою жизнь. Здесь со слезами и с припадками бешенства

она сочиняла оправдательные речи. И надежды разоблаченной блудницы могли оправдаться. Утолив свой гнев кровавой расправой и раздобрев от обильной трапезы, Клавдий согласился выслушать неверную супругу на следующий день. Нарцисс же был уверен, что этого делать нельзя. На свой страх и риск он отправил троих верных людей к Мессалине, приказав им убить ее, ибо такова, дескать, воля императора.

Прибывшие в сады Лукулла застали Мессалину вместе с ее матерью Лепидой. Обиженная дочерью мать пришла к ней в минуту смертельной опасности, чтобы поддержать обреченную. Со слезами она уговаривала Мессалину покончить с собой, не дожидаясь позорной казни. Эту ужасную сцену прервало появление посланцев Нарцисса. С площадной бранью они набросились на Мессалину. Несчастная схватила дрожащей рукой кинжал, приставляя его то к своему горлу, то к груди... Она знала, что это конец, но ее юная натура требовала жизни. И тогда трибун* пронзил Мессалину мечом...

Таков был конец этой женщины. Надписи с ее именем и ее великолепные статуи распорядились уничтожить...

* Трибун — высшая офицерская должность в Риме, командир подразделения в легионе.

Мать Нерона

Роды начались ночью. Стоны и крики Агриппины разносились по всему дому. В полумраке горящих свечей вокруг ложа роженицы суетились повитухи и рабыни. Их причудливо скользящие по стенам тени и приглушенные голоса создавали зловещее впечатление блуждающих душ в подземном Орке. Но вот забрезжил серый рассвет, небо на востоке стало розоветь, и наконец из-за горизонта стал всплывать багровый диск зимнего солнца. Лишь только первые лучи солнечного света достигли земли, раздался плач младенца. «Мальчик!» — радостно воскликнула повитуха. Вслушиваясь в тонкий голосок новорожденного, присутствовавшие воздали хвалу бо-жеству Ватикану, покровителю первого крика ребенка. Повитуха, подняв высоко на руках младенца, показала его матери. Обессиленная Агриппина вглядывалась в этот маленький пищащий комочек живой плоти. Мальчик яростно сучил ручками и ножками, розовое тельце его было в каких-то пятнах, редкие рыжие волосы на головке в низких лучах восходящего солнца казались золотыми.

«Настоящий Агенобарб», — подумала Агриппина. По родовому преданию ее мужа, когда-то божественные близнецы коснулись щек его дальнего предка, и от этого волосы на лице пращура стали медно-рыжими. Воспоминание о муже вызвало у нее прилив ненависти — этот распутник и скандалист принес ей немало горя...

Замуж за Гнея Домиция Агенобарба, снискавшего в Риме репутацию гнуснейшего человека, Агриппина была выдана по воле императора Тиберия. Много бед вытерпела дочь прославленного Германика от Тиберия. К счастью, ей не пришлось разделить печальную участь матери и двух старших братьев. Но Тиберий уже мертв, а на императорском престоле брат Агриппины Гай, прозванный Калигулой. Может быть, это изменит ее судьбу? Может быть, участь ее сына будет иной, чем у матери, и он восславит ее своими делами?..

Принимавший от друзей поздравления по случаю рождения наследника Домиций вдруг объявил, что от него и его супруги Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества. На восьмой день после родов, в положенный день очищения, Домиций поднял младенца с земли, официально принимая его таким образом в семью, и новорожденный получил имя. По просьбе Агриппины дать имя должен был император Калигула. В насмешку он предложил назвать ребенка именем своего дяди Клавдия, который был посмешищем всего двора и о котором в свое время его мать, желая кого-либо оскорбить, говорила: «глупей моего Клавдия». Мальчика все же называли Луцием, однако зловещая шутка сбылась через 13 лет, когда усыновленный уже императором Клавдием мальчик был принят в его род и получил имя Нерон. Пройдут еще годы, и сбудутся слова его отца: люди с содроганием и ужасом будут произносить это имя, а Нерон станет убийцей своей матери...

Но в тот день (восемнадцатый до январских календ*) 37 года н. э. в приморском городе Анции, неподалеку от Рима, когда у Агриппины и Домиция родился рыжеволосый мальчик, ничто не предвещало будущих бед. Даже античные историки, любившие находить всякого рода знамения и предзнаменования, на сей раз ничего о них не сообщают.

Измученная родами Агриппина набиралась сил. Вероятно, она была полна радужных надежд, ведь казалось,

* Календы — в римском календаре первые дни каждого месяца.

что с провозглашением ее брата императором злоключения уцелевших потомков Германика закончились.

Едва ли Агриппина помнила своего отца. Он умер от яда сирийского наместника, когда ей было всего четыре года. И вряд ли в ее памяти остались картины военных лагерей, где вместе с матерью, сопровождавшей отца в походах, прошло ее младенчество. Агриппина и родилась в военном лагере во время похода на германцев (позднее на месте этого лагеря будет основана в ее честь римская колония, ныне это город Кёльн). В юности она лишилась братьев Нерона и Друза, в ссылке покончила с собой ее мать. В живых из девяти детей Германика и Агриппины Старшей оставались лишь Гай Калигула и трое дочерей — сама Агриппина, Друзилла и Юлия Ливилла. Тиберий, который по распоряжению Октавиана Августа усыновил отца Агриппины Германика, став императором, сыграл пагубную роль в судьбах этой семьи. Уничтожив возможных претендентов на императорский трон из мужчин этого рода, за исключением Гая Калигулы, который ничем не выдавал обуреваемых его чувств даже после расправы с братьями и матерью, Тиберий позаботился и о судьбе своих внуков, подыскав им мужей. Для Друзиллы и Юлии выбор оказался удачным: первая была выдана за обходительного Луция Кассия, происходившего хотя и из плебейского, но древнего и заслуженного рода, вторая вышла замуж за мягкого характером Марка Виниция, дед и отец которого были консулами при Октавиане Августе. Эти свадьбы состоялись в 33 году н. э.

Агриппине же достался Гней Домиций Агенобарб из знатного senatorского рода, внук Марка Антония и сестры Августа Октавии. Как старшая из сестер она была выдана замуж раньше — в 28 году н. э. Агриппине было тогда всего 13 лет, по римскому законодательству минимальный брачный возраст для девушек был определен в 12 лет. Свадьба праздновалась вначале на острове Капри (где за год до этого обосновался император Тиберий), затем в Риме. С грустью рассталась девочка со своими детскими игрушками, принеся их, так же как и свою прежнюю одежду, в жертву богам. Рабыни одели ее во все белое и завязали пояс «узлом Геркулеса». С большой тщательностью была сделана особая прическа новобрачной, которую разрешалось носить только весталкам — разделенные на шесть прядей волосы с вплетенными нитями были уложены под свадебный венок из цветов.

Никто не видел, какие чувства охватили Агриппину, когда распорядительница свадьбы соединила ее правую руку с рукой Гнея Домиция, — лицо невесты, как того требовал обычай, было закрыто коротким красным, «огненным», как его называли в Риме, покрывалом. Когда же после пира наступили проводы новобрачной в дом супруга, Агриппина с плачем бросилась на грудь матери. Ее пытались оторвать силой, но, рыдая, девочка крепко цеплялась за мать, и не потому, что это полагалось по обычаю — с ужасом она представляла свою будущую жизнь без матери, сестер, братьев с этим самодовольно улыбающимся рыжеволосым мужчиной. Агриппина Старшая ласково ее увещевала. Конечно, в присутствии императора она не могла сказать дочери, что так той будет лучше — хоть одна из ее дочерей сможет вырваться из этой порочной жизни императорского двора, в котором кольцо интриг все теснее сжималось вокруг вдовы и детей Германика. Наконец, после уговоров матери и распорядительницы свадьбы Агриппину удалось оторвать от материнской груди. Предстоял путь в Рим. Там по распоряжению императора свадебные торжества были продолжены с особой пышностью.

Девять лет длился этот брак. В 32 году Гнея Домиция избрали консулом (следовательно, если исходить из римских законов, ему уже минуло тогда 43 года). И хотя он был близок к императорскому двору, его, однако, изгнали из ближайшего окружения после очередной скандальной выходки, когда, сопровождая молодого Каллигулу в его поездке по Востоку, он убил своего вольноотпущенника за то, что тот не смог выпить столько вина, сколько ему было приказано.

О самодурстве Гнея Домиция говорили много: однажды он нарочно направил своих коней на мальчику на одной из дорог близ Рима и задавил его, на форуме в Риме в перебранке с каким-то всадником внезапным ударом выбил у того глаз... Рассказывали о его непомерной жадности — он даже отказывался платить за собственные покупки. Жена, очевидно, не привлекала Гнея Домиция своими любовными ласками, и в поисках острых ощущений он искал других женщин, нередко самой дурной репутации.

Одна из таких связей едва не закончилась для него трагически. В самом конце правления Тиберия началось следствие по доносу об оскорблении императора римской вдовой Альбуциллой, которая была известна,

прежде всего, своим безудержным развратом. В сеть обвинения попали и ее многочисленные любовники, среди которых было немало представителей знати. Был среди них и Гней Домиций. Рабы под пытками выдали массу компрометирующих сведений. Альбуцилла пыталась покончить с собой, но рана ее оказалась несмертельной, и распутница, посягнувшая на достоинство императора, оказалась в темнице. Ее любовники, хорошо знакомые между собой не только по оргиям, лихорадочно искали выход из смертельной опасности. Не всем это удалось, двое сенаторов были исключены из своего сословия, кое-кто был отправлен в ссылку, а престарелый (ему было более 70 лет) Луций Аррунций, объявив, что его не спасет даже смена императора, вскрыл себе вены. Спаслись лишь двое — Вибий Марс, заявивший, что он собирается умерить себя голодом, и Гней Домиций, попросивший отсрочки под предлогом того, что он готовит большую речь в свою защиту. Это позволило им выиграть драгоценное время — Тиберий скончался.

Доходили до Агриппины и слухи о том, что ее муж имел кровосмесительную связь с собственной сестрой Лепидой.

Вполне понятно, что уже одни эти скандальные похождения Гнея Домиция не могли не породить неприязнь и острые конфликты между супругами.

За рождением ребенка, сопровождавшимся столь зловещим пророчеством отца, вскоре последовала кончина Гнея Домиция — в марте 38 года Агриппина осталась вдовой.

Между тем уже год императором был ее старший брат Гай. Маленьким он рос среди воинов, и родители распорядились сшить ему одежду солдата. Солдаты любили худенького сына своего прославленного полководца. От этих суровых людей Гай и получил прозвище Калигула («Сапожок») за свою умильно крошечную обувь. Отец его оставил о себе славную память, и когда Калигула стал наследником умершего Тиберия, то на пути в Рим, несмотря на траур, восторженная толпа приветствовала его, называя то «куколкой», то «светиком», то «дитятком». Однако 25-летний Калигула был уже не тем милым малышом, каким его помнили ветераны Германика. Он пережил ссылку и смерть матери, воспитывался затем у прабабки и бабушки. В девятнадцать лет Калигулу вызвал к себе на Капри Тиберий. К этому времени в ссылке умерла мать Гая, отказавшись при-

нимать пищу; на Понтийских островах уморили голодом его брата Нерона Цезаря, а в 33 году скончался от голода другой его брат Друз Цезарь (несчастному не давали пищи, так что он вынужден был есть набивку своего тюфяка). Попытки Тиберия вызвать у Калигулы хоть какое-то малейшее проявление чувства мести ни к чему не привели — Гай научился владеть собой. Правда, позднее Калигула рассказывал, что однажды он пробрался с кинжалом в спальню Тиберия, но внезапная жалость к спящему старику не позволила ему отомстить за поругание семьи. Калигула прошел при дворе каприйского затворника настоящую школу лицемерия и интриг. Именно его вместе с сыном Друза Тиберий в своем завещании назвал наследниками.

Впрочем, рассказывали, что Калигула все же отомстил Тиберию. Будучи в стоворе с Макроном, командиром преторианцев, он отравил ненавистного ему старика. Когда же тот на смертном ложе подал признаки жизни, Калигула, набросив на голову Тиберия подушку, задушил его. Хотя, скорее всего, более правдоподобна версия, изложенная Тацитом, по которой умиравший от старости Тиберий (а было ему 78 лет) после поздравлений Калигуле как новому императору вдруг подал признаки жизни, и тогда, отправив перепуганного Калигулу из спальни, Макрон приказал задушить упорно цеплявшегося за жизнь престарелого правителя Рима.

Став императором, Калигула на волне популярности отстранил от власти своего сонаследника, а затем и казнил его. Народ ликовал; при торжествах по случаю провозглашения сына Германика императором было принесено в жертву богам более 160 тысяч жертвенных животных.

Пышно похоронив Тиберия, о котором он сам произнес похвальную речь, Калигула прежде всего позаботился о почестях своим погибшим матери и братьям. Он сам в бурю отплыл на остров Пандатерия, где погибла его мать, и на Понтийские острова. Своими руками он положил в урны останки матери и брата и доставил их в Рим, где они были торжественно установлены в мавзолее. В честь отца Калигула переименовал месяц сентябрь в германик. Он позаботился и о почестях своим сестрам, приказав в каждой клятве восхвалять их, а к консульским предложениям добавлять пожелания счастья и удачи себе и своим сестрам.

Калигула в начале своего правления отменил многие

из непопулярных мер Тиберия. Осужденные при Тиберии были им помилованы, следствие по прежним доносам было прекращено. Все документы обвинения его матери и братьев Калигула самолично сжег на форуме. Он объявил, что не будет вмешиваться в судебные дела и восстановит народные собрания с правом выбора должностных лиц. В отличие от скряги Тиберия Калигула устраивал щедрые раздачи денег плебсу, пышные и длительные зрелища, причем не только в Риме, но и в провинциях. Он буквально разбрасывался подарками, особенно поразив римлян наградой в 800 тысяч сестерциев некоей вольноотпущеннице за ее стойкость, когда та под пытками не выдала преступления своего патрона. Словно вопреки Тиберию Калигула развернул бурную строительную деятельность. Однако средства быстро истощились, и уже через год от почти трехмиллиардного наследства Тиберия не осталось ровным счетом ничего.

И вот тогда римляне увидели другой облик Калигулы — алчного, самовластного деспота, жестокостью намного превзошедшего своего предшественника. Было введено множество новых налогов, а когда у него родилась дочь, он потребовал от римлян денежных даров и без зазрения совести на пороге своего дворца ловил сыпавшиеся на него монеты, а потом радостно катался по засыпанному золотом полу. Калигула нашел новый, чудовищный по своему цинизму источник доходов — требовал, чтобы состоятельные люди указывали в своих завещаниях его сонаследником, а затем казнил их по ложному обвинению. Жестокость его была поистине садистской. Светоний, например, сообщает, что «отцов он заставлял присутствовать при казни сыновей; за одним из них он послал носилки, когда тот попробовал уклониться по нездоровью; другого он тотчас после зрелища казни пригласил к столу и всяческими любезностями принуждал шутить и веселиться». За то, что они не клялись именем его гения, Калигула многих сенаторов и всадников отправил на каторжные работы в рудники, приказав держать их на четвереньках в звериных клетках. Некоторых узников заживо перепиливали пилой. Когда поднялись цены на скот и не хватило средств на откорм диких зверей для зрелищ, Калигула приказал кормить их людьми, содержащимися в заключении.

Рухнул в глазах римлян и образ Калигулы как борца с распущенностью. Ведь одним из первых его дел было изгнание спинтриев — развратных девиц и юношей, ко-

торых собрал у себя сладострастный Тиберий и заставлял их наперебой совокупляться перед ним по трое. Калигула даже сожалел, что его отговорили утопить это отродье в море. Однако мало кто тогда знал, что еще в отрочестве Калигула растлил собственную сестру Друзиллу. Пожалуй, в курсе дела была только его бабка Антония, застигнувшая их однажды в разгар кровосмесительных утех. Став императором, Калигула принудил к сожителству и остальных своих сестер. Причем он не пытался даже скрывать это. На пирах законная жена и сестры возлежали на ложе возле него. А что могла испытывать Агриппина, когда во время званого обеда Калигула выходил из комнаты и вызывал к себе приглянувшуюся ему женщину, пришедшую с мужем, а возвратившись через некоторое время, громко рассказывал о достоинствах и недостатках ее тела и способностях в любовном искусстве?

Но и это был не предел мерзостей Калигулы. Его самой горячей страстью была сестра Друзилла, отнятая им у мужа. Смерть ее потрясла Калигулу. В страшном горе он стремительно на конях и корабле достиг Сицилии и обросший, с безумными глазами так же быстро вернулся в Рим. За малейшее нарушение траура по Друзилле Калигула установил смерть. Агриппина и Юлия не смогли утолить его печаль по Друзилле. Нередко Калигула отдавал их на забаву своим друзьям. И тем не менее вскоре обе они были осуждены им за разврат и мнимый заговор против него.

Со страхом сестры ожидали самого худшего, вспоминая мрачную шутку венценосного брата, который всякий раз, целуя в шею свою любовницу, шептал: «Такая хорошая шея, а прикажи я — и она слетит с плеч!» Агриппина и Юлия были сосланы на Понтийские острова. Алчный Калигула распродал все их имущество, рабов, продал даже вольноотпущенников.

Тем временем многие римляне, в ужасе от поступков своего императора, все более убеждались, что ими правит сумасшедший человек. «Сапожок», «куколка», «дитяtko» оказался опасным безумцем. Стало известно, что в детстве Калигула страдал эпилепсией. Он не мог спать более трех часов, его мучили кошмарные видения, и он большую часть ночи бродил по дворцу. Станные разговоры с самим собой Калигула объяснял тем, что беседует с Юпитером. Но особенно потрясены были римляне, когда император приказал привезти из Греции самые известные

статви богов и по его приказу всем им отбили головы, заменив скульптурным изображением его головы. Не раз Калигула появлялся перед публикой в облачении и с атрибутами богов, даже Венеры. Своего любимого коня по кличке Быстроногий он намеревался провозгласить консулом. Шокировало римлян и то, что император сам выступал гладиатором, возницей, актером.

Недолго длилось правление Калигулы: не истек еще четвертый год, когда после завершения очередного представления Палатинских игр в подземном переходе к дворцу раздался крик трибуна преторианцев Кассия Хереи: «Получай свое!» — и обернувшийся на возглас император получил удар мечом в лицо. Когда упавший Калигула закричал, что он жив, заговорщики обрушили на него град ударов.

Похороны ненавистного императора были такими, каких он заслужил, по мнению римлян. Изуродованное тело Калигулы в спешке сожгли лишь наполовину и засыпали землей.

При убийстве Калигулы присутствовал его ничего не подозревавший дядя Клавдий. В испуге он бросился в соседнюю галерею и спрятался за занавесью. Торчавшие из-под нее ноги увидел какой-то пробежавший преторианец и вытащил из-за этого укрытия едва живого от страха Клавдия. Но воин неожиданно бросился к его ногам, назвал императором и повел к своим товарищам. Ослабевшего от переживаний Клавдия гвардейцы посадили на носилки и доставили в лагерь. На следующий день преторианцы принесли ему присягу как императору, и сенат вынужден был признать это решение.

Клавдий приходился младшим братом Германику, отцу Агриппины. Одним из первых его дел в качестве императора (хотя, как сообщает Светоний, этот предлагаемый ему титул он отклонил) было воздание почестей умершим родственникам. В честь родителей Клавдия были устроены всеобщие поминальные жертвоприношения, не обошли вниманием и его брата. Из ссылки были возвращены его племянницы.

Антония и Юлия, вернувшись в Рим, позаботились об останках своего незадачливого брата Гая. Полуобгоревший труп Калигулы вырыли, сожгли и похоронили подобающим образом. У погребального костра сестры, глядя на бушующий столб пламени, пожиравшего останки того, от которого они вытерпели столько мерзостей и лишений, старались не думать о злых делах несчастного че-

ловека, лишённого богами разума. Несмотря ни на что он оставался для них братом...

И снова дочери Германика окунулись в атмосферу римской жизни. Рим был удивительным городом, средоточием политической, экономической и культурной жизни империи. Спустя два десятилетия его посетит палестинский иудей Иосиф бен Маттафия (прославившийся затем своими историческими сочинениями под именем Иосифа Флавия) и будет потрясен и очарован красотой и величием Вечного города, его шедеврами искусства, роскошью дворцов, разнообразными и многолюдными зрелищами, речами философов, мудростью политиков. И он воскликнет: «И если тебя кто-либо спросит, где твое счастье, где твой Бог, ответь: в большом городе Риме». Но если Иосиф лишь слегка соприкоснулся с механизмом решения государственных дел через сети придворных интриг, то Агриппине и Юлии было прекрасно известно, как при императорском дворе вершатся дела; они хорошо знали, какие головокружительные взлеты и страшные падения таят в себе расчеты и надежды императорского окружения.

Сестры первое время держались вдалеке от этой атмосферы лести и коварства двора своего дяди. Тем более, что наступил звездный час неистовой Мессалины, не терпевшей никаких посягательств на умаление своей роли всевластной супруги Клавдия. Впрочем, Юлии и не удалось подняться до прежней роли императорской фаворитки — она была уличена в любовной связи с известным оратором, будущим великим философом Луцием Аннеем Сенекой. Любовника императорской племянницы сослали на Корсику. А сама Юлия была предана смерти, пав жертвой придворных интриг Мессалины.

Агриппина же ушла в заботы о своем единственном сыне.

Мальчику, оставшемуся без родителей, пришлось жить в доме своей тетки, сестры отца Лепиды. Наследство, доставшееся от отца, отобрал алчный Калигула. Тетка мало заботилась о воспитании племянника, этим было поручено заниматься приставленным к нему двум дядькам, танцовщику и цирюльнику. Вероятно, в поисках необходимых средств для жизни и воспитания сына Агриппина, вернувшись из ссылки, вступила в брак с оратором Пассиеном Криспом, который еще при Тиберии, распознав притворство перед императором Калигулы, произнес свою крылатую фразу: «Никогда не

бывало ни лучшего раба, ни худшего господина». Брак оказался коротким (ходили слухи, что Агриппина отравила мужа), но он дал Агриппине и ее сыну немалое наследство. Впрочем, и по распоряжению Клавдия им была возвращена причитавшаяся доля наследства Гнея Домиция.

Мессалина не скрывала своей враждебности к Агриппине. Уверенная в прочности своего положения, которое гарантировали ее юная красота и любовные чары, а также то, что она подарила императору наследника Британника (тогда единственного*), она не считала Агриппину серьезной соперницей. Один эпизод едва не стал роковым для Агриппины и ее сына. Луций Домиций (будущий Нерон) вместе с Британником и другими подростками из знатных семей принял участие в конных состязаниях, бывших главным действием Секулярных игр наряду с жертвоприношениями богам подземного царства. Такие игры устраивались в Риме раз в 100 лет, дата их проведения связывалась с датой основания Рима. Правда, после игр 149 года до н. э. хронологический порядок был нарушен — следующие игры Октавиан Август устроил в 17 году до н. э. Клавдий же, заявив, что дата их проведения была установлена неточно, объявил о проведении Секулярных игр в 47 году н. э. Это вызвало немало шуток и насмешек у римлян, которым по традиции внушали, что такое зрелище человек (да и то не всякий) может увидеть раз в жизни — хотя еще было немало живых свидетелей предыдущих игр. Как бы то ни было, игры прошли при большом скоплении народа. Скачки и потешные поединки (это называлось троянским представлением), в которых участвовал Луций Домиций, вызвали восторг у публики, выказавшей особое расположение к сыну Германика. Это навлекло гнев Мессалины, ходили слухи, что она даже подсылала в спальню к сыну Агриппины убийц, но покушение не удалось. Вероятно, и над Агриппиной нависла смертельная опасность, однако ей не дано было осуществиться — Мессалину охватила роковая страсть к Гаю Силию, принесшая ей смерть.

Кто знает, не тогда ли Агриппина обратилась к предсказателям с вопросом о будущей судьбе сына. Ответ был неожиданным: будет властвовать, но убьет мать.

* Другой сын Клавдия Друз (от первого брака) скончался еще в детстве, когда, играя, подбрасывал вверх грушу и ловил ее ртом, — груша глубоко засела у него в горле, и мальчик задохнулся.

Услышав это, Агриппина воскликнула: «Пусть умерщвляет, лишь бы властвовал!»

Казнь Мессалины изменила ситуацию при дворе императора. Снова на первый план выдвинулись могущественные вольноотпущенники: Нарцисс, сыгравший решающую роль в заговоре против Мессалины, Паллант, обладавший огромным состоянием в 300 миллионов сестерциев, и Каллист, чей апогей владычества приходился еще на время правления Калигулы и который был в числе заговорщиков, погубивших его (не благодаря ли ему, сделавшему ставку на Клавдия, тот и стал императором?). Именно они занялись поисками новой жены для 58-летнего Клавдия. Каждый из этой троицы предлагал свою кандидатуру, прекрасно понимая, что с помощью ставленницы он будет иметь неограниченное влияние на слабовольного императора, подчинявшегося прихотям каждой своей супруги. Нарцисс предлагал Клавдию снова взять в жены его первую супругу Элию Петину, родившую ему сына Друза и дочь Клавдию (которая, как был уверен сам Клавдий, была дочерью не его, а вольноотпущенника Ботера). Нарцисс уговаривал императора забыть его прежние ссоры с Петиной, уверяя, что общие с Клавдием дети принудят ее по-матерински относиться и к двум другим его детям от злосчастной Мессалины — Октавии и Британнику. Клавдий, казалось, соглашался, но тут же признавал правоту Каллиста, заверявшего его, что лучшей жены для него, чем дочь бывшего консула Марка Лоллия Лоллия Паулина, не найти. По словам Каллиста, Петина неизбежно возгордится уступкой императора и будет испытывать ревность к детям от Мессалины, а вот бездетная Лоллия сразу же заменит им родную мать. Но в дело вступал Паллант, и Клавдий уже верил, что его женой должна быть именно Агриппина, равная по знатности самому Клавдию, — она приведет с собой в императорскую семью внука любимого народом Германика. Да и, кроме того, Агриппина в расцвете сил — ей 33 года, она прошла большую школу искусства любви, а браком с Гнеем Домицием доказала свою плодovitость.

Клавдий долго колебался. И тогда Агриппина прибегла к женским чарам. «К женщинам страсть он питал безмерную», — сказал о Клавдии Светоний, не устоял он и перед соблазнами своей племянницы. То, чего трудно было достигнуть ее соперницам, Агриппина добилась легко — ведь она часто посещала Клавдия как близкая родствен-

ница. Уже тогда она предприняла энергичные меры для обеспечения будущего своего сына. Союз с Клавдием Агриппина решила подкрепить браком детей — ее Луция Домиция и Октавии, дочери императора от Мессалины. Однако здесь существовало серьезное препятствие — Октавия была уже обручена с Луцием Силаном, весьма известным в Риме молодым человеком, к тому же осыпанным благодеяниями Клавдия.

Но Агриппину это не остановило. Первая проба власти (хотя о ее связи и будущем браке с Клавдием ходили лишь слухи) оказалась для нее успешной. Цензор Вителлий, ранее ревностно выполнявший злокозненные прихоти Мессалины и сумевший увернуться от расправы, которая последовала за разоблачениями ее скандальных похждений, быстро уловил главные изменения в расстановке сил придворного окружения и сам предложил свои услуги новой восходящей фаворитке. Человек, в чьи обязанности входил контроль над нравственностью граждан, уже неоднократно в угоду власти имущим возводил лживые обвинения на неугодных им людей. Так было и в этот раз. Вителлий обвинил Силана в кровосмесительной связи с собственной сестрой. Пользуясь своими правами, он исключил оклеветанного жениха Октавии из сенаторского сословия. Обеспокоенный Клавдий немедленно объявил Силану, что брак его дочери с таким опозоренным человеком состояться не может. Оскорбленный и бессильный бороться с клеветой Силан вскоре покончил жизнь самоубийством. Для Вителлия это была очередная жертва его интриг, для Агриппины — первая в ее карьере императорской супруги, ибо самоубийство Луция Силана произошло в день ее свадьбы с Клавдием.

Правда, здесь не обошлось без серьезных препятствий. По римским законам брак дяди и племянницы считался кровосмесительным. Но ведь была известна старая латинская поговорка: «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку». И снова сыграл свою роль услужливый Вителлий. Он произнес пламенную речь перед сенатом, витиеватое содержание которой в своей сущности все же недалеко отходило от смысла известной поговорки (хотя в роли Юпитера в ней фигурировали императоры — Октавиан Август, отбивший уже беременную Ливию Друзиллу у ее первого супруга, и сам Клавдий, как олицетворение «истинной скромности»). После речи Вителлия сенаторы дружно потребовали брака Клавдия с Агриппи-

пиной; раздавались даже голоса, что если император будет колебаться, то его следует женить силой. Собравшаяся толпа также стала умолять Клавдия жениться на его племяннице. Дело было сделано — отныне такие браки не признавались кровосмесительными.

Свадебные торжества совпали с наступлением январских календ. На свадебном пиру Клавдий словно не замечал своей новой супруги — все его внимание было привлечено к многочисленным и изысканным кушаньям, которые он поглощал с невероятной жадностью. Вид его был отвратителен: Клавдий сладострастно чавкал, отрывивал в те редкие минуты, когда отрывался от пищи, не стесняясь, пускал ветры. Наконец вспотевший толстый император откинулся навзничь, широко раскрыв рот, — тут же прислуга сунула ему в рот птичье перо, дабы властитель смог опорожнить свой желудок. Кто знает, не тогда ли Агриппине пришла мысль отравить того, брака с кем она так упорно добивалась? Можно только догадываться, что испытывала она в брачную ночь в объятиях этого похотливого старика со слюнявым ртом, большим мокрым носом и трясущейся головой. Через 6 лет она избавится от опостылевшего ей супруга, но тогда, преодолевая отвращение, она отдавалась ему с притворной страстью и показным восхищением перед его мужественностью и красотой. Агриппина должна была заменить Клавдию неистовую Мессалину, и она добилась своего. Но последний жестокий урок, полученный соперницей, постоянно довлел над ней — необходим был образ целомудренной супруги, и она несла эту личину; ее внебрачные связи были продиктованы не поиском удовольствий, которых жаждала ее еще цветущая натура, а точными расчетами в сложной сети придворных интриг. Не жажда наслаждений, а безудержная жажда власти была путеводной звездой этой женщины.

Итак, первая цель была достигнута — Агриппина стала женой своего дяди-императора. Теперь следовало позаботиться о том, чтобы ее влияние на Клавдия стало безграничным. Этому мешало всевластие могущественных вольноотпущенников, занимавших важные должности в императорской администрации. Агриппина прекрасно изучила характер Клавдия с его нерешительностью, непостоянством, подверженностью чужому влиянию. Ее женских чар и твердой воли было недостаточно — супруг, убежденный ее аргументами, вскоре мог под внушениями того же Палланта или Нарцисса принять совершенно иное решение.

Своего благодетеля Палланта, так настойчиво добивавшегося ее брака с Клавдием, Агриппина нейтрализовала довольно оригинально — она стала его любовницей. Отныне эта пара была накрепко связана между собой — крах кого-либо из них легко мог через огласку их любовной связи «по расчету» привести к гибели другого. И пока был жив Клавдий, Паллант и Агриппина действовали с удивительным единодушием. Этот союз разрушился лишь тогда, когда императором стал Нерон — в борьбе за власть со своей матерью сын репрессировал многих ее сторонников, в том числе и Палланта. Впрочем, судьба Палланта была не такой уж печальной — перед своим отстранением от руководства финансами и изгнанием из императорского дворца богатейший вольноотпущенник добился от Нерона обещания, что его не будут преследовать за прошлые дела.

Главным же противником Агриппины стал Нарцисс. Их взаимная неприязнь, зародившаяся еще тогда, когда клика вольноотпущенников устраивала последний брак Клавдия и карта Нарцисса оказалась битой, все более обострялась. Первая серьезная атака Агриппины на этого ближайшего советника Клавдия была предпринята в связи с открытием водостока из Фуцинского озера. Руководил строительством канала Нарцисс. Это был настоящий римский «долгострой» — канал длиной в три мили рыли одиннадцать лет, хотя на строительстве работало тридцать тысяч человек. Завершение строительства было решено отметить с особой торжественностью. Перед открытием водостока на озере устроили грандиозное водное сражение. Друг против друга выстроились по двенадцать громадных кораблей, на которых находилось девятнадцать тысяч человек, приговоренных к смерти. Вдоль берегов на плотках расположили гвардейцев — для безопасности зрителей и для того, чтобы сражавшиеся не смогли убежать. На берегах, склонах окрестных холмов собралось огромное количество людей, жаждавших острых ощущений от редкостного зрелища. На самом удобном месте расположились Клавдий и Агриппина, не упустившая случая поразить народ роскошью своего одеяния, сотканного из золотых нитей.

И когда с кораблей грянуло многоголосое традиционное гладиаторское приветствие: «Здравствуй, император, идущие на смерть приветствуют тебя!» — случился конфуз. Клавдий вдруг ответил: «А может, и нет». Что означали эти слова, вероятно, мог ответить лишь сам им-

ператор. Но осужденные на смерть восприняли их как прощение — они застыли в ожидании. На кораблях никто не шевельнулся даже тогда, когда с помощью машины из воды был поднят словно горящий в лучах яркого солнца серебряный тритон и протрубил громкий сигнал, призывающий к началу сражения. Все замолкли в растерянности. Ковыляющей трусцой Клавдий подбежал к берегу и принялся уговаривать экипажи кораблей вступить в бой. Наконец над водой разнеслись команды, и корабли двинулись навстречу друг другу. Бой получился великолепным — сражавшиеся бились неистово, им нечего было терять, шанс же на собственную жизнь можно было обрести лишь ценой смерти других. Когда сражение завершилось, на поверхности озера расплылись огромные кровавые пятна. Немногим оставшимся победителям восхищенные зрители даровали жизнь.

Но главный конфуз был еще впереди — когда открыли плотину, оказалось, что вода едва поступает в канал. Подвели расчеты строителей. Взбешенный Клавдий приказал Нарциссу устранить ошибку.

Через некоторое время состоялось повторное открытие канала. Снова устроили пышное зрелище — на озере был сооружен помост, где сразились между собой многочисленные пешие гладиаторы. Заглаживавший свою вину Нарцисс для привлечения публики у самой плотины устроил обильное пиршество. И когда возбужденные зрелищем люди принялись за яства, все еще горячо обсуждая перипетии боев, плотина была открыта. Но и на сей раз строители ошиблись в расчетах — теперь они слишком углубили канал. Ринувшийся из озера ревущий поток принялся сметать все на своем пути, в том числе и пирующих. Едва не утонули и император с супругой. Ужас и паника охватили присутствующих. Теперь уже судьба Нарцисса висела на волоске. Каких только обвинений в его адрес не выслушал перепуганный Клавдий от разъяренной Агриппины. Но и Нарцисс не остался в долгу, парируя ее выпады своими обвинениями жены императора в небывалой распушенности и стремлении к непомерному властвованию. И Нарциссу удалось оправдаться.

Но кольцо козней Агриппины продолжало сжиматься вокруг него. Когда та решила расправиться с сестрой своего первого мужа Лепидой, у которой во время ссылки матери находился на попечении маленький Луций Домиций, Нарцисс сделал все, чтобы не допустить этой рас-

правы. Он прекрасно понимал, что суть происходившего заключалась в борьбе за влияние на будущего наследника — либо им будет безраздельно помыкать властная Агриппина, либо тот будет прислушиваться и к мнению вскормившей его тетки. Нарцисс проиграл — Клавдий поддержал обвинение против Лепиды в том, что она хотела известить Агриппину. Лепида была приговорена к смерти. Нарцисс впал в уныние — он не раз говорил своим друзьям, что жизнь его закончится при новом императоре. И в этом он оказался прав. Едва Нерон был провозглашен императором, как, по воле Агриппины, Нарцисса бросили в тюрьму, где в невыносимых условиях его ожидала скорая смерть.

Настойчиво и безжалостно Агриппина устраняла со своего пути к всевластию любого, кто мог хоть как-то помешать ей. Понимая, какую роль сыграли в приходе к власти Клавдия преторианцы, она добилась смещения подозрительных ей командиров гвардии и назначения главой преторианцев Афрания Бурра, который, по ее расчетам, должен был стать ее верным сторонником в благодарность за столь успешную карьеру. С особой силой ненависть Агриппины обрушилась на Лоллию Паулину — и в зените своего владычества Агриппина не могла простить этой женщине, что она претендовала вместе с ней на роль супруги императора. Лоллию ложно обвинили в общении с магами и в происках против брака императора. Клавдий, действовавший по наущению Агриппины, даже не выслушал обвиняемую. Лоллию осудили на изгнание, конфисковав почти все ее огромное состояние. Но Агриппине этого было мало — она заставила соперницу совершить самоубийство. По ложному же обвинению была осуждена на изгнание и знатная Кальпурния — этого добилась разъяренная Агриппина, узнав, что Клавдий мельком обронил фразу о красоте этой женщины.

Жестокость Агриппины сочеталась с алчностью. Ей, например, не давали покоя роскошные сады и богатство Статия Тавра. Чтобы завладеть всем этим, она снова пустила в ход ложные обвинения. Льстивые приближенные тут же объявили, что Тавр лихоимец и общается с магами. Опозоренный клеветой, тот покончил с собой. Правда, поплатился и главный обвинитель Тавра — сенаторы исключили клеветника из своего сословия. Агриппина на этот раз не смогла отстоять верного доносчика. Но преданного ей престарелого Вителлия она спасла от

осуждения. Когда последнего обвинили в сенате в посягательстве на власть и Клавдий поверил в обвинение, лишь заступничество Агриппины спасло этого человека-флюгера, всю свою долгую жизнь лавировавшего среди придворных интриг и раболепствовавшего перед очередной властной супругой императора (это он, когда Мессалина была в зените своего величия, попросил у польщенной властительницы собственноручно разуть ее и, сняв с ноги сандалию, стал носить ее на груди, постоянно и демонстративно целуя).

Понимая, что Клавдий не вечен, Агриппина с той же настойчивостью, с которой она расправлялась с противниками, добивалась признания своего сына наследником императора. Вскоре после самоубийства Силана сенат обратился к Клавдию с просьбой обручить его дочь Октавию с Луцием Домицием. Агриппина добилась возвращения из ссылки опального Сенеки, который стал воспитателем ее сына. В лице Сенеки Агриппина рассчитывала найти не только выдающегося наставника для единственного и лелеемого ребенка, но и верного себе человека. В 50 году связанный с Агриппиной Паллант уговорил Клавдия усыновить Луция Домиция. Сын Агриппины, перейдя в род Клавдиев, получил имя Нерон. Позднее люди будут содрогаться, слыша это имя, а христиане числом 666, означающим имя кровавого императора-насилльника, обозначат одно из апокалипсических чудовищ. Но тогда это был еще мальчик. Правда, уже сразу после усыновления он проявил свою натуру, принявшись обзывать родного сына Клавдия Британника незаконнорожденным. Когда же Британник назвал как-то Нерона Домицием, то Агриппина добилась своими горькими жалобами супругу, чтобы воспитатели Британника были осуждены на смерть или изгнание. Через четыре года Нерон дал ложные показания в поддержку обвинения против своей тетки Лепиды, той, что воспитывала его, когда он остался без родителей. В общем, юный Нерон достиг хороших успехов не только в науках, которым обучал его Сенека (им же затем и осужденный на смерть), но и в кознях, опутавших придворное окружение императора. В 13 лет (задолго до положенного 16-летнего возраста) Нерон был торжественно объявлен совершеннолетним. Через два года состоялась его свадьба с Октавией; этот выгодный для Нерона и его матери союз принес кроткой Октавии семь лет страданий и закончился ее убийством в изгнании.

Агриппина, казалось, достигла своего могущества. Она стремилась всячески его демонстрировать, появляясь с мужем даже там, где женщинам находиться не полагалось. На торжестве по случаю одной из крупных побед римлян в Британии она появилась перед строем войска в полном великолепии, и впервые жители Рима лицезрели, как побежденный чужеземный вождь, которому даровали жизнь, воздает хвалу не только императору, но и его жене. И уж вовсе неслыханным было то, что она отважилась прибыть на Капитолий в конной повозке, что испокон веку было лишь жреческой привилегией. Однако никто открыто не осмелился осуждать надменную Агриппину за эти дерзкие нарушения обычаев предков. Она добилась своего — ее восхваляли, почитали, она повелевала всеми. Ее боялись — даже доблестный полководец Веспасиан, овеянный славой побед в Германии и Британии, предпочел сладкой римской жизни скромную жизнь в уединении, настолько велик был страх перед гневом могущественной Агриппины из-за его дружбы с Нарциссом.

Между тем Клавдий, кажется, начал понимать, что он превратился в игрушку в руках своей властной жены. Он стал охотнее прислушиваться к доносам на нее, стал проявлять давно невиданную заботу о Британнике, назвав его однажды даже будущим императором. И когда он как-то в порыве откровенности посетовал, что все его жены были беспутными и все они понесли наказание, Агриппина решила прибегнуть к крайней мере — умертвить своего супруга. Был выбран яд — Клавдий нередко жаловался на сильные боли в желудке, доводившие порой до мысли о самоубийстве. Такая смерть могла вызвать меньше всего подозрений. Изготовление яда было поручено знаменитой отравительнице Локусте, находившейся в это время в тюрьме за свои преступления. К ее «услугам», кстати, прибег впоследствии и Нерон, за что Локуста получила свободу и богатство.

В один из последних сентябрьских дней яд был преподнесен Клавдию за трапезой в его любимом кушанье — белых грибах. Как всегда, тот жадно расправился с лакомством. Яд был изготовлен таким образом, что подействовал не мгновенно, а через несколько часов. Все попытки лекарей спасти больного оказались безуспешными: на рассвете Клавдий скончался. Несколько часов Агриппина лицемерно утешала потрясенных горем Британника, Октавию и Клавдию. Был здесь и другой рас-

чет — задержать Британника во дворце до тех пор, пока преторианцы провозгласят императором ее Нерона. Дождавшись наконец благоприятного, по поверьям, часа, Нерон в сопровождении Афрания Бурра появился перед преторианцами. Объявив им о кончине Клавдия, он пообещал гвардейцам огромные денежные подарки. Восторженные преторианцы провозгласили его императором. Сенату оставалось только признать это решение.

На похоронах Клавдия, обставленных с небывалой пышностью, Нерон выступил с трогательной речью, восхваляя своего отчима. Здесь было немало криводушия — Нерон затем не раз отзывался о Клавдии, как о слабом человеке, знал он и о том, что отчим умер от яда. Впрочем, лицемером был не только он — его похвальная надгробная речь была написана Сенекой, тем самым, который тут же сочинил полную желчи сатиру «Отыквление божественного Клавдия», в которой всячески издевался над деяниями ум ршего императора.

Для Агриппины наступил час торжества. Теперь ей уже не мешал непредсказуемый Клавдий, Нерону не исполнилось еще и 17 лет, и она отнюдь не собиралась считаться всерьез со своим сыном. Как только Нерон был объявлен императором, Агриппина немедленно принялась действовать. Последовали расправы с теми, кто препятствовал либо мог помешать ее всевластию. Именно тогда в тюрьме убили Нарцисса. По приказу Агриппины был отравлен на глазах пирующих проконсул Азии Юний Силан, брат оклеветанного ею Луция Силана, опасный тем, что он приходился правнуком Октавиану Августу. Кто знает, скольких еще неугодных людей уничтожила бы эта жестокая и мстительная женщина, если бы на пути ее заносчивого властолюбия не стали ближайшие советники молодого Нерона — Бурр и Сенека. Играя на самолюбии юного императора, они внушали ему, что Рим избрал именно его своим высшим правителем, а мать своими необдуманными и жестокими поступками лишь вредит его образу мудрого и справедливого вершителя.

Агриппина же поначалу словно не считалась с новой ролью Нерона. На правах матери, вынесшей столько тягот и совершившей столько противных человечности поступков ради достижения главной цели, она строго следила за всеми поступками Нерона, требовала от него постоянных отчетов, давала строгие наставления. Заносчивость Агриппины не знала границ. После того как сенат отменил ряд указов Клавдия, по ее требованию во дворце,

где сенаторы обсуждали эти решения, за спинками их кресел был устроен занавес, за которым мать императора могла слышать их речи. При приеме армянских послов она внезапно направилась к возвышению, где располагался император, чтобы воссесть рядом с ним. Ситуацию спас Сенека, предложивший Нерону сойти на встречу Агриппине и не дать ей, таким образом, вызывающе нарушить принятый этикет.

«Лучшая мать» (такой пароль дал Нерон своим телохранителям в первый день своего правления) устроила сыну бурную сцену, когда узнала об увлечении императора вольноотпущенницей Акте. Сенека же, хорошо знавший дурные наклонности своего воспитанника, поощрял эту связь, считая, что это лучше, чем скандальные похождения императора со знатными матронами. Он занялся устройством тайных встреч Нерона с Акте. Видя, что своими угрозами она может лишь вызвать озлобление сына, Агриппина неожиданно сама стала предлагать ему тайно встречаться с очаровательной вольноотпущенницей в ее покоях. Но Нерон не поддался на уловку. Новые упреки матери ему не раз приходилось выслушивать и за свою связь с Пoppеей Сабиной, которую толкнул в его объятия сам муж Пoppей Отон.

Отношения между матерью и сыном становились все более натянутыми и враждебными. Семейные скандалы приобретали крайнюю остроту. Не раз взбешенный Нерон заявлял матери, что он откажется от власти, и тогда никто не гарантирует ей жизнь. Агриппина же постоянно напоминала сыну, что именно ее стараниями он находится у власти. А когда Нерон из дворцовых запасников послал матери лучшие наряды, в которых выходили жены и матери прежних императоров, разъяренная Агриппина стала кричать присутствующим, что ее единственный сын не только не увеличил то, что она имела, но и отнял у нее то, что ей полагалось по праву. После же того, как Нерон изгнал преданного Агриппине Палланта, вышедшая из себя Агриппина заявила сыну, что она расскажет всем о своем обольщении Клавдия, о его отравлении и о всех других своих преступлениях, а затем вместе с законным наследником Клавдия Британником отправится к преторианцам: пусть те решат, кто достоин быть императором.

И тогда на пиру на глазах у многочисленных гостей и потрясенной Агриппины по приказу Нерона тринадцатилетний Британник был отравлен (Локуста еще раз

доказала свое искусство приготовления сильнодействующих ядов).

После этих событий Агриппина принялась энергично плести интриги, пытаясь сплотить вокруг себя влиятельных людей. Заметив это, Нерон изгнал мать из императорского дворца и лишил ее телохранителей. На опальную мать императора сразу перестали обращать внимание многие из тех, кто ранее постоянно окружал ее. А тут еще новый удар. Одна из приближенных Агриппины — Юния Силана предательски распустила слух о том, что ее покровительница готовит государственный переворот, в котором главную роль должен сыграть Рубеллий Плавт, якобы будущий супруг Агриппины. Было сделано все, чтобы слух дошел до Нерона. О заговоре императору сообщили на ночной прогулке. Он тут же потребовал смерти матери и Плавта. Но Сенека и Бурр сумели убедить императора, прежде чем принять столь страшное решение, выслушать оправдания Агриппины. Наутро перед посланцами Нерона предстала Агриппина. С завидным хладнокровием она безукоризненно парировала все аргументы обвинителей. Более того, эту попытку своего осуждения она сумела превратить в свою победу — были наказаны ее обвинители, а ряд ее друзей получили высокие должности.

Между тем положение Нерона становилось все более прочным. Победы римских войск над парфянами принесли ему новые многочисленные почести. Он пользовался поддержкой сената, так как не проявлял поначалу своих деспотических наклонностей. Тогда он еще не решался шокировать римлян своими актерскими «успехами». Пожалуй, единственное, что пока вызвало небольшое возмущение римлян в поведении императора, была непонятная страсть Нерона к ночным похождениям. Переодевшись в рубище, Нерон со своими друзьями слонялся по ночным притонам, от этой компании нередко перепадали побои и знатным гражданам.

Потерпев крах в своей борьбе с сыном и сознавая, что дальнейшее противостояние может стоить ей жизни, Агриппина решила вернуть расположение Нерона своими ласками и материнской любовью. Она стала часто появляться у сына, особенно на его длительных пирах, вела с ним ласковые беседы, порой нежно его целовала.

Нерон, благосклонно принимая ласки матери, в то же время не отказывался выслушивать все новые и новые обвинения в ее адрес. А они не прекращались. Пленив-

шая Нерона своими чарами Поппея Сабина назойливо требовала, чтобы он женился на ней, выставляя главной виновницей нерешительности своего любовника его мать. Тем временем распространились слухи о кровосмесительной связи Нерона с собственной матерью. Кто истолковал таким способом нежное обхождение Агриппины с сыном, остается загадкой. Античные писатели дают появлению этих слухов самые разные объяснения. Одни обвиняют в этом самого Нерона, утверждая даже, что он предавался преступной похоти, разъезжая с матерью в носилках. Другие приписывают инициативу такой связи самой Агриппине, ссылаясь на ее прежние кровосмесительные связи с Калигулой и Клавдием. Третьи считают автором слухов Сенеку. Можно верить и не верить в реальность связи сорокатрехлетней Агриппины с сыном, которому исполнился к этому времени двадцать один год, но как бы то ни было, слухи начали растекаться по дворцу и по городу.

Нерон стал избегать назойливых ласк матери, стараясь держать ее вдали от себя. Более того, он решается на чудовищный поступок — убийство собственной матери. План этого страшного злодеяния разрабатывался хладнокровно и тщательно. Яд был отвергнут — Агриппина сама была тонким знатоком такого рода дел и всякий раз, отправляясь к сыну выказать ему нежную материнскую любовь, не забывала принять противоядие. Впрочем, возможно, такие неудачные попытки и предпринимались, если верить Светонию.

Падающий на постель Агриппины потолок показался Нерону ненадежным средством, и он остановился на корабле, рассыпающемся на части с помощью особого приспособления. Автором этого замысла был вольноотпущенник Нерона Аникет. Он уверял своего патрона в том, что ничего лучшего придумать невозможно, — случайное кораблекрушение не вызовет подозрений, императору же останется выразить лишь великую скорбь и с подсабающей пышностью почтить память трагически погибшей матери.

Наконец корабль, отличавшийся богатым убранством, был готов. Оставалось заманить мать в одну из приморских гаваней. В тот (59) год Нерон решил отпраздновать праздник Квинкватров (в честь богини Минервы) в приморских Байях. Сюда же он пригласил и мать. Обрадованная Агриппина, которую серьезно беспокоила отчужденность ее сына, прибыла в Байи из Анция. С объятиями встретил сын мать на берегу и повел в виллу, где

на пиру поместил Агриппину на ложе выше себя. Всячески оказывая ей внимание, он рассеял все ее возможные подозрения, а провожая, долго держал в своих объятиях и смотрел в глаза той, которая подарила ему жизнь.

Мать была отправлена им обратно в Анций, конечно же, на самом роскошном корабле. Море было спокойным, небо ясным. Пока в своей каюте Агриппина с двумя своими приближенными оживленно обсуждала радостную перемену в отношениях Нерона, на них вдруг обрушился тяжелый потолок. Но высокие стенки ложа спасли двух из обреченных — Агриппину и ее спутницу Ацерронию. Возникшие шум и неразбериха на корабле не позволили развалить его тут же на части. Тогда судно стали раскачивать с борта на борт, чтобы оно затонуло. Агриппина и Ацеррония в этой суматохе случайно оказались за бортом. Несчастливая Ацеррония в надежде первой получить спасение стала кричать, что она — мать императора, и тут же была убита баграми. Агриппина же, мгновенно раскусив злодейский замысел, молча отплыла от корабля, оставшись незамеченной. К счастью, вскоре ей попала рыбацкая лодка, которая и доставила ее, раненную в руку, на виллу. Видя единственный способ остаться в живых в том, чтобы объявить все случившееся результатом тривиального кораблекрушения (чтобы убийцы не поняли, что она разгадала их зловещий план), Агриппина отправляет к сыну вольноотпущенника Агерина с вестью о случайном происшествии на море. Задом она побеспокоилась о том, чтобы вокруг виллы собралось много народа, выразившего радость по случаю ее спасения.

Приход Агерина потряс Нерона, он никак не ожидал такого результата. Срочно призвав к себе Аникета, Бурра и Сенеку, он в страхе и гневе потребовал от них найти выход из крайне опасного положения. Но ответом было растерянное молчание. Когда же Сенека предложил Бурру и его преторианцам убить Агриппину, тот ответил, что, верные присяге, его гвардейцы на такое не пойдут, лучше поручить это Аникету.

Остановившись на последнем предложении, Нерон постарался придать предстоящему убийству благоприятную окраску. Он вызвал к себе Агерина и, подбросив к его ногам меч, объявил, что Агриппина руками своего вольноотпущенника хотела убить императора. Такая версия определила и дальнейший ход событий: Агерин был арестован, а на виллу Агриппины отправился Аникет с

отрядом — он должен был инсценировать самоубийство после якобы неудавшегося покушения.

Отряд прибыл на виллу, где находилась обложенная примочками и лекарственными снадобьями Агриппина. Перепуганные люди, собравшиеся у виллы, разбежались. Аникет с двумя подручными ворвался в покой матери императора. Когда они обступили ее ложе, Агриппина начала кричать, что не верит, будто император может приказать убить свою мать. Но, получив палкой по голове и увидев обнаженный меч, она сама подставила под него живот и крикнула: «Поражай чрево!» В тусклом свете сверкнул клинок...

Не раз и не два флотский офицер с тупым остервенением вонзал свой меч в ее чрево, то чрево, которое породило убийцу своей матери.

Долго предсмертный крик матери преследовал Нерона. Он вроде бы оправдался перед людьми, отправив сенату лживое послание, сочиненное Сенекой, в котором обвинял умерщвленную мать в покушении на его жизнь. Но мог ли он оправдаться перед собой? Вслед за погребальным костром Агриппины запылывает великолепный Рим на глазах безумно радующегося императора, загорятся живые светильники из невинных, оклеветанных в поджоге великого города христиан, разразится безудержная вакханалия насилия и казней. И содрогнутся люди, и навсегда в памяти людской имя Нерона останется именем чудовища...

«Пусть умерщвляет, лишь бы властвовал!» — кто знает, вспомнила ли Агриппина этот ответ на зловещее пророчество оракула в свой смертный час...

Бодикка — королева иценов

Британские острова были известны в Греции еще с середины V века до н. э. Первым о них упоминает Геродот. В своем кратком и смутном описании он называет их Касситеридами — Оловянными островами. Так как греки не отваживались тогда на столь дальние плаванья, то считается, что эти данные были получены ими от финикийцев. Задолго до греков те совершали смелые торговые рейды, в том числе и за оловом.

Впервые название «Британские острова» мы находим у Аристотеля в IV веке до н. э. Он помещает их в Океане за областью кельтов и без описаний приводит их названия — Альбион и Иерне.

Но письменная история Британских островов начинается с двух походов Гая Юлия Цезаря в 55 и 54 годах до н. э. Несмотря на победы над британцами, Цезарь дважды был вынужден покинуть остров, заключая выгодный варварам мир. Видимо, к этому его принуждало не только географическое положение острова, но и упорное сопротивление его населения.

В своих «Записках о Галльской войне» он дает подробное описание британцев, как делал до этого относительно народов Галлии (современной Франции) и Германии.

Племена британцев были родственны кельтскому населению Галлии, с которым они поддерживали очень тесные контакты. Видимо, именно из Галлии пришли они на свой остров. Но их существование долго было раздельным, так как уже появились крупные различия в языке, хозяйстве и обычаях. Британцы, по мнению Цезаря, стояли в своем развитии на более низкой ступени по сравнению с жителями континента.

Вместо денег здесь употребляли куски железа и меди определенного веса. Внутри страны добывалось большое количество олова, которым британцы торговали. Жители внутренней части острова мало занимались земледелием, питались молоком и мясом и одевались в звериные шкуры. Они носили длинные волосы и усы. Чтобы устрашить неприятеля в битве, британцы раскрашивали свои тела синей растительной краской.

От пытливого взгляда талантливого военачальника не укрылись и религиозные верования варваров. Он обнаружил их общность у британцев и галлов. Цезарь был даже уверен, что религия кельтов пришла из Британии. А он был человеком осведомленным. Среди союзников и друзей Цезаря был вождь эдуев, который одновременно был и друидом, то есть принадлежал к великому сословию кельтских жрецов, уважаемых всеми племенами без исключения. Друиды олицетворяли единство кельтских народов на всей громадной территории их расселения от Британии до Карпат. Это они основали своеобразную религиозную цивилизацию, пережившую своих создателей. Сейчас она известна всему миру благодаря гениальной астрономической лаборатории в Британии, возведенной из многотонных каменных глыб,— Стоунхенджу; а также одному из трех популярных роскопов — друидскому, в котором каждый человек попадает под опеку определенного вида деревьев и уподобляется ему. Это — результат кропотливой деятельности кельтских жрецов на протяжении многих сотен лет.

Недаром Цезарю корпорация друидов предстала как закрытая каста, тайны которой строжайше оберегались не только от иноземцев, но и от непосвященных соплеменников. Для упрочения влияния разрабатывались тайные ритуалы в глубинах лесов, где якобы предска-

лось будущее. Друиды гадали и по человеческим внутренностям, совершая жертвоприношения людьми.

Но пользовались они не только религиозной властью. Друиды освобождались от несения военной службы и от всех налогов. Они также являлись судьями, распределяли награды и наказания, видимо, от лица богов. Военные вожди кельтов редко решались открыто противостоять жрецам. Ведь лица, не желавшие подчиняться друидам, не могли участвовать в племенных жертвоприношениях, что фактически лишало всех прав и исключало из общества.

Жрецы распространяли среди своих соотечественников созданное ими учение о переселении душ после смерти. Римские авторы считали, что этим объясняется отвага и презрение к смерти у кельтов в бою, так как благородная смерть помогает благополучному переселению души.

Но вернемся к истории. После походов Цезаря почти столетие римские императоры не интересовались островами на севере от Галлии, и до нас не дошло никаких сведений об этом периоде.

В 43 году н. э. II, IX, XIV, XX легионы под личным командованием императора Клавдия переправились через Ла-Манш и начали завоевание новой провинции — Британии. Организованного сопротивления римляне не встретили. Каждое племя сражалось в одиночку, а терпели поражение все. Земли до границ Каледонии (современной Шотландии) были покорены.

Империя начала переселять сюда своих подданных из других провинций и наделять землей воинов-ветеранов. В стратегических пунктах было построено множество застав с небольшими гарнизонами. Но, несмотря на то что Клавдий вернулся в Рим победителем, сопротивление британцев не только не прекращалось, а даже усиливалось.

Его возглавил Карактак — вождь силуров. Лишь через 10 лет в большом сражении римляне сумели разгромить его армию. Но и это не привело к умиротворению. По свидетельству современника, «с той поры следовали одна за другою бесконечные, чаще похожие на грабительские набеги, стычки то среди горных лесов, то среди топей, куда кого приводили случай или отвага, опрометчивая попытка или продуманный замысел, жажда мщения или поиски добычи, по приказанию, а иной раз и без ведома военачальников». Долго так продолжаться не могло...

Утреннее солнце заставляло искриться спокойное море. Разогнанная последними мощными гребками лодка с мягким шелестом выскочила на песок. Выделявшийся среди своих спутников дорогим оружием воин распутал веревки на ногах молоденькой лани и опустил ее на землю. Дикое животное, после пережитого плена, в испуге бросилось через широкую песчаную полосу в сторону видневшегося вдалеке леса.

Воин громко сказал ей вслед:

— Прими наш подарок, Бригантия — Великая Мать богов и людей!

Только после этого он сошел на землю священного острова. За ним последовали все шесть гребцов, оставив свое оружие в лодке. Они выстроились за своим предводителем, ожидая, пока к ним спустится с дюн отряд стражи. Новоприбывшие с уважением следили за приближающимися воинами. Все они прошли посвящение богам, за что те даровали им великие силы. Об этом свидетельствовали рогатые быкоподобные шлемы, украшавшие головы стражей.

Начальник отряда, приблизившись, прокричал:

— Назовите свои имена и расскажите, зачем прибыли на священный для всех британцев остров Мона*?

Гребцы один за другим назвали свои имена. Последним это сделал их предводитель:

— Я — Медр из племени иценов! По приказу своей повелительницы королевы Боудикки мы прибыли к всеведущему Линну за пророчеством. Мы оставили свое оружие, чтобы не осквернить землю богов.

— Я — Придери, один из стражей священной земли. Мы рады приветствовать знаменитого военачальника иценов, благородного Медра! — в голосе сквозило легкое удивление.— Мы проводим вас к мудрому Линну.

Воины, смешавшись, двинулись не к деревне, видневшейся невдалеке, а вслед за ланью последовали к стоящему сплошной стеной лесу...

Уже долго Медр и Придери идут по лесу. Давно они оставили свои отряды на опушке и теперь вдвоем углубились в девственную чащу. Не будь с ним Придери, Медр давно бы уже заблудился. Страж острова, казалось бы, неземным чувством находил дорогу в сплошной зеленой стене.

Несмотря на всю свою храбрость, Медр шел с опа-

* Современное название острова — Англис.

ской. Любое дерево, любой лес для кельта священны. Этот же, на острове Мона, почитался во всей Британии и даже за ее пределами. Здесь обитали самые грозные боги. На острове им служит множество друидов. Лес населен ими. Многочисленные деревни жмутся к кромке моря, как бы опасаясь потревожить одиночество великого леса. Здесь же жили только стражи острова — священный отряд, поклявшийся беречь покой богов от нежелательного вторжения. Враги богов приносились в жертву в глубинах леса.

Но для британцев, прибывших сюда с открытой душой, остров всегда был гостеприимным. Многие жители Британии хотели узнать пророчества здешних друидов. Самыми верными считались откровения мудрого Линна, когда он, съев мясо жертвенного быка, впадал в священный сон.

Именно за этим и направлялся самый знаменитый воин племени иценов по поручению своей королевы Боудикки. На душе у него было беспокойно: врагов он никогда не боялся, но боги... богов он почитал.

Солнечный свет резко ударил в глаза. Сквозь сплошную крону деревьев он образовывал колодец, в котором величественно возвышался столетний дуб. Рядом бил источник. Над ним, не шевелясь, высилась фигура белобородого старца с длиннейшим посохом-жезлом, верхушка которого была украшена резной головой быка.

Взгляд невольно притягивало единственное украшение жреца — тоненький головной обруч с громадным рубином, создающим впечатление, что старец смотрит тремя глазами, проникая в самые глубокие тайники души Медра.

«Это Линн!» — как недавно солнечные лучи, так сейчас эта мысль и взгляд старца ослепили на мгновение ицена, лишили его координации.

— Боги приветствуют тебя, Медр. Твоя лань благосклонно принята Матерью богов.

Медр не знал, что, пока Придери вел его по лесу длинной дорогой (благо солнце не могло помочь ориентироваться в чаще), посланный им стражник уже все поведал Линну.

— И, конечно, ты пришел узнать будущее. Но прежде, чем ты его узнаешь, ты расскажешь мне, что велела тебе передать королева иценов Боудикка.

— Мудрость твоя велика и для британцев священна, как этот лес. Ты прав — я пришел сюда со словом Боу-

дикки. Она поведала тебе свою жизнь и, держа в руках судьбу своего народа, хочет принести жертвы богам и получить предсказание,— с этими словами Медр положил перед старцем увесистый мешочек с золотом и несколько серебряных украшений.

— С тех пор как римляне пришли в Британию, далеко не все из вождей стараются заглянуть в будущее.

— Наверно, они его боятся, великий Линн! — почтительно вставил Придери.

— Давно вожди не посещали острова,— Линн строго посмотрел на стража.— Все меньше их посланцев прибывает сюда. Зато все больше свободных британцев ищут здесь себе убежище от завоевателей. Они надеются на богов. Поэтому я рад, что Боудикка остается верна своему народу и его богам.

— Сначала знайте, что армия легата Светония Паулина уже движется к Моне. Мы видели ее в пути. Их много.

— Боги знают об этом, Медр. Мы, люди, готовимся. Говори слово королевы Боудикки.

Медр начал рассказ. Собственно, многое из этой истории было известно всей Британии, и он понимал, что Линн не может ее не знать. Но это было слово королевы, и он должен передать его полностью.

Когда армии Рима высадились в Британии, племенем иценов правил король Прасутаг. Его ближайшим поверенным во всех делах была жена — Боудикка. Занятые междоусобной борьбой племена британцев не объединились против захватчиков. Некоторые вожди в одиночку оказывали сопротивление, другие предпочли избежать разорительной войны, хорошо зная о судьбе кельтов Галлии. К числу вторых принадлежал и Прасутаг. Он надеялся на ослабление враждебных племен в кровопролитных войнах с римлянами и рассчитывал, что власть Рима в краю иценов, находящегося несколько в стороне от крепостей и путей сообщения завоевателей, не будет жесткой.

Прасутаг добровольно отдал свое племя во власть Рима, сохранив полностью управление народом в своих руках за выплату постоянной дани. Первоначально эта политика полностью себя оправдывала. Положение стало меняться с подавлением сопротивления остальных племен. Чем больше укреплялось владычество Империи, тем больше внимания уделялось земле иценов и особенно громадным богатствам Прасутага, невероятные рассказы

о которых ходили по Британии. На границе с землей иценов на побережье возник поселок ветеранов Камулундун*.

В этот критический момент, в 61 году, Прасутаг умер, оставив двух дочерей сиротами и Боудикку — вдовой, без наследников по мужской линии.

Женщины у британцев никогда не были на положении безгласных домашних рабынь, как это часто было у римлян. Они могли присутствовать на собраниях племени, открыто выражать свое мнение перед мужчинами, а иногда даже участвовали наравне с ними в войнах. В домашнем хозяйстве их слово вообще было решающим. Женщины могли стать правительницами и военачальницами племен. Поэтому, зная решительный и справедливый характер Боудикки, ицены не были смущены ее правлением.

Другое дело римляне. Они посчитали это удобным моментом, чтобы прибрать к рукам землю «женоподобных» иценов и богатства Прасутага. Предвидя эту нависающую опасность, король перед смертью пытался уменьшить ее. Свое наследство он распределил поровну между дочерьми, с одной стороны, и императором Нероном — с другой.

Но он недооценил корыстолюбие прокуратора Британии Ката Дециана и его покровителей в Риме. Вскоре после похорон Прасутага в родовой поселок Боудикки прибыл военный отряд римлян за наследством короля. Одновременно было сообщено, что прокуратор расторг договор с Прасутагом и права иценов ликвидируются. На них накладывается громадный налог, в счет чего забирается имущество знати.

Боудикка стала протестовать, на что посланец прокуратора высокомерно заявил, что ее мнение никого не интересует, так как она лишена королевских прав. Людей охватило возмущение: римляне вели себя будто на захваченной земле, а не как у союзников. Но сила была на их стороне. Стихийное сопротивление иценов быстро подавили. Начался грабеж поселка, насилие над женщинами. Этой участи не избежали и дочери короля иценов.

Схваченную Боудикку за оскорбление римских властей били плетью среди разграбленного поселка. И тогда, избитая до полусмерти, брошенная на пепелище своего дома королева...

* Современное название — Колчестер.

— Королева решила начать борьбу с Римом, — торжественно закончил за Медра Линн. Учитывая количество паломников, прибывающих на Мону, можно было не сомневаться, что не только божественные откровения навели его на эту мысль. Но Медр невольно вздрогнул.

— Да, — кивнул он. — Но женщины хитры. И Боудикка решила действовать не только силой, но и хитростью. Римляне свыклись с покорностью женщин и, наверно, презирают их за это. Королева сделала вид, что смирилась. Это не вызвало удивления врагов, они думают, что и у нас женщины прощают свои обиды. С нашими вождями и старейшинами окончательно перестали считаться, забрали все их имущество. Ветераны из Камулодуна стали организовывать отряды, которые грабят наши деревни. Это происходит днем, а ночью ицены готовятся к восстанию. К нам уже примкнуло племя тринобантов, многие отряды из других племен готовы это сделать. Римляне ничего не подозревают, потому что легат Светоний Паулин почти со всей своей армией, кроме IX легиона, двинулся на север Уэльса, оставив земли иценов далеко за собой. Для восстания все готово, и вот теперь я послан сюда, чтобы заручиться поддержкой богов и выслушать их предсказание через тебя.

— Не беспокойся, — тихо произнес друид. — Все боги Моны получают жертвы. А завтра будет заколот посвященный Бригантии бык, и я съем его мясо. А теперь ступай!..

Легат Светоний Паулин зло отбросил только что написанный свиток с сообщением о победе, перевитый веткой лавра. В его шатре стоял гонец, спешно прибывший на остров Мона из Лондиния. Землю многолюдных иценов охватило восстание. Под угрозой господство Рима над всей Британией. А его силы оказались разбросаны. Армия отрезана двухнедельным переходом от места событий. Это может оказаться причиной катастрофы и для Империи, и лично для него, Светония Паулина.

Судьба никогда не была к нему слишком благосклонна. Человек, обладавший в равной мере знатностью, богатством и неудержимой храбростью, что делало его любимцем всего Рима, он всегда ставил перед собой крупные задачи. Когда казалось, что он уже добивается поставленной цели, судьба какой-либо мелочью расстраивала все планы.

Начавшаяся война с Парфией поставила вопрос о ко-

мандующем отборными силами Рима на Востоке. Занявший это место Корбулон снискал в ходе военной кампании громкую славу, бросив к ногам императора Армению. На устах всех римлян было его имя.

А он, Светоний, был послан покорять далекую северную Британию. Война с варварами шла здесь постоянно. Скрываясь в своих болотах и лесах, часто не имея никакого богатства, кроме оружия, они отчаянно отстаивали свою свободу. Даже полная победа над этими дикими и нищими британцами не могла принести пышных лавров. Зато опасностей таила много.

Для изнеженных южан эти края олицетворяли прибежище колдовства и темных сил. Именно отсюда, по их мнению, оно расплзлось на материк к остальным галлам. Северная оконечность Британии находилась у границы земного круга, за которым царил Хаос. Даже приближаться к нему было опасно.

Светоний Паулин, понимая, что затмить славу Корбулона тут невозможно, решил быстрым и неожиданным ударом поразить британцев в самое сердце их края. Таким сердцем, по его мнению, был остров Мона. Здесь располагались их святыни, отсюда деньгами поддерживали не сложивших оружие, а главное, сюда тысячами бежали от господства римлян. Сейчас остров стал символом сопротивления. Логика подсказывала покончить с этим клубком заговоров и колдовства.

Поход был удачен. Чтобы устрашить неприятеля, легат собрал все силы, находящиеся в Британии,— II, XIV и XX легионы. Только IX легион остался в тылу.

Узнав о приближении громадной армии, запуганные британцы северного Уэльса признавали власть Рима и даже не пытались остановить врага.

Лишь остров Мона сопротивлялся. Из беглецов, не желающих терять свободу, здесь была организована армия в несколько десятков тысяч человек.

Но римляне действовали решительно. Чтобы переправить на остров пехоту, Светоний построил плоскодонные корабли, не боящиеся мелководий. Конница, выказывая большое мужество, переправилась на остров по отмелям. Римская пехота быстро построилась на прибрежной полосе. Британцы, извещенные обо всем разведчиками, собирались в отряды, преграждая путь в глубь острова. Легионеры, хорошо знавшие тактику британцев, оценивали противника не очень многочисленным, не имеющим знаменитых вождей и даже кончи-

цы. Знали они и то, что главное будет выдержать первый натиск, который у варваров обычно самый мощный. А не добившись сразу успеха, они быстро уступают, чтоб попытаться счастья в следующий раз.

Но легат видел, что на этот раз все было по-другому. Против легионеров выступило все население острова. Между мужчинами сновали вооруженные женщины, многие — с распущенными волосами и с факелами в руках. Было видно, что своими громкими призывами они ободряют воинов. Женщин поддерживало немало друидов, которые читали заклинания и, взывая к небу, насылали проклятия на головы римлян. Их укрепляли в тайных святилищах принесенные жертвы, о чем свидетельствовали зловещие дымные столбы, поднимающиеся из всех лесов и священных рощ. Возможно, что среди жертв были и недавние легионеры, попавшие в плен. Неумолчный шум стоял над лагерем приходящих в экстаз британцев. Лишь несколько сотен молчаливых фигур в рогатых шлемах стояло впереди их войска, всем видом выражая мрачную решимость.

Все это вызывало нерешительность у легионеров. Но Светоний Паулин славился умением собраться в нужный момент. Его пламенная речь зажгла души воинов, и через несколько часов битва была закончена. Британцев уничтожали без различия пола и возраста. Лишь небольшая их часть скрылась в лесах. Легат твердо решил покончить с этим оплотом сопротивления. Запылали срубленные легионерами священные леса. Казалось, поход оканчивался полной победой.

Но здесь последовал удар в спину. Своим безграничным корыстолюбием и глупостью прокуратор Кат Дециан вызвал восстание иценов и поставил под угрозу все римское владычество в Британии. Армия легата сможет подойти на помощь только через несколько недель, а за это время повстанцы уничтожат римские поселения в южной Британии и затем разобьют оставленные без поддержки его легионы. Значит, Светоний должен покинуть свои легионы, медленно идущие на помощь, и с отрядом конницы броситься в Лондиний или Камулодун, чтобы возглавить там сопротивление.

Что ж, решение принято. На душе легата стало легче, как всегда, когда оставалось действовать. Он вышел из шатра, и тотчас загремели легионерские трубы...

Легат Светоний Паулин стоял посреди бурлящего

Лондиния, который он собирался сейчас покинуть, и думал, что со времени получения им известия о восстании прошла лишь неделя, а сколько событий уже произошло. Пробившись в Лондиний за невероятно короткий срок через топи, чащобы и часто враждебные селения, он столкнулся здесь с паникой.

Еще когда гонец был на пути к нему, лишенный укреплений Камулодун уже горел. Два дня остатки жителей стойко обороняли укрепленный храм божественному императору Клавдию, пока все не погибли. Презрение к местному населению не спасло ветеранов, зато привело к их поголовному истреблению. IX легион Петилия Цериала, спеша из Линдума на выручку Камулодуну, из-за беспечности начальника попал на лесной дороге в засаду. Вся пехота была уничтожена, и лишь Цериал с отрядом конницы скрылся в военном лагере. Южная Британия осталась совсем беззащитной. Война пошла на полное истребление здесь римского населения. Жертвы достигли нескольких десятков тысяч. В этот решающий момент прокуратор Кат Дециан трусливо бежал на корабле в Галлию.

Поэтому Светоний Паулин въезжал в город, уже зная, что он не сможет его защитить, даже если бы здесь были укрепления. Жители умоляли не оставлять их, хватали конников за ноги. Понимая, что сделать они ничего не могут, те ехали молча.

На площади легат предложил желающим покинуть город вместе с ним через три часа. Многие семьи сейчас сходились на площадь с пожитками. Дождавшись срока, легат приказал выступать. Следом за его воинами потянулась вереница беженцев. А с востока ветер доносил гарь — предвестницу грабежа и разгрома богатого города...

Королева иценов Боудикка, ее свита и вожди других племен британцев чувствовали, что настает решающий момент их борьбы за свободу. Прямо перед холмом, где они расположились, бурлило неукротимое море их армии. Этот людской щит защищал сейчас вождей, потому что по другую сторону оврага строились когорты XIV легиона. Королева и вожди внимательно наблюдали за движением римских отрядов. Их предводитель, Светоний Паулин, действовал с предельной осторожностью, постоянно рассылая во все стороны разведывательные конные отряды, чтобы предотвратить обход.

Королева внутренне улыбалась, хотя и сохраняла при этом каменное лицо. Она понимала причины этой осторожности римлян. Она также знала, что большинство ее вождей принимают это за боязнь и гордятся, что повинны в этом поведении грозного завоевателя они сами.

Действительно, сделано очень много. Ее стараниями собрана армия, которой еще не знала Британия в борьбе с Империей. Кроме ее иценов, к ней сразу присоединились тринобанты. В немалой степени восстанию способствовало пророчество Линна, что боги будут сражаться на стороне Боудикки. С острова эта весть мгновенно облетела Британию, и под ее руку потянулись большие отряды добровольцев почти из всех племен. Этот приток еще усилился после ее побед. Ицены полностью уничтожили города Камулодун, Лондиний и Веруламый, не считая большого количества римлян и их сторонников, рассеянных по заставам. Но особую гордость королевы составлял полный разгром IX легиона. Это тоже произошло впервые в Британии. Единственная ее неудача — ускользал из рук Светоний Паулин, показавший себя талантливым военачальником. Оставив свои легионы на севере, он прискакал в Лондиний, спас от уничтожения часть жителей и начал собирать отряды. Маневрируя, он дождался прибытия XIV легиона, небольшой части ветеранов XX легиона и вспомогательных отрядов. Это составило всего 10 тысяч человек, но Светоний смело двинулся против в несколько раз превосходящих сил королевы. И вот теперь обе армии встретились к востоку от Лондиния.

Боудикка знала, что многие вожди уже считают себя победителями, видя малочисленность врага. Они уже рассчитывали разбить римлян поодиночке. Но королеву это заставляло опасаться. Очень решительно Светоний бросился в борьбу лишь с одним легионом, не давая разрастись восстанию и спасая римское население. И его осторожность сейчас свидетельствовала о большом опыте, а не о страхе. Наблюдая вчера сооружение лагеря, королева не почувствовала в действиях легионеров испуга или волнения. А британцы знакомы с их железной дисциплиной в бою...

Пока эти мысли о прошлом занимали ее, римские отряды построились, и стал ясен их замысел. Центр заняли когорты XIV легиона. По обе стороны от них расположились легковооруженные воины, а фланги прикрывала конница. Овраг давал им определенное преиму-

щество в обороне, особенно против атак колесниц.

Вот среди римских воинов началось оживление. Какой-то военачальник, видимо сам Светоний, обращался к ним. Боудикка могла представить, сколь пламенна эта речь; и действительно, легионеры стали в ответ потрясать копьями и что-то громко кричать.

Боудикка с тревогой повернула голову в сторону войск британцев. Ее племена столь уверены в победе, что взяли с собой семьи для дележа добычи. И теперь большие обозы расположились за каждым военным отрядом. Эти отряды тоже напоминали таборы своим только видимым порядком. Она сейчас должна убедить эту разноплеменную массу, что не всё еще решено в судьбе Британии и только стойкость определит победителя. Они должны понять, что если у побеждающих больше воодушевления, то у терпящих бедствие больше упорства.

По ее знаку обе дочери взошли на колесницу, и возничий резко направил ее к иценам. За нею ринулись колесницы вождей. Они передадут ее речь своим племенам.

— Британцы привыкли воевать под предводительством женщин, но теперь, рожденная от столь прославленных предков, я мщу не за потерянное царство и богатство, а как простая женщина за отнятую свободу, за свое избитое плетями тело, за поруганное целомудрие дочерей. Разнузданность римлян дошла до того, что они не оставляют неоскверненным ни одного женского тела и не щадят ни старости, ни девственности. Но боги покровительствуют справедливому мщению; истреблен легион, осмелившийся на битву; остальные римляне либо прячутся в лагерях, либо помышляют о бегстве. Они не выдержат даже топота и кликов столь многих тысяч, не то что их натиска и ударов. И если вы подумаете, сколь могучи наши вооруженные силы и за что мы идем в бой, вы убедитесь, что в этом сражении нужно победить или пасть. Так решила для себя женщина, пусть же мужчины цепляются за жизнь, чтобы прозябать в рабстве.

Войско иценов потряс рев. Расписанные синей краской лица, как это издревле во время войны делали британцы, исказила ярость. Королева сказала правильно: если воины будут мужественны, то они, как их предки при Цезаре, сумеют сбросить завоевателей в море. Боевой клич иценов поддержали союзные племена, и грозная лавина пеших воинов бегом ринулась на врагов.

Главный удар приняли на себя хорошо вооруженные когорты XIV легиона. Сомкнув прямоугольные щиты, ле-

гионеры образовали прочную стену. Британцы легко преодолели овраг. Вот уже искаженные синие лица показались на этой его стороне. Легионеры разом метнули дротики. Первые убитые скатились по склону. Но остановить этот разбушевавшийся поток было трудно. Буквально своими телами ицены ударили в римские щиты. Началась рукопашная. Легионеры старались как можно теснее сблизиться с противником. В тесноте и сутолоке становилось явным преимущество коротких римских мечей перед длинными метровыми обоюдоострыми мечами британцев.

Первая схватка длилась недолго. Воины, ринувшиеся на римлян, действуя неорганизованной толпой, не могли помочь друг другу и хотели отойти, чтобы повторить свой натиск. Но теперь уже когорты пришли в движение, стараясь не дать варварам разорвать расстояние. Кроме того, с флангов понеслась с пиками наперевес римская конница. Медленное отступление превратилось в бегство. Британцы бросились в овраг. Легионеры, на ходу подбирая свои дротики, еще усилили натиск. Вот уже когорты показались на другой стороне оврага. Строй их немного нарушился.

Наблюдавшая за сражением Боудикка поняла, что наступает решающий момент сражения. Теперь, когда римляне увлечены погоней, нарушилась их дисциплина. Пора бросить в бой лучшие силы иценов — их колесницы.

И вот с фланга с гиком, стараясь отсечь британцев от их преследователей, ринулась краса Британии. Только храбрейшие из знатных составляли эти отряды. Такими воинами гордилось каждое племя. На полном скаку врежаясь в гущу врагов, они иногда одни решали исход целых сражений и судьбы племен. Их подвиги передавались из поколения в поколение, как и имена их возничих. Возничие были как бы частью колесницы, они в совершенстве должны владеть ее управлением, чтобы на полном ходу суметь развернуться, самому принять решение, как удобнее схватиться с колесницей противника, и многое другое. Ими специально воспитывались кони для упряжки, с полуслова или полудвижения понимавшие своих хозяев. Это единство воина, возничего и коня и создавало самую грозную силу Британии, которая теперь должна была сломать строй легиона и решить этим исход сражения.

Но оказалось, что римляне в погоне за пешими варварами не забывали о таившейся опасности. Колесницы были мгновенно замечены — без паники легионеры вновь

вернулись в строй, и вновь перед врагом образовалась стена щитов.

А колесницы все приближались. Сливаясь в единый светящийся круг, мелькало страшное оружие — длинные ножи, вбитые в колеса колесниц. Они должны были перемолоть ноги легионеров, создавая бреши в людской стене. Наиболее отчаянные колесничие стали уже вылезать на дышло, чтобы оттуда прицельно метнуть дротики в римских военачальников.

Римляне будто не обращали внимания на эту мчащуюся на них лавину. Ни одно движение не нарушало строгость когорт. И вот, когда колесницы были уже готовы врезаться в гущу врага, разом взвились сотни и тысячи дротиков. Но разили они на этот раз не людей, а предназначались для лошадей. Вал из конских тел, воинов и колесниц разом разбился и будто замер перед римлянами. Единичные колесницы все же достигли строя, но они были уже не страшны.

Тогда, ободренные этим успехом, легионеры с удвоенной силой ринулись на британцев, смущенных таким поворотом событий и лишенных управления.

Боудикка чувствовала, что надежды на победу начинают испаряться, как роса под солнцем. Она не могла сейчас руководить своей разноплеменной армией. Каждый отряд сражается за себя и за свое выживание. Каждый вождь принимает свое решение, оставляя исход общего дела на произвол судьбы.

Королева смотрела, как отчаянно сопротивляются ее воины, уже не думая о победе, а лишь о спасении своих жен и детей на телегах, для которых они стали теперь единственной защитой. Она видела, что только немногие использовали возможность бежать, предпочитая умереть. А римляне, сейчас так же деловито и дисциплинированно, как и в начале битвы, видимо выполняя полученный приказ, не щадили ни одного человека. Жизнь билась и рвалась только перед их армией. За их спиной уже не было никакого движения. Там все было залито кровью, там уже царствовала смерть, как скоро она будет царствовать и в ее стране, займет ее престол. Королева именов выбрала для себя судьбу. Ее народ верит, что души людей не умирают с телом, а переходят в другое существование. Она будет надеяться, что в другой жизни судьба сведет ее с собственным народом, который она так горячо любит.

Королева властно посмотрела на друида, присланного ей Линном. Ее дочери и вожди, еще остававшиеся рядом,

отвели глаза. Многие вытащили мечи и, понимая, что больше уже приказов не будет, не говоря ни слова, в одиночку направились к приближающемуся звону оружия.

Боудикка приняла от друида яд и посмотрела на заход солнца. Оно уже начинало садиться за священным островом Мона, который она сумела пока спасти. Королева набрала полную грудь воздуха, и ее душа рванулась туда, на остров, к богам ее народа. Она закрыла глаза, и сердце королевы Боудикки остановилось.

Поражение британцев было полным. По сведениям римского историка Тацита, только в ходе сражения было истреблено 80 тысяч варваров. И это не считая многочисленных карательных экспедиций, которые были организованы против восставших. Племя иценов оказалось почти полностью уничтоженным. Кровавые события захлестнули Британию. Но даже в этой круговерти смертей особняком стояла смерть префекта лагеря II легиона Пеня Постума, который бросился на меч, узнав о славной победе Светония Паулина. Префект посчитал себя виноватым в том, что честь победы досталась не его легиону.

Но судьба сыграла злую шутку и со славным победителем иценов. Именно его обвинили в непрекращающемся сопротивлении британцев, которые, запуганные размахом репрессий, тысячами уходили в леса. Все его враги — и струсившие во время восстания, и просто не желавшие усиления его влияния — объединились.

Прибывший новый прокуратор Юлий Классициан, пытающийся лаской переманить местных вождей, послал на Светония массу доносов ко двору императора Нерона. И человек, спасший для Империи Британию, проявивший исключительную личную отвагу в этих событиях, был сменен мягкотелым Петронием Турпилианом. Его заслуги официально были признаны лишь позднее, когда в его судьбе это не могло сыграть никакой роли. Увы, явление нередкое...

Волнения британцев были столь серьезны, что даже Сенека (прославивший себя в равной мере как философ и скряга), обиравший Империю во славу Нерона и для своего благополучия, вынужден был отменить многие подати на вождей британцев. Гонения на оставшихся участников восстания прекратились.

С этого времени закончилось открытое сопротивление Риму в Британии. Общество стало активно романизиро-

ваться. Военская доблесть заменялась добропорядочностью подданных. Поэтому, когда римляне вынуждены были покинуть Британию в 410 году, новые завоеватели — германские племена англов, саксов, ютов не встретили активного отпора и легко подчинили себе страну. Сейчас потомки кельтов населяют лишь Уэльс.

Ну а памятник королеве Боудикке высится в Лондоне. По-прежнему она призывает к борьбе с завоевателями. Самоотверженность патриотизма не умирает в веках.

Звезда угасающей античности

Основанная Александром Македонским в 332—331 годах до н. э. в дельте Нила Александрия после смерти великого завоевателя стала на три века столицей царства Птолемеев, а когда в 30 году до н. э. Египет был включен в состав римской державы, город остался центром императорской провинции. С первых лет своего существования Александрия была не только административной столицей Египта, но и культурным и научным центром всего античного мира.

Здесь находилось одно из семи чудес света — Фаросский маяк высотой около 120 метров, свет которого был виден с расстояния 60 километров. А свет науки и культуры, который излучали Мусейон и Библиотека, распространялся на весь античный мир. Мусейон был крупнейшим научным учреждением античности, своего рода академией наук, в которой выдающиеся ученые со всей ойкумены занимались исследованиями в области филологии, астрономии, математики, зоологии, ботаники, медицины. Александрийская Библиотека, насчитывав-

шая в лучшие времена в своих хранилищах до 400 тысяч свитков и приобретавшая все литературные и научные произведения, которые существовали в то время, была самой знаменитой в античном мире. В Александрии работали или были с ней связаны едва ли не все крупные ученые эллинистической и римской эпохи: Эвклид, Архимед, Эратосфен, Аполлоний Родосский, Клавдий Птолемей, Гален и многие другие.

За многовековую историю своего существования Александрия испытала немало тяжелых ударов, которые не миновали Мусейон и Библиотеку. Смутный III век, полный анархии и хаоса и едва не ввергший Римскую империю в гибель, оказался губительным и для александрийской науки: в 272 году в результате осады римлянами восставших александрийцев была уничтожена значительная часть Библиотеки, а Мусейон прекратил свою деятельность. Однако большая часть Библиотеки (так называемая Малая Библиотека) еще оставалась на территории храма Сераписа, в самой же Александрии продолжали жить и работать ученые.

С начала IV века на античную культуру активно наступала новая сила — христианство. В результате процесса христианизации, охватившего все сферы жизни позднеантичного общества, Римская империя становилась христианской. Главным противником и конкурентом христианства в обществе в IV веке было язычество, и именно против старой религии растущая церковь наносила свои основные удары, добившись к концу столетия ее окончательного политического поражения. Однако язычество в глазах и христиан, и нехристиан неизбежно ассоциировалось с античной культурой. И хотя среди христиан в то время было немало образованных и умных людей, воспитанных на лучших традициях античности и высоко ценящих ее культуру, философию, науку, основная масса христиан и церковь в целом относились к античной культуре весьма враждебно, усматривая в ней не просто серьезного противника новой христианской культуры, но и порождение языческой религии, столь ненавидимой христианами.

Античная культура не могла погибнуть вместе с уходом с политической арены язычества и победой к концу IV века церкви, ее не могли упразднить ни указы христианских императоров, ни постановления вселенских церковных соборов. Да и многие передовые деятели церкви понимали, что античная культура — это тот фун-

дамент, без которого не может существовать ни человеческая цивилизация, ни само христианство. Тем не менее вандализм христианских монахов, усердно уничтожавших языческие храмы, статуи античных богов и весь их антураж, не мог миновать и тех ценностей, которые выходили за рамки собственно религии. Основной массе малограмотных христиан и папирусные свитки, содержащие научные трактаты и литературные произведения, казались столь же подозрительными, сколь и люди, которые с ними работали. Особое недоверие, разумеется, было к тем библиотекам и к тем ученым, которые находились при языческих храмах.

16 июня 391 года римский император-христианин Феодосий издал эдикт, адресованный префекту Египта Евагрию. Этот эдикт запрещал жертвоприношения, закрывал доступ в языческие храмы и осуждал почитание изображений, созданных человеческой рукой. Воспользовавшись этим указом, который фактически запрещал языческий культ, епископ Александрии Феофил решил захватить все храмы в городе. Из пустынь были призваны монахи и отшельники, мобилизованы фанатичные христиане города, и даже сам префект помог епископу, направив ему в поддержку солдат. Главным объектом нападения всей этой невежественной и фанатичной армии стал главный из оставшихся языческих храмов Александрии Серапеум. Под предводительством Феофила неистовая толпа, не встретив никакого сопротивления, буквально сровняла Серапеум с землей. «Они сражались столь благородно против статуй и поставленных по обету изображений, — писал языческий историк Евнапий, — что не только завоевали их, но и расхитили, оставив лишь пол Серапеума из-за тяжелого веса плит, которые трудно было сдвинуть с места». Вместе с Серапеумом была уничтожена и Малая Библиотека, которая содержала уцелевшие от предыдущих потрясений письменные памятники античной науки и литературы.

Это бессмысленное уничтожение бесценных сокровищ человеческого разума легло грязным пятном на историю античного христианства. Однако александрийские христиане оставили не только грязный, но и кровавый след в античной культуре. Свет звезды угасающей античности — Ипатии сиял как раз в промежутке между этими трагическими событиями, и эта женщина явила собой как последний расцвет александрийской науки, так и ее закат.

Точных данных о дате рождения Ипатии нет. Обычно называют приблизительно 370 год, но без серьезных оснований. Во всяком случае Ипатия, несомненно, была уже в сознательном возрасте, когда христианские фанатики разрушали Серапеум и уничтожали Библиотеку, а возможно, и была очевидцем этого варварства. Вероятно, юная Ипатия восприняла это печальное событие достаточно остро и болезненно, так как ее отец Феон был одним из видных ученых александрийской школы и с детства привил дочери любовь к наукам и стремление к знаниям. Сам Феон известен прежде всего как комментатор научных произведений своих более знаменитых предшественников, и наиболее значительными его трудами были комментарии к «Альмагесту» Птолемея и новое издание «Начал» Эвклида. Помимо научной деятельности Феон преподавал математику в Александрийском университете*.

Отец дал Ипатии прекрасное образование. Как отмечал Филосторгий, «она сделалась гораздо сведущее учителя, особенно в астрономии, и познаниями в математических науках превосходила многих». Углубленное изучение точных наук заставило Ипатию задуматься над более общими проблемами, что вылилось в серьезное увлечение философией, в частности самым популярным учением поздней античности — неоплатонизмом. Являясь продолжательницей Плотина, Порфирия и особенно Ямвлиха, Ипатия свободно толковала сочинения таких выдающихся мыслителей прошлого, как Платон и Аристотель. И в философии, как говорили современники, она превзошла всех своих предшественников. Именно благодаря Ипатии на закате античности александрийская школа неоплатонизма достигла значительных успехов, и вновь, как и прежде, в Александрию стали стекаться отовсюду люди, жаждущие получить ответы на самые жгучие вопросы человеческого бытия.

Сочинения Ипатии не дошли до нас, но сохранился их перечень в греческом словаре XI века «Суда». Это — комментарии на математические труды Диофанта и Аполлония и на астрономический канон Птолемея. В перечне не упоминается ни одной чисто философ-

* Учебные заведения античности подобного рода можно называть университетами лишь с известными оговорками. Это были педагогические центры высшей ступени. В конце обучения практиковались дополнительные занятия, форма и продолжительность которых зависели от желания студента.

ской работы Ипатии, и вообще о ее философских воззрениях известно мало, хотя некоторые косвенные сведения о ее взглядах можно почерпнуть из писем ее ученика Синезия.

Когда Ипатия завершила свое образование, блеск ее ума и таланта оказался столь ярким, что ей была предложена философская кафедра. Эта должность давала ей место и в городском совете, где она могла участвовать в управлении городом. Сейчас все это может показаться совершенно обычным, но для начала V века это было настоящей сенсацией. Впервые в истории женщина стала профессором, мало того, Ипатия — вообще единственная женщина, имя которой сохранилось в истории греческой науки за более чем тысячелетнюю ее эпоху.

Тот факт, что последний расцвет александрийской, да и, пожалуй, вообще всей античной науки связан с именем женщины, заслуживает особого внимания.

Положение женщины в обществе в разные периоды античности было неодинаковым. Однако общей тенденцией являлось повышение ее социального статуса, который стал почти равным статусу мужчины во времена Империи. В I—II веках большинство римлянок получали по крайней мере начальное образование, многие участвовали в общественной жизни, а некоторые даже оказывали влияние и на политические события. Усилился интерес женщин к литературе, искусству, истории и философии. Укрепилось их правовое положение: они могли распоряжаться своим имуществом и вступать в брак по собственной инициативе. В эпоху поздней античности социальный статус женщины вновь начал понижаться, и это в значительной степени было связано с распространением христианства, которое зачастую видело в женщине «сосуд зла» или «врата дьявола». Хотя формально правовое положение женщины не претерпело существенных изменений, к V веку ее свобода оказалась сильно урезанной: снизился уровень образованности, распространялись взгляды о ее неполноценности, уделом свободной женщины становилось монашество и отречение от всех мирских благ, а главной обязанностью замужней оставалось служение домашнему хозяйству.

В связи с этим пример Ипатии является особо выдающимся. В ее лице стремление женщины античности достичь полной свободы и стать равной мужчине даже в философии достигло самого полного и законченного

воплощения. Вместе с тем пример Ипатии являл собой протест против наступления христианства и на статус женщины, и одновременно на античную культуру. Во всяком случае, трагическая судьба Ипатии свидетельствует о том, что многие рядовые христиане воспринимали философа в платье именно как противоречие христианским нормам, как протест против христианизации.

Пожалуй, еще одной немаловажной причиной неприязни христиан к Ипатии была ее красота; и это наряду с острым умом и тем положением, которое она занимала, сделало ее центром внимания в образованных кругах Александрии. На ее лекции приходили толпы восхищенных поклонников. Один из них, поэт Паллад, увековечил в стихах образ такой Ипатии, какой она виделась благоговевшим перед ней современникам:

Когда ты предо мной, и слышу речь твою,
Благоговейно взор в обитель чистых звезд
Я возношу,— так все в тебе, Ипатия,
Небесно — и дела, и красота речей,
И чистый, как звезда, науки мудрой свет...

Одни говорили, что по внешности она подобна самой Афине Палладе, другие видели в ней воплощение духа Платона и тела Афродиты, третьи выражали свое восхищение, сравнивая ее сразу с тремя великими греческими богинями, явившимися накануне Троянской войны на суд Париса с яблоком раздора, на котором было написано «прекраснейшей»: Ипатия — Афина по уму, Гера по величественной осанке, Афродита по красоте.

Однако ее свободные и непринужденные встречи с образованными людьми и известность ее жизни давали много поводов для сплетен и пересудов. Женщины тоже смотрели на нее с подозрением и нередко называли мужеподобной и обвиняли в нескромности. Она действительно ходила по улицам в одежде философа (а таковыми до сих пор были только мужчины), свободно общалась со всеми, кто желал учиться или получить разъяснения трудных мест из Платона и Аристотеля, она вела себя свободно и непринужденно, именно так, как подобает вести себя свободной женщине, но, будучи умной женщиной, она никогда не переступала рамок приличия. Церковный историк Сократ, которого трудно упрекнуть в симпатиях к язычникам и к женщи-

нам, счел возможным написать об Ипатии: «По своему образованию, имея достойную уважения самоуверенность, она со скромностью представляла даже пред лицо правителей, да и в том не поставляла никакого стыда, что являлась среди мужчин, ибо за необыкновенную ее скромность все уважали ее и дивились ей».

Еще одним поводом для сплетен вокруг Ипатии являлось то, что она была не замужем. Во всяком случае, на это нет ни одного намека в современных ее жизни источниках*. Между тем Ипатия постоянно находилась в окружении мужчин, и неудивительно, что некоторые ее ученики пылали к ней любовью. «Суда» приводит один скандальный эпизод, весьма показательный для понимания той атмосферы, которая нередко сопутствовала ее имени. Когда один из учеников Ипатии признался в своей страсти к ней, она охладила его пыл таким образом: задрав платье, она показала «знак порочного рождения» и произнесла: «Это, молодой человек,— то, во что ты влюблен, и в этом нет ничего прекрасного». Несомненно, что многие сплетни подобного рода ходили по Александрии, и целью их было создать дурную славу вокруг женщины, которая была так непохожа на других.

Однако попытки опорочить Ипатию, видимо, не имели успеха и не воспринимались всерьез. Ее дом всегда был полон гостей, ее лекции приезжали слушать люди со всех концов мира, ее ум, знания, красноречие, скромность и красота опровергали любые домыслы.

О влиянии Ипатии на учеников ярко свидетельствуют письма Синезия Киренского, который после окончания обучения уехал из Александрии, но продолжал поддерживать контакт со своей учительницей, оставаясь ее горячим почитателем до самого конца, несмотря на то что он принял христианство и стал епископом Птолемаиды. Близкая дружба Ипатии и Синезия свидетельствует о том, что не все христиане видели в ней врага, несмотря на все, о чем уже говорилось. Синезий обращался к Ипатии как к матери, сестре и учительнице, называл ее благодетельницей и «истинным руководителем священных таинств философии». Епископ выражал столь трогательную и искреннюю преданность своей учительнице-

* Позднее появилась ложная традиция, которая называла ее мужем философа Исидора. Однако известный нам философ с таким именем родился позже гибели Ипатии, а среди ее окружения современными ей источниками ни разу не упоминается это имя.

язычнице, что это заставляет усомниться в искренности его христианских убеждений, но, с другой стороны, это показывает, что разница между образованными христианами и язычниками не была в то время столь резкой, как это нередко представляется.

Но если дружба с епископом Синезием могла быть выгодной для Ипатии-язычницы, жившей в условиях усиливавшегося давления со стороны христиан, то ее близкие отношения с язычником Орестом, префектом Египта, явились, по существу, одной из главных причин ее гибели.

В 412 году место умершего Феофила на александрийском патриаршем престоле занял его племянник Кирилл, который имел не меньшие амбиции в достижении безраздельной власти, чем его предшественник, но превосходил его в искусстве интриги и в выборе неблагоприятных средств для достижения своих целей. Следует заметить, что роль александрийского патриарха в то время в церковных делах была очень велика: александрийская церковь в первой половине V века (до Эфесского собора 449 года), в сущности, стояла во главе восточной церкви. И главной целью Кирилла в первые годы его правления было добиться власти над светским правителем Египта, императорским августалом — префектом, а также сделать Александрию исключительно христианским городом, для чего требовалось искоренить язычество, еще процветавшее в школах (в том числе и там, где Ипатия занимала свою кафедру), и изгнать из города евреев, которые исповедовали иудаизм и составляли значительную (и весьма богатую) часть населения.

Кирилл Александрийский был фанатичным тираном церкви, и Ипатия оказалась самой знаменитой из его жертв. Он ненавидел ее за славу, за ум, за красоту, за независимость, за тот свет, который она несла своим ученикам, за то влияние, которое она оказывала на всех образованных людей, за ее проповедь богопротивного учения, окрашенного проклятым церковью язычеством. Наконец, другом Ипатии был префект Орест, власть которого стояла поперек горла у самолюбивого патриарха.

Однако свой первый удар Кирилл решил нанести по иудеям. Для этого был использован религиозный фанатизм александрийских христиан из простонародья, ответственность за нужды которого патриарх возлагал на богатых евреев. Нужно заметить, что александ-

рийская беднота (христиане в своем большинстве) была крайне возбудима и взрывоопасна, и это ее свойство нередко использовали власть имущие. «Александрийская чернь,— писал Сократ Схоластик,— любит возмущения больше всякой другой черни и, когда находится повод, устремляется к нестерпимым злодеяниям, ибо без крови не успокаивается от волнения». Эту особенность александрийцев и постарался использовать Кирилл, направив в театр, где по субботам собирались евреи, своих приверженцев. В их числе особо выделялся некий Иеракс, «учитель детских наук», один из наиболее пылких слушателей и почитателей Кирилла. Этот Иеракс вызвал возмущение иудеев, справедливо полагавших, что его присутствие повлечет возбуждение народа и может привести к столкновению. Ввиду того что во время театральных представлений эксцессы подобного рода уже случались, префект Орест установил в театре дежурство полиции и присутствовал сам. Зная, что Кирилл хотел иметь надзор за его действиями и что именно поэтому в театре оказались его сторонники, и понимая, что Иеракс готовит какую-то провокацию, Орест во избежание неприятностей приказал арестовать его.

Узнав об аресте Иеракса, Кирилл позвал к себе лидеров иудейской общины и, обвинив их во всевозможных грехах, пригрозил им всяческими бедами, настойчиво склоняя к тому, чтобы они покинули город. Вероятно, угрозы не возымели действия, и поэтому патриарх решился на гнусную провокацию. Ночью в Александрии раздались крики, будто горит главная церковь города. Многие выбежавшие на улицу христиане неожиданно подверглись нападению и были убиты. Кирилл объявил виновными в этой кровавой бойне иудеев, которые якобы именно таким образом ответили на предложение патриарха удалиться из Александрии.

Возбужденная толпа христиан под предводительством Кирилла двинулась к иудейским синагогам, громя по пути дома евреев. Синагоги были объявлены собственностью церкви, имущество евреев разграблено, а сами они изгнаны из города.

Орест был бессилен что-либо сделать и послал донесение о случившемся в Константинополь. Свою версию о происшедшем направил в столицу и Кирилл. Центральная власть, однако, предпочла не вмешиваться в александрийские дела. Императором Восточной Римской империи был в то время малолетний Феодосий II

(408—450), но во главе правления стояла его старшая сестра Пульхерия. Она была столь фанатичной христианкой, что даже при своем дворе ввела монастырские порядки. Языческая интеллигенция в Константинополе находилась в оппозиции, Феодосий II всецело был под влиянием сестры, а Пульхерию вполне устраивала политика Кирилла по отношению к нехристианам в Александрии. Поэтому константинопольский двор остался глух к жалобам язычника Ореста на произвол христиан.

Попытки Кирилла обратить Ореста в христианство и подчинить его своему влиянию были решительно пресечены последним, и вражда между патриархом и префектом еще более усилилась. Обстановка в городе накалялась. Дополнительную напряженность внесли нитрийские монахи, которые ревностно отстаивали христианство, громя языческие храмы еще при Феофиле. Теперь, прибыв в Александрию в количестве около 500 человек, они решили столь же усердно сражаться и за Кирилла. Вероятно, патриарх сказал им, что виновником всех бед александрийских христиан является Орест, и монахи обратили свой гнев на префекта. Проезжавший по улице Орест был окружен злобно настроенными монахами и подвергся с их стороны всевозможным оскорблениям. Его довели до того, что он даже признал себя христианином, но это не остановило исступленную толпу. Один из монахов, по имени Аммоний, ударил Ореста камнем в голову, и префект упал, обливаясь кровью. На помощь своему правителю бежали жители Александрии, которым удалось разогнать монахов, спасти префекта и арестовать Аммония. Едва оправившись от ранения, Орест приступил к допросу Аммония, а затем подверг его публичным пыткам и мучил его до тех пор, пока тот не умер.

Казалось, Кириллу именно этого и надо было. Патриарх положил тело Аммония в одной из церквей, дал ему новое имя Фавмасий и, прославляя его благочестие, объявил его христианским мучеником, пострадавшим за веру.

Между тем смерть Аммония не изменила позиции ни Ореста, ни Кирилла, а, напротив, подняла их вражду на более высокий уровень. В городе свирепствовали параволаны — отъявленные головорезы, состоявшие на службе у александрийского патриарха. Они были его вооруженной свитой и выполняли любые его поручения, буквально терроризируя жителей Александрии.

Во время этих драматических событий Ипатия не покинула своего друга. Ее часто видели вместе с Орестом, нередко они беседовали наедине. Мы никогда не узнаем, о чем в действительности они говорили, но, как это уже неоднократно случалось, по городу была пущена сплетня, что именно Ипатия препятствует Оресту помириться с Кириллом, что именно она настраивает префекта против христиан и убеждает его чинить им козни. Любая другая сплетня в другой обстановке могла быть либо обращена в шутку, либо оставлена без внимания как очевидная ложь. Теперь же в накаленной до предела атмосфере Александрии такая сплетня была равносильна смертному приговору. Тем более, что главной фигурой здесь была Ипатия, столь ненавидимая христианами и столь недоступная для них.

Это случилось в марте 415 года. Ничего не подозревавшая Ипатия, возвращаясь откуда-то домой, неожиданно подверглась нападению со стороны отряда параволанов, которым руководил некий Петр. Источники не дают оснований прямо утверждать, что на это нападение дал санкцию сам Кирилл, но, зная склонность патриарха к неблагоприятным поступкам и учитывая тот факт, что параволаны обычно действовали по его указанию, нельзя полностью отрицать ответственности главы александрийской церкви за происшедшее. Даже если считать, что религиозные фанатики действовали по собственной инициативе и что они сами ненавидели Ипатию не меньше Кирилла, последний сделал достаточно много для того, чтобы толкнуть верящих ему людей на бесчеловечное деяние.

Свирепые головорезы силой выволокли Ипатию из повозки и потащили к церкви под названием Цезарион. Прекрасную женщину раздели донага*, избili ненавистную плоть, носившую в себе все лучшее, что еще сохранялось от славной античности, и предали страшной казни: острыми устричными ракушками и черепками ее тело разорвали на куски, а затем бранные останки вынесли из храма, разбросали по городу или сожгли.

Это жуткое жертвоприношение потрясло всех. Даже Кирилл скорбел о случившемся, ибо такая расправа не вписывалась ни в какие христианские и человеческие нормы. Впоследствии и вся христианская церковь чув-

* Великий Вольтер заметил в связи с этим: «Прекрасных дам обнажают вовсе не для того, чтобы убить».

ствовала неловкость за это кровавое преступление зверствующей толпы, вдохновленной лидером александрийских христиан, и пыталась выгородить Кирилла, столь ревностно всю жизнь боровшегося за торжество христианства. Однако нельзя не согласиться с замечанием Э. Гиббона, что «убийство Ипатии наложило несмыслимое пятно на характер и религию Кирилла Александрийского».

Общественный резонанс, вызванный ужасным убийством Ипатии, был столь велик, что возмущение охватило даже Константинополь. Правительство не могло пройти мимо этого чудовищного преступления, и, так как отчеты Кирилла и Ореста во многом противоречили друг другу, Пульхерия направила в Александрию своего специального представителя Эдесия, который должен был заняться расследованием. Следствие тянулось долго, и его единственным результатом стало то, что параволаны были признаны опасными. Правительство издало специальный эдикт (29 сентября 416 года), который ограничил их число до 500, запретил им появляться в общественных местах и подчинил их префекту. Ни один из участников изуверской расправы над Ипатией не был наказан, и в Александрии ходили слухи, что Эдесий был подкуплен Кириллом и его приближенными. А спустя два с лишним месяца — 7 декабря 416 года — то же правительство издало новый эдикт, удалявший язычников с административных постов и из армии, показав тем самым, что никакого ущемления христиан и церкви оно не допустит.

Ипатия пала жертвой религиозного фанатизма и обстоятельств. Ее гибель была предрешена всем ходом событий. «Афина по уму, Гера по величественной осанке, Афродита по красоте» была последней звездой античности, осветившей своим ярким светом ее угасающий небосвод. После смерти Ипатии александрийская школа пришла в упадок, и вскоре господство там христиан стало безраздельным, но оно уже не дало человечеству ни одного столь яркого имени.

Спустя некоторое время Ипатия стала языческой мученицей, и ее почитали едва ли не так же, как христиане почитают своих многочисленных мучеников и святых. Так две религии как бы примирились и сошлись в образе этой необыкновенной женщины, трагическая судьба которой до сих пор не может оставить равнодушным ни одного человека, независимо от его веры.

Императрица Феодора

Одной из самых ярких и своеобразных фигур, когда-либо занимавших византийский престол, была Феодора, жена императора Юстиниана. История Феодоры, женщины необычной судьбы, женщины, шагнувшей с подмостков сцены на императорский престол, во все времена вызывала любопытство и интерес. Современники рассказывали о ней самые невероятные истории, которые позднее были украшены новыми романтическими подробностями. Благодаря легендам о ее приключениях, получившим распространение на Западе и Востоке, в Сирии и среди славян, Феодора стала единственной из всех византийских императриц, известных широкой публике.

Однако легенды остаются легендами. Что же касается подлинной истории ее жизни, то до начала XVII века о ней знали не столь уж и много, поэтому видели в Феодоре лишь ловкую авантюристку. Но вот в 1623 году библиотекарь Ватикана Алеманн обнаружил «Тайную историю» — сочинение Прокопия Кесарийского, одного

из крупнейших историков Византии, занимавшего видные посты в империи Юстиниана. В этом произведении довольно обстоятельно описаны скандальные подробности жизни Феодоры, показана атмосфера императорского двора, заполненная борьбой за власть, интригами и клеветой. Прокопий не пожалел темных красок при описании жизни Феодоры, поэтому неудивительно, что после обнаружения его сочинения с именем Феодоры было связано представление о распутстве и всевозможных пороках.

К сожалению, история не сохранила других сведений об этой удивительной женщине. Но найденные в последнее время источники по истории Византии дают все же возможность несколько полнее нарисовать портрет и раскрыть истинную историю Феодоры — великой государыни, которая вместе с Юстинианом играла важную роль в управлении Византией.

Некоторые источники местом рождения Феодоры называют Кипр, другие — Сирию. Сейчас трудно сказать, где она родилась. Но известно, что ребенком вместе со своими родителями она была в Константинополе. Некоторые легенды из уважения к императорскому сану, которого Феодора достигла впоследствии, приписывали ей более знатное, более приличное происхождение, называя ее отца сенатором. Но в действительности же она родилась в очень бедной семье. Отец Феодоры — Акакий, родом из Сирии, был смотрителем медведей на константинопольском ипподроме, поэтому его называли «медвежатником». Принадлежал он к цирковой партии прасинов («зеленых»)*. Акакий заболел и умер, оставив в большой бедности вдову и трех маленьких дочерей. Чтобы сохранить за семьей должность покойного, мать будущей императрицы решила выйти замуж за человека, который занял бы место смотрителя медведей и заботился бы о детях. Но для этого необходимо было согласие Астерия, главного предводителя партии «зеленых», который, кстати сказать, получил

* Большая роль зрелищ, особенно конных ристаний на ипподроме и цирковых представлений, породила образование цирковых партий, которые различались по цвету одежды правивших колесницами возниц. В Константинополе и других городах ранней Византии существовали четыре цирковые партии, из которых доминирующую роль играли венеты — «голубые» и прасины — «зеленые». Социальный состав цирковых партий был очень пестрым. Между партиями существовали серьезные социально-политические и религиозные разногласия.

довольно крупную взятку от другого кандидата на эту должность.

Чтобы добиться своей цели, мать Феодоры решила склонить на свою сторону народ. И вот однажды, как пишет Прокопий Кесарийский, когда она «увидала, что весь народ собирается на зрелище охоты, она, надев девочкам на головы венки и дав им гирлянды в руки, поставила их у входа в амфитеатр, как просящих защиты». «Зеленые» не вняли этим мольбам. Но зато венеты (партия «голубых»), стремившиеся сделать что-нибудь наперекор своим противникам, возвратили семье должность отца, тем более что у них место надсмотрщика за зверями было свободным. Это пренебрежительное равнодушие «зеленых» к судьбе семьи «медвежатника» глубоко запало в душу еще маленькой Феодоры. Всю жизнь она не могла забыть это оскорбление и с ненавистью относилась к партии «зеленых». Возможно, именно тогда в ней зародились те черты, которые впоследствии так сильно развились: злопамятство и мстительность.

Маленькая Феодора вместе со своими сестрами выросла в довольно-таки сомнительном обществе закусных завсегдатаев ипподрома и, вполне естественно, оказалась подготовленной к своей будущей жизни. Комито, старшая сестра Феодоры, с успехом работала на сцене, и нередко девочка играла при ней роль маленькой горничной. Затем Комито стала брать ее и на светские вечера, где Феодора увидела всю грязь людских отношений, все темные стороны жизни. Когда она выросла, то, естественно, стала искать счастья там, где его нашли члены ее семьи. Она стала актрисой. Но в отличие от сестры она предпочла танцам и пению выступления в «живых картинах», в которых появлялась без всякого покрывала, пленяя зрителей своей необыкновенной красотой и изяществом. Она выступала и в пантомимах, в которых особенно ярко проявились ее живость, привлекательность, задор.

Панегиристы говорили о том, что Феодора была красоты несравненной, «такой, что слова и искусство людей не в силах ее изобразить». По мнению ее порицателей, она была хорошенькой женщиной, невысокого роста, крайне грациозной, с несколько бледным лицом, с глазами, исполненными живости. Феодора в действительности была необыкновенно красива, и это не скрывает даже ненавидевший ее Прокопий Кесарийский.

«Феодора, — пишет он, — была красива лицом и в общем изящна, но невысокого роста; кожа ее была не совсем белой, а скорее матового оттенка; ее взгляд был ясный, пронизательный и быстрый».

Эту красоту и очаровательность Феодоры не доносит до нас в полной мере ее официальный портрет, находящийся в церкви Св. Виталия в Равенне. Феодора изображена на мозаике поблекшей красавицей с усталым и задумчивым лицом. Облаченная в царские одежды, она кажется немного выше ростом. Под короной, скрывающей лоб, — нежное, несколько худощавое лицо с длинным, прямым, правильной формы носом. Единственная характерная черта сохранилась на этом портрете — большие черные глаза, сверкающие из-под темной линии сросшихся бровей.

Феодора пленяла всех не только своей красотой. Она была умна, остроумна, весела. Поэтому когда актриса появлялась на сцене, то тотчас обращала на себя всеобщее внимание. Феодора быстро добивалась успеха не только в театре, но и вне его. Благодаря своему пылкому темпераменту, влюбчивости, прирожденному влечению к удовольствиям, вызывающей нескромности, Феодора прославилась своими безобразными кутежами, сквернословием, толпой поклонников и заставляла весь Константинополь говорить о множестве ее ужасных и скандальных приключений. «Она была не только сама бесстыдной, но и гениальной учительницей всякого бесстыдства». Феодора настолько скомпрометировала себя, что «более приличные люди, — замечает Прокопий, — встречаясь с нею на площади, уклонялись и поспешно отходили от нее, чтобы, коснувшись одежд этой женщины, не заразиться такой грязью и нечистью».

Феодоре в то время было около двадцати лет.

Таковы данные об этом периоде ее жизни, которые приведены в «Тайной истории». Если принять их в буквальном смысле, то «Мессалина оказалась бы в сравнении с Феодорой едва ли не достойной уважения». Трудно оспаривать степень достоверности приводимых Прокопием данных. Ведь он был современником Феодоры, человеком, близким к императорскому двору, знавшим сокровенные тайны личной жизни Феодоры и Юстиана.

После такого бурного начала жизни Феодора на некоторое время вдруг исчезла из столицы. Возможно, ей хотелось вырваться из своей шумной среды или до-

биться какого-нибудь более прочного положения. Но оказывается, что именно в это время она увлеклась неким сирийцем Гекеболом, который получил должность губернатора в одной из африканских провинций. Вместе со своим возлюбленным Феодора отправилась в Африку. Однако их роман был непродолжительным. Не известно, по какой причине, но Гекебол вскоре выгнал Феодору. Она осталась одна в чужих краях, без средств к существованию. Поэтому ей приходилось зарабатывать себе на жизнь проституцией, о чем Прокопий с важностью знатока сообщает следующее: «...по воле дьявола, ни одно место на свете не оставалось в неведении распутства Феодоры».

Долгое время Феодора пребывала в Александрии, научном и культурном центре тогдашнего мира, где не могла не попасть под влияние той среды, в которую ее забросили обстоятельства. Здесь она познакомилась со многими известными людьми, среди которых были представители монофиситства (учения о единой природе бога, признававшего в Христе только божественное начало), сблизилась с патриархами Тимофеем и Севером Антиохийским, известными своей святой жизнью. Можно полагать, что именно здесь, в Александрии, в ней произошел какой-то перелом: кающаяся куртизанка возродилась к новой христианской, более чистой жизни. Когда она вернулась в Константинополь, уставшая от скитальческой жизни и всевозможных приключений, то круто изменила свой образ жизни. Некоторые предания свидетельствуют, что в это время она вела уединенную, тихую и вполне нравственную жизнь. Поселившись в скромном маленьком домике, она занималась рукоделием и прядла шерсть, как римские матроны доброго старого времени. И этим она зарабатывала себе на жизнь. Здесь-то ее и встретил Юстиниан и «безумно влюбился».

Трудно сказать, разыграла ли Феодора с целью его привлечения комедию скромности и добродетели. Во всяком случае, обладая небывалой красотой, светлым умом, остроумием, твердым и решительным характером, она могла вызвать глубокие чувства у Юстиниана, не столь уже молодого человека, занятого политикой и своим будущим.

Юстиниан был племянником царствовавшего в то время императора Юстина (518—527), который, не имея наследников, пригласил в столицу сына своей сестры,

дал ему блестящее образование в духе лучших традиций античной науки и формально назначил наследником, а фактически доверил ему управление.

Феодора окончательно овладела Юстинианом. Безумно влюбленный, он не отказывал ей ни в чем. Феодора любила деньги — он осыпал ее богатствами, она жаждала поклонения и почестей — он выхлопотал у дяди причисление ее к патрицианскому сословию. «Для этого человека,— пишет Прокопий,— было самым большим удовольствием, что обычно случается с безумно влюбленными, оказывать своей любовнице всевозможные милости и осыпать всякими богатствами».

Связь с Феодорой оказалась настолько прочной, что Юстиниан решил во что бы то ни стало на ней жениться. Император Юстин, который мало придавал значения знатности происхождения, без колебания дал своему любимому племяннику согласие на этот брак. Но для того, чтобы жениться на Феодоре, Юстиниану пришлось преодолеть большие трудности. Дело в том, что римское право запрещало браки сенаторов, патрициев и других высокопоставленных лиц с женщинами низкого происхождения, актрисами и куртизанками. Это препятствие Юстиниану удалось преодолеть. Он склонил, а может быть, и заставил старого императора к изданию закона, по которому отныне актрисам, отказавшимся от прежнего образа жизни, было разрешено заключать браки.

Второе препятствие возникло с той стороны, откуда его менее всего ожидал Юстиниан. Императрица Евфимия, жена Юстина, несмотря на безграничную любовь к племяннику и привычку исполнять все его желания, решительно воспротивилась этому браку, не желая видеть Феодору своей преемницей. Поэтому, «пока была жива императрица Евфимия, Юстиниан никак не мог добиться того, чтобы сделать Феодору своей законной женой». Но в 523 году Евфимия умерла, и таким образом все препятствия были устранены.

В 525 году в соборе Св. Софии состоялось бракосочетание Юстиниана и Феодоры. В апреле 527 года Юстин, чувствуя приближение смерти, усыновил Юстиниана и сделал его своим соправителем. В том же кафедральном соборе Св. Софии патриарх Константинопольский торжественно короновал Юстиниана на императора. Этот триумф разделила со своим супругом и Феодора, ставшая отныне императрицей. А затем, по

византийскому обычаю, Юстиниан и Феодора, только что коронованные, окруженные патрициями и гвардией, явились в цирк, чтобы в императорской ложе занять места на золотом троне и, согласно обряду, осенить крестным знаменем головы собравшихся людей. Феодора принимала приветствия и пожелания успехов от народа на том самом ипподроме, который некогда был свидетелем ее актерских дебютов.

Итак, Феодора сделала совершенно небывалую карьеру. Начался новый этап в ее жизни. И перед нами предстает совсем другая Феодора — великая императрица одного из крупнейших государств мира, занимавшая рядом с Юстинианом блестящее положение, но вместе с тем существо деспотическое и высокомерное, вспыльчивое и страстное.

На портрете в церкви Св. Виталия в Равенне под уединенным сводом, выложенным блестящей золотой мозаикой, Феодора изображена во всем блеске своего величия. Ее одежда поражает роскошью. Длинная мантия лилово-пурпурного цвета свободно драпируется в красивые складки. На подоле ее пурпурного плаща вышиты фигуры трех волхвов, подносящих дары Богоматери. На голове, окруженной сиянием, красуется золотая диадема, осыпанная дорогими камнями, нити жемчуга и алмазов переплетаются в ее волосах и ослепительным каскадом ниспадают на грудь.

В таком виде Феодора предстала потомству на официальном портрете. В таком же виде при жизни она появлялась и перед своим народом. Всегда изящная и желающая всем нравиться.

Редкий человек незнатного происхождения, пробившийся в аристократическое общество, так быстро осваивался со своим новым положением, так быстро привыкал к своему величию, как это произошло с Феодорой. Редкая императрица, даже царской крови, испытала, подобно Феодоре, столько радостей и удовольствий, которые дает обладание высшей властью.

Феодора, в противовес своему царственному супругу, щеголявшему простотой, была чрезмерно склонна к роскоши и различным утехам, которые ей обеспечивались верховной властью. Ей доставляло огромное удовольствие в своих покоях императорского дворца в Константинополе и на своей пышной вилле на малоазийском берегу окружать себя всевозможной роскошью и изяществом. Она любила дорогие туалеты, блеск пурпур-

ных, шитых золотом, мантий, редкие драгоценности, алмазы, жемчуг. Она считала, что изысканный стол — одна из неотъемлемых прерогатив высшей власти. Поэтому ее стол всегда сервировался с отменным и тонким вкусом. Она не могла довольствоваться таким плохим обедом, каким мог обходиться Юстиниан. Она любила пышные и торжественные выезды. Когда Феодора путешествовала, ее сопровождала царская свита, целый двор патрициев, высоких сановников, министров и конвой в количестве четырех тысяч гвардейцев.

Как очень хитрая и кокетливая женщина, Феодора понимала, что красота — верная гарантия ее могущества. Поэтому слишком много внимания и заботы она уделяла своей внешности. Чтобы придать нежность и очарование своему лицу, Феодора всегда спала очень долго. Для сохранения цвета лица и придания ему большей свежести она часто и подолгу принимала ванны, за которыми следовали долгие часы отдыха.

Всю свою жизнь Феодора страстно любила богатство и деньги. У императрицы было довольно большое собственное состояние, которым она распоряжалась по своему усмотрению, не спрашивая советов императора, даже не уведомляя его. Феодора имела значительные богатства уже с самого начала своей связи с Юстинианом. Но этим она не ограничилась. По случаю брака будущий император назначил ей значительную вдовью часть, которая затем все более увеличивалась. Ее имения в Понте, Каппадокии, приносившие ей 50 фунтов золотом годового дохода, были настолько велики, что для их управления потребовалась специальная администрация.

Огромные богатства — это одно из важных условий могущества Феодоры. Она одаривала церковь и благотворительные учреждения, делала пожертвования на строительство. Проявляя заботу о росте собственного состояния, она не меньше заботилась об обеспеченном будущем своих родственников. С помощью удачных браков она делала их состоятельными людьми, не забывая при этом и себя. Ее старшая сестра Комито вышла замуж за довольно богатого офицера высокого чина. Неизвестно, за кого Феодора выдала свою дочь, которую она имела до брака с Юстинианом. Но, во всяком случае, сын ее дочери, Афанасий, был необычайно богат и пользовался огромным влиянием во дворце. Императрица стремилась увеличить и без того огромное состоя-

ние Афанасия посредством его брака с единственной дочерью известного византийского полководца Велисария. Наконец, она устроила брак своей племянницы Софии с племянником Юстиниана, предполагаемым наследником престола.

Феодора очень дорожила видимыми удовольствиями власти, поэтому придавала большое значение всякого рода почитанию. Она обожала этикет во всей его сложности. Следует заметить, что за два века до начала правления Юстиниана значительно усложнился церемониал в жизни императоров, заменив собою простоту правления первых цезарей. Но с приходом Юстиниана и Феодоры придворная жизнь получила дальнейшую регламентацию. Феодора находила удовольствие в том, чтобы усложнять и без того не простой церемониал. Отныне отработанный до мелочей этикет определял отношения между императором и придворными. В былое время доступ к государям был довольно прост, теперь же требовалось подчинять свое положение и свою речь предписаниям церемониала. Раньше, как вспоминает Прокопий Кесарийский, существовал такой обычай: «Сенат, являясь к императору, обычно приветствовал его следующим образом. Кто был родом патриций, целовал его в правую часть груди, а император, отпуская его, целовал его в голову; все же остальные уходили, преклонив перед императором правое колено. Приветствовать и поклоняться императрице — такого обычая не было».

При Юстиниане и Феодоре эти требования церемониала были доведены до крайности. Все, кто являлся к ним на прием, «не исключая и тех, которые носили высокое звание патрициев, падали перед ними ниц, вытянув во всю длину руки и ноги, затем, облобызав ту и другую ногу у обоих императоров, они поднимались. Таким образом и Феодора не отказывалась от такого поклонения». Кроме того, Феодора требовала, чтобы в разговоре ее постоянно титуловали «Ваше Величество». Она в особенности была неумолимо требовательна в отношении точного соблюдения церемониала. Того, кто делал малейшее отступление, Феодора считала «совершенно невоспитанным, дерзким и несдержанным на язык, и он уходил из дворца, как совершивший тягчайшее преступление против этикета и позволивший себе неслыханную и недопустимую дерзость».

Феодора и Юстиниан видели проявление усердия

важных сановников и высших должностных лиц в частом посещении дворца, чего не было в прежние времена. Чтобы быть принятым императрицей, даже для людей, занимавших важные должности в государстве, необходимо было подолгу простаивать в узком и душном коридоре, ведущем в покои Феодоры. Картина раболепия высшей знати в приемной Феодоры поистине потрясает. Знатные особы Византии в рабском ожидании долгие часы и дни простаивали в приемной, а когда из ее покоев выходили евнухи, они поднимались на цыпочки и вытягивали шеи, чтобы обратить на себя внимание. Когда наконец немногие из них попадали к владычице, опять-таки церемониал определял их жесты и речь. Высшие сановники должны были ограничиваться лишь ответами на вопросы государыни, не имея права обращаться к ней самостоятельно. «...Входя к ней с великим страхом, они уходили возможно скорее, только положив перед ней земной поклон и коснувшись краями губ подошвы ее ног. Права говорить с ней или просить ее о чем-либо, если она сама не приказывала, им не представлялось».

Феодора, одержимая истинной страстью властолюбия, стремилась дать почувствовать свою силу и с наслаждением смотрела, как униженно преклоняются перед ней те, которых она некогда ублажала своей игрой на сцене. А вообще-то весь церемониал двора в какой-то мере напоминал театральную обстановку, любовь к которой у Феодоры осталась из ее прошлого.

Став законной супругой Юстиниана и повелительницей огромной империи, Феодора превратилась в добродетельную женщину. Ни один из ее современников, ни один из историков последующего времени, обвинявший Феодору в жадности, честолюбии, ничего не сообщил такого, что дало бы повод усомниться в ее нравственной чистоте. Даже Прокопий, описавший в своей «Тайной истории» бурную молодость этой женщины, не сделал ни малейшего намека на любовную интригу после замужества. Напротив, он подчеркивал, что, после того как Феодора взойшла на трон, она стала самой корректной, самой строгой, самой безупречной из женщин.

Конечно, в этом не следует усматривать какой-то большой нравственной заслуги Феодоры. Безупречность ее жизни после замужества можно объяснить прежде всего тем, что она вышла замуж в довольно уже солид-

ном для восточной женщины возрасте. А во-вторых, она была слишком умна и властолюбива, чтобы компрометировать себя любовными похождениями и интригами. Верховная власть стоила того, чтобы ради ее сохранения предпринять все меры предосторожности. И конечно, эта безупречность жизни Феодоры делает честь ее практическому уму. Кроме всего прочего, эта умная, властная женщина была занята более серьезными делами, чем любовные похождения. Феодора обладала теми высокими качествами, которые оправдывают ее стремление к власти. Благодаря им она сумела в течение всего периода своего правления пользоваться глубоким и заслуженным влиянием на обожавшего ее Юстиниана. Она была для него, по выражению одного из современников, «самым сладостным очарованием». Да и сам Юстиниан в одном из официальных актов с особым удовольствием отметил, что Феодора была «его даром от Бога». Император ни в чем не отказывал своей супруге — ни в почестях, ни в действительном пользовании верховной властью.

Феодора очень дорожила своим влиянием на Юстиниана и поэтому жестоко расправлялась не только с возможными соперницами, но и с теми, кто мог ей повредить в глазах императора. Однажды ей показалось, что придворные заподозрили ее в склонности к одному из своих рабов — Ареовинду, очень красивому юному варвару, которого она назначила хранителем своих драгоценностей. Стремясь снять с себя это подозрение, Феодора приказала подвергнуть юношу наказанию плетьюми. О его дальнейшей судьбе ничего больше не известно.

Феодора не относилась к числу празднолюбивых императриц, упоенных своей властью. Конечно, ей нравился внешний блеск власти. Но она еще больше заботилась о реальном проявлении власти. Крайне честолюбивая, она обладала теми качествами характера, которые побуждали ее к абсолютной власти: сильной и страстной волей, деспотическим и твердым характером, ясным умом, быстрой реакцией, решительностью и осторожностью.

Пока Феодора находилась на императорском троне, она управляла империей в такой же мере, как и Юстиниан, а возможно, даже и в большей. Все летописцы единогласно утверждали, что в важнейших делах она была сотрудницей императора и пользовалась таким же авторитетом, как и он. Юстиниан и сам признавал это.

В одном из его указов написано: «...посоветовавшись в этом случае еще раз с нашей преосвященнойшей супругой, которую Бог наш даровал...» Феодора же открыто заявляла о своем влиянии на Юстиниана. В одном из писем она подчеркивала: «...император никогда ничего не решает, не посоветовавшись со мной». Феодора вмешивалась решительно во все: в дела администрации, в дипломатию, в политику, в дела церкви. Причем она устраивала все так, как хотела. По своему усмотрению она назначала или подвергала опале военачальников и министров, по своему капризу она назначала или низлагала константинопольских патриархов и пап, она не знала меры в возвышении своих любимцев: банкира Петра Барсимеса она сделала начальником императорской стражи; евнуха Нарсеса произвела в высший военный чин; диакона Вигилия возвела в папы и т. д. Многие чиновники добивались ее благоволения, так как понимали, что высших должностей можно достичь только при ее покровительстве. Приказания Феодоры строго выполнялись по всей империи. И если они, что случалось нередко, противоречили воле императора, то все равно распоряжениям Феодоры отдавалось предпочтение.

Влияние императрицы сказалось на законодательной деятельности Юстиниана, особенно в той области, которая касалась положения незащищенных женщин, несчастных в замужестве, актрис. По всей вероятности, определенную роль в этом сыграли воспоминания о пережитом ею лично. Феодора прекрасно знала все трудности Константинополя, знала, сколько в них горя и нищеты. Поэтому, как только она достигла власти, она воспользовалась своим влиянием, чтобы как-то облегчить положение женщин этой категории. Даже какое-то благородство звучит в словах указа, вдохновительницей которого была Феодора: «...мы возложили на судей обязанность наказывать убийц и воров, не должны ли мы с большим основанием наказывать убийц чести и похитителей целомудрия?»

Феодора проявила бескорыстную заботу и о тех несчастных девушках, которых довела до падения скорее нужда, чем порок. Она основала для покаявшихся монастырь Метанойя на берегу Босфора в старинном императорском дворце. Чтобы освободить этих бедных девушек от «ига их позорного рабства», она обеспечила это благотворительное учреждение богатым вкладом. Феодора, помня свои молодые тяжелые годы, проявляла

чувство жалости к бедным женщинам, особенно невольницам. Она их выкупала сотнями, а затем давала им убежище в монастырях. Она добилась издания закона, запрещающего торговлю женщинами.

В законах, изданных против развода и супружеской неверности, проявлена забота Феодоры о сохранении института брака, «этого священнейшего из всех учреждений», и стремление всем внушить уважение «к этим законным и священным узам». Она была суровым стражем морали и стремилась улучшить нравы столицы.

Своенравная и властолюбивая Феодора, стремясь все приносить в жертву своей политике, иногда нескромно вмешивалась и в интимную жизнь своих подданных и устраивала браки с таким же деспотизмом, с каким распоряжалась в государственных делах. Так, заботясь о священных узах брака, Феодора расстроила роман одного из видных воинов империи с племянницей Юстиниана. Муж Прейекты, так звали принцессу, назначенный губернатором Византийской Африки, погиб во время мятежа, а молодая женщина попала во власть главы мятежников. Ее избавителем оказался очень смелый, энергичный воин, армянин по имени Артабан. В благодарность за спасение Прейекта обещала ему свою руку. Юстиниан, не возражавший против этого брака, осыпал спасителя почестями и чинами. Но тут всплыло непредвиденное обстоятельство. Оказывается, Артабан, будучи еще в Армении, женился, но давно расстался с женой и ничего о ней не слышал. Теперь она совершенно неожиданно оказалась в Константинополе и предъявила законные права супруги, найдя при этом сильную поддержку у Феодоры. Императрица оказалась непреклонной, поскольку были затронуты священные узы брака. Она заставила Артабана вернуться к жене, а Прейекту выдала замуж за другого.

Феодора активно вмешивалась во внешнюю политику. Она вела, подчас без ведома императора, дипломатическую переписку, принимала иностранных послов, щедро одаривая их подарками. Послы знали об огромной власти Феодоры, поэтому, чтобы приобрести ее благосклонность, спешили в первую очередь по прибытии в Константинополь явиться к ней на поклон. Даже государи других стран, чтобы добиться расположения императрицы, льстили ее тщеславию и необузданной любви к власти.

В политике Феодора вела свою линию, нередко рас-

ходясь с Юстинианом. Император свои взоры обращал на Запад, мечтая о восстановлении Римской империи. Феодора же, более тонкая и проницательная, понимающая потребности государства и более ясно оценивающая действительность, была убеждена, что мощь империи — в Египте, Сирии и Азии. Отсюда и ее расхождение с Юстинианом в религиозной политике. Обладая большим политическим чутьем, она понимала ту важную роль, которую играли религиозные вопросы, чувствовала опасность религиозных раздоров, в которых восточные народы проявляли свои сепаратистские стремления. Феодора старалась положить конец религиозной распри, сгладить уступками политические разногласия и таким образом вернуть отпавшие провинции Сирии и Египта. Этим путем она думала создать более компактное, более однородное и сильное государство, которое могло бы успешно сопротивляться арабскому вторжению.

Попытки Феодоры воздействовать на политику императора именно в этом направлении свидетельствовали о ее умении здраво оценивать события и ясно предвидеть будущее.

В религиозных вопросах особенно ярко проявились сила воли и степень влияния Феодоры. Она делала огромные пожертвования церкви, больницам, приютам, епископам, монахам. Правда, церковь, которую императрица так обогатила, отнеслась к ней крайне строго, нанеся ей множество обид еще при жизни. Вот один наглядный случай. Около 529 года в Константинополь прибыл палестинский пустынный св. Савва, который стяжал славу святости благодаря своей подвижнической жизни. Феодора и Юстиниан проявили большое внимание к его приему. Но однажды, когда императрица принимала его отдельно, она попросила его помолиться богу о даровании ей детей. Св. Савва наотрез отказал. «Эта женщина, — грубо заявил он, — могла бы родить лишь врагов церкви».

Да, у церковников были основания говорить так. Несмотря на свое благочестие, Феодора была заподозрена в ереси. Она исповедовала учение монофиситов, более того, оказывала им покровительство. Поэтому монофиситы не случайно восхваляли Феодору, провозглашая ее «императрицей, любящей Бога, императрицей, любящей Христа, правоверной императрицей». Своих единомышленников Феодора возводила на патриаршие престо-

лы Востока: Севера в Антиохии, Тимофея в Александрии, Анфима в Константинополе. Когда же начались жестокие преследования монофиситов, она давала им убежище во дворце. Гонимые монахи «находили в Феодоре свою заступницу против немилости царя». Она приютила патриарха Анфима после его низложения. Кроме двух преданных императрице слуг, приставленных к нему, в течение десяти лет никто не знал о его местонахождении. Феодора взяла под свое покровительство и патриарха Александрийского Феодосия.

Церковь не могла простить Феодоре ни ее грубого вмешательства в дела папского престола, ни той жестокости и злопамятства, которые она нередко проявляла по отношению к некоторым духовным лицам, в чем-либо провинившимся перед ней, ни ее верности монофиситам. Современные ей церковные историки предавали ее имя проклятию, а позднейшие — позору.

В решающие и трудные минуты Феодора проявляла большое мужество и неукротимую энергию. Особенно ярко эти черты проявились в роковой день 18 января 532 года. Но прежде немного о событиях, предшествовавших этому дню.

11 января в Константинополе вспыхнуло восстание «Ника» («Побеждай»). Город стал театром страшных сцен насилия и грабежа, начались пожары, в результате которых были уничтожены храмы, дворцы, роскошные дома горожан. Восставшие, по сути дела, стали хозяевами положения. Несмотря на то что Юстиниан пошел на уступки, собравшаяся в цирке толпа не желала его покидать. Более того, восставшие провозгласили Ипатия, одного из потомков византийских императоров, своим императором.

Правительство Юстиниана совершенно растерялось. Павший духом император понимал, что дворец плохо укреплен, войск мало, придворная гвардия ненадежна. Единственной защитой могли быть только дружины Велисария и отряд под руководством варвара Мунда. Однако верных императору воинов было мало, и они не могли не только подавить восстание, но и защитить жизнь императора. Юстиниан находился в отчаянном положении, не зная, где искать спасения, тем более что среди восставших стал обсуждаться вопрос о том, как его удобней захватить.

В этой обстановке растерянности и паники в Большом дворце происходило совещание сторонников импера-

тора, на котором решался вопрос: «Как лучше поступить — остаться здесь (в Константинополе) или обратиться в бегство на кораблях?» Много говорилось в пользу того и другого мнения. Но все же большинство советников считали положение безнадежным и предлагали бежать, пока еще дворец не окружен мятежниками. Страх убил в Юстиниане былую смелость. Он решил искать спасения в бегстве, а это означало спасти свою жизнь, но навсегда потерять трон.

На этом совещании присутствовала Феодора. Среди общего уныния и паники она единственная сохраняла спокойствие и самообладание. До принятия решения о бегстве она ничего не говорила. Но когда стало ясно, что император решил бежать, Феодора, возмущенная всеобщим малодушием, трусостью императора и его приближенных, громко сказала: «Теперь, я думаю, не время рассуждать, пристойно ли женщине проявить смелость перед мужчинами и выступить перед оробевшими с юношеской отвагой. Тем, у кого дела находятся в величайшей опасности, не остается ничего другого, как только устроить их лучшим образом. По-моему, бегство, даже если когда-либо и приносило спасение и, возможно, принесет его сейчас, недостойно. Тому, кто появился на свет, нельзя не умереть, но тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо. Да не лишиться мне этой порфиры, да не дожить до того дня, когда встречные не назовут меня госпожой! Если ты желаешь спасти себя бегством, василевс, это не трудно. У нас много денег, и море рядом, и суда есть. Но смотри, чтобы тебе, спасшемуся, не пришлось предпочесть смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царская власть — прекрасный саван».

Полные отваги слова императрицы, ее решительность подействовали на Юстиниана и его окружение. Колебания окончились. Было решено внести раскол в ряды восставших и тем самым облегчить себе победу. По всей вероятности, не Юстиниан, а Феодора отдала приказ командирам дворцовой стражи Велисарии и Нарсесу с двух сторон ударить по заполненному ипподрому. Восстание было подавлено.

Прокопий Кесарийский с большой достоверностью передает решительность и смелость императрицы, убедительность и красоту ее речи. В этом нет ничего удивительного. Ведь Феодора в прошлом была актрисой, прекрасно владела искусством игры, импровизации.

Именно это в сочетании с решительностью и находчивостью сыграло огромную роль в той сложной ситуации, в которой оказалась царственная чета в дни восстания «Ника».

Итак, Феодора показала себя «настоящим государственным человеком» и спасла трон Юстиниану. И следует заметить, что толпа, которая осыпала императора и его приближенных оскорблениями, не высказала ни одного дурного слова против Феодоры.

Вникая во все дела государственного управления, Феодора вместе с тем оставалась женщиной, благодаря чему она и возбуждает к себе особый интерес. Женщина сказывалась не только в ее любви к роскоши и изяществу. Это была жаждущая влияния женщина, стремившаяся к сохранению за собой завоеванной власти. Она беспощадно уничтожала любую оппозицию, которая могла поколебать ее авторитет. Причем, мстя за малейшее посягательство подорвать ее власть, она не останавливалась ни перед чем и не выбирала средства: насилие, измена, ложь, скандалы, интриги были обыкновенными приемами ее борьбы. Она поражала своих врагов с той стороны, с которой они менее всего ожидали нападения. Своим противникам и недоброжелателям хитрая и честолюбивая Феодора умела показать, что она не из тех женщин, которые способны терпеть какие-либо посягательства на свою персону и когда-либо их простить.

Мстительность Феодоры, неприятие ею малейшего недоброжелательного высказывания или взгляда, жестокие приемы борьбы породили в Константинополе самые невероятные истории о подземельях, где якобы Феодора пытала свои жертвы, о страшных камерах для истязаний, о кознях, посредством которых она уничтожала своих противников. Однако это всего лишь ничем не подтверждаемые слухи. Известно, что многие жертвы Феодоры, несмотря на временную немилость императрицы, жили неплохо, а некоторые поплатились всего лишь изгнанием. Но это не может быть свидетельством ее доброты и сострадательности. В своей ненависти она была жестока и не останавливалась ни перед чем, возможно, даже и перед убийством.

Достаточно вспомнить судьбу Приска, который по благоволению Юстиниана был возведен на высокую должность начальника телохранителей. Очень скоро он стал обладателем огромного, но незаконно приобретенного богатства. Это был, как пишет Прокопий, «очень

крупный негодяй, вполне подходящий, чтобы по своему характеру понравиться своему повелителю». Пользуясь расположением к себе императора, Приск «держался с Феодорой гордо и пытался ей противодействовать». Но за это он жестоко поплатился. Феодора оклеветала его перед императором, а спустя некоторое время «велела посадить его на корабль и, отправив туда, куда хотела, против его воли она постригла его и сделала церковнослужителем». Юстиниан сделал вид, что ничего не знает о случившемся, а позднее все деньги Приска присвоил себе, хотя у последнего оставалось много родственников.

Еще более знаменательна история Иоанна Каппадокийского, которая позволяет увидеть нравы византийского двора, столь богатого на интриги и заговоры. Одновременно эта история ярко показывает властолюбие, страстность, мстительность, вероломство, изобретательность императрицы Феодоры.

Но прежде несколько слов об Иоанне Каппадокийском. Он был среди ближайших помощников Юстиниана. В его лице император, понимавший необходимость проведения финансовых реформ, нашел талантливоего финансиста и администратора и поставил его во главе префектуры претория. Иоанн был человеком низкого происхождения. Но его отличала незаурядность, это был «самый сильный по уму человек своего времени». Даже Прокопий Кесарийский, ненавидевший Иоанна и высказавший по его адресу много нелестных слов, тем не менее вынужден был признать его высокие умственные способности, политическую прозорливость, кипучую энергию. Для Юстиниана префект имел одну очень важную заслугу: по первому требованию Иоанн доставлял деньги императору, который даже не задумывался о том, какими страданиями подданных это окупалось. Именно на разорении и нищете тысяч людей росли собственные богатства префекта, наполнялись золотом его дворцы. «Он всегда готов был красть деньги и еще больше готов был их тратить и расточать». Префект был любимцем императора, и поэтому неудивительно, что перед ним все трепетали. Имея огромные богатства и власть, Иоанн Каппадокийский тешил себя надеждой на императорство. Одним из шагов, направленных на осуществление этой заветной мечты, стала борьба с Феодорой. Не щадя той сильной любви, которую питал к ней император, Иоанн принял в отношении

императрицы высокомерный и почти оскорбительный тон, «вообще осмелился пойти против нее... доносил на нее императору, так что почти вызвал у Юстиниана к ней открыто враждебное отношение». Это были такие оскорбления, которых Феодора никому не прощала. С этого момента началась открытая борьба. Префект даже не предполагал, какую страшную противницу он приобрел в лице Феодоры, которая была способна на все, чтобы избавиться от своих врагов. Сначала она обратила внимание Юстиниана на те страдания, которые управление префекта приносит его подданным. Затем попыталась возбудить в нем подозрение относительно опасностей, угрожающих трону со стороны Иоанна. Не удовлетворившись этим, Феодора с помощью жены Велисария Антонины, «не имевшей себе равной в интриге», обвинила Иоанна в участии в заговоре против Юстиниана. Отстраненный от должности, он был сослан в Кизик, а значительная часть его имущества конфискована.

Но Феодоре и этого оказалось недостаточно. Она никак не могла простить человеку, угрожавшему ее власти и влиянию. Несколько лет спустя она предприняла попытку впутать Иоанна в заговор, результатом которого было убийство кизикского епископа. Иоанн был арестован, подвергнут наказанию розгами и лишен всех своих имений. Но его невиновность была столь очевидна, что его не сочли возможным приговорить к смерти. Однако Феодора добилась его ссылки в далекий Египет, где он оставался до ее смерти. «Когда она сослала его в Египет,— пишет историк,— подвергнув жестокому наказанию, она даже мучениями этого человека не насытила к нему своей злобы, но все время не переставала искать против него лжесвидетелей».

Феодора не щадила даже родственников, если видела в них какую-либо опасность для своей и Юстиниана власти. С этой целью она удалила от двора принцев императорской фамилии, которые, как ей казалось, заслоняли ее. Своей клеветой она добилась их опалы. Достаточно вспомнить судьбу Германа. От брака с Феодорой у Юстиниана не было детей. Но у него было много племянников, одним из которых был Герман — прекрасный военачальник, искусный дипломат, щедрый по своей природе человек. Но при дворе все к нему относились очень холодно, особенно Феодора, видевшая в нем возможного наследника Юстиниана. Ненависть к нему императрицы еще более возросла после его удачного

брака с внучкой остготского короля Теодориха. Феодора посчитала, что этим браком Герман сильнее всего подчеркнул низость ее происхождения. Своими наговорами на Германа императрица добилась того, что он оказался в немилости у Юстиниана, который держал в удалении этого причиняющего много беспокойства слугу. Но Герман всегда оставался верным императору. Лишь после смерти Феодоры он опять был приближен к Юстиниану.

29 июня 548 года императрица Феодора скончалась в возрасте 48 лет. Ее похоронили со всеми присущими императорам церемониями. Юстиниан горько оплакивал эту великую для него потерю. При жизни он преклонялся перед нею, после смерти с благоговением хранил воспоминания. В память о Феодоре он окружил себя теми лицами, которые были близки ей. Современники рассказывали, что даже много лет спустя после смерти государыни, когда император хотел дать торжественное обещание, он клялся именем Феодоры. Ее имя фигурирует рядом с именем Юстиниана в надписях, вырезанных на фасадах церквей и над воротами цитаделей. Ее изображение всегда присоединялось к изображению Юстиниана в мозаиках церкви Св. Виталия, а также в тех, которые украшали покои Священных палат. Она изображалась на императорских печатях рядом с Юстинианом. Ее имя носили многие города и провинции Византии и завоеванных Юстинианом территорий.

Окружавшие императора льстецы, которые хотели понравиться, горячо сочувствовали ему и часто напоминали об этой «мудрой и прекрасной государыне, которая возносит за него теперь молитву перед престолом всевышнего».

Императрица Феодора была одной из самых знаменитых женщин византийской истории. Стремясь удержать власть, достигнутую с таким трудом, она была жестока, сурова, деспотична, неумолима к тем, кто вызывал ее ненависть. Крайне честолюбивая, она потрясала двор и империю своими интригами. Но вместе с тем эта красивая, кокетливая и хитрая женщина обладала твердой волей, решительностью и широтой политического кругозора. Одним словом, если «ее пороки принадлежали ее происхождению и ее времени, то ее поистине царские достоинства принадлежали ей самой».

Евфросинья Полоцкая

Жатвы много, а делателей мало.

Мф. 9,37

В Евангелии Иисус рассказал нам замечательную притчу о сеятеле, который ранней весной вышел в поле, чтобы доверить земле драгоценные зерна будущей жатвы. Вот идет сеятель по рыхлым свежим бороздам и могучим, широким жестом разбрасывает семена. Жест его настолько щедр и силен, что часть зерна падает при дороге, часть на каменистую почву или землю, заросшую тернием, где не может принести плода. Но упавшее на добрую почву приносит сторичный урожай.

Вот таким первым великим сеятелем духовных зерен, т. е. духовной культуры, христианского вероучения, достижений европейской и мировой цивилизации на старобелорусских землях, была княжна Предслава из славного города Полоцка, которая на заре нашей писаной истории в XII веке в полную меру оценила выдающуюся роль просвещения в жизни народа и отдала этому делу все свои выдающиеся способности и силы без остатка.

Полоцк был самым крупным городом Белоруссии

того времени*. С глубокой древности он известен как крупнейший центр ремесла и торговли. Уже в VIII веке здесь велась торговля с арабами, а позднее начались оживленные торговые отношения со Скандинавией и островом Готландом. Свидетельством этому являются скандинавские саги, в которых постоянно упоминается Полоцк.

Первые сведения о Полоцке в древнерусских летописях относятся к 862 году. Так, в «Повести временных лет» сказано: «В лето 862 власть прия Рюрик... и раздая мужем своим грады: овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро».

Ранний рост и процветание города прежде всего объяснялось его исключительно выгодным для того времени географическим положением. По сути дела, город стоял на одном из самых оживленных в древности водных путей — пути «из варяг в греки», который проходил по Западной Двине до Полоцка и оттуда по Березине и Днепру до Черного моря.

Не менее важное значение для города имела и водная дорога по Западной Двине от Полоцка на восток, к Витебску и далее к Смоленску, в глубь русских земель. Все это давало возможность, с одной стороны, вести широкую торговлю с Византией, с другой — поддерживать интенсивные торговые связи с Москвой.

Вместе с экономическим развитием города происходило и усиление его политической роли как столицы Полоцкого княжества. В XI веке знаменитый полоцкий князь Всеслав (1044—1101), который упоминается в «Слове о полку Игореве», окончательно порвал с Киевом и стал полностью самостоятельным. При нем Полоцкое княжество вступило в полосу расцвета.

Экономический и политический взлет Полоцкой земли сопровождался значительными достижениями в области культуры. В частности, в середине XI века на крутом берегу Западной Двины был построен величественный Софийский собор, ряд других культовых зданий. В это же время в Полоцке, как и в других значительных культурных центрах Киевской Руси, открывались первые школы и училища.

Политику князя Всеслава Брючиславовича по упрочению колыбели белорусской государственности и куль-

* Свое название Полоцк, или Полотеск, получил от реки Полоты, при впадении которой в Западную Двину расположен город.

туры продолжил его младший сын Святослав (в христианстве Георгий). Именно в его семье в начале XII века и родилась дочь, которой суждено было стать одной из самых замечательных героинь белорусской истории*. Новорожденной дали языческое славянское имя — Предслава.

Родители Предславы были по тому времени передовыми, образованными людьми. Ее отец некоторое время жил в Византии, где познакомился с достижениями византийской культуры. Мать — сестра византийского императора Мануила Комнина (другое написание фамилии — Комнена), также была высокообразованным человеком.

Родители постарались дать дочери хорошее домашнее воспитание, которое предусматривало и обучение грамоте, что во времена Киевской Руси среди женщин было необычайной редкостью. «Житие» нашей героини, написанное в более поздние времена, повествует, что уже в раннем детстве она была учена «книжному писанию», которое включало тогда такие предметы, как чтение, письмо, счет, пение, а также греческий и латинский языки. В процессе обучения Предслава проявила необычайные способности. Кроме удивительной одаренности она поражала окружающих редкой красотой.

Весть о том, что у князя в Полоцке растет красивая, мудрая и благочестивая дочь, разошлась далеко за границами Полоцкой земли. Со всех концов Киевской Руси в Полоцк зачастили сваты. Видя, что сватовство приносит любимой дочери много горечи, гостеприимный полоцкий князь, провожая гостей, говорил с поклоном, что княжна еще молода и до поры до времени он неволить ее не станет. Но в конце концов и он вынужден был уступить...

Узнав, что ее хотят обручить с одним молодым князем, Предслава тайно («утаившись от отца своего и матери и всех домашних») ушла из родительского дома в монастырь, игуменьей** которого была ее тетка Романья, и решила постричься в монахини. Тетка, видя юный

* Точная дата рождения Предславы неизвестна. Сопоставляя различные косвенные данные, одна часть ученых считает датой ее рождения 1101 год, а другая полагает, что она родилась между 1104 и 1106 годами. Вторая точка зрения кажется более убедительной.

** Игуменья — настоятельница женского православного монастыря.

цветущий возраст своей племянницы, а также опасаясь гнева своего брата — князя Георгия, вначале противилась ее желанию. Но, натолкнувшись на ее непреклонную волю, а также «удивившись разуму отроковицы... повеле воле ее быти» (т. е. решила принять племянницу в обитель). При пострижении в монахини Предслава, как сказано в ее «Житии», получила имя Евфросиньи: «И огласи ю (т. е. ее) иерей (священник) и остриже ю и нарече имя ей Евфросинья и облече ю в черные ризы».

При пострижении в монахини Евфросинье Полоцкой было немногим более 12 лет (ранние браки в то время были в порядке вещей), и это событие могло произойти не ранее 1117 года, так как Роман Васильевич — муж тетки Романы — умер в 1116 году, после чего его жена ушла в монастырь. Добавим, что монастырь, настоятельницей которого была тетка Евфросиньи, находился в центре Полоцка, в Верхнем замке, вблизи (или на территории) Софийского собора.

Юная княжна переступила порог этого монастыря не только и не столько для того, чтобы всецело проводить жизнь в молитвах и постах, а также смиренно участвовать в нелегких монастырских трудах, но чтобы полностью посвятить себя научной и просветительской работе, чтобы в совершенстве овладеть тогдашней книжной мудростью и передать эту мудрость другим людям. Это занятие увлекало ее с раннего детства, и монастырь в то время был единственным средством для реализации подобной жизненной цели.

Поэтому поступок юной полоцкой княжны не следует объяснять только мотивами религиозного фанатизма, как это постоянно наблюдается в публикациях, посвященных Евфросинье Полоцкой. На этот шаг княжескую дочь толкнуло полное отсутствие возможности в то время для одаренной девушки заниматься умственным трудом, научной, просветительской, педагогической деятельностью. Другого пути для этого, кроме монастыря, в то время, когда даже элементарная грамотность среди женщин считалась излишней, просто не существовало. И этот единственный путь без колебаний, полностью отказавшись от личного счастья, выбрала первая белорусская женщина-просветитель и ученый.

Вскоре после своего пострижения в монахини Евфросинья добилась от тогдашнего полоцкого епископа Ильи разрешения поселиться в пристроенной к Софийскому собору келье, в так называемом «голубце каменном»,

и там полностью отдалась самообразованию: чтению, размышлению, молитвам. В уединении и тиши она усиленно собирала «благие мысли в сердце своем, яко пчела сот».

Предметом ее чтения и размышления были прежде всего Библия, переведенная в IX веке на славянский язык Кириллом и Мефодием, и различные сборники («изборники»): «Златоструй», составленный в IX веке болгарским царем Симеоном и включавший в себя отрывки из бесед Иоанна Златоуста; «Шестоднев» болгарского экзарха Иоанна, содержащий объяснения первых глав Библии; «Измарагдам», сборник отрывков из трудов Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова. Это были также различные «патерики» (так назывались сборники, включавшие житие святых) и сочинения самих отцов и учителей церкви.

Используя близкое родство полоцкого княжеского дома с домом византийского императора*, юная просветительница из книг, получаемых из Константинополя, сформировала богатую личную коллекцию, которая легла в основу уникальной библиотеки при полоцком Софийском соборе. С течением времени библиотека эта, постоянно пополняясь редчайшими книгами и рукописями, стала настоящим духовным сокровищем восточнославянских земель, вызывая неподдельное восхищение как у современников, так и у последующих поколений. Об этом, в частности, свидетельствуют «Записки о Московской войне», которые принадлежат перу секретаря польского короля Стефана Батория — Рейнгольду Гейденштейну. Рассказывая о взятии польскими войсками Полоцка в 1579 году, Гейденштейн писал, что солдаты Стефана Батория — поляки, венгры и немцы — любой ценой стремились проникнуть в Полоцкий замок для того, чтобы захватить хранившиеся там в Софийском соборе сказочные сокровища. Однако когда армия С. Батория вступила в Верхний замок, то «в глазах образованных людей,— писал Р. Гейденштейн,— почти не меньшую ценность, чем вся остальная добыча, имела найденная там библиотека. Кроме летописей, в ней было много сочинений греческих отцов церкви, и между ними сочинения Дионисия Ареопагита о небесной и церковной иерархии, все на славянском языке».

* Родная тетка Евфросиньи, сестра ее отца Георгия, была супругой сына византийского императора Алексея Комнина.

Уместно заметить, что к этому времени богатства полоцкой Софии заметно поубавились, так как в 1563 году Иван Грозный, заняв Полоцк, вывез из полоцкого Софийского собора в Москву 300 подвод золота, серебра и других ценностей, среди которых могли быть и книги.

Приобрет путем самообразования обширную и основательную эрудицию в области религиозно-нравственной и философской, Евфросинья Полоцкая берется за сложнейшее и труднейшее ремесло того времени, требовавшее солидной научной подготовки, терпения и художественных навыков,— ремесло переписчика книг.

Этот нелегкий, но благородный и необходимый в ту пору вид интеллектуального труда мастерски воспел и обессмертил Максим Богданович в стихотворении «Переписчик»:

На кожаном листе пред узеньким окном
Строй ровных, четких букв выводит он пером
И красную строку меж черными рядами
Вставляет изредка; заморскими зверями,
Людьми, птицами, венками из цветов
И многокрасочным сплетеньем завитков
Он украшает сплошь — довольно есть сноровки —
Свои пригожие заставки и концовки.
И заголовки все,— ведь некуда спешить!
Порой привстанет он, чтоб лучше заострить
Перо гусиное, и глянет:
Кротко солнце
Столбом прозрачным шлет свой свет через оконце,
И золотая пыль струится меж лучей;
Вдали над белыми громадами церквей
Блистают купола; проворно под крестами,
Как жар горящими, проносятся кругами
Стрижи веселые; и тут, вблизи окна,
Малиновка поет и стучает желна.
И вновь он склонится, заставку вновь выводит
Неярким серебром; неслышно день проходит,
Настанет скоро ночь, и первая звезда
Благословит конец пригожего труда.

Эти замечательные строки о нелегком подвижническом труде средневекового переписчика можно полностью отнести и к Евфросинье Полоцкой, которая, как говорит ее «Житие», «нача книги писати своими руками».

Часть переписанных Евфросиньей книг легла в осно-

ву начинавших тогда формироваться монастырских библиотек Полоцкого княжества. Другая же часть продавалась, а вырученные за них деньги княжна-монашенка щедро раздавала убогим и нищим — «требующим даяния».

Кроме переписывания книг Евфросинья Полоцкая занималась переводами религиозно-философской и нравственной литературы с греческого и латинского языков на славянский язык, чем также значительно обогатила духовную культуру нашего народа того времени.

Есть все основания полагать, что ею были заложены также основы белорусского летописания.

Поэтому совершенно справедливо Лев Горошко, автор малоизвестной у нас монографии о Евфросинье Полоцкой, вышедшей в Париже в 1950 году, заметил, что «под ее рукой каждая черная буква на белом листе пергамента становилась светлым лучом, который разливался чудесным светом и широко расходился по белорусской земле».

В результате подвижнической деятельности просветительницы полоцкая София на протяжении нескольких последующих веков была важным центром духовной культуры Белоруссии. Благодаря ее библиотеке многие поколения полочан, жителей Полоцкого княжества смогли получить хорошее образование, приобщиться к духовным сокровищам человечества, не покидая пределов города и княжества. Это свидетельствует о высоком уровне тогдашней духовной культуры Белоруссии. Поэтому каждый, кто получил тогда хорошее образование на родине, так же как и поэт Николай Гусовский, автор бессмертной «Песни о зубре», мог с гордостью сказать:

Мудрости свет изучал я по книгам славянским,
Древним и новым, кириллицей писаных вязкой.

Евфросинья Полоцкая, как свидетельствует ее «Житие», писала и свои произведения. Это были прежде всего молитвы и поучения религиозно-нравственного содержания. Форма и стиль поучений ярки и красочны и свидетельствуют о несомненных литературных дарованиях их автора. Приведем небольшой фрагмент одной из проповедей Евфросиньи, обращенной к монахиням Спасо-Евфросиньевского монастыря: «Вот собрала я вас, как наседка цыплят под крылья свои, словно божьих овец на пастбище пастись в приказаниях божих, и с ве-

сelyм сердцем забочусь о вашем спасении и научаю вас, надеясь увидеть духовный плод вашего труда. Уже столько слов науки божьей сеяла я на ниве ваших сердец, но нивы эти на месте стоят, не цветут добродетелями и совершенством... Молю вас, сестры мои, станьте чистой пшеницей Христовой и смелитесь на жерновах молитвы, смирения и чистой любви, чтобы быть душистым хлебом на празднике Христа».

Как видим, Евфросинья Полоцкая — это не только широко образованный человек, просветитель-подвижник, или, как позднее говорил Франциск Скорина, «милосник науки», превыше всего ценивший книги и подлинную ученость, но это также первый белорусский оратор, проповедник, первый моральный философ. От нее и Кирилла Туровского традиции национальной философии идут к Франциску Скорине, Сымону Будному, Василию Тяпинскому, Симеону Полоцкому и другим великим сыновьям белорусской земли.

Сокровенной мечтой молодой просветительницы был педагогический труд, просвещение народа, обучение простых людей грамоте, создание училищ и школ. Словно угадав ее желание, полоцкий епископ Илья, видя безграничное самопожертвование молодой монахини, предложил ей создать недалеко от Полоцка в деревне Сельцо женский монастырь. В деревне находился загородный архиерейский (епископский) дом с небольшой деревянной церковью Святого Спаса, которые и должны были стать основой будущего монастыря.

Предание гласит, что незадолго до этого разговора Евфросинья якобы трижды видела во сне ангела, который говорил ей, указывая на Сельцо: «Здесь ти подобает быти». Разумеется, Евфросинья не могла отказаться от предложения епископа Ильи и стала игуменьей женского Спасо-Евфросиньевского монастыря.

В замечательном исследовании известного русского ученого В. В. Григорьева «Исторический очерк русской школы» (1900) отмечается, что «Евфросинья Полоцкая... устроив монастырь, сделала обучение грамоте одною из главных обязанностей инокинь». Грамоте обучали не только принимаемых монахинь, но также всех желающих женщин-мирянок. В этом деле молодой полоцкой игуменье помогали столь же увлеченные и преданные делу просвещения девушки из княжеской семьи, которые последовали примеру Евфросиньи и постриглись в монахини. Это была, прежде всего, младшая сестра

Евфросиньи Градислава, которая при пострижении в монахини получила имя Евдокии, двоюродная сестра Евфросиньи Звенислава, дочь князя Бориса, получившая имя Евпраксеи, а также племянницы Евфросиньи, дочери князя Вячеслава — Кирина и Ольга, получившие при пострижении имена Агафьи и Евфимии.

Именно представители полоцкого княжеского рода и составили первый в истории Белоруссии кружок женщин-просветительниц, местопребыванием которого стал Спасо-Евфросиньевский монастырь недалеко от Полоцка. Конечно, подвижниц просвещения было значительно больше, но их имена до нас не дошли.

Руководством при обучении грамоте служила в то время «Псалтырь». По сути дела, это был букварь, после прохождения которого обучавшийся считался грамотным, или, как тогда говорили, книжным человеком, и мог «чести всякия книги».

Поэтому закономерно и символично, что три столетия спустя, продолжая бессмертные традиции Евфросиньи Полоцкой, именно с «Псалтыри» начал свою издательскую деятельность Франциск Скорина, который также сыграл большую роль в расширении грамотности среди простых людей, в демократизации образования, в просвещении народных масс. Просветительский характер этой книги ярко выражен издателем в его предисловии к «Псалтыри», где отмечается, что ее назначение — прежде всего дать «детям малым початок всякое доброе науки, дорослым помножение в науце, мужем мощное утверждение». Все это дает основание рассматривать белорусского первопечатника как прямого и непосредственного продолжателя великого дела Евфросиньи Полоцкой.

Несомненная заслуга полоцких просветительниц не только в обучении грамоте, в открытии первых на нашей земле народных училищ, но также в собирании, переписывании и распространении книг, основании библиотек, развитии традиций белорусского летописания.

С именем полоцкой просветительницы связано также строительство храмов на белорусской земле. Став игуменьей новооснованного монастыря, Евфросинья Полоцкая решила вместо старой деревянной церкви возвести новую, каменную. Для реализации этой задачи был приглашен полоцкий зодчий Иван. Строительство церкви заняло ровно тридцать недель. Здание церкви, которое сохранилось до наших дней, поражает своими

пропорциями, изяществом и красотой. Один из авторитетнейших исследователей истории Полоцкого княжества московский ученый Л. В. Алексеев заметил, что «по совершенству своей художественной композиции, по прочности рассчитанных конструкций Спасский храм Евфросиньевского монастыря — вершина архитектурной мысли Полоцкой земли и один из великолепных памятников архитектуры домонгольской Руси. Он сделан одним из талантливейших русских (более правильно — белорусских.— В. Ш.) зодчих — полоцким архитектором Иоанном».

С изысканным художественным вкусом был оформлен интерьер церкви. Стены ее украшали замечательные фрески, написанные неизвестными полоцкими художниками XII века. Ученые считают, что одна из этих поразительных по красоте и изяществу дошедших до нас фресок весьма напоминает облик самой Евфросиньи Полоцкой. Среди фресок выделяются также изображения греческих отцов церкви — Иоанна Златоуста и Василия Великого. Кроме художественной ценности, их изображения дают дополнительный материал для характеристики взглядов самой Евфросиньи Полоцкой. В частности, Василий Великий считал возможным использование в интересах христианства античного культурного наследия. В своих трудах он обильно цитировал античных философов. Сочинения Василия Великого, переведенные на славянский язык, служили источником для знакомства с античными мыслителями.

Иоанн Златоуст (IV — начало V века) постоянно выступал с критикой пороков высших слоев современного ему общества — непомерной роскоши византийского императорского двора, аморализма высшего духовенства и т. д. Может быть, именно поэтому Василий Великий и Иоанн Златоуст особенно импонировали Евфросинье Полоцкой.

Большую ценность представляла собой имевшаяся в Спасской церкви икона Богородицы, написанная, по преданию, евангелистом Лукой. История ее приобретения Евфросиньей Полоцкой, которая обладала тонким эстетическим вкусом, такова. Пользуясь своим родством с византийским императорским домом, она отправила своего посланца Михаила к императору Мануилу Комнину и константинопольскому патриарху Луке Хризвергу с богатыми дарами и одновременно с просьбой прислать в ее монастырь одну из трех икон Богородицы,

написанных евангелистом Лукой. Эти иконы находились в разных городах — Константинополе, Иерусалиме и Эфесе*. Император и патриарх прислали Евфросинью икону Богоматери из города Эфеса. Как сложилась судьба этой иконы после смерти Евфросиньи Полоцкой, неизвестно. По одной из версий, икона эта в 1239 году по случаю бракосочетания дочери полоцкого князя Брячислава с князем Александром Невским была перенесена из Спасо-Евфросиньевской церкви в город Торопец (до Октябрьской революции находился в Псковской губернии), в Воскресенскую церковь, где проходило венчание новобрачных.

В настоящее время эта икона находится в Русском музее Санкт-Петербурга.

Большую художественную ценность представлял также крест Евфросиньи Полоцкой, сделанный в 1161 году по ее заказу замечательным полоцким мастером Лазарем Богшей и подаренный ею навечно Спасской церкви.

Эта была мощехранильница, где в особых углублениях помещались предметы христианского поклонения (кусочек креста, на котором распяли Иисуса Христа, крупички камня от гроба Христова и гроба Богоматери и т. д.). Их Евфросинья Полоцкая получила в качестве дара для своей обители из святых Константинополя и Иерусалима.

Крест был сделан из кипарисового дерева и имел шестиконечную форму. По лицевой и обратной стороне его покрывали золотые, а по бокам — серебряные пластины. Золотые пластины были украшены тончайшими эмалевыми ликами святых, орнаментом, драгоценными камнями, а по периметру креста — изумительной нитью крупного жемчуга. По бокам креста шла пространная надпись, своего рода целая грамота, содержащая дату изделия (1161 год), имя заказчицы и страшное проклятие тому, кто осмелится посягнуть на эту святыню, вынести крест из Спасо-Евфросиньевского монастыря: «Да не изнесется из монастыря никогда же... Аще кто ослушается и знесет [крест] из монастыря, да не будет ему помощник честный крест ни в сей век, ни в будущем».

На задней стороне креста мелкими буквами было вы-

* Эфес — город, расположенный на побережье Малой Азии, один из очагов раннего христианства. В античности — родина древнегреческого философа Гераклита Эфесского.

резано имя Лазаря Богши — мастера, сделавшего крест, а также сумма, затраченная на его изготовление,— 140 гривен! Именно в такую сумму обошелся он Евфросинье Полоцкой. По тем временам это были огромные деньги.

Трагически сложилась судьба этой уникальной национальной реликвии.

Пролежав сто лет в Полоцке в Спасской церкви, он был насильственно перенесен в Смоленск, а оттуда в Москву. Но в 1563 году Иван Грозный при осаде Полоцка поклялся возвратить крест на прежнее место, если возьмет город. Овладев Полоцком, он сдержал свое слово. Однако вскоре полочане вынуждены были спрятать крест в нише Софийского собора, где он пролежал до отмены Брестской церковной унии в 1839 году.

В 1840 году полоцкий архиепископ Василий возил крест сначала в Москву, а затем в Петербург, где в церкви Зимнего дворца показывал императору России Николаю I.

До 1928 года крест находился в Полоцке. Затем был передан Белорусскому государственному музею в Минске, откуда попал в Могилев, где в самом начале Великой Отечественной войны бесследно исчез. О судьбе его до сих пор ничего не известно.

Завершив строительство Спасской церкви, Евфросинья принялась за возведение нового храма — церкви Святой Богородицы, возле которого возник мужской монастырь. Возможно, по ее замыслу были построены и другие замечательные сооружения. Однако от них до наших дней не сохранилось даже следа...

Местом постоянного пребывания Евфросиньи Полоцкой стала Спасская церковь, строительство которой она считала боговдохновенным делом. В «Житии» рассказывается, что зодчий Иван, руководивший постройкой церкви, каждую ночь под утро слышал голос: «Иван, вставай и иди на строительство Спасской церкви». Полагая, что его будят по приказу Евфросиньи, он пришел как-то к ней и спросил, почему она понукает его к работе, к которой он относится с величайшим прилежанием и ответственностью. Евфросинья, поняв, в чем дело, ответила: «Хоть это и не я посылаю будить тебя и принуждать к работе, но послушайся этого голоса и делай то, что он тебе говорит, потому что то, что ты делаешь — дело святое».

В этих словах содержалась известная доля правды,

ибо церковь, построенная в середине XII века, наперекор всем историческим испытаниям сохранилась до наших дней, пережив все бури и лихолетья. Она является самым старым памятником национальной архитектуры на белорусской земле, в котором с наибольшей полнотой нашел выражение самобытный характер белорусского народа и который послужил образцом для создания подобных сооружений. Это также единственный сохранившийся памятник, связанный с жизнью и деятельностью Евфросиньи Полоцкой, дошедший до наших дней.

Именно здесь, на хорах Спасской церкви, находилась келья выдающейся просветительницы, где в постоянных трудах и молитвах прошли долгие годы ее замечательной жизни, главной целью которой были благо и процветание родной земли.

На склоне лет Евфросинья Полоцкая решила совершить паломничество в Константинополь и Иерусалим. Во время пребывания в Иерусалиме весной 1173 года она занемогла и после непродолжительной болезни скончалась.

После ее смерти святость ее признали как русская православная, так и католическая церковь. Однако значительно раньше полочане, узнав о смерти Евфросиньи и не дожидаясь официальной канонизации, признали ее святой и начали праздновать день ее памяти 23 мая (в этот день умерла Евфросинья Полоцкая).

В этом факте нашли выражение всеобщая любовь к великой просветительнице и народная оценка ее поистине подвижнического труда. Действительно, своей культурно-просветительской деятельностью Евфросинья Полоцкая заложила фундамент белорусской национальной культуры, указала на важную роль просвещения в жизни народа и подала яркий пример подлинно бескорыстного служения народу на этом поприще. Путем Евфросиньи Полоцкой пошли выдающиеся сыновья белорусской земли — Франциск Скорина, Лев Сапега, Симон Будный, Василий Тяпинский, Симеон Полоцкий... Поэтому она и стала одной из замечательных героинь белорусской истории.

«Добрый гений» французского Ренессанса

Жизнь королевы Маргариты Наваррской, чрезвычайно богатая самыми разнообразными событиями и встречами, приходится на первую половину XVI столетия, на время правления французских королей — Людовика XII (1498—1515) и ее младшего брата Франциска I (1515—1547).

К концу пятнадцатого столетия Людовик XI (1461—1483) в целом завершил политическое объединение Франции, и страна стала единым государством. При преемниках Людовика XI — Карле VIII, Людовике XII и Франциске I были заложены основы абсолютизма. Французская монархия, ликвидировав к концу XV века феодальную раздробленность, окрепла: установилась единая система правления, упорядочилась экономика, восстановилась торговля, была создана регулярная армия.

В 1494 году Карл VIII положил начало знаменитым Итальянским войнам. Военные походы французских королей в Италию (1494—1559) превратились в неслы-

ханский грабеж Италии, но не принесли Франции никаких политических выгод. Их значение в другом: они познакомили французских королей и дворян со светской культурой Италии. Французское дворянство впервые пришло в непосредственное соприкосновение с блестящими достижениями итальянцев.

Все походы на Апеннинский полуостров имели огромное культурное значение для духовной жизни Франции. По меткому выражению одного из историков, Карл VIII открыл Италию для Франции, Людовик XII сблизил Италию с Францией, а Франциск I перенес Италию во Францию.

13 сентября 1515 года произошла знаменитая битва при Мариньяно — Франциск I полностью разбил швейцарских наемников миланского герцога Сфорца и занял Милан. Победенная Италия лежала у ног французского короля, ставшего хозяином полуострова.

С вступлением на престол Франциска Валуа для Франции началась эпоха блеска и культуры. Страна на глазах преображалась. Скучноватая, строгая жизнь двора Людовика XII и Анны Бретонской сменилась шумом, смехом, непрерывными праздниками. На французском троне находился теперь блистательный, истинно дворянский король, которого современники считали красавцем.

Свое царствование Франциск I начал с перестройки французского двора, который в том виде, в каком его сформировали предшественники, ему не нравился. Он не хотел довольствоваться грубоватым и неинтересным обществом своих военных братьев. Франциск был увлечен Италией и поэтому перестроил свой двор на манер дворов итальянских меценатов. «Двор без женщин, что весна без цветов!» — считал юный король и разослал приглашения во все замки и города своего королевства, желая видеть при дворе французских дворян с сестрами, женами и дочерьми.

Благодаря Франциску французский двор очень скоро стал самым великолепным, самым изящным и самым развращенным в Европе. Сохраняя еще некоторые обычаи средневековья и в то же время принаравливаясь к эпохе Возрождения, он имел характер наполовину рыцарский, наполовину ученый. В залах дворца толпились принцы крови, феодалы, дипломаты, итальянские художники, французские ученые, поэты, артисты. Франциск I привлек к нему цвет французской аристократии,

воспитывал здесь молодых дворян из всех провинций в качестве пажей и украсил его почти двумястами молодыми дамами, принадлежащими к знатнейшим фамилиям королевства. Среди последних, кстати, находилась и ловкая итальянка Екатерина Медичи (впоследствии жена французского короля Генриха II и мать трех французских королей — Франциска II, Карла IX, Генриха III). Франциск принял ее в маленький отряд дам-фавориток, с которыми он ездил охотиться на оленей и нередко проводил время в своих увеселительных домах. Иметь официальную фаворитку не только не считалось предосудительным, но было в порядке вещей и являлось нормой как для короля, так и для его придворных.

Царствование Франциска I, особенно первые два десятилетия (1515—1535), может рассматриваться как пора торжества Ренессанса и гуманизма, когда казалось, что вот-вот сбудутся слова Платона, повторенные в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»: «Государства только тогда будут счастливы, когда цари станут философами, или же философы — царями».

На рубеже XV—XVI веков Франция, на время потерявшая, казалось, определяющую роль в развитии художественной культуры Европы, вновь стала создавать свое, новое, глубоко национальное искусство. Знакомство с культурой Италии дало естественный толчок развитию французской культуры, внутри дворянской культуры складывалось зрелое искусство французского Возрождения.

Известное своеобразие Возрождению во Франции придавала социальная база этого явления, связанная преимущественно с дворянской верхушкой. С другой стороны, далеко не вся французская культура этого времени укладывается в понятие придворной. Абсолютизм возникал в качестве естественно складывающегося компромисса между дворянством и буржуазией. Дух «новых» людей, преимущественно «денежной аристократии», придал своеобразие французскому Ренессансу, позволил говорить о наличии, наряду с придворным, и демократического направления во французском Возрождении.

Франция этой эпохи дала миру величайших философов, писателей, художников и ученых. В этом ряду особое место принадлежит старшей сестре Франциска I, писательнице-гуманистке Маргарите Наваррской.

Как точно заметил один из французских историков, «когда нужно говорить о Маргарите мало-мальски под-

робнее, приходится излагать чуть не всю историю царствования Франциска I» — слишком тесно были переплетены судьбы этих двух выдающихся личностей. Проводя большую часть времени при дворе своего брата, где она играла одну из первых ролей, Маргарита, обладая тонким художественным вкусом и прекрасным образованием, поддерживала и развивала в короле те черты и качества его характера, которые делали Франциска для всех чрезвычайно привлекательным.

Франциск I претендовал на роль «короля Возрождения». Он хотел лично возглавить французский Ренессанс, дабы направлять и держать его под своим контролем. И хотя претензии Франциска были явно чрезмерными, он сделал для французской культуры все, что было в его силах.

Лучшие деяния Франциска — основание Коллеж де Франс, меценатство, покровительство гуманистам и художникам, спасение гонимых протестантов — все это было сделано под несомненным влиянием Маргариты. Она «освещала лучом поэзии жизнь своего брата, для которого всегда являлась добрым гением» (Сен-Бев). Проницательный, светлый ум, ровный и мягкий характер, необыкновенная преданность брату и королю давали Маргарите большую власть над Франциском. Она одна умела укротить вспышки раздражения и гнева его неровного характера, подавляла его деспотизм, была советником в государственных и культурных делах.

Маргарита Наваррская по праву является одной из самых ярких и типичных представительниц эпохи Возрождения вообще и французского Возрождения в частности.

Первое, что бросается в глаза при чтении посвященных Маргарите исследований либо адресованных ей писем, — это отмеченная всеми уникальность ее личности. Маргарита вызывала пристальное внимание уже своих современников — величайшие умы, талантливейшие люди той эпохи единодушно отдавали должное многочисленным достоинствам этой женщины. Франсуа Рабле посвящает «духу королевы Наваррской» свою третью книгу романа «Гаргантюа и Пантагрюэль»; великий европейский гуманист и философ Эразм Роттердамский — этот Вольтер XVI века — пишет в 1525 году 33-летней Маргарите: «Я... уже давно восхищаюсь и люблю теми высокими дарами, которыми вознаградил Вас Господь: осторожность, достойная философа, целомудрие, умерен-

ность, благочестие, несокрушимая сила духа и удивительное презрение к суете мира сего... Я не льщу Вашему могуществу, ибо не хочу от Вас ничего другого, кроме взаимной симпатии». То чувство, которое продиктовало Эразму его письмо к Маргарите, целиком разделяло большинство просвещенных людей XVI века. По мнению современника, французского историка XVI века А. Лефранка, «во всей эпохе Возрождения не встречается женщины более удивительной и более заслуживающей любви».

Нам имя Маргариты, вызывавшей восхищение современников, почти неизвестно. Мало того, ее часто путают с другой Маргаритой — супругой Генриха IV. Между тем первая Маргарита заслуживает гораздо больше внимания, чем легкомысленная супруга ее внука.

Маргарита Наваррская (Маргарита Валуа) родилась 11 апреля 1492 года в Ангулемском замке в семье графа Карла Ангулемского, принца крови, но из боковой захудалой ветви. Отец Маргариты скончался, когда ей едва минуло четыре года, а ее брату Франциску — два. После смерти графа мать Маргариты — Луиза Савойская поселилась в своем замке Коньяк и целиком отдалась воспитанию детей. В 1498 году, после внезапной кончины Карла VIII, новый король Франции — Людовик XII, начавший новую династию Валуа-Орлеанов, призывает Луизу Савойскую ко двору. По свидетельству современников, графиня была прекрасно сложена и очень хороша собой, так что при дворе трудно было найти женщину красивее ее. Очень скоро Людовик XII становится опекуном маленькой Маргариты, и с его согласия Луиза Савойская решает дать своей дочери блестящее по тому времени образование. Юные годы Маргариты прошли в замке Блуа, где хранилась превосходная библиотека, предоставленная целиком в ее распоряжение. С лучшими учителями того времени девочка изучала латинский, греческий, итальянский, испанский, немецкий языки. Честолюбивая и волевая Луиза Савойская лично следила за воспитанием и образованием Маргариты, приучала ее к чтению, поощряла все детские попытки литературного творчества Маргариты. В этой области она рано начала пробовать свои силы, у нее проснулся литературный интерес.

В 1509 году Маргарите исполнилось 17 лет. Она очень походила на своего брата, характерного представителя рода Валуа: тот же удлиненный нос, живые карие глаза,

крупный рот. Ее отнюдь нельзя было назвать красивой, но она обладала чисто французским обаянием, шармом, что заставляло окружающих забывать о неправильности черт ее лица. Это была женщина живая, остроумная, прекрасно образованная. Круг ее чтения был вполне соизмерим с литературной, исторической и научной эрудицией крупных гуманистов Возрождения. Из поля ее пристального внимания не ускользнул ни один из авторов, составлявших духовный багаж интеллигента того времени.

Высокая, изящная, стройная, она, по словам всех видевших ее, производила неотразимое впечатление.

В 1509 году Маргарита вышла замуж за герцога Карла Алансонского. В личной жизни она едва ли была счастлива, так как брак ее был заключен не по любви и даже не по склонности, а из соображений делового характера. Ее просто выдали замуж с тем, чтобы решить земельную тяжбу между Франциском и предназначенным ей женихом. Впрочем, такой подход к браку вовсе не должен был шокировать Маргариту в век, когда и в аристократической, и в буржуазной среде он только так и мыслился. Подобное отношение к браку подкреплялось и требованиями христианской морали, нашедшими развитие в многочисленных педагогических трактатах той поры. Вспомним, в сочинении испанского гуманиста Х. Вивеса «О воспитании христианской женщины», ставшем в эпоху Возрождения настольной книгой по вопросам социальной этики, в главе «Как выбрать мужа», после описаний опасностей, таящихся в браках, основанных лишь на любовном влечении, следовал совет выдавать девушек замуж «лишь по зрелому обсуждению родителей». Многие просвещенные умы XVI века вполне разделяли подобные взгляды.

Правда, в дальнейшем сама Маргарита изложит новые и более гуманные идеи брака в своем «Гептамероне», они будут связаны с распространением идей неоплатонизма и идеалов возвышенной любви.

Шесть лет Маргарита провела в холодном и мрачном Алансонском замке: как большинство дворян того времени, герцог Алансонский был военным, участвовал в Итальянских войнах и чаще бывал в походах, нежели в стенах родного замка.

Жизнь Маргариты резко изменилась лишь после вступления на престол Франциска: на некоторое время она стала вторым человеком при дворе. В первое десяти-

летие его правления Маргарита играла заметную роль в политической и культурной жизни страны. Ее высокая, стройная фигура, всегда, кроме особых случаев, одетая в черное платье, резко выделялась на фоне придворного блеска. И эта фигура стала тем центром, к которому все стремилось и тяготело.

Маргарита рано увлеклась идеями гуманизма и была одной из ярких представительниц французского гуманизма того времени. Гуманизм, как понимали этот термин сами гуманисты, начиная с итальянцев — Франческо Петрарки, Лоренцо Валлы, Леонардо Бруни, — рассматривался не столько в широком смысле слова как новая светская наука о человеке и его месте в мире, сколько в узком (так его употребляли сами гуманисты) — как «эрудиция и осведомленность в науке и искусстве». Термин «гуманист» имел скорее не профессиональное звучание (хотя чаще всего в XVI веке гуманистами называли знатоков и преподавателей философии, риторики, истории и поэзии), а был признанием определенных качеств или степени образованности.

Этим представлениям о гуманисте как человеке образованном, обязательно владеющем древними языками (Маргарита владела латинским, древнегреческим и древнееврейским языками), знающем историю, изощренным в поэзии, древней литературе и философии, Маргарита отвечала полностью.

Французский гуманизм, сложившийся к последним десятилетиям XV века и опиравшийся на изучение античности и такие всеобщие гуманистические принципы, как критическое отношение к католицизму и отрицание сословной иерархии, имел ряд особенностей. На первых порах он был тесно связан с успехами книгопечатания. Изобретение И. Гутенберга проникло во Францию в 1470 году. Как известно, первый ручной книгопечатный станок был установлен в подвале Сорбонны в Париже. Однако примечательно, что Париж на протяжении долгого времени не являлся центром французского гуманизма, хотя там и находилось немало типографий. Настоящим центром, несомненно, был Лион. Город, расположенный в «двух шагах» от Женевы, где в то время находился Жан Кальвин, в «трех шагах» от Базеля, где преподавал Эразм, и в «четыре шагах» от родины Возрождения — Италии. Промышленный центр на торговом пути, связывающем Италию с французскими провинциями и европейскими странами, Лион раньше других

французских городов воспринял итальянский стиль жизни. Он был подлинной столицей книгопечатного дела на французском языке. В Европе стали известны имена трех крупных лионских издателей — Себастьяна Грифия, Франсуа Жюста и Клода Нури. С 1538 года собственную типографию и книжную лавку в Лионе открыл крупнейший французский ученый, филолог, автор «Комментариев к латинскому языку» Этьен Доле.

Вокруг выдающихся типографов создавались кружки гуманистов. Одним из таких центров была книжная лавка Э. Доле.

В Лионе подолгу жили, занимались творчеством Франсуа Рабле, Клеман Маро, Бонавантюр Деперье, Эразм Роттердамский.

Когда в 1524 году Маргарита приехала в Лион, там уже было несколько человек, обратившихся к «культу чистого Евангелия». Это — другая особенность раннего французского гуманизма. Евангелизм явился предтечей, ранней разновидностью реформационного движения во Франции. Евангелическое течение в общественной мысли сочетало в себе гуманистические устремления и идеи протестантизма. К этому течению примыкали многие видные французские гуманисты: Лефевр д'Этапль, Клеман Маро, Гийом Брисонне. Под евангелизмом они понимали желание следовать чистоте Евангелия, его предписаниям; с точки зрения евангельских текстов считалось необходимым удалить из религиозного обихода то, что этими текстами не подкреплено, то есть фактически пересмотреть церковную догматику католического вероучения. В связи с этим возникла необходимость обратиться к подлиннику Священного писания, для перевода первоначальных текстов которого требовалось знание древних языков, прежде всего древнегреческого и древнееврейского. Иными словами, для того чтобы стать реформатором, то есть опровергнуть старые католические и утвердить новые протестантские нормы, нужно было стать прежде всего хорошим филологом. Именно знание древних языков создало основу для обращения к истинному, первоначальному христианству. С догматической неприкосновенностью Писания было покончено, началась его филологическая критика, то есть очищение от ошибок и искажений, накопленных за долгие века средневековья.

Видимым поводом для появления протестантских идей во Франции послужили многочисленные злоупо-

требления католической церкви. Распушенность французского духовенства при Франциске I достигла колоссальных размеров: согласно Болонскому конкордату от 1516 года духовные места раздавались королем совершенно произвольно. На них смотрели исключительно как на статью королевского бюджета, позволявшую щедро вознаграждать за любую услугу. Известно, например, что итальянскому скульптору Бенвенуто Челлини было дано аббатство за одну из созданных им серебряных статуй.

В монастырях было порядка не больше, чем среди «белого» духовенства. Богатства, скопившиеся там, давали возможность вести сытую, праздную жизнь. Разложение духовенства имело двойной результат. С одной стороны, оно подавало губительный пример всему населению, развращая его. Религиозное чувство постепенно ослабевало. Конечно, французы XVI столетия не стали атеистами. Но они перестали интересоваться религиозными вопросами, считая их не стоящими внимания. С другой стороны, разложение служителей католической церкви располагало к протестантской «ереси». Канцлер Лопиталь прямо заявлял в парламенте: «Распушенность нашей церкви породила ереси, и возможно, что только реформация погасит их».

Основателем евангелического движения стал друг Маргариты — магистр свободных искусств, философ, филолог, выдающийся математик и богослов Лефевр д'Этабль. Лефевр первым в истории в 1512 году (за пять лет до Мартина Лютера) провозгласил учение, которое раскололо впоследствии католический мир надвое. В своем трактате «Послания апостола Павла» он выдвинул два положения, ставших затем основными для протестантизма всех типов: догмат об оправдании верой и признание Священного писания единственным источником веры. Он же утверждал, что «каждый должен иметь правило жизни на своем родном языке», выступал за перевод Библии на французский язык, что и было им осуществлено: в 1530 году Лефевр опубликовал первый полный перевод Священного писания на французском языке.

Близким другом Маргариты был и другой выдающийся деятель евангелического движения, ученик Лефевра — епископ Гийом Брисонне, возглавивший первую протестантскую общину в городе Мо. «Группа в Мо» пользовалась серьезной поддержкой со стороны Маргариты. Она

лично была знакома со всеми главными членами реформационного кружка и с 1521 года переписывалась с епископом Брисонне, оказавшим решающее влияние на формирование ее мировоззрения. Очевидно, что уже к 1524 году Маргарита имела установившееся мнение относительно теологических проблем. Она отошла от традиционного католического учения и склонялась к евангелизму. Так, в поэме, написанной на смерть Шарлотты — 7-летней дочери Франциска I, Маргарита прямо говорила о ненужности посредничества католической церкви между богом и людьми, о спасении только милостью божьей, о бесполезности добрых дел в пользу церкви и т. д.

В феврале 1525 года после неудачной битвы при Павии Франциск I попал в плен к испанскому королю Карлу V, в том же 1525 году, в Лионе, простудившись во время бегства из Италии после разгрома при Павии, умер Карл Алансонский.

Пожалуй, впервые Маргарита вынуждена была выступить с дипломатической миссией. Она сделала все возможное для освобождения Франциска из мадридского плена. 2 октября она отправилась в Испанию, в императорскую резиденцию Толедо, и вступила в дипломатическое единоборство с Карлом V. 14 января 1526 года по мадридскому договору, почти после годичного заключения, Франциск обрел свободу.

В 1527 году Маргарита вновь вышла замуж. На этот раз за короля Наварры — Генриха д'Альбре. Ее второй муж был далек от запросов и интересов Маргариты и прославился больше политическими интригами и многочисленными любовными авантюрами. Маргарита не нашла и в этом браке семейного счастья. Впрочем, теперь она стала матерью — в 1528 году у нее родилась дочь Жанна (будущая королева Наварры и мать французского короля Генриха IV Бурбона), а в 1530 году — сын Жан, не проживший и 6 месяцев.

Замужество Маргариты значительно отразилось на судьбе французской Реформации. Ее брак не позволял ей жить при дворе Франциска I и, стало быть, непосредственно влиять на политику брата. Могущественная заступница и покровительница гуманистов и протестантов, какой была Маргарита все это время, переселилась теперь в далекое пограничное королевство — Наварру. И вместе с ней из французского двора уходило Возрождение в его лучших формах. К 1527 году завершился тот

период в жизни Маргариты, когда она была вторым человеком Франции, — период наибольшего влияния на Франциска.

Наступил «наваррский» и, может быть, самый плодотворный период ее жизни. Период отдаления от парижского двора, от «большой» политики ее брата, период погружения в дела ее крошечного королевства и в дела семейные, период размышлений, творческих исканий и подведения итогов.

Вновь овдовев в 1543 году, Маргарита стала полной правительницей Наваррского королевства, а ее двор превратился в центр культурной жизни Франции. В замках Нерака и По — резиденциях Маргариты забурлила небывалая дотоле умственная жизнь, для Наваррского королевства наступила эпоха Возрождения. Став королевой Наварры, Маргарита собрала при своем дворе в Нераке кружок гуманистов. С neraкским замком этого времени связаны имена крупных французских поэтов, ученых, художников, реформаторов, которые, не найдя приюта в большом государстве Франциска I, нашли пристанище в маленьком королевстве его сестры.

Друзьями Маргариты были такие известные писатели-гуманисты, как Клеман Маро, Этьен Доле, Бонавантюр Деперье, Пьер де Ронсар и многие другие. Блестящий поэт Франции первой половины XVI века К. Маро был представлен Маргарите еще в 1519 году, с тех пор между ними установились дружеские отношения, сохранившиеся до 40-х годов. Б. Деперье в 1536 году стал ее личным секретарем. Вероятно, именно для придворного кружка гуманистов и литераторов он начал составлять свои новеллы «Новые забавы и веселые разговоры», написанные в традициях «Декамерона» Боккаччо и «Фавстий» Поджо. При дворе Маргариты этот крупный писатель и мыслитель эпохи Возрождения создал свое лучшее произведение «Кимвал мира». Другим секретарем Маргариты был переводчик «Декамерона» Антуан Ле Масон. Выполненный им в 1545 году новый перевод «Декамерона» он посвятил Маргарите.

К последнему, «наваррскому» периоду относится расцвет творческой деятельности Маргариты. Маргарита-литератор пробовала свои силы в различных жанрах, творческое наследие ее пестро и неравноценно по своим литературным достоинствам. Она писала стихи, аллегорические поэмы, пьесы; сохранилась ее переписка, прежде всего письма к брату Франциску, их более 150.

В 1547 году вышел сборник стихотворений Маргариты Наваррской «Маргаритки Маргариты из принцесс», в эти же годы королева Наварры работала над лучшим своим произведением — сборником новелл «Гептамерон». По своей внешней структуре «Гептамерон» повторял одну из любимых книг Маргариты «Декамерон» Боккаччо. Сборник остался незаконченным, в него вошли лишь 72 новеллы. Маргарита написала семь «дней» и начала восьмой. В связи с чем издатели дали этой книге такое произвольное название «Гептамерон», что означает «семидневник», «семиднев». Книга дважды издавалась в XVI столетии (1558, 1559) и существовала в 15 списках.

Говорят, Маргарита написала свою книгу забавляясь, между делом, в свободную минуту, предназначенную для отдыха от серьезных и важных занятий, — на носилках, путешествуя по стране. Долгое время «Гептамерон» считался одним из неприличнейших и непристойных сочинений. Но в том нет вины автора: Маргарита писала так, как говорили при дворе ее брата и в наваррском обществе. В то время иначе не умели и не могли писать. Значение этой живой и увлекательной книги, созданной в последние годы жизни королевы Наваррской, еще и в том, что это фактически первое прозаическое произведение на французском языке, который тогда только формировался.

«Гептамерон» появился в то время, когда французский гуманизм переживал последние мгновения своего расцвета; уходило поколение людей, чей талант позволил говорить о взлете французской культуры эпохи Возрождения. Франция находилась на пороге значительных политических потрясений, религиозных гугенотских гражданских войн, с началом которых французский гуманизм вступил в свой последний кризисный этап.

Маргарита Наваррская — королева, писатель, меценат, «добрый гений» французских гуманистов и протестантов — ушла вместе со своим поколением. В 1549 году ее не стало.

Две королевы

Ни разу не поглядят они в глаза друг другу, ни разу их ненависть не выступит с поднятым забралом; льстиво и лицемерно улыбаясь, приветствуют они, и поздравляют, и одаривают одна другую, и каждая держит за спиной отточенный кинжал.

Стефан Цвейг

Елизавета

Жители Лондона надолго запомнили грандиозное торжество в честь коронавания Елизаветы в августе 1558 года.

Вся королевская свита, включая детей, была одета в расшитые золотом и серебром одежды. Карету, в которой находилась королева, сопровождали четыреста всадников и сто богато украшенных экипажей. Около колесницы королевы шли сорок юношей с белыми бантами, шитыми золотом, более тридцати юных графинь и герцогинь ехали в открытых каретах, где все блестело золотом и серебром.

В одной из триумфальных арок, устроенных по случаю коронавания, к Елизавете подошел одетый в белый шелк ребенок, аллегорически изображавший Истину, и передал ей Библию, на которой было написано: «Слово божие не имеет нужды в украшении» и «Елизавета — королева наша защитит меня». Приняв Библию, она, положив руку на сердце, принародно обещала всегда читать эту книгу. Восторженные крики в адрес королевы: «Да здравствует наша государыня! Даруй ей боже многие лета!» — неслись из толпы по всему пути ее следования. С чувством глубокого удовлетворения и гордости Елизавета отвечала: «Да благословит Господь мой народ!»

«Я докажу свету, что в Англии есть женщина, которая умеет действовать мужественно», — сказала Елизавета I через несколько месяцев после вступления на престол. Это была не похвальба, а твердая уверенность молодой королевы в своих действиях. Жизнь научила ее с самых ранних лет притворяться и хитрить, рисковать и изворачиваться, трезво мыслить и побеждать.

Путь к престолу был трудным и опасным. По завещанию своего отца, короля Генриха VIII, человека жестокого и своенравного, Елизавета была в числе престолонаследников. Однако главными претендентами считались сын Эдуард (от брака с Джейн Сеймур) и старшая дочь Мария (от брака с Екатериной Арагонской). Матерью Елизаветы была фрейлина королевы Анна Болейн. Король влюбился в нее и начал бракоразводный процесс со своей женой Екатериной Арагонской. Папа не санкционировал этот развод, в ответ на это парламент утвердил развод и освободил английскую церковь от подчинения Риму, провозгласив главою церкви короля. Реформированная церковь в Англии стала называться англиканской. Елизавете было всего три года, когда с эшафота скатилась голова ее матери. Воспитывалась Елизавета под надзором очередной жены Генриха VIII — Екатерины Парр. Отец был безучастен к судьбе дочери, но именно от него Елизавета унаследовала настойчивость, твердость и самоуверенность. Брат Эдуард сразу заметил в юной принцессе сдержанность и самообладание, умение подчинять рассудку свои чувства и желания. Шутя он назвал ее «сестрица-сдержанность».

Однако прошло ровно четверть века, прежде чем все эти качества Елизаветы реализовались в полной мере во славу своего государства. Одаренная от природы незаурядными способностями и умом, она использовала

это время для своего совершенствования. Елизавета с легкостью овладевала языками: в совершенстве изучив латынь, она прочитала все труды Цицерона, большую часть произведений Тита Ливия и трагедий Софокла. Свободно, как своим родным языком, она владела французским, итальянским и испанским, демонстрируя впоследствии свои знания во время аудиенций с представителями этих государств. Греческий она знала настолько, что могла отвечать на приветствия греческих ученых-ораторов при посещении Кембриджского и Оксфордского университетов. Елизавета имела глубокие познания в математике, географии, космологии. Кроме того, она отличалась и другими талантами: была хорошей наездницей, метко стреляла, прекрасно музицировала, грациозно танцевала.

Настоящей наукой для молодой принцессы, из которой она впоследствии много взяла, стала и политика ее отца. Одна за другой были казнены четвертая и пятая жены Генриха VIII — Екатерина Парр и Екатерина Говард. В этих действиях проявлялась не только упрямая воля короля, но и борьба придворных партий, претендующих на теплые места у трона. Начавшаяся с целью укрепления абсолютизма Реформация также повлекла за собой огромные жертвы: начались казни как протестантов за непризнание ими «шести статей» (символ веры англиканства), так и католиков, отказавшихся признать короля главою церкви.

Елизавета оставалась сторонней наблюдательницей политических событий и в период правления своего брата Эдуарда VI. Сама она к этому времени уже стала взрослой. Как говорили современники, «рост ее был умеренный, вид важный, величественный и непринужденный, лицо прекрасное. Все было отмечено великим душевным дарованием и столь совершенным разумом, какой только может иметь женщина». Но когда шестнадцатилетний король умер, закончилось и спокойствие Елизаветы. Согласно завещанию, в случае бездетной смерти Эдуарда престол переходил в руки старшей дочери Генриха VIII — Марии (впоследствии прозванной «кровавой» за преследование протестантов). Воспитанная своей матерью, фанатичной католичкой Екатериной Арагонской, Мария также была привержена католицизму. Это крайне беспокоило сторонников Реформации, опасавшихся восстановления католицизма и возвращения церкви ее владений.

Восшествие Марии еще больше приблизило Елизавету к престолу. Но для преодоления последней ступени ей надо было приложить немало усилий и перенести суровые испытания.

Когда Мария после коронации уже как законная королева приближалась к Лондону, Елизавета отказалась от добровольного уединения. Со своей свитой в пятьсот человек она выехала почти на 6 миль от Лондона, чтобы встретить и торжественно поздравить свою старшую сестру. Под восторженные крики народа обе царственные сестры вместе вступили в Лондон, и триумфальная процессия проследовала до Тауэра. Однако это единство было кажущимся. Елизавета завидовала правам Марии на престол, преданности к ней католических кругов страны; Мария также была расположена недружелюбно, так как знала, что Елизавета пользуется всеми возможными случаями, чтобы очернить ее в глазах подданных и навредить ей. Да и не могла дочь Екатерины Арагонской питать дружественные чувства к дочери Анны Болейн.

Вот почему стараниями канцлера-епископа Гардинера в парламенте были предприняты попытки законодательным путем отстранить Елизавету от престолонаследия. Не без участия королевы ее лишили большей части жалованья, назначенного королями, отцом и Эдуардом. О том, кто она, давали понять и на придворных выходах. Родной сестре и наследнице отводили не первое место после Марии, как приличествовало ее сану, а заставляли следовать за более дальними родственниками королевы, явно подчеркивая ее незаконнорожденность. Ходили слухи о том, что королева намеревалась сослать Елизавету во Фландрию или Испанию и заточить там в какой-либо монастырь. И здесь проявила себя политическая дальновзоркость Елизаветы: чтобы спасти себя и свое положение, она отреклась от протестантизма. Правда, ни Мария, ни католики не поверили в искренность ее обращения в католическую веру. Протестанты по-прежнему возлагали на нее свои надежды, а католики не переставали видеть в ней закоренелую и опасную еретичку.

Чтобы быть подальше от придворных интриг, Елизавета отправилась в Ашридж, за 20 миль от Лондона. Однако и здесь ей не давали покоя. Вскоре был раскрыт заговор во главе с выходцем из нового дворянства Томасом Уайтатом против испанизации страны и брака Марии Тюдор с Филиппом II. В причастности к заговору подозревали и Елизавету. Заговорщики, возлагавшие на

нее надежды, убеждали ее переехать в Доннингтон, чтобы быть ближе к восстанию. А Мария, под предлогом «безопасности» Елизаветы, настаивала на том, чтобы ее вернули ко двору.

Хитрая принцесса и на этот раз намеревалась занять выжидательную позицию и прикинулась больной. Но врачи, осматривавшие ее, не увидели никакой опасности для здоровья и в сопровождении приверженной принцессе стражи отправили в Лондон. Опасения Елизаветы были не напрасны — она сразу же оказалась под строгим арестом. Положение было критическим: ее обвиняли в государственной измене как участницу неудавшегося заговора, а главными уликами против нее были якобы перехваченные и дешифрованные депеши о целях и составе заговора. Елизавету подвергли формальному допросу перед членами тайного совета под председательством Гардинера. Но она отвергала все обвинения и настаивала на полной невиновности. Однако улики представлялись достаточно вескими, чтобы заключить ее в Тауэр. Маркиз Уинчестер и лорд Суссекс явились к Елизавете и сообщили о том, что они должны доставить ее по Темзе в крепость. Было Вербное воскресенье, и, чтобы излишне не волновать народ, особым королевским указом всему населению Лондона предписывалось в это время присутствовать в церкви на богослужении. При полном безлюдии, мрачной дождливой погодой с небольшой свитой Елизавета отправилась в путь. У стен Тауэра она решительно отказалась выходить из лодки, ссылаясь на неудобное место высадки; протестуя, она падала в грязь и отвергала всякую помощь. Увидев стражу, Елизавета в недоумении воскликнула: «Неужели все эти вооруженные люди здесь для меня? Они совсем лишние, ведь я слабая женщина!» Несмотря на проливной дождь, она села на камни и отказалась войти в тюрьму. «Лучше сидеть здесь, чем там! — воскликнула Елизавета. — Я не знаю, куда вы хотите меня вести».

Два месяца пришлось провести принцессе в Тауэре в полной изоляции от внешнего мира, под строгим надзором. Королевские советники в это время внушали Марии мысль о необходимости казни Елизаветы. Гардинер, не скрывая своей неприязни к принцессе, говорил, что бесполезно обрывать листья и обрубать ветви у ереси, когда ее корень остается неприкосновенным. Нужно, считал он, приложиться секирой к самому корню дерева. Мария, правда, не торопилась выполнять рекомендации

своего канцлера и ограничилась тем, что из Тауэра Елизавету отправила в Вудстокский замок, где она находилась более года под строгим арестом. Похоже, на этот раз королеву беспокоили более важные дела: восстановление влияния католической церкви, а также вступление в брак с Филиппом Испанским. Свадьба была отпразднована, позиции католицизма укреплялись, но судьба оказалась неблагоприятной к королеве. Из-за слабого здоровья она не могла иметь детей. Поэтому Филипп собирался покинуть ее, не видя возможности без наследников утвердиться в Англии. Правда, надежды он не терял, но теперь больше был склонен поддержать Елизавету, считая, что дни Марии сочтены. Он настоял на том, чтобы Елизавету освободили из заключения. Королева, встретившись с принцессой, требовала, чтобы она признала свою вину как участница заговора. Искренне или нет, но Елизавета, коленопреклонившись перед ней, утверждала, что не может просить о помиловании, ибо не в милости нуждается, а только в правосудии.

После свидания с королевой Елизавета была отправлена в замок Гэтфилд. Стараясь быть дальше от политики и находясь в условиях, далеко не соответствующих ее сану, принцесса занималась наукой и литературой. Здесь ее и застала весть о кончине королевы. Не помня себя от радости, она упала на колени и после продолжительного молчания воскликнула: «Это дело божие, и мы должны считать его чудом!»

Наконец наступил звездный час Елизаветы. На другой день после смерти Марии Кровавой она приехала в Лондон и через несколько дней вступила в Тауэр, в котором еще не так давно томилась в заключении и не чаяла выйти живой. Вступая в свою резиденцию, она, не в состоянии скрыть восторг, пала на колени и громко поблагодарила бога за то, что он защитил ее от всех козней врагов.

Правление Елизаветы началось суровыми буднями и враждебностью католического мира.

Папа отрицал законность ее происхождения и противился признать королевой. Узнав о коронации Елизаветы, он заявил: «Елизавета не имела никакого права на корону, потому что она незаконнорожденная. Она весьма дерзка и позволила себе взойти на трон без моего согласия». Кембриджский и Оксфордский университеты, пользовавшиеся в то время значительным влиянием,

присоединились к папе, представив в палату лордов адреса в пользу верховной власти папы.

Двадцатипятилетняя Елизавета вступила на престол, закаленная духом и опытная не по летам. За это время она воспитала в себе сдержанность и самообладание, умение скрывать свои чувства и желания, управлять ими и подчинять их рассудку, если этого требовали обстоятельства.

Мария

В декабре 1542 года в пасмурный зимний день умирал король Шотландии Иаков V Стюарт. Королю был только 31 год, но он уже устал от жизни и борьбы. В ворота замка постучал гонец, он принес умирающему весть о том, что у него родилась дочь, наследница. Король с трудом произнес: «Почему не сын, не наследник?» Через несколько дней его похоронили. Не прожив и недели, Мария Стюарт стала королевой Шотландии, а у колыбели малышки уже разгорелись политические страсти.

Генрих VIII — английский король — решил заполучить Марию Стюарт как невесту для своего малолетнего сына Эдуарда, чтобы объединить Англию и Шотландию в единое государство. Он требовал от Шотландии немедленной выдачи ребенка. Королева-мать, француженка Мария де Гиз, решительно протестовала против этой сделки. Она католичка и не хотела отдавать свою дочь вероотступникам, и ко всему еще в руки этого страшного короля — «Синей бороды», который из шести жен трех отправил на эшафот. Генрих VIII послал в Шотландию войска, чтобы захватить драгоценного ребенка, но мать с девочкой укрылась в каком-то замке, и королю пришлось довольствоваться договором, по которому Шотландия обязывалась выдать Англии Марию, когда ей исполнится десять лет. В борьбу включилась Франция, ибо не в ее интересах было подчинение Шотландии Генриху VIII. Король Франции Генрих II послал в Шотландию сильную эскадру и попросил руки Марии для малолетнего дофина Франциска. Соглашение было заключено, и после пребывания в уединенном монастыре пятилетнюю девочку посадили на корабль и отправили во Францию. Там с большими почестями встретили нареченную дофина. Уже в Нанте жгли фейерверк и палили из пушек. Впереди девочки, будущей королевы, выступало

крошечное войско — 150 мальчиков с трубами и барабанами, маленькими пиками и алебардами. Марию приветствовали на всем пути до Сен-Жерменского дворца. Здесь девочка встретила своего жениха — хилого, болезненного пятилетнего мальчика, который смущенно приветствовал невесту.

Французский двор был самым пышным и блестящим в Европе. Тот, кто готовил себя к власти, должен был разбираться в искусстве и обладать различными знаниями. Мария Стюарт начала изучать классические и современные языки. Одаренная девочка преуспевала во всем, она настолько овладела французским языком, что могла сочинять сонеты. Мария была неутомимой наездницей, охотницей, прекрасно танцевала и пела. Блестящее воспитание и внешний лоск, приобретенные во Франции, отличали Марию Стюарт от английских и шотландских леди на протяжении всей ее жизни.

Для Генриха II Валуа главное в этом браке было обеспечить себе шотландскую корону. Франциску едва исполнилось четырнадцать лет, а двор уже торопился со свадьбой, ибо все знали о болезненности принца. И вот в Париже 24 апреля 1558 года состоялось свадебное торжество. Рядом с первым принцем Европы в сопровождении блестящей свиты по улицам города ехала Мария. Придворные воспевали красоту невесты, которая принесла Франции вторую корону. Но... если все слишком хорошо — жди беды.

Когда Мария Стюарт стала королевой Франции, в Англии умерла Мария Тюдор и на престол вступила ее сводная сестра Елизавета. Но, как известно, католический мир не признал прав Елизаветы на английский престол. Поэтому пятнадцатилетняя королева и дофин внесли в свой герб (а почему бы и нет?) английскую корону. Этим Мария нанесла Елизавете смертельное оскорбление и нажила в ней непримиримого врага. Как говорил Стефан Цвейг, «монарх может многое простить, но только не сомнения в своем праве на корону». С этого часа Елизавета смотрела на Марию Стюарт как на опасную соперницу: ведь Мария была правнучкой Генриха VII и имела какие-то права на английский престол. И что бы ни говорили в дальнейшем друг другу королевы, в глубине их сердец всегда тлела вражда.

В 1559 году погиб на турнире французский король Генрих II, и муж Марии Стюарт стал новым французским королем Франциском II.

В Реймском соборе архиепископ венчал на царство бледного больного мальчика и прелестную юную королеву. Франциск был болен с самого рождения. Его постоянно лечили врачи, но надежд было мало. А как бы он хотел нестись в бешеной скачке со своей королевой! Но жизнь постепенно угасала, и Франциск вынужден был лежать в своих покоях. Мария заботливо смотрела за своим супругом, она понимала, что от жизни этого мальчика зависела ее власть и счастье. Но король все более слабел и 6 декабря 1560 года скончался.

Мария медлила с отъездом в Шотландию, прощание с Францией далось ей нелегко. 12 лет провела она в этой стране. Но гордость не позволяла ей остаться второй там, где она была первой.

Франция провожала вдовствующую королеву по всем правилам пышного церемониала — от Сен-Жерменского дворца до порта Кале, где в гавани ждало адмиральское судно, которое должно было доставить ее в Шотландию.

19 августа 1561 года королева высадилась в Лейте. Но здесь никто ее не ждал и не встречал. На следующий день прибыл граф Меррей — регент Шотландии, сводный брат Марии, чтобы с почетом проводить ее в Эдинбург, но торжественного шествия не получилось. Королевский замок Холируд встретил ее пустыми, угрюмыми покоем — ни праздничного сияния огней, ни ковров, ни дорогих драпировок. Мария понимала, что ее ждут в Шотландии большие трудности, но действительность превзошла все ее предположения. Ее встретил нищий край с бесчисленными кланами, которые только и ждали предлога для войны, с католиками и протестантами, постоянно враждующими между собой.

Королевы тоже женщины

Две молодые королевы — Елизавета Английская и Мария Шотландская были самыми престижными невестами в Европе.

Филипп II — король испанский, потерявший корону Англии со смертью жены Марии Кровавой, тем не менее стремился вновь укрепить свое влияние в этой стране: он предложил Елизавете свою руку. Однако мысль о замужестве была так неприятна королеве, что однажды в разговоре с французским посланником де Фуа она сказала: «Когда я думаю об этом, мне кажется, будто у меня

вырывают внутренности». Членам парламента, обратившимся к ней с предложением вступить в брак для спокойствия государства, она заявила, указывая на перстень, надетый при коронации, что повенчалась со своим народом и желает ему посвятить свою жизнь, а детьми своими считает подданных всего государства. Выйти замуж она обещала лишь в том случае, если изберет себе мужа, не менее преданного интересам государства, чем она сама. Если же останется бездетной, то, при содействии парламента, оставит государству преемника, который будет, может быть, даже лучше ее предполагаемого потомства. Больше всего она хотела, по ее словам, чтобы на ее надгробном памятнике была надпись: «Здесь лежит королева, которая процарствовала так долго, жила и умерла девицей».

Что касается предложения Филиппа II, то по своему положению он мог бы быть достойным женихом, как полагала сама королева. Елизавета не забыла, что он спас ее от врагов, к тому же Испания выступала союзницей Англии в борьбе против Франции и Шотландии. Поэтому прямо отвергнуть предложение Филиппа она не решилась, тем не менее для себя этот вопрос она уже решила.

Елизавета знала о том, что обручение с Филиппом повлечет за собой восстановление позиций католицизма и подчинение страны воле испанского монарха. Это не соответствовало ее политическим расчетам.

Мария же первые три года в Шотландии провела без каких-либо серьезных потрясений. Правил регент Меррей, а королева лишь председательствовала. Отношения с Елизаветой заметно потеплели. Королева Шотландии, да еще под покровительством Меррея, верного слуги Елизаветы, ей была не страшна. Между Елизаветой и Марией Стюарт завязалась переписка. Мария послала Елизавете в знак любви бриллиантовое кольцо, а та передала ей еще более ценный перстень. Но едва заходил разговор о личной встрече, обе замолкали. Они понимали, что одна из них должна была уступить, и каждая ждала своего часа.

Мария Стюарт и не думала до конца своих дней тихо и мирно управлять Шотландией. Она смотрела на эту корону, как на ставку в большой игре, где можно выиграть блестящую партию. Целых два года тянулись переговоры о замужестве Марий. Кандидатом на ее руку выступал Дон Карлос — наследник испанского престола. Активное участие в выборе женихов принимала Елизавета, так как она очень опасалась, чтобы Мария не вышла замуж за

иностранного государя; в этом случае Шотландия была бы навсегда потеряна для Англии. Дон Карлос медлил с ответом, а Елизавета стремилась форсировать события. Она не возражала бы против принца протестантской веры — короля Датского или герцога Феррары, однако самой реальной кандидатурой, по ее мнению, был Роберт Дадлей. Это предложение прозвучало, как гром среди ясного неба. Не могла королева Шотландии и вдовствующая французская королева выйти замуж за какого-то ничтожного дворянина без единой капли королевской крови, и, кроме того, всей Европе известно, что Роберт Дадлей уже многие годы состоял в потешных любовниках у Елизаветы. Правда, для того чтобы Мария не ценила жениха слишком низко, Елизавета возвела Дадлея в сан графа Лестерского, что шотландской королевой было расценено как одно из самых бестактных выходов Елизаветы. Однако Мария сдерживала негодование: надо было заручиться настоящим престолонаследником, а потом уже отвечать на оскорбление.

Но у шотландского двора был еще один кандидат — Генри Дарнлей. Он пока находился в резерве. По материнской линии в жилах 18-летнего юноши текла королевская кровь Тюдоров — он приходился правнуком Генриху VII и поэтому вполне подходил любой государыне, к тому же он был католиком.

Юный принц мастерски сидел в седле, грациозно танцевал, любил музыку. Он был хорошо вышколен, хотя и не слишком умен. Мария — молодая двадцатитрехлетняя женщина, вдовствующая уже четыре года, влюбилась в Дарнлея. Это видел весь двор. Но возможный союз вызвал взрыв возмущения у регента Меррея. Он обратился к сестре с просьбой отказаться от брака, так как ограниченный юнец будет стремиться управлять государством, что привело бы к восстановлению католицизма и подавлению Реформации в Шотландии. Елизавета же пришла в неистовство. Она приказала своему подданному Дарнлею немедленно вернуться в Англию, пригрозив конфисковать все земли его отца. А когда все это не возымело успеха, Елизавета впервые в открытой форме выразила готовность подтвердить права Марии на английский престол, если та откажется от этого брака. Но последнюю уже не интересовали династические права — она была только женщиной, только возлюбленной.

29 июля 1565 года колокола возвестили о венчании королевы. Замок осадила ликующая толпа, в которую

щедрыми горстями бросали деньги. Четверо суток кипело веселье. А в Лондоне другая королева, незамужняя, замышляла против Марии Стюарт враждебную акцию. Она не жалела денег для подкупа и организовала мятеж.

Мария в сопровождении своей свиты выехала на встречу бунтовщикам. Один за другим приходили бароны с повинной к своей государыне, и только Меррей бежал в Англию.

Елизавета пыталась доказать свою полную непричастность к заговору. Мария Стюарт победила — вступила в брак по собственному выбору и ликвидировала мятеж. В стране на какое-то время воцарился мир и тишина.

Во втором браке Марию постигло жестокое разочарование. Ее муж, ограниченный, тщеславный юнец, поняв, какую он приобрел власть, становился наглым и заносчивым. Осознав ничтожество этого человека, Мария лишила его своих милостей, отняла у Дарнлея все привилегии. Его больше не звали на заседания государственного совета, и он уже не играл при дворе первой роли. Сама Мария, охладев к этому человеку, отказывала ему в близости, мотивируя это своей беременностью. Но Дарнлей понимал, что все гораздо сложнее.

Лорды вновь подняли голову — ничто так не беспокоило их, как независимое правление королевы. Протестантские лорды полагали, что Мария и ее приближенные стремились уничтожить в Англии Реформацию и утвердить католицизм. И их гнев обрушился прежде всего на секретаря королевы, итальянца Риччо, его даже считали агентом папы при королеве. Мария открыто поощряла Риччо, дарила ему богатые подарки, доверяла королевскую печать и государственные тайны. Он садился за стол с королевой и ее подругами. Придворные видели, что он проводит долгие часы в покоях королевы. И здесь у лордов возникла идея — использовать для прикрытия заговора опального короля и оскорбленного мужа. Дарнлей охотно пошел на сговор против собственной жены.

Вечером, во время ужина, когда собирались друзья королевы, в комнату ворвались вооруженные люди и на глазах у Марии Стюарт зверски убили Риччо. Марию заперли в ее опочивальне, оставив без слуг. Заговор удался на славу. Но королева нашла в себе силы для борьбы и бежала из замка Холируд. У нее созрел план, как расколоть лагерь заговорщиков. Она вновь начала оказывать внимание мужу; появилась легенда, что Дарнлей не

принимал участия в заговоре, о чем объявил герольд на главной площади Эдинбурга. Королевская чета возвратилась в свой замок в полном согласии.

Утром 9 июня 1566 года грохот пушек возвестил городу счастливую весть — родился принц, наследник Стюартов. Мария в присутствии свидетелей показала Дарнлею ребенка и сказала: «Бог даровал нам с тобою сына, зачатого тобою, и только тобою» (о королеве ходили слухи, будто она нарушала супружескую верность).

А в Лондоне Елизавета давала бал. Блеск и удовольствие были для Елизаветы воздухом, без которого она не могла жить. Королева любила наряды и меняла их несколько раз в день. Она оставила после смерти около трех тысяч парадных платьев с большим количеством драгоценностей. Королева очень любила лесть и комплименты. Ее любимец пират Дрейк, который успешно топил испанские суда, принимая королеву на борту корабля, лицемерно прикрывал ладонью глаза, якобы ослепленный ее красотой. От него, как говорит молва, пошел обычай отдавать честь на корабле.

На балу к Елизавете подошел государственный секретарь Сесил и шепотом сообщил, что у Марии Стюарт родился сын. И хотя Елизавета сполна владела искусством скрывать свои чувства, эта весть, как нож, пронзила ее тело. Лицо ее застыло, судорожно сжались руки, и королева поспешно покинула зал. Добравшись до своей опочивальни, она рухнула на кровать и разразилась рыданиями. «У королевы Шотландской родился сын, а я, я только иссохший мертвый сук». Но это были редкие проявления женской слабости.

Уже на следующее утро Елизавета опять была только королевой и дипломатом. Она велела посланцу передать Марии самые сердечные пожелания и даже заявила о готовности приехать на крестины, если предоставится такая возможность. К ней опять вернулись ум, сдержанность и твердость. Это снова была та королева, которая как-то заявила своим подданным: «Неужели вы думаете, что если я не ношу шпагу, то скипетр в моих руках превратился в веретено?»

Путь в бездну

17 декабря 1566 года в замке Стирлинг были назначены торжественные крестины принца. Елизавета, естест-

венно, не приехала, но прислала бесценный дар — тонкой работы купель из чистого золота, украшенную драгоценными камнями. Прибыли послы Франции, Испании. Мария предстала радушной хозяйкой и счастливой матерью. Но на душе у нее было беспокойно. Что-то новое, непонятное происходило с ней — ее охватило предчувствие роковой любви.

Среди свиты Марии был лорд Босвел, протестант, уже в юности защищавший интересы ее матери, Марии де Гиз. От гнева Меррея он бежал из Шотландии, потом вернулся и отдал себя и своих приверженцев в распоряжение Марии Стюарт. Безгранично смелый, готовый на любую авантюру, железный воин, равно горячий в ненависти и любви, он сразу привлек внимание Марии. Она назначила его верховным адмиралом Шотландии и главнокомандующим вооруженными силами на случай войны. Благодаря военной диктатуре Босвела, в Шотландии восстановился мир и порядок. Но не только твердую опору принес королеве Босвел. Внезапно нахлынувшее чувство к этому человеку, кажется, полностью поглотило Марию. Все, чем владела, она бросила в горнило страсти — состояние, корону, свою душу и тело.

Она знала: друзья от нее отвернутся и весь мир станет ее презирать. В одном из своих сонетов она писала:

Я для него забыла честь мою,
Единственное счастье нашей жизни,
Ему я власть и совесть отдаю,
Презренной стала в собственной отчизне.

Мария Стюарт с ужасом понимала, в какое безумие они впали, ибо у нее был муж, а у него — жена. (Кстати, незадолго до этого королева издала указ о строгом наказании за нарушение супружеской верности.) Но самое ужасное было впереди: вскоре она начала понимать, что Босвел к ней охладел. И вместо того, чтобы гордо отвернуться, королева была готова идти на все унижения, только бы удержать любовника. Мария знала: есть лишь единственный козырь, ради которого Босвел останется с ней, — это корона. Великий соблазн для авантюриста: жена-королева может сделать его королем. Однако законный путь здесь был невозможен. Дорога к власти лежала через труп Дарнлея. Босвел понимал, что нет такой цены, которую эта обезумевшая женщина не уплатила бы за его любовь. И если надо добыть корону для Босвела ценой преступления, она не отступит. Босвел заручился к

тому же одобрением лордов, которые рады были убрать из Шотландии никчемного короля. Вскоре стало ясно, что Мария, лорды и Босвел в отношении дальнейшей судьбы короля мыслят одинаково.

Здесь начинается самая страшная страница жизни Марии Стюарт. Для того чтобы осуществить задуманный план, необходимо было привезти сюда Дарнлея, который в это время находился в имении отца в Глазго и тяжело болел оспой. Эту миссию могла выполнить только Мария. Не с легкой душой согласилась она на эту акцию, ею овладели ужас и сомнения из-за навязанной ей роли. И когда Мария оказалась лицом к лицу с жертвой, которую ей надо было подтолкнуть к смерти, в ее душе проснулось чувство сострадания.

Дарнлей встретил ее настороженно, как бы предчувствуя недоброе. Но Мария ласковыми руками и льстивыми речами рассеяла подозрения. Еще больной, с изрытым оспинами лицом, он объявил, что согласен поехать с ней в Эдинбург. После долгих месяцев вражды в обретенном вновь согласии королевская чета возвратилась в Эдинбург. Но Босвел распорядился, чтобы король не сразу возвращался в свой замок, потому что якобы еще не прошла опасность заразы. Он будет пока жить в небольшом, одиноко стоящем доме, расположенном за городской стеной. Дом состоял из прихожей и четырех комнат. Сюда были доставлены ковры, великолепные шпалеры, кровати. По несколько раз в день навещала Мария своего супруга. Три ночи он провел в этом уединенном доме, а в понедельник, по желанию королевы, они должны были переехать в Холируд.

9 февраля в Холирудском замке праздновалась свадьба слуг Марии, а сама королева зимним холодным вечером спешила к мужу, чтобы посидеть с ним и потом возвратиться на свадьбу.

В два часа ночи страшный взрыв потряс воздух. Весь город проснулся. Гонцы принесли весть, что домик вместе с королем и его слугами взлетел на воздух. Трупы Дарнлея и слуг нашли в саду. Разбуженной королеве доложили, что ее муж убит злодеями, которые скрылись. Мария, как ни странно, в ответ на гибель мужа ничего не стала предпринимать. Она не страдала, не возмущалась, не требовала возмездия. Похороны проходили совсем не так, как полагается королю, никто не видел безутешную вдову. Была объявлена награда в две тысячи шотландских фунтов тем, кто назовет имена убийц. А на ры-

ночной площади появились афишки, в которых убийцей короля назывался Босвел. Мария же потеряла всякое представление о благоразумии: она не соблюдала траура, а через несколько дней после похорон отправилась гостить в замок лорда Сентона, где приняла Босвела. Среди иноземных государей царило недоумение: Мария и пальцем не пошевелила, чтобы снять с себя подозрение. Даже папа в гневе обличал ослепленную женщину. Елизавета написала Марии пространное письмо, где искренне давала совет: «...не бойтесь задеть того, кто Вам всех ближе, раз он виновен, и пусть никакие уговоры не воспрепятствуют показать всему миру, что Вы такая же благородная государыня, как и добропорядочная женщина». Но Мария осталась глуха к разумным советам.

Настала очередь возмутиться отцу Дарнлея, графу Ленкосу, который вопрошал, почему никаких мер не принимается для поимки убийц. Он требовал ареста Босвела, имя которого было у всех на устах. Мария понимала, что больше тянуть нельзя, и дала согласие на то, чтобы Босвел предстал перед судом. Но его этим трудно было запугать, поскольку ему были подчинены все крепости в стране и созданные им вооруженные отряды. Железный воин отправился на суд с мечом на боку и с кинжалом за поясом в сопровождении многочисленного отряда воинов. Ленкос на суд не явился, видимо опасаясь за свою жизнь. И суд вынес Босвелу оправдательный приговор.

Елизавета послала второе письмо Марии Стюарт, в котором строго предупредила ее: «Даже если бы Вы не ведали за собой вины, однако такого попустительства было бы достаточно, чтобы Вас лишили королевского сана и отдали на поругание черни. Но чем быть подвергнутой такому бесчестию, я бы пожелала Вам честно умереть».

Ясно, что на волне всеобщего осуждения Марии и думать не следовало бы о супруге с такой сомнительной репутацией, как у Босвела. Но она уже не могла остановиться: ей нужно было найти такой предлог, который оправдал бы ее действия. Кодекс чести того времени допускал подобную ситуацию: если женщина насильственно лишена чести, виновник был обязан женитьбой на ней восстановить ее честь. Босвел предложил Марии разыграть этот фарс, и она, понимая всю низость задуманного спектакля, была не в силах отказаться.

21 апреля Мария в сопровождении нескольких всад-

ников возвращалась из замка Стирлинг, куда ездила проведать своего сына. В шести милях от города из засады на них напал большой конный отряд во главе с Босвелом. Он схватил за повод коня королевы и, якобы взяв ее в плен, увез в замок Донбар. Для отвода глаз была предпринята попытка освободить королеву, но все заканчивалось вполне мирно. Итак, Босвел, как дерзкий разбойник, напал на королеву, и теперь только в браке с этим человеком она могла восстановить свою поруганную честь.

Однако похищение было сработано слишком топорно, и никто не поверил, что над королевой Шотландской учинили насилие. Да и королева вскоре представила ситуацию в таком виде, что у нее-де нет основания жаловаться и ей следует поразмыслить над сделанным предложением. У государей Европы это вызвало единодушное осуждение: если королева соединится в браке с убийцей своего мужа, она утратит престол и честь, благоволение папы, а также симпатии Испании и Франции.

Свадьбу совершили тайком: в четыре часа утра несколько человек появилось в замковой часовне, приглашенных гостей пришло очень мало. Орган молчал, и обряд завершили очень быстро, без свадебного кортежа и других принятых в таких случаях атрибутов.

Мечта королевы сбылась, но именно теперь в ее душе произошел надлом. Мария поняла, что для нее все потеряно. Три недели длился этот горький медовый месяц. Елизавета не отвечала на ее письма, лорды не отзывались на приглашения. Вокруг образовалась какая-то зловещая пустота. Босвел и Мария уединились в неприступной крепости Бортулк.

Дальнейшие события развивались стремительно. Войска лордов захватили Эдинбург и начали наступление на Бортулк. Босвел подготовил свое войско к бою. У Корбери-хилла, в шести милях от Эдинбурга, сошлись два крупных отряда. Мария настояла на переговорах с мятежными лордами. Ей поставили последнее условие — пусть королева отречется от Босвела и вернется с войском лордов в Эдинбург. Марии пришлось согласиться, а Босвелу — спастись бегством. От Лангсайдола до Эдинбурга она шла в окружении солдат. Из окрестных деревень прибывали все новые и новые охотники до небывалого зрелища. Такого унижения королева еще никогда не испытывала. Ее привели в Эдинбург в дом профоса, где она провела ночь в безысходном отчаянии. Решено было поместить королеву в замок Лохливен,

который стоит посреди озера и со всех сторон отрезан от суши. На лодке Марию подвезли к замку, и ворота за ней закрылись. Идиллия власти и любви сменилась долгим заточением.

Пленение королевы вызвало смятение в странах Европы. Встал вопрос о мерах по отношению к монарху, который оказался недостоин королевского венца. Ведь Мария избрала супругом человека, который не только уже был связан брачными узами, но и единодушно заклеял как убийца шотландского короля. Европейские монархи, однако, по-разному отнеслись к судьбе королевы. Особенно решительно на сторону своей давней противницы стала Елизавета. Это могло показаться странным, но дело было в том, что она стремилась защитить Марию не как человека, женщину, а как королеву. Елизавета выступала за идею неприкосновенности царственных прав, тем самым отстаивая и собственные права. В письмах к королевскому совету Шотландии английская королева писала: «Вашего обращения с королевой Шотландии мы не можем ни одобрить, ни стерпеть. Велением божьим вы — подданные, а она ваша госпожа, и вы не вправе приневолить ее к ответу на ваши обвинения». Однако Елизавета натолкнулась на открытое сопротивление лордов. У нее хватило бы, конечно, сил их приструнить, но, поскольку случай дал ей в руки смертельное оружие против Марии Стюарт, она не хотела от него отказываться.

Бежавший Босвел прислал в Эдинбург своего слугу с поручением выкрасть из замка оставленный им ларец с важными бумагами, но слугу схватили, и под пытками он выдал тайник. В ларце находились бумаги Босвела, письма и сонеты королевы и другие документы. Эта находка могла стать важным свидетельством против Марии. В присутствии лордов ларец вскрыли. Содержание писем оказалось крайне неблагоприятным для королевы. Лорды поспешили разгласить содержание писем во Франции и других странах. Письма неопровержимо свидетельствовали, что королева замешана в убийстве мужа. Проповедник Джон Нокс с амвона назвал королеву прелюбодейкой и мужеубийцей.

25 июля Мелвил — дипломатический агент Марии Стюарт — приехал в Лохливен и привез документы об отречении, которые должна была подписать Мария. Это — отказ от престола, согласие на коронование сына и регентство Меррея. После приступа негодования и от-

чаяния Мария Стюарт подписала документы. Но, поскольку она лишилась власти, ей уже не было снисхождения — ей отказали в обещанном освобождении. В шотландском парламенте письма и сонеты из ларца зачитывали вслух. (Более четырех веков не умолкают споры о «Письмах из ларца». Одна часть исследователей считает их подлинными, принадлежащими перу Марии Стюарт, другая — искусной подделкой, фальсификацией.) Но Мария пока не была сломлена окончательно. Она еще имела в своем арсенале сильное средство привлекать и очаровывать не только друзей, но и врагов. И этим средством было не столько воспетое поэтами очарование и преданность католической вере, сколько соблазнительные надежды претендентов браком с пленницей открыть себе дорогу к шотландской, а может быть, и к английской короне.

Голова Босвела была оценена в тысячу шотландских крон. Его преследовали на суше и на море. Вначале на маленьком судне он смог убежать от преследователей, но у берегов Норвегии его захватил датский корабль. Одна темница сменилась другой. Первая его попытка к бегству потерпела неудачу, но вторая привела к успеху. Босвел собрал войско — некоторые лорды, хранившие Марии верность, готовы были встать на ее защиту. На сторону Марии склонился дом Гамильтонов, за которым стояло почти тысячное войско. Но Меррей тоже не дремал, он быстро собрал войско и двинулся в направлении Глазго.

30 мая 1568 года в битве при Лангсайдоле наступил час окончательного расчета между королевой и регентом. Битва была короткой, все закончилось почти в течение часа. Бросив все оружие и триста человек убитыми, последняя армия королевы обратилась в беспорядочное бегство. Мария Стюарт, убедившись, что все потеряно, с небольшим отрядом провожатых решила спасаться бегством, лишь бы не попасть в руки врагов. На третий день отряд достиг Дандреннанского аббатства у самого моря. Путь назад был отрезан, а армия — разбита. Мария могла уехать во Францию, Испанию или Англию. Но во Франции ее знали королевой, и она не хотела возвращаться туда нищенкой, а в Испанию бежать ей казалось унижительным. Оставалась лишь Англия. Она написала письмо Елизавете, в котором рассказала обо всем случившемся и попросила убежища: «Милая сестрица, позволь мне предстать перед тобой... я уповаю на твое

доброе сердце». 16 июля Мария села в рыбачий челн, пересекла залив и высадилась на английском берегу.

Годы заточения

Появление Марии в Англии поставило Елизавету в затруднительное положение. С одной стороны, она испытала глубокое удовлетворение от того, что женщина, замышлявшая свергнуть ее с престола, сама осталась без короны. С другой стороны, она ведь весь последний год заверяла Марию в своем участии и преданности. Ну что же, она сможет показать всему миру свое великодушие.

Но королева не одна решала государственные дела. Всесильный министр Сесил, трезвый политик, утверждал, что пребывание Марии в Англии будет таить в себе большую опасность. Она станет центром притяжения английских католиков, надеждой международной Контрреформации — папства, иезуитов и испанского короля Филиппа II. Кроме того, если принять Марию в Лондоне, оказав ей королевские почести, это может свергнуть Англию в войну с Шотландией.

Поколебавшись несколько дней, Елизавета решила не допускать Марию ко двору, но и в то же время не выпускать из страны. В этом сполна проявилось коварство и бессердечность английской королевы. Однако, чтобы задержать ее, необходимо было найти предлог.

Посланные для переговоров вельможи сообщили Марии, что Елизавета не сможет ее принять, пока она не очистится от всех обвинений. Мария и сама хотела оправдаться, но только, по ее словам, перед особой, которую считала равной себе, т. е. перед королевой Англии. Однако дальнейший ход событий показал, что не об оправдании перед Елизаветой шла речь, а о судебном расследовании шотландских событий. Мария с возмущением отвергла саму возможность судебного разбирательства. Она считала, что лучше умереть, чем оправдываться на суде перед своими подданными. Елизавета же понимала, что она не имеет права расследовать убийство, происшедшее в другой стране, и вмешиваться в конфликт королевы с ее подданными. Но уж очень хотелось вывести Марию на процесс, поэтому Елизавета обещала ей неприкосновенность ее королевской короны. Поддавшись уговорам, Мария согласилась на судебный процесс и этим

совершила самую роковую ошибку в своей жизни. Правда, суд сначала пошел по неожиданному руслу, так как судьи были готовы похоронить процесс. Но Елизавета все держала под своим контролем. По ее приказу сессия была перенесена из Йорка в Вестминстер; здесь, в своем дворце, королеве легче было наблюдать за процессом. Она потребовала, чтобы были представлены «письма из ларца», которые могли послужить доказательством того, что Мария находилась в преступной связи с Босвелом.

Под давлением Елизаветы лорды уступили, и письма были представлены. Поверженная, но не сломленная Мария отказалась путем отречения купить себе милость судей. Она бросила в лицо обвинителям слова: «Ни слова о том, чтобы мне отказаться от моей короны. Чем согласиться, я предпочитаю умереть, но и последние мои слова будут словами королевы Шотландской».

Суд принял половинчатое решение — лордам якобы не удалось привести достаточно убедительных улик против королевы. Однако подозрение с Марии снято не было.

После вынесения приговора Мария Стюарт постоянно находилась в заточении, менялись лишь замки-тюрьмы; королеву содержали то в Болгоне, то в Шеффилде, то в Фотеренгее. Так в безнадежности шли годы... В сорок лет Мария была усталой и больной женщиной. Ей, правда, был предоставлен известный комфорт, Елизавета выдавала 52 фунта в год на расходы, к тому же Мария получала еще ежегодный пенсион из Франции — 120 фунтов. Елизавета ревниво оберегала свой престиж гуманной королевы: она была достаточно умна, чтобы не вымещать на сопернице былых обид. Мария ела на серебре, в покоях горели дорогие свечи, у нее был целый штат горничных, камеристок, священников, казначеев, врачей.

Казалось, Мария смирилась со своим положением и земные страсти в ней утихли; она находила забвение в домашних занятиях, вышивании золотых узоров. Но это была только иллюзия. На самом деле гордая королева жила одной мечтой — вновь вернуть себе свободу и власть. С первого дня заточения она установила контакты со своими сторонниками, писала письма к послам, ее гонцы спешили в Париж, Мадрид; она, как могла, поддерживала врагов Елизаветы. Письма Марии привозили в белье, в книгах, в крышках футляров. Эта связь с миром стала единственной отрадой Марии, которая поддерживала ее дух. Но все ее интриги не имели никаких шансов на успех: слишком неравны были силы против-

ников. Друзья Марии все чаще попадали в казематы, и там под пытками раскрывались нити заговоров. Министр полиции Уолсингем превосходно наладил систему шпионажа и информации, благодаря которой королева Елизавета имела сведения из всех уголков Англии и почти из всех стран Западной Европы. Однако Мария по-прежнему считала, что лучше быть коронованной узницей, чем отставной королевой.

Чем дольше продолжалась эта борьба — коварная и жестокая, тем непримиримее противостояли Мария Стюарт и Елизавета. Напрасно заклинала Мария даровать ей свободу: «Честью и смертными муками спасителя и избавителя нашего заклинаю — позвольте мне оставить это государство и удалиться на покой в какое-нибудь укромное место». Елизавета не отвечала. Последней надеждой Марии был сын, которого она вынуждена была оставить еще младенцем. За эти годы Иаков VI стал юношей, почти мужчиной. Он воспитывался врагами Марии и, видимо, усвоил версию, что его мать помогла лишить жизни отца и теперь оспаривает престол у Елизаветы. Постепенно с сыном завязались переговоры. Это очень встревожило Елизавету, она опасалась, как бы мать с сыном не договорились вместе выступить против нее. Елизавета послала Иакову отборных лошадей и собак, намекая также на английское престолонаследие. Более того, был подписан тайный договор между Елизаветой и Иаковом, в котором нет ни слова о его матери; как только он получил причитающиеся ему деньги, он перестал встречаться с матерью; был рескрипт, в котором сообщалось, что Мария навсегда лишена титулов и всех прав королевы Шотландии. Это означало полный крах надежд Марии. Она отреклась от сына и прокляла его. Ее борьба с Елизаветой достигла высшего накала. И это не только борьба двух королев. Это борьба католицизма и Реформации; у каждой стороны зреет план убийства: у католиков — Елизаветы, у протестантов — Марии. Католический мир занял резко враждебную позицию по отношению к Англии. 25 февраля 1570 года папа Пий V обнародовал буллу об отлучении Елизаветы от католической церкви и освободил англичан от присяги на верность королеве, а в 1580 году Рим объявил, что всякий «убивший Елизавету с благочестивыми намерениями совершит божье дело».

Противостояние вступило в последнюю фазу — к Марии стали применять крутые меры. Елизавета счита-

ла, что Шрусбери (надзиратель за Марией) был слишком снисходительным тюремщиком, и он отстраняется от должности, а его место занял фанатик — протестант Паулет.

Пятьдесят солдат день и ночь караулили подходы к замку. Люди из свиты Марии лишились свободы передвижения. Белье, книги, любые посылки тщательно просматривались; у Марии отняли лошадей, и она уже не могла выезжать на прогулки. Ни одно слово извне не проникало под своды ее замка. Однако министры королевы не одобряли этот режим. По их мнению, надо было втянуть Марию в преступный заговор и затем приговорить к смерти. Такой заговор против Елизаветы уже существовал, и министр полиции английской королевы Уолсингем внедрил туда своих шпионов. Вместо того чтобы задушить заговор в зародыше, Уолсингем провоцировал заговорщиков, чтобы они поставили своей целью убить Елизавету с письменным одобрением Марией этой акции. А Марии предоставили определенную свободу и перевезли в другой замок — Чартли, который находился рядом с поместьями дворян-католиков. В это же время друзья Марии познакомили ее с Бабингтоном — молодым мелкопоместным дворянином. Пылкий юноша проникся жалостью и участием к судьбе Марии Стюарт и выразил готовность отдать за нее жизнь. Мария продолжала получать тайные письма. Ежедневно на кухню из местной пивоварни доставлялся бочонок пива для слуг, в бочонок опускалась закупоренная деревянная фляга, в которой и находились секретные письма. Этот способ изобрели не друзья Марии Стюарт, а шпионы Уолсингема. Поэтому вся переписка опальной королевы происходила под наблюдением ее политических врагов. Каждое письмо перехватывалось, расшифровывалось, с него снималась копия и отправлялась в Лондон. И только после этого письмо доставлялось Марии. Заговорщики уже подготовили план ее похищения, но Уолсингему этого было мало, ему нужен был заговор цареубийц. И он потребовал от своих провокаторов настаивать на убийстве Елизаветы. Наконец Бабингтон и его друзья согласились. Теперь завлечь в ловушку Марию было несложно — необходимо только, чтобы Мария одобрила план убийства Елизаветы и письменно это подтвердила. Приближенные Марии советовали ей не рисковать, но замысел был очень соблазнителен: он открывал для нее путь к двум коронам — шотландской и английской и давал надежду на

возвращение миру католической веры.

Наконец Мария решилась — ее ответ был готов и отослан в пивной бочке. Но письмо не дошло даже до Лондона, его изъяли здесь же, в Чартли. В письме Мария соглашалась на убийство Елизаветы. Итак, провокация Уолсингема достигла своей цели. Все заговорщики были схвачены. Мария пока еще ничего не знала. Но когда она по приглашению Паулета выехала на охоту в соседний замок Тиксолл, ее арестовали, а в ее апартаментах произвели обыск. Семнадцать дней Марию держали в Тиксолле, и у нее было достаточно времени, чтобы все обдумать и понять. Затем ее перевезли в замок Фоторенгей; это было ее последнее пристанище.

Чаша весов склонилась

Борьба, растянувшаяся на четверть века, пришла к концу. Но победившая Елизавета не чувствовала полного удовлетворения. От нее теперь зависело, казнить или помиловать Марию Стюарт. Отправить на эшафот помазанницу божью — это означало взять на себя огромную ответственность. Елизавета это хорошо понимала и искала выход из ситуации. По ее мнению, Мария должна была во всем сознаться, покаяться и отдаться на личную волю Елизаветы. Тогда можно будет избежать судебного разбирательства, и Мария сможет где-нибудь в уединении спокойно дожить свою жизнь. Но Мария Стюарт уже решилась: она готова была преклонить колени скорее перед плахой, чем перед Елизаветой, и мир увидит, что она жестокая тиранка, посягнувшая на жизнь помазанницы божьей. Однако после долгой внутренней борьбы она согласилась дать объяснения посланцам королевы. Суд вынес приговор (лишь один лорд Зуч был против): «названная Мария Стюарт неоднократно измышляла сама и одобряла измышление другими планов, ставящих себе целью известить или убить священную особу, нашу владычицу королеву Английскую». Карой за такое преступление являлась смерть. Но последнее слово было за Елизаветой. Многие твердили о единственной возможности добиться мира и спокойствия в стране — обезглавить Стюарт. Однако были голоса в защиту Марии, и они становились все явственнее. Французский посол напомнил Елизавете, что она погрешила бы против господя, подняв руку на Марию Стюарт. Мария же, казалось,

окончательно примирилась с неминуемой смертью. Она поняла, что у нее только одна возможность победить — достойно умереть.

Почти полгода тянулась борьба в душе Елизаветы — между долгом королевы и голосом человека, женщины.

Наконец наступила развязка.

1 февраля 1587 года второму государственному секретарю Девисону было поручено отнести на подпись королеве смертный приговор Марии Стюарт. Елизавета в числе других бумаг подписала и этот документ.

7 февраля 1587 года Марии доложили о прибытии лордов Шрусбери и Кента. Она, в окружении верных слуг, приняла посольство. Лорды объявили, что Елизавета, вняв требованиям своих подданных, повелела привести приговор в исполнение. Мария восприняла это спокойно, не проронив ни слова. У нее было лишь две просьбы: чтобы ее исповедовал духовник ее веры и чтобы казнь не пришлось на следующее утро. Ей хотелось обдумать свои последние распоряжения. Обе просьбы были отклонены. В ее распоряжении оставалась одна ночь, и она готовилась к казни, как к торжественной церемонии. Стефан Цвейг дал яркое, полное трагической безысходности описание последних часов жизни шотландской королевы. Мария, собрав вокруг себя слуг, попросила у них прощения за все обиды, которые она могла им причинить, раздала им кольца, золотые украшения, драгоценные камни, кружева. Она написала последние письма и затем выбрала великолепный праздничный наряд: темно-коричневое платье из бархата, отделанное куньим мехом, с тяжелым длинным шлейфом и белые сафьяновые башмачки. Предусмотрев то, что ей придется на глазах у чужих мужчин сбросить верхний наряд, Мария одела исподнее платье пунцового шелка и длинные, выше локтя, огненно-го цвета перчатки, чтобы кровь, брызнувшая из-под топора, не так резко выделялась на ее одеянии.

Утром вошел шериф и повел Марию на казнь. Это было ее последнее шествие. На шее у Марии висел золотой крест, на поясе — связка четок, в руке она держала распятие слоновой кости — пусть видит весь мир, что она умирает католичкой. В зале казни уже все было готово — помост, покрытый черным холстом, черная колода и перед ней скамеечка с черной подушечкой, на нее королева преклонила колени. Тут же две безликие фигуры, одетые в черный бархат, с черными масками на лицах — это палач и его подручный. Мария с гордо под-

нятой головой поднялась по ступенькам на эшафот. В своей последней молитве она простила врагов, жаждущих ее крови, и попросила бога, чтобы он привел ее к истине. Согласно обычаям средневековья, палачи склонили колени перед Марией Стюарт и попросили у нее прощения за то, что вынуждены предать ее смерти. Мария ответила: «Прощаю вас от всего сердца, ибо в смерти вижу я разрешение всех моих земных мук». Когда прислужницы сняли с нее верхнее платье, перед присутствующими будто вспыхнуло кроваво-красное пламя. Мария положила голову на колоду, палач взмахнул топором...

Когда палач, согласно ритуалу казни, поднял отрубленную голову за волосы, чтобы показать ее, в руке его остался только парик, голова с глухим стуком покатила по деревянному настилу; когда же он поднял ее вторично, все увидели стриженую седую голову пожилой женщины. Марии Стюарт было уже сорок три года.

Сообщение о казни Елизавета встретила взрывом показного негодования и возмущения. Кто осмелился без ее прямого приказа обезглавить шотландскую королеву? Советники обманули ее, и совершилось коварное злодеяние. Весь свой гнев она излила на Дэвисона — он действовал по своей воле и вопреки ее желанию. Против него было возбуждено уголовное дело, и суд приговорил его к уплате штрафа в десять тысяч фунтов и тюремному заключению.

Но легенда о невинности Елизаветы была слишком грубо сострепана, чтобы в нее поверить, хотя она и послала письмо сыну Марии Иакову VI, в котором призывает бога в свидетели, что она «невиновна в этом деле».

Долгое царствование Елизаветы подходило к концу. Англия находилась на вершине своего могущества. Семидесятилетняя Елизавета еще цепко держалась за престол, она не желала его никому уступать, даже смерти. Но неизбежное наступило...

Королем Шотландии и Англии стал сын Марии Стюарт Иаков VI. Теперь, когда обе страны объединились, надо было предать забвению беспощадную борьбу двух королей. И Иаков VI приказал перевезти прах матери из Петерброу в Вестминстерское аббатство в усыпальницу английских королей. И те, которые в бесконечной вражде ни разу не посмотрели друг другу в глаза, как сестры, покоятся здесь в вечном сне.

Авторы книги

- Гусакова Н. А.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ
- Довгяло Г. И.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ
- Казakov М. М.** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Смоленского педагогического института
- Новик В. М.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета
- Прохоров А. А.** — преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ
- Ревяко К. А.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ
- Смирнова Е. Д.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ
- Сушкевич Л. П.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ
- Талашова Н. С.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Ивановского государственного университета
- Тимохович Ю. Н.** — учитель истории СШ № 6 г. Жодино
- Федосик В. А.** — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков БГУ
- Ханкевич О. И.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ
- Шалькевич В. Ф.** — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии и логики БГУ
- Шевченко Г. И.** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков БГУ
- Шофман А. С.** — доктор исторических наук, профессор-консультант Казанского государственного университета

Содержание

Открывшему эту книгу... В. Федосик	5
Женщина-фараон. Г. Довгяло	10
«Прекрасная пришла». Г. Довгяло	21
Первые европейки. О. Ханкевич	47
Медея. О. Ханкевич	64
Сафо Лесбосская. А. Шофман	78
Аспазия и Перикл. А. Шофман	86
Мать Александра Македонского. Ю. Тимохович	94
Роксана — жена Александра. А. Шофман	123
Динамия. Ю. Тимохович	131
Клеопатра. Н. Талшова	151
Август и Юлии. К. Ревяко, Г. Шевченко	166
Украшение родины. В. Федосик	176
Неистовая Мессалина. В. Федосик	194
Мать Нерона. В. Федосик	210
Бовдикка — королева иценов. А. Прохоров	235
Звезда угасающей античности. М. Казаков	252
Императрица Феодора. Л. Сушкевич	264
Евфросинья Полоцкая. В. Шалькевич	284
«Добрый гений» французского Ренессанса. Е. Смирнова	297
Две королевы. Н. Вусакова, В. Новик	309
Авторы книги	335

Научно-художественное издание

ЖЕНЩИНЫ-ЛЕГЕНДЫ

Составитель

Федосик Виктор Анатольевич

Редактор А. А. Подзярей

Художник, художественный редактор А. А. Кулаженко

Технический редактор Я. С. Шляшинская

Корректоры Н. Н. Масаренко, Р. П. Иваненко

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г. Хайфа

Сдано в набор 17.12.92. Подп. в печ. 17.05.93. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага тип. № 2. Гарнитура тип. Таймс. Высокая печать с ПФФ.

Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 18,27. Уч.-изд. л. 18,7. Тираж

90 000 экз. Зак. 6.

Ордена Дружбы народов издательство «Беларусь» Министерства информации Республики Беларусь. Лицензия № ЛВ2. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005. Минск, Красная, 23.

ЖЕНЩИНЫ - ЛЕГЕНДЫ

ЖЕНЩИНЫ -
ЛЕГЕНДЫ

